М. А. ГАРЕЕВ

МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей книге автор освещает события в Афганистане в 1989–1990 гг., в наиболее трудное для республики Афганистан время, когда после вывода советских войск она должна была самостоятельно противостоять вооружённой оппозиции. Автор, командированный в Кабул в качестве главы советской оперативной группы при Президенте Наджибулле, описывает события того времени, общественно-политическую обстановку в стране, противоборствующие силы, военные действия, анализирует причины и следствия проведения военных акций, принятия тех или иных военных и политических решений, их результаты. Описание дается в форме увлекательного рассказа очевидца и непосредственного участника событий. Для научных работников, военных историков, студентов, широкого круга читателей, интересующихся событиями афганской войны.

- Махмут Гареев
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103

- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107

Махмут Гареев
Афганская страда

Предисловие

Когда-то Ф. Энгельс писал об афганцах:

> «Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией»[1].

И все, кто в разное время пытался покорить Афганистан, терпели неудачи, прежде всего из-за непонимания именно этой метко подмеченной особенности афганского народа. Трижды приходили в Афганистан англичане, но каждый раз в результате противодействия свободолюбивого афганского народа казалось бы в покоренной ими стране силы завоевателей подтачивались, иссякали и они вынуждены были покидать ее.

Почти десять лет находились на территории Афганистана советские войска, но и они не смогли навязать его народу угодный для Советского Союза политический режим.

В Афганистане никогда не было абсолютной централизованной власти. Афганские короли сами находились в зависимости от наиболее могущественных пуштунских племен, платили им за охрану государственной границы, но зато брали двойной налог с Других, более слабых племен и национальных меньшинств. Для того, чтобы ладить с влиятельными племенами короли и жен себе брали из их среды. Когда в 1989 г. президент Республики Афганистан Наджибулла рассказывал об этих аспектах афганской истории и при этом сокрушался по поводу того, что к прежним неурядицам Афганистана добавились неутихающие противоречия между халькистами и парчамистами, я ему в шутку советовал взять одну жену — халькистку, другую — парчамистку и тем самым добиться их примирения. Но дело было не только в межпартийных противоречиях, ослабляющих государственные структуры и армию. Народы и племена, населяющие Афганистан, по-прежнему не признавали неограниченную централизованную власть как в центре, так и в провинциях. Они боролись за свою свободу на всех уровнях.

Отсюда раздираемая многообразными острыми противоречиями рыхлость и раздробленность всей системы не только государственного управления и официальной господствующей власти в Кабуле, но и раздробленность оппозиции. Отряды моджахедов состояли из семи-восьми независимых и соперничающих друг с другом группировок,

внутри каждой из них своевольничали местные правители и полевые командиры.

Раздробленность и междоусобная борьба между различными партиями, группировками и кланами не прекратилась и после вывода из Афганистана советских войск и падения режима Наджибуллы. Все это свидетельствует о том, что вряд ли увенчаются успехом попытки любой партии или группировки установить абсолютную власть во всем Афганистане. Рано или поздно противоборствующие силы в этой стране вынуждены будут искать компромиссы, находить приемлемый баланс интересов и политические решения, учитывающие исторические традиции Афганистана и позволяющие рационально сочетать минимально необходимые элементы централизованной власти и относительной самостоятельности народов и племен. Об этой стороне дела не должны бы забывать и внешние силы, все еще пытающиеся направить события в Афганистане в нужном им направлении.

Советские войска из Афганистана были выведены в период, когда правительством Наджибуллы была провозглашена политика национального примирения и велись настойчивые переговоры с оппозицией по созданию коалиционного правительства. Сейчас трудно сказать, в какой мере удалось бы осуществить эту политику на деле, если бы новый российский МИД не отвернулся от правительства Республики Афганистан. Во всяком случае крови было бы пролито меньше, чем это происходит сейчас.

Автор этих записок прибыл в Кабул 7 февраля 1989 г. в качестве главного военного советника президента — Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Республики Афганистан, когда вывод советских войск с территории этой страны уже завершался. Мне с небольшой оперативной группой пришлось работать в Афганистане в 1989–1990 гг., в наиболее трудное время, когда правительственные войска, лишившись поддержки советской 40-й армии, должны были самостоятельно противостоять вооруженной афганской оппозиции.

Об Афганистане немало уже написано. Одной из наиболее удачных и объективно написанных представляется мне книга группы авторов Института военной истории Министерства обороны под руководством полковника Н. И. Пикова[2], хотя она писалась в то время, когда еще не было доступа к многим закрытым документам.

Довольно правдива и интересна, на мой взгляд, и книга бывшего командующего 40-й армией генерал-полковника Б. В. Громова «Ограниченный контингент»[3], в которой, пожалуй,

наиболее квалифицированно проанализирован характер боевых действий 40-й армии в Афганистане. В ней приведены некоторые ранее неизвестные документы высшего политического и военного руководства. Хотя не со всеми суждениями Б. Громова можно согласиться, о чем будет сказано по ходу данного повествования.

По-журналистски живо, публицистически остро, но сугубо под углом зрения перестроенных времен написана книга Д. Гая и В. Снегирева «Вторжение»[4]. Весьма обстоятельную и содержательную книгу написал генерал А. Ляховский[5]. Квалифицированный и достоверный анализ хода боевых действий в Афганистане дается в материалах, подготовленных под руководством генерала армии В. И. Варенникова и генерал-лейтенанта С. А. Богданова[6].

С интересом читаются воспоминания генерал-полковника В. А. Меримского о его работе в Афганистане в составе оперативной группы Министерства обороны[7].

Из зарубежных публикаций заслуживают внимания книги американского публициста Ф. Боноски «Секретная война Вашингтона против Афганистана»[8], Боба Вудворта «Тайные войны ЦРУ»[9], английского публициста Марка Урбана «Война в Афганистане»[10], статьи С. Харрисона «Анатомия афганских переговоров»[11].

С хорошим знанием обстановки в Пакистане и Афганистане написана книга непосредственным очевидцем афганских событий Р. Анваром «Трагедия Афганистана»[12].

Представляет интерес книга «Этот странный кризис: от Кабула до Женевы», подготовленная научным центром перспектив и международной информации в Париже[13], статья А. Шевалериаса «Афганистан: восемь лет войны»[14], в которой основное внимание уделяется анализу характера боевых действий советских войск и моджахедов, и некоторые другие работы.

Наряду с упомянутыми выше, в определенной степени даже тенденциозными и субъективными, но в целом серьезными публикациями, появилось и много поверхностных и легковесных статей и книг, главной особенностью которых является не попытка осмыслить и разобраться в том, что произошло, а стремление все подогнать под определенные заранее политические установки.

Одной из таких была книга Георгия Брудерера «Афганская война»[15], на которую часто ссылаются на Западе. Это очень небольшая, красочно изданная, но очень необъективная книжка. В ней много неточностей и искажений фактов, свидетельствующих не только о предвзятости, но и слабой осведомленности автора об описываемых событиях.

Так, не состоятельной является его версия о миссии генерала В. Папутина[16] для переговоров с Х. Амином и будто бы он был убит охранниками Амина[17]. Неправда, что при вводе советских войск «афганская армия оказывала интервентам упорное сопротивление»[18]. Г. Брудерер пишет о высадке в Кабуле 108-й воздушнодесантной дивизии, о каких-то 357-й и 66-й «моторизированных стрелковых дивизиях», 16-й, 54-й, 346-й мотострелковых дивизиях[19], которых вообще в Советской Армии не было.

Вымыслом является утверждение, что «советский контингент в Афганистане состоял из восьми мотострелковых дивизий», о потерях советских войск, исчислявшихся «десятками тысяч» солдат[20], или что в 1984 г. «из-за угрозы обстрела и нападений» командный пункт 40-й армии был переведен в Термез, о наличии в Ташкенте командования «южного театра военных действий» (главкомат южного направления располагался в Баку) и многие другие приводимые в книге данные и сведения. Нельзя признать серьезными предположения автора о советских стратегических целях по расчленению Афганистана с отторжением и включением в состав СССР северных районов этой страны и т. д[21].

Любого читателя, желающего узнать то, что было в действительности, должна настораживать уже сама небрежность и вольность обращения с фактами и цифровыми данными. И в некоторых других книгах немало подобных нелепостей и ложных утверждений, которые соответствующие авторы и издательства преподносят чуть ли не как истину самой последней инстанции, но они очень далеки от того, что было на самом деле. Раньше эти нелепости можно было как-то еще оправдать ссылками на закрытость и отсутствие достоверных данных. Но и после того, как многое стало известным, никто из авторов и издательств не нашел нужным извиниться за распространение разного рода слухов и лживых сообщений. Правда им, видимо, нужна, как воробью вещевой мешок.

Несмотря на обилие всякой литературы об афганской войне и разное освещение событий, пока ничего не написано о сложнейшем периоде, когда Республика Афганистан продолжала бороться с вооруженной оппозицией после вывода советских войск из этой страны.

В некоторых книгах, посвященных Афганистану, об этом периоде даже не упоминается, как будто его и не было. Особенно избегают касаться этой темы некоторые работавшие в Афганистане политические деятели и военачальники. И их можно по-своему понять. С таким трудом противостояли вооруженной оппозиции совместно действовавшие советские и афганские

правительственные войска и вдруг с не меньшим успехом стала держаться афганская армия, оставшаяся наедине с вооруженными силами оппозиции. Неловкость, возникающая у некоторых начальников в связи с этим, нередко переходила в раздражение и, видимо, поэтому генералов и офицеров, работавших в Афганистане после вывода 40-й армии, до сих пор не причисляют даже к лику «афганцев». Но такое уже бывало и раньше.

После гражданской войны 1918–1921 гг. в особый разряд военных людей были зачислены командиры и бойцы 1-й конной армии. Они заняли все ведущие должности в Красной Армии, но многие из них не показали себя должным образом во время Великой Отечественной войны. После этой войны, в так называемые застойные годы, настоящими вояками считались те, кто воевал на Малой Земле. Не случайно и появление полных сарказма афоризмов: «Великая Отечественная война — эпизод в битве за Малую Землю», «Воевал ли ты на Малой Земле или отсиживался в окопах Сталинграда?»

За 10 лет через Афганистан прошли десятки тысяч офицеров, служивших в 40-й армии, бывших советниками в афганской армии, но «настоящими афганцами» считаются только те, кто служил при определенном начальстве. В Москве, например, немало проводится встреч и других мероприятий с участниками афганской войны, но приглашаются на них, в основном, лишь «афганские конники и малоземельцы». Никто уже не вспоминает командующих 40 армии Ю. В. Тухаринова, В. П. Дубинина, И. Н. Родионова, В. Ф. Ермакова, Л. Е. Генералова, главных военных советников генералов Л. Горелова, С. Магомедова, А. Майорова, Г. Салманова, М. Сорокина, Б. Ткача, М. Соцкова, В. Вострова, Н. Грачева, Б. Шеина, Б. Перфильева и других. Некоторые приглашения были сделаны лишь с 5-летием вывода советских войск из Афганистана. Забыты даже советники при афганских батальонах и полках, участь которых была значительно тяжелей, чем многих офицеров боевых подразделений советских войск, не говоря уже о тех, кто работал в афганской армии после вывода наших войск. Все это не только не справедливо, но и сужает историю афганской войны, придает ей однобокий характер. К тому же в условиях раздробленности российского общества единство ветеранов всех войн (где бы они не выполняли свой долг — в Великой Отечественной войне, Китае, Корее, Вьетнаме, Анголе, Афганистане, во многих горячих точках) приобретает особенно большое значение.

С учетом изложенного, цель представляемой вниманию читателя книги состоит в том, чтобы в меру возможности рассказать о важнейших политических событиях и военных

действиях, происходивших в Афганистане, в период, когда советские войска покинули эту многострадальную страну. Есть надобность и в том, чтобы по некоторым вопросам вернуться и к более ранним событиям, поскольку они иногда извращаются в угоду новым политическим веяниям и установкам.

Д. Гай и В. Снегирев в книге «Вторжение» справедливо пишут: «Афганский клубок вобрал в себя и причудливо запутал множество нитей, в каждой из них своя частичка правды»[22]. И в самом деле для объективного освещения истории любой войны нужен широкий взгляд разных людей, участвовавших в ней. Учитывая принципиальное значение такого подхода к историческим событиям, представляется необходимым особо сказать об этом в самом начале книги.

Дело в том, что как и в книгах о второй мировой войне, в подходе к истории афганской войны порою удивляет безапелляционность, легкость суждений некоторых историков, писателей, публицистов о сложнейших, неоднозначных событиях, которые имеют и такие аспекты, которые могут быть неведомы этим людям.

Если, например, один из свидетельствующих в книге «Вторжение» говорит, что перед вводом войск в Афганистан «объявили готовность номер один»[23], а авторы без всяких оговорок воспроизводят такие высказывания, если берутся на веру суждения и доклады «вверх» лишь определенных, угодных авторам людей, которые любили позаигрывать с представителями прессы, больше всех шумели о своих заслугах, придумывая о себе различного рода легенды, и вместе с тем не берутся во внимание другие, более обстоятельные и острые доклады по афганской проблеме, если гневно осуждаются ошибки, допущенные при вводе войск в Афганистан и умалчивается о не менее тяжких просчетах, совершенных после 1991 г., то при такой однобокой интерпретации событий у более или менее осведомленного читателя возникает сомнение: действительно ли речь идет о попытках приблизиться к исторической правде или мы имеем дело с неоклассовым подходом с противоположными знаками.

В ряде книг и статей о войне коробит стремление некоторых, не так уж много и не лучше всех воевавших людей, выдать себя чуть ли не за самых уникальных фронтовиков, а также озлобленность и агрессивность по отношению к тем, кто, может быть, видел на войне и что-то другое и имеет иное мнение по тому или иному вопросу.

Писатель В. П. Астафьев когда-то правильно говорил, что с его точки зрения (рядового связиста артиллерийской бригады) не так уж много было видно, что правда о войне складывается из

огромного потока книг, посвященных этой теме. (Правда, в последнее время Виктор Петрович стал более категоричен в своих суждениях по самым разным проблемам истории войны). Белорусская писательница С. Алексеевич, не лукавя, как некоторые писатели и журналисты, с подкупающей откровенностью пишет: «Мне говорят: надо всю войну охватить и положительное и отрицательное в ней. Но почему? А у меня другое зрение. Я так вижу. Вообще России и русской мысли тенденциозность была присуща испокон веков»[24]. Ради бога, оставайтесь при своем видении. Это даже хорошо. Но самый крупный руководитель, обладавший всей полнотой информации, не может непосредственно видеть того, что видит солдат или писатель, журналист, особенно если он такой наблюдательный, как К. Симонов. Вместе с тем не каждый писатель и журналист может в полной мере и с должной компетентностью оценить те или иные решения, действия и события. Для правдивой истории необходимы разные углы зрения, широкий взгляд с различным уровнем амбразур и высот. Но никто не должен считать этот угол зрения единственно возможным и правильным. Выражаясь словами академика И. П. Павлова, главное в том, чтобы мы не были глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны самой действительности.

Исходя из этих соображений, и автору этой книги, опираясь на ряд не опубликованных оперативных документов и личные наблюдения, хотелось бы высказать свое видение событий в Афганистане в один из сложнейших и переломных периодов ее истории.

Выражаю сердечную признательность за содействие и финансовую помощь в издании книги Президенту Международного фонда Российско-Эллинского духовного единства академику Трапезникову Евгению Георгиевичу, Президенту Российского Совета ветеранов Афганистана Клинцевичу Францу Адамовичу, руководству ОНЭКСИМ банка Потанину Владимиру Олеговичу и Батчикову Сергею Анатольевичу.

Глава I
Апрельская революция и война в Афганистане

Обстановка в Афганистане и события, происходившие в этой стране после Апрельской революции 1978 г., подробно освещены в официальных документах, упомянутых выше и других книгах и многочисленных статьях. Казалось бы добавлять ко всему этому нечего. Но оценки этих событий и выводы делаются самые различные. Без объективного освещения и уяснения их невозможно правильно понять положение, сложившееся в период после вывода советских войск из Афганистана, о котором главным образом и пойдет речь в этой книге. Поэтому хотелось бы высказать свое мнение по вопросам, вызывающим наиболее острые споры, а иногда и диаметрально противоположные взгляды.

Прежде всего это вопрос о характере Апрельской революции и возможных перспективах реализации ее идей в условиях Афганистана.

Второй вопрос — о правомерности и целесообразности ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и как оценивать результаты ее действий в этой стране: одержали ли они победу или потерпели поражение, как иногда пишут и говорят.

Третий вопрос — об обстановке в Афганистане после вывода советских войск, как выполнялись сторонами Женевские соглашения, почему не оправдались многочисленные прогнозы о том, что после ухода советских войск Республика Афганистан немедленно рухнет.

В связи с предстоящими рассуждениями по этим вопросам считаю необходимым также заметить, что мои детство и юность прошли в Башкирии, в Узбекистане и Таджикистане. Я учился и окончил 7 классов в узбекской школе. Начинал службу (воспитанником) в кавалерийском полку, который вел боевые действия с басмачами. Окончил Ташкентское пехотное училище. Поэтому с особенностями и национальными обычаями народов этого региона был знаком. В послевоенные годы неоднократно бывал в Туркестанском военном округе по делам службы и на учениях. В 80-е годы в роли заместителя начальника Главного оперативного управления, а затем заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР приходилось несколько раз выезжать в советские войска, действующие в

Афганистане.

Первый раз это было осенью 1980 года, когда мы приезжали в Афганистан вместе с генералом армии В. И. Варенниковым. В 1981 г. привелось около 10 дней работать в войсках 40-й армии и некоторых соединениях афганской армии, когда оперативную группу Министерства обороны СССР в Афганистане возглавляли Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и генерал армии С. Ф. Ахромеев. Эту поездку мы совершали вместе с адмиралом А. И. Сорокиным — первым Заместителем начальника Главного политического управления. Мне довелось также быть в Афганистане в 1985 и 1987 гг.

Опыт этих поездок позволяет мне в какой-то мере судить об обстановке в Афганистане и до 1989 г. не только по оперативным документам в процессе работы в Генштабе и публикациями в печати, но и по личным наблюдениям в Афганистане, результатам встреч и бесед со многими участниками событий.

В 1989–1990 гг., будучи советником президента — Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Республики Афганистан, мне пришлось быть в гуще афганских событий и принимать в них непосредственное участие. Итак, еще один взгляд, еще одно видение афганских событий одного из их свидетелей.

1. Апрельская революция 1978 г. Ее шансы и последствия

Говоря об Апрельской революции 1978 г. некоторые историки, политологи и журналисты прежде всего ставят вопрос: была ли эта революция нужной и оправданной. В связи с этим припоминается восклицание одного из персонажей кинофильма «Бумбараш»: «Яшка гранату бросил — революцию сделал!» К сожалению, подобный примитивный взгляд на революцию имеет место не только в фильмах. И в нашей жизни бытует наивный взгляд будто бы захотели какие-то злоумышленники, взяли и устроили революцию. Категорическое непринятие революций бытовало не только среди части людей с дилетантскими представлениями о социально-политических вопросах. Этим грешили и некоторые известные философы. В исторической науке до сих пор нет единого мнения о значении революционного и эволюционного, реформистского путей развития общества и, видимо, никогда не будет, поскольку даже через несколько сотен лет неоднозначно оценивается роль английской революции (XVII в.) и Великой французской революции. Существующие полярные оценки отражают лишь одну из сторон движущихся сил

общественного развития.

С одной стороны исторически не всегда был оправданным безальтернативный подход, подчеркивающий неизбежность революционного, насильственного подхода к решению назревших социальных проблем. С другой стороны — жизнь не подтвердила правомерность взглядов последователей А. Токвиля, И. Тэна и других философов, видевших только разрушительную сторону революций и полностью отрицающих их позитивную роль в развитии общества. Исторический опыт показывает, что революции не могут совершаться, если для этого нет объективных условий и глубоких общественных потребностей. Люди всегда мечтали о более справедливом устройстве жизни. И человеческое общество с точки зрения воплощения идей свободы, справедливости, благосостояния большинства людей (при всех еще нерешенных социальных задачах) сегодня уже далеко не то, каким было при рабовладельческом, феодальном или раннем капиталистическом строе. И все это происходило не само по себе, а в результате упорной борьбы народных масс за свои права, за лучшее будущее. Понятно, что эволюционный, реформистский путь более предпочтителен. И после февраля 1917 г. В. И. Ленин не исключал для России такой возможности. Но порою объективные процессы, новые потребности развития общества, обострение противоречий внутри него накапливают такой заряд «критической массы» (как это было во Франции в 1789 г. или в России в 1917 г.), что эволюционный путь прерывается и происходит социальный взрыв, который обычно ускоряет ход истории, создавая условия не только для разрушительных, но и для многих созидательных, прогрессивных преобразований.

Но нейтрализация негативных и реализация позитивных сторон во многом зависит от участников революционного процесса. История знает разрушительные последствия революций, но известно и немало примеров, когда длительная консервация потребностей общества и чрезмерное замедление его развития оказывались пагубными для прогресса и приводили в конечном счете к более тяжелым жертвам и разрушительным последствиям.

Как писал польский философ Лешек Колаковский: «Мы должны всегда помнить две истины: во-первых, если бы новые поколения вновь и вновь не восставали бы против унаследованных традиций, то мы бы и поныне жили в пещерах; во-вторых, если бы все свелось только к этим мятежам, то мы снова оказались бы вскоре в пещерах»[25].

В свете этих выработанных историей закономерностей эволюционных и революционных процессов следует

рассматривать и Апрельскую революцию 1978 г., в Афганистане.

Афганистан к концу 70-х годов оставался одной из самых отсталых стран мира. Жизнь его 16 миллионного многонационального народа раздиралась многочисленными очень сложными и запутанными политическими, социальными и экономическими противоречиями.

По данным ООН Афганистан находился на 108 месте среди 129 развивающихся стран по доходу на душу населения. Крестьяне, составлявшие 80 процентов населения, в большинстве своем не имели своей земли и находились в долговой кабале у помещиков и сельских ростовщиков. Урожайность основных сельскохозяйственных культур была одной их наиболее низких в мире. Страна постоянно испытывала нужду в продовольствии.

Крайне слабо была развита промышленность (всего около 300 промышленных предприятий с общей численностью фабрично-заводских рабочих 44 тыс. человек), занятых главным образом первичной обработкой сельскохозяйственного сырья. Кроме того, имелось 67 тыс. строительных рабочих. Даже при таком ограниченном количестве рабочих существовала хроническая безработица. Национальная промышленность обеспечивала потребности страны всего на 20 процентов[26]. В городе и деревне царила страшная нищета.

Коррупция, хищения и другие злоупотребления государственных чиновников в центре и на местах, отсутствие элементарных социально-экономических и политических прав вызывало большое недовольство населения. Все это усугублялось племенными, национальными и религиозными притеснениями. 90 процентов населения было неграмотным. Значительная часть афганцев не была вовлечена в политическую жизнь. Многие люди не знали даже имени короля, который ими правил. Для них авторитетом были местные муллы и старейшины. Как заметил один из исследователей Афганистана, жизнь в Афганистане «… носила архаичный, привычный, недвижимый характер. Ход времени затормозился почти до полной остановки. Норма существования определялась поговоркой: верблюд не выдержит лошадиной скорости, поэтому мы идем своей дорогой, по пути, начертанному Аллахом»[27].

Всякому непредубежденному человеку ясно, что афганское общество не могло и дальше оставаться в таком удручающем состоянии. Назревшие социально-политические, экономические и национальные проблемы надо было решать. Ни король, представлявший феодально-монархическую власть, ни М. Дауд, свергнувший королевскую власть и установивший республиканский строй, каких-либо радикальных реформ для

разрешения назревших нужд народа не предпринимали. При сложившейся в стране социальной структуре власти они и не могли практически осуществить какие-либо коренные преобразования, ибо это встречало ожесточенное сопротивление реакционных сил, незаинтересованных в каких-либо преобразованиях.

В этих условиях для проведения реформ сверху нужна сильная государственная власть, а ее в Афганистане никогда не было. Попытки установить сильную централизованную власть встречали сопротивление не только у племенных вождей и других местных правителей, но и в массе народа. Все большее ухудшение материального благосостояния народных масс и неспособность правящих кругов устранить причины острейших социальных противоречий, обострение борьбы между различными общественно-политическими группировками породили неразрешимый кризис власти.

Но когда «верхи» уже не могут править по-старому, а «низы» не могут выносить дальше произвол, нищету и бесправие, — назревает революционная ситуация, предотвратить которую в Афганистане вряд ли было можно. Недовольство народа начинало выливаться наружу, в различных районах страны возникали волнения и вооруженные восстания. Обострение политической борьбы в обществе привело к все более широкому втягиванию в эти процессы афганской армии.

В литературе, посвященной Афганистану, иногда изображают дело таким образом, что военно-политическая обстановка в этой стране дестабилизировалась лишь после прихода на ее территорию советских войск. Такая версия очень далека от истины. В Афганистане всегда были крупные оппозиционные силы, выступавшие против королевской власти. Во второй половине 60-х годов наибольшую активность приобрело движение исламских фундаменталистов, которое выступало против модернизации ислама и светского характера общества и государства. Объединившись в 1968 г. в союз «мусульманская молодежь» они организовали ряд массовых акций протеста и вооруженных выступлений с целью свержения королевского режима.

Не успокоились они и после свержения короля Захир Шаха и прихода к власти М. Дауда. Одно из крупных выступлений оппозиции против новых республиканских властей было предпринято в 1975 г., когда начались повстанческие действия в долине Панджшер и в ряде других районов страны. После поражения этого выступления лидеры союза «мусульманская молодежь» бежали в Пакистан и там продолжали готовиться к

новым антиправительственным выступлениям. Правительство Пакистана не только не пресекало их враждебную деятельность, а всячески помогало афганским фундаменталистам, создавая на своей территории широкую сеть баз и центров подготовки вооруженных отрядов оппозиции. Руководили их обучением и деятельностью пакистанские спецслужбы.

В 1976 г. на территории Пакистана на базе «союза мусульманской молодежи» и других противников афганского правительства были созданы новые партии: «Исламское общество Афганистана», «Исламская партия Афганистана», составившие в последующем главную силу афганской вооруженной оппозиции.

Своеобразные условия обстановки в Афганистане к 1978 г. сложились таким образом, что в национально-освободительном движении в стране наиболее активной политической силой, имеющей наибольшее влияние в армии, оказалась народно-демократическая партия Афганистана. К тому же стремление М. Дауда расправиться с этой наиболее опасной частью оппозиции и начавшиеся аресты руководителей НДПА дали толчок и ускорили революционное выступление этой партии и в апреле 1978 г. ей удалось свергнуть правительство М. Дауда и прийти к власти. Так совершилась Апрельская революция.

По своему характеру и методам осуществления по существу это была не народная революция, а военный переворот, так как он был осуществлен в основном армейскими частями, расположенными в Кабуле, под руководством революционно настроенных офицеров. Какие-либо широкие общественно-политические силы и тем более народные массы в этой акции не участвовали.

Это был военный переворот, который в результате коренных качественных преобразований в обществе мог перерасти в социальную революцию. Но по ряду объективных и субъективных причин такая революция, которую бы принял народ и которая бы затронула глубинные процессы народной жизни и весь уклад социально-политической и экономической структуры общества, такая революция в Афганистане так и не состоялась. Кстати, профессор К. М. Цаголов в оценке этой революции был прав. И трудно понять, почему так резко ополчились против него за это главпуровцы.

В 1978 г. ЦК НДПА обнародовал свою программу «Основные направления революционных задач». Она предусматривала кардинальные политические и социально-экономические преобразования по ликвидации феодальных и дофеодальных отношений; утверждение в стране революционно-демократического режима; ограничение крупного помещичьего

землевладения путем изъятия излишков земли у помещиков в пользу государства без компенсации и бесплатное наделение землей безземельных и малоземельных крестьян. Провозглашались демократизация общественной жизни, отмена сословных привилегий, ликвидация всех видов угнетения и эксплуатации.

Несмотря на то, что не все революционные цели открыто декларировались, это была по существу программа установления диктатуры не существовавшего в стране пролетариата и социалистических преобразований. Но если, как говорил Г. В. Плеханов, Россия к 1917 году еще не смолола муки, из которой можно было испечь хлеб социализма, то тем более в Афганистане для социалистических преобразований не было не только смолотой муки, но не были еще вложены в афганскую почву необходимые для этого зерна. Такая максималистская программа с самого начала была авантюристичной и поэтому обречена на провал. Тем более, что многие преобразования пытались осуществить без всякого учета специфических условий Афганистана, особенно влияния ислама и религиозности народа. Поэтому основная часть населения с самого начала не поддержала идеи Апрельской революции. Легкая победа над правительством М. Дауда вскружила голову лидерам Апрельской революции и среди них возобладали левацкие, экстремистские тенденции.

Нежизненность программы революционных преобразований, попытки навязать их насильственными методами, острые разногласия и непримиримая борьба между группировками «Хальк» и «Парчам» внутри НДПА, массовые репрессии против духовенства и широких слоев населения только дискредитировали в глазах народа революционные идеи.

Военный путч мог перерасти в социальную революцию и изменить к лучшему жизнь афганского общества лишь в том случае, если бы реформы и нужные социально-политические, экономические и идеологические преобразования осуществлялись не только сверху, но и главным образом снизу, по мере того, как само население созревало для этого и начинало их поддерживать.

С точки зрения организации политической власти нужна была коалиция реформистских партий различного направления, которая бы отражала интересы основных слоев общества и обеспечивала поэтапное социальное развитие, при котором революционные лозунги не слишком бы опережали существующие реальности, а разрыв между словом и делом был бы не слишком большим. Требовалось учитывать и исторические традиции страны и вместо копирования Советской власти более

широко использовать на всех уровнях джирговые[28] традиции, постепенно наполнив их новым содержанием.

Вместо всего этого Амин и некоторые другие руководители НДПА пытались в полуфеодальной стране ускоренно насаждать леворадикальный социализм самыми свирепыми казарменно-приказными методами.

Политические свободы были лишь формально провозглашены. На деле же искусственно разжигалась классовая борьба, в разряд врагов зачислялись все, кто хоть в чем-то был не согласен с курсом новых властей, проводились массовые репрессии с расстрелами жителей целых кишлаков. Господство новых властных структур, особенно в период диктаторского правления Х. Амина, утверждалось тоталитарными крайне жестокими методами, что вызывало протест даже групп населения, которые первоначально поддерживали идеи апрельской революции.

Ничего не было сделано, чтобы решить национальные проблемы. Афганистан населяют свыше 30 народностей, говорящих более чем на 20 языках[29]. Большинство населения — пуштуны, занимавшие всегда господствующее положение. Национальные меньшинства (таджики, узбеки, хазарейцы, чарайнаки, туркмены, нуристанцы, белуджи и др.) всячески притеснялись и находились в неравноправном положении. Можно было привлечь их на сторону революции, предоставив этим народам определенную национальную автономию, но в новых властных структурах продолжали господствовать пуштуны, которые и после революции не хотели расставаться со своим особым положением в государстве.

В экономической жизни важнейшее значение имела земельная реформа. Но ее тоже надо было подготовить снизу, добившись определенной поддержки духовенства (хотя бы в низовом звене) и самих крестьян. Земельная реформа свелась к тому, что землю начали отбирать у одних и отдавать другим. При этом не учитывалось, что ислам запрещает отнимать то, что Аллах дал во владение другому и многие бедные крестьяне отказывались брать передаваемые им земельные участки. Никакой охраны и государственной гарантии обеспечения принадлежности новой собственности не было организовано. Взявших землю крестьян местные богатей убивали, всячески противодействовали обработке земли. Они же держали в своих руках источники водоснабжения, лишая воды новых собственников земли.

Не были учтены и многие другие обстоятельства, составляющие традиционно сложившиеся особенности

Афганистана. Например, в этой стране никогда не было рабочего класса в его европейском понимании. Как отмечают некоторые знающие Афганистан исследователи, «средний» афганец всегда был одновременно немного крестьянин, немного торговец, немного ремесленник. Различия между городом и деревней всегда были условны. Низкая производительность труда в промышленности и в строительстве, низкая зарплата приводили к тому, что большинство рабочих были не в состоянии содержать при себе семью и оставляли ее в кишлаках, постоянно сохраняя связи с сельской местностью, что препятствовало выработке пролетарской идеологии у рабочих.

Пуштунские кочевые племена никогда не признавали государственных и иных административных границ. Территории, по которым они перемещались, им казались такими же естественными, как принадлежащие всем солнце, луна и небо. Поэтому попытки жестко перекрыть границы с Пакистаном и Ираном обострили отношения кабульских властей и с кочевыми племенами. Попытки ограничить Ислам и насадить атеизм встречали враждебное отношение всего населения.

Таким образом, Апрельская революция с самого начала не имела какой-либо серьезной социальной базы и новые власти пытались ее компенсировать насильственными действиями во всех сферах общественной жизни.

В 1981 г. во время одной из поездок в Афганистан мне пришлось посетить один из глубинных уголков страны, населенных в основном узбеками. В районе Акча (западнее Мазари-Шариф) в течение почти суток я знакомился с жизнью нескольких кишлаков, беседуя с местными жителями на узбекском языке. На вопрос, что же изменилось в жизни кишлака после Апрельской революции местный учитель отвечал: «Крестьян, которые вначале брали предоставляемую им землю, убили или выгнали из кишлака. Тех, кто поддерживает новые власти, лишают поливной воды. Раньше при любой власти (и при короле Дауде) при всех бедствиях все же из города доставляли керосин, спички, соль. Сейчас, если моджахеды не привезут всего этого из Пакистана или Ирана, никто нам из Кабула ничего не привезет. Даже учебники в школы, карандаши и тетради привозят из Пакистана».

Новые органы власти существовали в основном в провинциальных и некоторых уездных центрах. Они отсиживались в изолированных, охраняемых (чаще всего советскими солдатами) зданиях в центре населенных пунктов и фактически не общались с местным населением и существенного влияния на его жизнь не оказывали. Даже в освобожденных от

душманов населенных пунктах представители НДПА и государственных органов появлялись лишь на короткое время и, как правило, сразу после ухода советских войск покидали их. Многочисленные советские советники, работавшие в партийных и государственных органах Афганистана тоже не могли серьезно влиять на положение дел. Во-первых, их так называемые «подсоветные» ни под каким нажимом не хотели или боялись идти в народ и, во-вторых, ввиду своей некомпетентности были не способны эффективно решать сложнейшие задачи преобразования и созидания нового афганского общества.

В книгах Д. Гая и В. Снегирева «Вторжение», Б. Громова «Ограниченный контингент» партийные и другие советники в госорганах изображаются в крайне негативном, а иногда и пренебрежительном духе. И в других публикациях о них пишут как о бездельниках и трусливых людях. Это, на мой взгляд, не совсем справедливо: и среди советников были разные люди, в том числе и активно работавшие. Не столько вина, а правильнее сказать беда наших гражданских советников в Афганистане, особенно партийных, состояла в том, что они были типичным порождением нашей кадровой системы, воспитывавшей безропотных исполнителей, способных лишь безоговорочно одобрять и проводить в жизнь заданную им партийную линию. В последние годы, когда экономика все больше хромала, а политическая система оказывалась неэффективной, они в своей-то стране не знали что делать. Что же они могли подсказать афганским деятелям, которым надо было решать сложнейшие социально-политические и экономические проблемы в совершенно своеобразной обстановке. Поэтому такими жалкими и выглядят сегодня некоторые наши бывшие партийные идеологи, что они и в переломный период для России показали, что у них никогда не было и нет за душой ничего своего. Вчера они были пламенными коммунистами, а теперь стали еще более ортодоксальными «демократами».

В 1980–1981 гг. мне довелось ближе познакомиться и с обликом афганской правительственной армии. В 80–100 км западнее Мазари-Шариф силами одной пехотной дивизии проводилась так называемая «операция по очистке» нескольких кишлаков с целью поиска оружия и скрывавшихся моджахедов. После окружения намеченных населенных пунктов части афганской дивизии начали их прочесывание, осматривая каждый дом и другие помещения. Советские подразделения составляли внешнее кольцо окружения, имея задачу прикрыть афганские части от возможного подхода оппозиционных вооруженных отрядов и не допустить их прорыва из окруженных населенных

пунктов. В результате этой «операции» было найдено несколько единиц стрелкового оружия и задержано несколько десятков подозреваемых мужчин. После «чистки» афганские солдаты собирались в заранее назначенных сборных пунктах и, проходя мимо наших изумленных солдат, тащили в мешках и наволочках награбленное имущество местных жителей. Причем все это не только не пресекалось афганскими командирами и политработниками, но даже негласно поощрялось. Ничему, кроме разложения личного состава это не могло приводить. Афганские войска участвовали, конечно, и в серьезных боевых действиях, как самостоятельно, так и совместно с советскими войсками, но личный состав афганской армии, как и народ в целом, был далек от восприятия и тем более воодушевления идеями Апрельской революции и крайне инертно выполнял свои задачи.

Далеко не все офицеры и солдаты бывшей правительственной армии поддерживали новые власти, часть высшего и среднего офицерского состава погибла или бежала за границу. Вместо них на командные и штабные Должности пришли молодые офицеры, не имеющие достаточных знаний и военного опыта. Бесконечные перестановки офицеров и репрессии после каждой смены власти привели к прогрессирующему развалу армии. В большинстве случаев нарастало скрытое и открытое сопротивление.

В октябре 1978 г. вспыхнули вооруженные выступления в Нуристине, в марте 1979 г. начались мятежи в Герате, в апреле-мае — в Урузгане, Баглане, Фарахе, Гуре, Бадгисе, Логаре и в ряде других районов страны.

На протяжении 10 лет войны границы Афганистана с Пакистаном и Ираном оставались по существу открытыми, что позволило без особых затруднений проникать на территории Афганистана вооруженным формированиям оппозиции и осуществлять их снабжение и пополнение. Без поддержки населения и не имея лояльной к властям боеспособной армии новое афганское руководство было не в состоянии противостоять нажиму оппозиционных сил.

Позднее, став Генеральным секретарем НДПА и президентом Республики Афганистан, Наджибулла был вынужден признать: «Апрельская революция в нашей стране была закономерным явлением, вызванным объективной необходимостью. Прежние режимы не были в состоянии решить экономические, политические и социальные проблемы, стоявшие перед страной. Но ошибки и разногласия в партии, переоценка руководством НДПА способности широких слоев общества полностью принять новый образ жизни привели к отрыву революционного авангарда от народных масс». А каким был сам

«авангард» и можно ли вообще отрываться от того, за что никогда не держался, вкратце уже говорилось.

Объективности ради следует признать также, что и при выдвижении более жизненной программы намеченные преобразования трудно было осуществить в условиях, когда страна находилась в состоянии войны. Возможно, при наличии более благоприятных, мирных условий и прихода к власти в ДРА более реалистичных правителей постепенно многое можно было изменить, как в 1921 г. кронштадтское восстание и сама жизнь вынудили В. И. Ленина и большевиков искать другие пути и отказаться от продразверстки и перейти к продналогу и в целом к новой экономической политике. Но в Афганистане внутренняя оппозиция и внешние силы делали все для того, чтобы сорвать намеченные преобразования и дезорганизовать социально-политическую и экономическую жизнь страны.

В 1986–1987 гг. руководством Республики Афганистан были предприняты попытки несколько умерить курс революционных преобразований и выдвинуть более реальную, отвечающую условиям Афганистана программу. Но было уже поздно: ибо к этому времени революционные идеи были дискредитированы и большинство народа ничему этому уже не верило.

В таких условиях оторванную от реальных афганских условий и навязываемую силой «революцию» большинство народа поддержать не могло. И защищать ее было некому. Поэтому и потребовались советские войска. Но как говорил еще Талейран, штыками можно многое сделать, но сидеть все время на штыках невозможно. И тем более на чужих штыках.

Непонимание этого советскими и афганскими руководителями привело к тому, что и правительственным и советским войскам пришлось воевать по существу именно против народа, которому хотели всячески помочь. Все это было главной причиной того, почему идеи Апрельской революции, несмотря на их формальную привлекательность, осуществить на практике не удалось. А горя, лишений и крови было испито слишком много.

Сыграло, конечно, свою роль и внешнее вмешательство, но эти внешние силы имели определенный успех только благодаря умелому использованию народного протеста против новых властей.

Таким образом, революционный взрыв в Афганистане назревал давно, его порождали нерешенные социально-политические и экономические потребности обновления страны, которая не только по формальному мусульманскому летоисчислению, но и по своей огромной отсталости, придя в XX в. оставалась на уровне средних веков.

Но афганские жизненные потребности требовали совсем другой революции. В развитии не только природы, но и общества есть свои естественные процессы, определенные стадии и этапы, которые по произволу перешагнуть нельзя. Как бы это революция не называлась, но самыми срочными в условиях Афганистана были и остаются:

Земельная реформа, осуществляемая в интересах крестьян и самими крестьянами не только путем политической, но и экономической поддержки государства. Стимулирование развития промышленности, транспорта и рыночной экономики страны с тем, чтобы вырвать страну из отсталости, нищеты и поднять жизненный уровень населения. Обеспечение элементарных политических свобод, развития образования и культуры.

Такие преобразования, если бы они были тщательно подготовлены и проводились с опорой на народные массы, а не вопреки им, имели бы шансы на успех.

Справедливости ради надо сказать, что, несмотря на многие ошибки, преступления и бедствия, в Республике Афганистан были не только провозглашены, но осуществлены и некоторые прогрессивные акты с точки зрения культивирования светского образа жизни, развития образования, культуры, эмансипации женщин и приобщения их к общественной жизни и некоторые другие. Большое количество молодых людей прошли обучение в Советском Союзе. И в Афганистане всегда найдутся люди, которые все это позитивное будут не только добром вспоминать, но и защищать. Реакционеры, стремящиеся вернуть афганское общество в средневековье, также обречены на провал.

Все пережитое дает основание полагать, что будущее в Афганистане за теми общественно-политическими силами, которые рано или поздно возьмутся по-настоящему решать назревшие социальные и экономические нужды мужественного, гордого и многострадального афганского народа.

2. Ввод советских войск в Афганистан

Был ли оправданным ввод советских войск в Афганистан?

На вопрос об оправданности или неоправданности ввода советских войск в Афганистан (как и по поводу других решений и исторических событий) невозможно однозначно ответить, если подходить к нему отвлеченно, с точки зрения так называемых «общечеловеческих» соображений. Кстати, пока речь шла о роспуске Варшавского Договора и развале СССР,

провозглашенные советскими лидерами «перестройки» принципы «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей» поддерживались на Западе. Но сами руководители западных стран предпочитали заботиться о своих национальных интересах. Ибо, если говорить серьезно, то подлинные общечеловеческие интересы и проявляются как совокупность взаимоувязанных национальных интересов различных народов и государств, а не только их определенной части.

Если исходить с точки зрения людей, которые заведомо считают ошибкой и исторически неоправданной и объединение Московской Руси, укрепление Российского государства и его защиту от внешних нашествий (Смердяков у Ф. Достоевского считал, что и в 1812 г. лучше было бы покориться французам), и революцию 1917 г., и защиту Отечества в Великую Отечественную войну (оказывается было бы лучше, если бы Гитлер победил), если считать за благо и развал СССР, а затем и России, то при таком «общечеловеческом» подходе любые действия нашей страны, вся ее история — это сплошные ошибки и преступления. Не является исключением и Афганистан.

При таком подходе и прямолинейном взгляде на историю все ясно и просто и никаких вопросов не возникает. Но это сугубо политизированный, конъюнктурный подход, который не проясняет, а только уводит в сторону от сути дела. В любых событиях можно объективно разобраться лишь при рассмотрении их в конкретных исторических условиях, в которых они происходили.

Тогдашнее руководство Советского Союза не могло исходить из тех политических и идеологических установок, которые возникли позже. Над ним давлели иные обстоятельства и веяния. При всей ущербности этого руководства и решения по Афганистану принимались в рамках обстановки того времени с учетом государственных интересов страны в соответствии с тем, как они тогда понимались. И главное не в том, чтобы оправдать или осудить эти решения и действия. Это самое легкое дело и зависит только от приверженности тем или иным политическим настроениям. Речь в данном случае идет о том, чтобы глубже понять мотивы принятых тогда решений.

Если исходить из таких позиций, то вопрос о вводе советских войск в Афганистан выглядит более сложным и по крайней мере не таким однозначным, как его иногда изображают.

При этом «забывают» или сознательно умалчивают о ряде очень важных обстоятельств, в том числе, связанных с воздействием внешних сил, которые подталкивали советское руководство к действиям определенной направленности. Какими

были реальные условия обстановки в конце 70-х годов и какие факторы предопределили принятие решения на ввод советских войск в Афганистан?

Во-первых, для Советского Союза исключительное большое значение имело обеспечение безопасности на юге страны. При содержании крупных группировок войск на Западе и Востоке для нашей страны было невыгодно, а практически и непосильно постоянно поддерживать примерно такие же оборонные усилия на юге страны. Задача обеспечения военной безопасности на этом направлении решалась значительно надежнее и более экономно при наличии в Иране и Афганистане дружественных, лояльных или хотя бы нейтральных государств, не вовлеченных в военно-политические блоки, направленные против нашей страны. Поэтому, когда в 1978 г. к власти в Афганистане пришли силы, которые собирались создать государство наиболее близкое к СССР в политическом и идеологическом отношениях, с которыми можно было поддерживать более разносторонние союзнические отношения и объединить свои усилия для обеспечения безопасности в Средне-Азиатском и Средне-Восточных регионах, Советский Союз был кровно заинтересован в поддержке этих сил в Афганистане.

Надо не забывать и о том, что шла «холодная война» и происходило жесткое противостояние и конфронтация НАТО и ОВД, СССР и США. Не является секретом и то, что США стремилось окружить нашу страну своими военными базами. Американцы усиленно вооружали противостоящие нам государства. Особое внимание они уделяли южному направлению и в первую очередь укреплению своих позиций в Турции, Иране, Пакистане. После изгнания из Ирана Шаха Пехлеви и вместе с ним американцев, последние первоочередное внимание стали уделять Афганистану. Победа и закрепление в этой стране. просоветского политического режима резко ухудшало положение США в этом регионе. При победе народно-освободительных сил в Пакистане и укреплении позиций Индии, дружественно расположенного к СССР, катастрофически рушились позиции США на Среднем Востоке. Кроме того, хотя Советский Союз и не имел таких намерений, но в госдепартаменте США и Пентагоне могли предполагать, что Советский Союз может попытаться выйти к Персидскому заливу, создавая угрозу очень важным для США нефтяным районам Ближнего Востока.

Исторически США и Великобритания всегда проявляли большой интерес к Афганистану. В американском журнале «Каррент Хистори» говорилось, что «одна из причин заинтересованности Америки в Афганистане — возможное

значение этой страны в будущем в качестве плацдарма для нападения на Россию. Рано или поздно Западные страны предпримут вторжение в Советский Союз».[30]

Тем более возросла настороженность руководства США после вторжения советских войск в Афганистан. «Оккупация Афганистана, — говорил американский президент Дж. Картер, — угрожая одновременно и Ирану, и Пакистану, является для возможного контроля над добычей значительной части мировых запасов нефти. Если СССР добьется успеха в этой интервенции и сохранит свое господство в Афганистане, а затем распространит свой контроль над соседними странами, то тем самым нарушится равновесие в мире, создастся угроза безопасности всех наций».[31]

Были и другие подобные заявления. И о некоторых аспектах американского вмешательства в афганские дела приходится напоминать только потому, что некоторые российские журналисты в последнее время все чаще с ухмылкой говорят как о каких-то выдумках и преувеличениях об американских акциях в Афганистане. Но есть многочисленные факты, которые теперь и сами американцы не отрицают.

Если бы США удалось поставить под свое влияние Афганистан и установить там враждебный для СССР режим, они получили бы возможность создать для Советского Союза весьма серьезную и долгосрочную угрозу. И в самом деле США приняли самые энергичные меры, чтобы задушить в самом зародыше афганскую революцию и не допустить советского проникновения в этот регион.

Президент США Дж. Картер уже 29.12.79 г. отреагировал на ввод советских войск в Афганистан, упрекая советское правительство в том, что оно не проконсультировалось с правительством США по афганским делам. На что с советской стороны резонно было сказано, что и американское правительство не консультировалось прежде, чем начать массивную концентрацию военноморских сил в водах, прилегающих к Ирану и в районе Персидского залива.

Американцы непосредственно и через другие страны оказывали помощь вооружениям, продовольствием и финансовыми средствами оппозиционным силам. Через ООН и структуры НАТО оказывали на СССР и Демократическую Республику Афганистан постоянное политическое, дипломатическое и экономическое давление. Посылали в Пакистан и в учебные лагеря моджахедов своих инструкторов.

Газета «Вашингтон пост»[32] приводила следующие данные о роли ЦРУ США в войне в Афганистане. Директор ЦРУ Уильям Кейси, посетивший Пакистан в октябре 1984 г., поразил своих

пакистанских коллег, предложив им не только активизировать противодействие советским войскам в Афганистане, но и перенести афганскую войну во вражескую территорию — в сам Советский Союз. Именно после этого визита Кейси в Пакистан появилось секретное решение администрации Рейгана, нашедшее отражение в директиве по национальной безопасности № 166, о резком усилении тайных операций США в Афганистане. Эти сведения нашли подтверждение и в книге «Ловушка для медведя» пакистанского генерала Юсафа, руководившего тайной войной в Афганистане с 1983 по 1987 гг.

Начиная с 1985 г., США широко снабжали моджахедов получаемыми с космических спутников разведывательными данными о советских целях на поле боя в Афганистане, перехватами советских сообщений, секретными средствами связи, поставляли взрывчатые устройства замедленного действия, снайперские винтовки для стрельбы на дальние дистанции, прицельные приспособления для артиллерии, связанные со спутником американских ВМС, противотанковые снаряды с проводным наведением и другие средства. Моджахеды получили тяжелые зенитные установки «Эрликон» швейцарского производства и британские ракеты «Блоупайп». В 1985 г. было принято решение о поставке моджахедам американских зенитных ракет «Стингер». Последние поставили советское командование и войска в особенно тяжелое положение. Ибо ввиду блокированности большинства дорог все передвижение старшего и высшего офицерского состава на территории Афганистан осуществлялись на самолетах и вертолетах. В основном по воздуху производилась доставка наиболее срочных грузов войск, находящихся в отрыве от своих войск. Да и большинство боевых задач выполнялось в основном при поддержке авиации и боевых вертолетов. В связи с появлением «Стингеров» советскому командованию пришлось в срочном порядке устраивать на самолетах и вертолетах специальные приспособления, способные уводить от цели зенитные ракеты моджахедов, изменять способы действий авиации и принимать ряд других мер по предотвращению поражения самолетов и вертолетов «Стингерами».

Причем по американским планам предусматривалось, что ЦРУ будет предоставлять финансовые средства, оружие и обеспечит общее наблюдение за поддержкой моджахедов, а повседневное руководство операциями будет осуществляться пакистанским управлением межведомственной разведки. Для оказания помощи афганским моджахедам США привлекали

Саудовскую Аравию, Китай, Египет и другие страны. Причем Саудовская Аравия выполняла в основном роль банкира, а Израиль и Египет наряду с Китаем являлись поставщиками оружия советского производства. Непосредственное распределение оружия среди афганских мятежников осуществлял Пакистан. Позиция Израиля определялась известной установкой: чем больше мусульмане убивают друг друга, тем лучше для Израиля. А Садат после Кэмпдевидского соглашения, приведшего к изоляции Египта в арабском мире, стремился выдать себя «защитником ислама». Причем все эти страны, действуя под эгидой США, стремились поставлять оружие тайно, в основном советского производства с тем, чтобы сформировать мнение будто афганские моджахеды воюют оружием, добытым у правительственных и советских войск.

В подготовке и поставке кадров боевиков для мятежников главную роль играли американские, пакистанские специалисты, саудовские ваххабиты и арабские братья-мусульмане. Позже выявилась, например, связь между помощью афганцам и скандалом, разразившимся в США по делу «Иранконтрас». Секретный счет в одном из швейцарских банков, на который поступила сумма более, чем 10 млн. долларов, вырученная от продажи оружия Ирану, был счетом ЦРУ, на котором помимо этого находилось 500 млн. долларов, предназначенных для афганских моджахедов.[33]

В общей сложности США направили моджахедам оружие и деньги на сумму 8 млрд. долларов. Это была самая крупная программа тайных операций со времен второй мировой войны. Как пакистанские, так и западные источники согласны с тем, что наиболее фундаменталистские партии афганской оппозиции и прежде всего Хекматьяр получали большую часть поставляемого вооружения.[34]

Многого из того, как развивались подспудные события вокруг Афганистана в конце 70-х в начале 80-х годов мы еще не знаем. Немало тайного и неизвестного в деятельности американского ЦРУ. Только российская сторона раскрыла важнейшие секретные документы тех лет. Об американских тайнах мы, видимо, еще не скоро узнаем. Но нас в этой области со временем ждут не менее крупные сенсации, чем те, о которых рассказал в своих воспоминаниях Судоплатов.

Вообще некоторые афганские и советские политические и военные деятели, хорошо знавшие обстановку в Афганистане, довольно уверенно высказывали предположение, что соответствующие западные спецслужбы путем внедрения своих людей и фабрикации дезинформации, которая умело

подбрасывалась и советскому руководству, немало сделали для того, чтобы глубже втянуть СССР в Афганские события. Хотя эта версия пока и не имеет документального подтверждения, но было очень много свидетельствующих об этом фактов. С одной стороны американцы шумели на весь мир, требуя вывода советских войск из Афганистана; с другой стороны — прилагали усилия к тому, чтобы Советский Союз поглубже увяз в этой стране.

Примечательно, что когда новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев через месяц после прихода к власти дал поручение проанализировать состояние афганской проблемы и выразил свою поддержку посреднической миссии ООН, конгресс США принял резолюцию о количественном и качественном увеличении помощи афганской оппозиции. В то же время президент Р. Рейган подписал директиву по национальной безопасности № 166, в которой предписывалось при решении афганской проблемы в интересах США действовать «любыми доступными средствами».[35].

Все их действия довольно последовательно укладывались в общий стратегический замысел, составляющий основу политики США в период «холодной войны» и связанный с политической дискредитацией, экономическим истощением и военным ослаблением Советского Союза.

Советское руководство в 1979 г. не всё из сказанного предвидело и должным образом оценивало, но не могло не отдавать себе отчет в том, что на юге страны происходят события исключительной важности, имеющие огромное значение для безопасности советского государства. Не реагировать на них было невозможно.

Внешне-политические и военно-стратегические интересы СССР требовали определенных действий и решений.

Во-вторых, при принятии решения о вводе советских войск в Афганистан немаловажное значение имели и идеологические соображения. Если США и другие Западные страны ставили своей целью покончить с коммунизмом и прямо заявляли о необходимости сокрушения «империи зла», то Советский Союз и другие социалистические страны не скрывали своего сокровенного желания, чтобы во всем мире восторжествовал социалистический строй. Поэтому считали необходимым поддерживать национально-освободительное движение и тем более такие революции, как апрельская в Афганистане, где провозглашались цели строительства социализма. СССР официально хотя и не признавал экспорта революции, вместе с тем считал необходимым не допускать и экспорта контрреволюции и тем более в соседних странах. Если бы,

скажем, советское руководство не пришло на помощь Апрельской революции в Афганистане, и тем более, если бы эта революция была сразу подавлена, то бездействие Советского Союза было бы непонято, а то и встречено с осуждением в международном коммунистическом движении и в ряде неприсоединившихся стран.

Поэтому при принятии решения на ввод советских войск в Афганистан приходилось оглядываться и на эту сторону проблемы.

В-третьих, критическое положение складывалось внутри Афганистана. Оно особенно обострилось в связи со сменой руководства и приходом к власти Бабрака Кармаля.

Дело осложнялось тем, что при Тараки и Амине в НДПА, в государственном аппарате преобладали «халькисты» (от слова «хальк» — народ). Они были ближе к трудовым слоям населения и составляли большинство среди офицерского состава армии, особенно в среднем и низовом звене. С приходом к власти Б. Кармаля господствующее положение начали занимать «парчамисты» (парчам — знамя), которые представляли в основном зажиточные слои населения. Для многих, в том числе и для меня, такая перестановка, сделанная по настоянию КГБ, была неожиданной. В ходе бесед советский посол в Афганистане Ф. А. Табеев — очень опытный и энергичный политический деятель, как и другие представители ЦК КПСС и МИД, объясняли необходимость такой трансформации власти тем, что «халькистское» крыло себя дискредитировало, а «парчамистское» буржуазно-демократическое крыло НДПА является менее экстремистским, более умеренным и оно сможет быстрее войти в доверие к народу. Но эти надежды не оправдались. «Парчамисты», представляющие в основном буржуазные круги интеллигенции, были далеки от народа еще больше, чем когда-то декабристы в России.

Приход к власти «парчамистов» еще больше обострил противоречия в НДПА, в государственном аппарате и армии, сделав еще более неустойчивым социально-политическую обстановку в Афганистане, породив новый разброд в обществе и воинских частях. Поэтому парчамистские органы власти постепенно укреплялись только под большим нажимом советских представителей и советников. Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев рассказывал мне, как перед очередной конференцией НДПА он, наряду с другими партийными и военными советниками, был в одном из соединений афганской армии, «обеспечивая» выполнение указания высших советских руководителей по непременному избранию большинства

делегатов от «парчамистского» крыла партии.

Но «халькисты», составляя большинство, не хотели голосовать за «парчамистов», они вполне естественно, стремились направить на конференцию своих («халькистских») представителей. И маршалу вместе с нашими политработниками и советниками пришлось трое суток уламывать офицеров — членов НДПА, чтобы они все же голосовали за «парчамистов», доказывая, что этого требуют «высшие интересы» партии и государства. Сергей Федорович вполне искренне говорил, что ему самому было противно после этой «успешно выполненной им операции».

Все мы прикрывали свою подобную деятельность партийным и воинским долгом. И чем хуже становилась обстановка в Афганистане, тем больше возникало доводов в пользу ввода советских войск в Афганистан.

В-четвертых, сыграли свою роль, как это нередко бывает в ходе развития исторических событий, и многие привходящие моменты стечения случайных обстоятельств и некоторые субъективные факторы, о которых подробнее будет еще сказано.

Все эти обстоятельства подталкивали к военному вмешательству в афганские дела, но были и другие не менее важные обстоятельства, которые должны были удержать от такого рокового шага, но они не были должным образом оценены.

Л. И. Брежнев в интервью газете «Правда» (13.01.80 г.) говорил: «Для нас было непростым решением направить в Афганистан советские военные контингенты. Но ЦК партии и Советское правительство действовали с полным сознанием своей ответственности, учитывали всю совокупность обстоятельств. Единственная задача, поставленная перед советским контингентом, — содействие афганцам в отражении агрессии извне. Они будут полностью выведены из Афганистана, как только отпадут причины, побудившие афганское руководство обратиться с просьбой об их вводе».

Действительно, это было трудное решение. И, конечно, это неправда будто собрались несколько человек в Политбюро (Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, А. А. Громыко) и на скорую руку приняли опрометчивое решение.

Правительство Республики Афганистан около 20 раз обращалось к Советскому правительству о вводе советских войск в Афганистан. Первоначально все эти просьбы отклонялись. Советское руководство не считало возможным посылать войска в Афганистан, ограничиваясь направлением в афганскую армию советников, специалистов и предоставлением ей оружия, военной техники, горючесмазочных материалов и продовольствия.

На заседаниях Политбюро ЦК КПСС при обсуждении афганской проблемы неизменно исходили из того, что «Мы не можем потерять Афганистан», вместе с тем подчеркивалась нецелесообразность военного вмешательства. На заседании Политбюро 19.03.79 г. Л. И. Брежнев говорил: «Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну. Надо объяснить Тараки и другим афганским товарищам, что мы можем помочь им всем, что необходимо для ведения всех действий в стране. Участие наших войск в Афганистане может нанести вред не только нам, но и прежде всего им».[36]

В беседе с Тараки А. Н. Косыгин разъяснял ему: «Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска… Мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка в нашей стране не только не улучшится, а наоборот осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает».[37]

В августе 1979 г. в беседе с главным военным советником генералом Л. Гореловым Х. Амин говорил: «Возможно советские руководители беспокоятся о том, что недруги в мире расценят это как вмешательство во внутренние дела ДРА. Но я заверяю Вас, что мы являемся суверенным и независимым государством и решаем все вопросы самостоятельно. Ваши войска не будут участвовать в боевых действиях. Они будут использованы только в критический для нас момент. Думаю, что советские подразделения потребуются нам до весны».[38] Но не приходилось сомневаться, что критический момент обязательно наступит. И поэтому до определенного времени все просьбы афганского руководства о вводе советских войск в Афганистан отклонялись.

И все же, вопреки обоснованной политической линии, которой советское руководство придерживалось, в декабре 1979 г. было принято решение на ввод советских войск в Афганистан.

Л. И. Брежнева к этому шагу подтолкнуло убийство Тараки, с которым он незадолго до этого встречался в Москве. Амин даже не посчитался с мнением советских представителей, которые от имени правительства обращались к нему с просьбой сохранить жизнь Тараки после того, как он был отстранен от должности. Все это свидетельствовало о том, что на Амина полагаться нельзя, а пришедший вместо него к власти Бабрак Кармаль без поддержки

советских войск не сможет переломить сложившееся положение.

После убийства Тараки спокойной взвешенной оценки обстановки уже не было. Многое делалось в спешке. О решении направить войска в Афганистан не были своевременно проинформированы даже некоторые члены Политбюро ЦК КПСС, руководители союзных стран по Варшавскому Договору. В печати не было вразумительного объяснения причин военного вмешательства для своего народа. Советские военные советники в Афганистане узнавали о вступлении советских войск в Афганистан из передач иностранных радиостанций.

Таким образом, в условиях, когда политическая обстановка внутри Афганистана все больше обострялась, вмешательство США и Пакистана в афганские дела усиливалось, когда стали возникать подозрения и поступать данные о том, что Х. Амин после убийства Тараки начал искать пути блокирования с американцами, — советское руководство не нашло других путей выхода из этого положения, как прямое военное вмешательство.

Если говорить о международно-правовой стороне этого решения, то оно основывалось на советско-афганском договоре в 1921 г., в преамбуле которого было сказано, что он заключается в целях «ограждения действительной независимости Афганистана…» и Договоре от 5 декабря 1978 года «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», где указывалось, что «Высокие договаривающиеся стороны, действуя в традициях дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих Сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих Сторон».

Не состоятельными являются и ссылки на то, что Советский Союз помогал «антинародному», «незаконному» правительству. После Апрельской революции это правительство было признано и с ним поддерживали дипломатические отношения более 40 стран, в том числе США.

Сейчас много говорят о том, что совершенно неприемлемыми «недемократичными» были методы принятия решения по этому исключительно важному и ответственному государственному вопросу. Но такой была система государственной власти, таковы были методы принятия решения по партийным и государственным (в том числе по венгерским событиям 1956 г. или чехословацким в 1968 г. и др.), и они не могли быть иными, какими-то особыми по афганской проблеме. Ничего не изменилось и после крушения «тоталитаристского режима». Если вспомнить, как принимались решения об упразднении СССР или вторжении США в Гаити, то становится ясным: все разговоры

о «методах» принятия решений — от лукавого. Поэтому речь может идти о рациональности или нерациональности принятого решения.

Была и военная сторона дела, с которой нельзя было не считаться. Если бы, исходя из формальных соображений, начали вопрос о вводе войск обсуждать в комитетах и на заседаниях Верховного Совета, придавая его широкой огласке, то афганская оппозиция могла бы с самого начала поднять и мобилизовать народ для оказания сопротивления советским войскам, что только увеличило бы наши потери и общее кровопролитие. Обеспечение определенной скрытности подготовки и внезапности ввода войск позволили осуществлять его практически без потерь. А население в целом доброжелательно встречало советские войска. Это потом уже начали настраивать его против советских войск.

При принятии решения о вводе войск в Афганистан советским руководством учитывалось, видимо, и то обстоятельство, что военное вмешательство в других странах (в Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г.) обходилось без тяжелых внутренних и международных последствий. Но не замечалось, что международная обстановка с тех пор существенно изменилась.

Кстати, Л. И. Брежнев (не в категоричной форме, а в виде предложения) уже в феврале 1980 г. дал задание проработать возможность вывода советских войск из Афганистана, до конца 1980 года, полагая, что они уже в основном выполнили задачу «по стабилизации обстановки» в стране. Об этом свидетельствует несколько справок, подготовленных Генштабом, в которых обосновывается нецелесообразность столь быстрого вывода войск из Афганистана, что подтверждает и генерал В. А. Богданов, который готовил эти справки. Военная сила, будучи уже запущенной, начинала действовать по своим внутренним законам.

Некоторые политические деятели, которые по мере изменения политического климата снимали свое тоталитарное одеяние и очень быстро «демократизировались» и нещадно критиковали решение по вводу советских войск в Афганистан, без зазрения совести голосовали «за» и безоговорочно поддержали это решение на Пленуме ЦК КПСС и на заседании Верховного Совета.

Таковы некоторые обстоятельства, которые привели к принятию решения о вводе войск в Афганистан. Одни из них действительно настоятельно диктовали необходимость такого решения, другие лишь подталкивали к этому.

Но несмотря на казалось бы формальную логичность и действительную обоснованность каждого из приводимых выше доводов в отдельности, при их рассмотрении в цельном виде, в общей системе и с учетом ближайшей перспективы развития международной обстановки и внутреннего положения СССР, решение советского руководства о вооруженном вмешательстве в афганские дела имело в конечном счете больше минусов, чем плюсов. В целом можно со всей определенностью сказать, что в конечном счете ввод советских войск в Афганистан был ошибочным шагом, нанесшим огромный урон афганскому и советскому народам как на международной арене, так и внутри страны.

Прежде всего были подорваны достигнутые с таким трудом Хельсинские соглашения о разрядке международной напряженности. Советский Союз оказался в международной изоляции. Даже не все западноевропейские и другие коммунистические партии поддерживали эту акцию СССР. Обострились отношения не только с США, с другими странами НАТО, но и с Китаем. Затянувшаяся война в Афганистане, необходимость постоянной поддержки кабульского режима потребовали огромных финансовых и материальных расходов, подорвав и без того хромавшую экономику. Непрерывное и первоочередное направление в Афганистан личного состава и вооружения ослабили боеспособность армии на других важнейших ТВД. Война отвлекала усилия и внимание Министерства обороны от назревших проблем реформирования вооруженных сил.

Непонятные цели войны, замалчивание хода военных действий, большой поток убитых и раненых, которых в тайне хоронили и лечили в различных районах страны, вызывали негативные настроения в обществе и вооруженных силах, подрывали авторитет армии. В целом война в Афганистане немало способствовала усилению противостояния различных социально-политических сил в стране и обострению многих других негативных явлений, которые в конечном счете привели к развалу СССР и ко всему тому, что мы теперь имеем….

С учетом всего этого, если рассматривать вопрос в более широком плане, то ошибки советского руководства, связанные с Афганистаном, носят лишь частный, производный характер от общих глобальных проблем, которые вставали перед Советским Союзом в тот переломный исторический период.

К концу 70-х началу 80-х годов все более очевидными становились трудности, испытываемые Советским Союзом в экономическом развитии и несоразмерность глобальных

политических и стратегических целей с экономическими и технологическими возможностями. Было ясно, что надо искать пути выхода из глобальной конфронтации и связанной с ней гонкой вооружений. Но для этого требовались крупные, кардинальные изменения в политике, экономике и идеологии, но, конечно, не такими хаотическими методами, как осуществлялась так называемая «перестройка». В рамках такой переоценки и нового курса совсем по-другому решался бы и афганский вопрос.

Задним числом все мы становимся более зрячими. И если судить с высоты сегодняшнего видения хода событий, то и решения того времени, видимо, могли быть более рациональными. Некоторые политологи полагают, что можно было принять более решительные и энергичные политические и дипломатические меры, чтобы ограничить вмешательства США, Пакистана, Ирана и других в афганские дела. Например, высказывается точка зрения, что на худой конец можно было бы пойти на серьезные уступки Китаю, заинтересовать Индию крупными выгодными для нее соглашениями и совместными усилиями осуществить мощное давление на Пакистан, вынудив его отказаться от открытой поддержки вооруженной афганской оппозиции.

Наконец, можно было бы найти болевые и уязвимые точки в глобальных интересах США, надавив на которые, возможно, удалось бы умерить аппетиты США по вмешательству в афганские дела. Можно было бы найти и какие-то другие решения, чтобы обойтись без направления советских войск в Афганистан.

Недостаточно продуманные и непоследовательные политические решения, нежелание считаться с мнением Генштаба, наложили свой отпечаток и на военную сторону дела.

Генерал армии В. И. Варенников правильно пишет, что наш Генеральный штаб с самого начала считал нецелесообразным ввод советских войск в Афганистан и об этом неоднократно докладывалось министру обороны Д. Ф. Устинову. Одна из причин, почему Генштабу не удалось отстоять свою точку зрения, состояла в очень странной манере руководства Министерством обороны со стороны Д. Ф. Устинова. В начале он очень доверял маршалу Н. В. Огаркову, который собственно и стал начальником Генштаба по настоянию Д. Ф. Устинова и решал основные вопросы через Генштаб. Но будучи человеком некомпетентным в военных вопросах и, боясь ошибиться, он решил «проверять» обоснованность подготавливаемых Генштабом предложений через своих помощников и особую альтернативную группу, состоящую из числа некоторых своих заместителей и заместителей начальника Генштаба. Постепенно эта группа, пользуясь тем, что

критиковать легче, чем предлагать что-то путное, вошла в более близкое доверие к Министру обороны и начала противодействовать многим начинаниям Н. В. Огаркова и в целом Генштаба. Представители этой группы и по афганскому вопросу занимали двойственную позицию: на совещаниях у Н. Огаркова они не возражали против предложений Генштаба, а затем за его спиной поддерживали и «обосновывали» всё, что говорил Д. Ф. Устинов.

Когда на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Н. В. Огарков, высказавшись против ввода советских войск в Афганистан, заявил, что такая акция чревата очень большими внешнеполитическими осложнениями для Советского Союза, Ю. В. Андропов, оборвав его, заметил: «У нас есть кому заниматься политикой. Вам надо думать о военной стороне дела, как лучше выполнить поставленную Вам задачу». Вот такая концептуальная эволюция: В. И. Ленин исходил из того, что каждая кухарка должна участвовать в управлении государством, имея в виду под этим осуществление принципа народовластия, возможность влияния гражданина на государственные дела, а при Л. И. Брежневе уже и начальник Генштаба не должен был иметь свое мнение по политическим вопросам.

И сейчас в новой России некоторые деятели поговаривают о том, что армия вне политики, и она должна только беспрекословно выполнять политические решения. Но как ни раз уже убеждала жизнь (и в 1941 году, и в послевоенные годы при принятии важнейших решений по вопросам военного строительства, и в афганских событиях) отвлеченной политики в чистом виде нет и не может быть. Политические решения могут быть жизненными и обоснованными только в том случае, если они учитывают все стороны дела — и внешнеполитические, экономические, идеологические и в необходимой мере и военно-стратегические соображения. Генштаб, военные люди не могут определять политику, но они должны активно участвовать в квалифицированной разработке ее военных аспектов, игнорирование которых приводит в Ряде случаев и к крупным политическим провалам.

После того, как политическое решение все же было принято, с точки зрения военной наиболее целесообразным, пожалуй, было осуществление более массированного и мощного вторжения в Афганистан. Кстати, в некоторых воспоминаниях последнего времени утверждается, что термин «ограниченный контингент» советских войск установил Д. Ф. Устинов в декабре 1979 г. Возможно это и так. Но такой термин первоначально имел хождение еще в 1968 г. перед вводом советских войск

в Чехословакию. Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко на совещании с командармами в Легнице в начале августа 1968 г. рассказывал, что ему предлагали ввести в Чехословакию «ограниченный контингент» войск не более 4–5 дивизий. Но А. А. Гречко был человеком волевым, решительным и по его словам он настоял на том, чтобы вводилось не менее 20–25 дивизий. В частности, 28 армия Белорусского военного округа под командованием генерал-лейтенанта Г. И. Салманова (начальником штаба армии был автор этих строк) вошла в Чехословакию двумя дивизиями (15-я танковая и 30-я мотострелковая). Мы наглядно видели как внезапное вторжение крупными силами позволило с самого начала плотно блокировать важнейшие города, узлы дорог, военные городки, склады и поэтому, если бы даже какие-то воинские части попытались оказать сопротивление, они этого не смогли бы сделать. (Правда, многие чехословацкие военнослужащие отнеслись лояльно или нейтрально к вводу войск Варшавского Договора в их страну.)

Не будем теперь говорить о политических мотивах вооруженного вмешательства СССР и других стран ОВД во внутренние дела Чехословакии. Официальные оценки им уже даны. Но если брать только военную сторону, то безусловно, они были очень хорошо продуманными, решительными, стремительными и в конечном счете эффективными. Самое главное, такие действия позволили быстро стабилизировать обстановку и практически не допустить кровопролития.

Конечно, обстановка в Чехословакии и Афганистане имела существенные различия. Но принцип действий в Афганистане должен был быть примерно таким же, как и в Чехословакии. В частности, в декабре 1979 г. в доверительной беседе мы докладывали Маршалу Н. В. Огаркову, что для быстрой стабилизации обстановки в Афганистане нужно последовательно ввести туда не менее 30–35 дивизий, которые должны были в первую очередь перекрыть границы этой страны с Пакистаном, Ираном, занять все важнейшие населенные пункты, аэродромы, коммуникации и тем самым не допустить проникновения в Афганистан вооруженных формирований, приток оружия, быстро разоружить сопротивляющиеся отряды внутри страны и тем самым лишить оппозицию всякой возможности вооруженного сопротивления. Мною предлагалось даже до ввода войск провести с командирами и штабами командно-штабное учение или военную игру и проверить реальность этих расчетов. Но после принятия политического решения времени для этого уже не оставалось. Не знаю, докладывал ли он эти предложения Министру обороны. После того, как политические решения были

уже приняты, эту тему он больше обсуждать не хотел. Позже Николай Васильевич сказал только: «Времена не те и никто «в верхах» на такие действия не пойдет».

Дело уже прошлое, но как теперь представляется, при изложенном способе более массированных действий, обстановка в Афганистане могла постепенно нормализоваться и уже через 2–3 года можно было бы значительную часть войск из Афганистана выводить. Трудно сказать, какими могли быть политические последствия более массированного вторжения в Афганистан, но со всей определенностью можно утверждать, что были бы значительно меньшими человеческие жертвы и материальные издержки афганской войны.

Однако, как обычно бывает при безвольном и дряблом политическом руководстве, было принято половинчатое решение: ввести в Афганистан «ограниченный контингент советских войск», что наряду с другими известными ошибками и просчетами советского и афганского руководства привело к затяжной, изнурительной, разрушительной войне со всеми вытекающими из этого бедствиями.

Исторический опыт показывает, что самые пагубные действия в политике и в военном искусстве — это половинчатые, разрозненные и нерешительные действия. С точки зрения политической и международного звучания в принципе никакой разницы нет вводится в другую страну 2–3 или 20–30 дивизий. Резонанс и внешнеполитические последствия почти одни и те же. Но массированные и решительные действия позволяют в более короткие сроки и с лучшими результатами решать задачи.

Да и посылать войска в Афганистан надо было после тщательной подготовки, придав им организационную структуру, соответствующую условиям выполнения предстоящих задач. Правда, раздаются голоса, что в 1979 г. надо было некоторым политическим и военным деятелям, не согласным с решением о вводе советских войск в Афганистан, поступать так же, как академик А. Сахаров: протестовать против этого решения и даже отказываться выполнять приказ. Слов нет, гражданского мужества многим нашим деятелям явно не доставало. Его иногда легче проявить в боевой обстановке, чем в мирное время. Во всяком случае, в связи с решением по Афганистану никто, в том числе и из военных руководителей, не подал даже в отставку. Но, во-первых, есть большая разница в политическом, юридическом положении, степени ответственности тех, кто выражал общественный протест, и тех, кто получал официальный приказ на выполнение тех или иных действий, связанных с Афганистаном. Любой военный человек знает, какими

последствиями чревато невыполнение приказа.

И речь идет не только лично об этом человеке, но прежде всего о пагубности такого примера для разрушения армии, которая без дисциплины и подчинения законному правительству теряет смысл своего существования. Во-вторых, в те времена для абсолютного большинства личного состава нашей армии не было такой ясности, как сейчас в оценке событий, происходящих в Афганистане. Даже высшее советское руководство до конца не предвидело трагические последствия афганской войны.

Видимо, А. Сахаров и другие ученые, выполнявшие задания правительства по созданию ядерного оружия, в свое время также не до конца осознавали, к каким последствиям это может привести.

Как выполняли советские войска свои задачи в Афганистане?

Прежде чем говорить о выполнении задач желательно уяснить, с какой целью посылались войска в Афганистан, какие им были поставлены задачи. В упомянутом выше интервью газете «Правда» Л. И. Брежнев заявил, что перед советскими войсками поставлена «Единственная задача — содействие афганцам в отражении агрессии извне».

Характерно, что в Министерстве обороны нет никаких документов высших органов государственной власти, которыми официально определялись бы задачи советских войск при вводе их в Афганистан. Министр обороны Д. Ф. Устинов все задачи Генштабу и видам ВС ставил устно.

Л. И. Брежнев, как глава государства, председатель Совета обороны и Верховный Главнокомандующий вооруженными силами, окончательное решение на ввод войск в Афганистан принял 12 декабря 1979 года. Но мобилизационные и другие подготовительные мероприятия по созданию в Туркестанском военном округе группировки войск, необходимой для действий в Афганистане, начали проводиться ранее. Общей директивы на отмобилизование и формирование соединений 40-й армии не было. Отдавались отдельные распоряжения. (До конца декабря Туркестанскому и Средне-Азиатскому военным округам было отдано до 30 таких распоряжений). Всего на территории этих округов было развернуто около 100 соединений, частей и учреждений с призывом из запаса 50 тыс. военнослужащих.

На совещании 24 декабря Д. Ф. Устинов довел до руководящего состава вооруженных сил решение о вводе войск в Афганистан. В этот же день им была подписана директива, в которой было сказано: «Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики

Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создание благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств».[39] Прямо скажем, задача была поставлена не более определенно и конкретно, чем Сталиным в ночь с 21 на 22 июня 1941 года — по отражению германской агрессии. Какого-либо участия в боевых действиях в Афганистане не предусматривалось.

Согласно высказываниям в печати некоторых бывших руководителей Министерства обороны и Генштаба они рассчитывали на то, что части «ограниченного контингента советских войск» должны были стать в Афганистане отдельными гарнизонами и не ввязываться в боевые действия. Наивность и нежизненность подобных суждений очевидна. Не говоря уже о том, что это за предвидение и «прогнозирование» возможного развития событий, если они построены на совершенно нереальных, несбыточных расчетах и предположениях? Никакая армия, придя на чужую территорию, где происходит острое противоборство социально-политических сил и ведется гражданская война, не может оставаться в стороне от этих событий и происходящей междоусобной борьбы. Это относится и к Афганистану, хотя бы уже потому, что с политической точки зрения наша армия вошла для поддержки правительства, пришедшего к власти в результате Апрельской революции, а не для того, чтобы выступить в роли нейтральной стороны. Что, скажем, должен был делать командир советской части, если на расположенную рядом с ней местную власть совершается нападение моджахедов? Не говоря уже о случаях, когда совершались нападения на колонны, подвозящие материальные средства, на посты и гарнизоны советских войск, которые часть населения рассматривала как оккупантов. Поэтому расчеты на то, что советским войскам удастся остаться в стороне от происходящих в стране столкновений были нежизненными и полагаться на них ни при каких обстоятельствах было нельзя.

Элементарная военная логика свидетельствует о том, что, вытащив саблю, трудно бывает вложить ее снова в ножны, когда вокруг сверкают множество других угрожающих сабель.

Практически так оно и случилось — советские войска, не встретив какого-либо сопротивления при вхождении в Афганистан, независимо от первоначальных замыслов и желаний тех или иных политических или военных деятелей, стали довольно быстро втягиваться в военные действия.

Как вспоминает генерал-полковник В. Меримский, в первый же день прибытия в Афганистан (4.01.80 г.) на встрече с

военными советниками маршал С. Л. Соколов заявил: «Хочу обратить особое внимание на недопустимость вовлечения советских войск в вооруженную борьбу с мятежниками, их функции совершенно иные, о них я уже вам говорил». Но уже через несколько дней к нему обратился министр обороны Афганистана М. Рафи с просьбой выделить из состава советских войск небольшие силы, чтобы вместе с афганскими подразделениями отбить у мятежников артиллерийские склады 20-й пехотной дивизии. «Мы поможем вам, — ответил С. Л. Соколов, — выделим для совместных действий одно-два подразделения советских войск».[40] В феврале 1980 г. пришлось использовать советские войска для противодействия массовым волнениям населения, блокировавшим Кабул.

Генерал Б. Громов в ноябре 1989 г. говорил: «Я не берусь подробно разбираться во всех деталях ввода войск в Афганистан. Скажу лишь то, что для меня очевидно: защита афганского народа была нужна. С учетом всей сложности обстановки в том регионе нельзя было оставлять Афганистан без защиты. Ведь неизвестно, чем все события, назревающие там, могли обернуться. Я не говорю сейчас о боевых действиях 40-й армии. Нас вынудили к ним перейти. Первоначальная тактика была: стоять гарнизонами. Она нами неуклонно выполнялась. Но события сложились так, что мы вынуждены были вступать в навязанные нам боевые действия. Для того, чтобы понять суть труднейшего «афганского» вопроса, надо знать законы и специфику Востока. Когда наши войска вошли на территорию Афганистана, враги афганской революции, силы оппозиции сработали значительно лучшие, чем силы, возглавляемые правительством. Они подняли народ быстрее, начались нападения на наши гарнизоны, на коммуникации, охраняемые нашими солдатами… И вот когда начались острые выпады со стороны сил оппозиции, мы вынуждены были отвечать».[41] И все это было неизбежным. Трудно даже понять как вообще можно было рассчитывать на что-то иное.

Позднее, по мере возрастания активности мятежников, политические и некоторые высшие военные руководители, проявляя нетерпение, стали требовать более решительных действий от «ограниченного контингента советских войск» и афганских правительственных войск, что вело к расширению масштаба и все большей ожесточенности военных действий.

Ввод советских войск в Афганистан начался 25 декабря 1979 года. В целом он был осуществлен организованно. Нельзя согласиться с тем, что войска посылались в Афганистан без всякой подготовки.

Несмотря на отсутствие конкретного политического решения, определенную подготовку войск к вводу в Афганистане Министерство обороны проводило. Ибо политическое руководство могло принять решение в любой момент и без предварительных подготовительных мероприятий невозможно было сразу после принятия решения приступить к выполнению задачи. При этом учитывалось, что если даже не придется вводить войска, частичное отмобилизование и подготовка войск должны были оказывать сдерживающее действие на другие страны, которые поддерживали оппозицию.

Так один из много и хорошо воевавших в Афганистане командиров генерал Ю. В. Шаталин писал: «Я, как командир 5-й гвардейской дивизии Туркестанского военного округа, утверждаю, что подготовка к вводу частей в Афганистан началась еще в марте 1979 года. Уже 2 марта были полностью развернуты и отмобилизованы моя и 108 мотострелковая дивизии, до этого кадрированные и имевшие не более трети списочного состава. Под видом учений мы уже к июню на 75 процентов докомплектовались личным составом срочной службы. Сам характер учений, документация, обрабатываемая по ним, полностью соответствовали последующим событиям 25 декабря». [42]

Войска 40-й армии, начали переход госграницы в 15.00 25 декабря 1979 года. К середине января 1980 г. на территорию Афганистана было введено три дивизии, одна бригада, два отдельных полка, ряд армейских частей и авиационных подразделений,[43] объединенные командованием 40-й армии.

В первой половине года эта группировка была усилена еще одной дивизией и двумя отдельными полками. К 1985 г. общая численность советских войск в Афганистане достигла 108,8 тыс. человек, в том числе в боевых частях 73 тысячи человек. Кроме ВВС 40-й армии, действия советских войск в Афганистане поддерживались авиацией, базировавшейся на территории Туркестанского военного округа. Для этой цели периодически привлекались также авиационные части (в основном боевых вертолетов) из других военных округов и групп войск. В зарубежной и отечественной литературе распространяется много всяких небылиц о составе «ограниченного контингента» и целях его пребывания в Афганистане.

Наш известный дипломат А. Л. Адамишин в своем дневнике тех лет записал: «…Гельмут Шмидт нам: уберите хотя бы ВДД (две дивизии) из Афганистана, тогда будет яснее, что не пойдете дальше. А у нас штатное расписание, группировки. То есть

военные и политические вещи — вновь убеждаюсь — идут разными путями».[44] Но эти «вещи» шли и идут разными путями не только из-за того, что каждое ведомство думает только о своем (в этом отношении замечание справедливое), но и ввиду слабой взаимной информированности и осведомленности о различных аспектах военной и внешне-политической деятельности. Это относится и к приведенному выше высказыванию. В Афганистане не было двух воздушно-десантных дивизий (была одна — 103 ВДД). Кроме того, если уж надо было идти дальше к теплым морям, то осуществлять десантную операцию с Кабульского аэродрома, где располагалась 103 ВДД, стесненного со всех сторон горами, было крайне затруднительно. С точки зрения оперативной и авиационно-технической точек зрения, значительно выгоднее было это делать опираясь на аэродромы на территории Туркестанского военного округа, несмотря на их большую удаленность. Эти и некоторые другие заботы у советских и зарубежных деятелей возникали из-за узко ориентированного и схематичного восприятия обстановки.

Конкретные задачи войскам, которые не определили политическое и высшее военное руководство теперь уже ставила сама жизнь, условия обстановки, в которых им пришлось действовать. Они охраняли важнейшие объекты в Кабуле и других гарнизонах, где они расположились, аэродромы, основные автомобильные магистрали, осуществляя проводку автоколонн с различными грузами, предназначенными как для 40-й армии, так и для нужд Афганистана, поддерживали органы государственной власти в 21 провинциальном и во многих уездных и волостных центрах. Вели совместные с правительственными войсками и самостоятельные боевые действия по отражению нападения вооруженных отрядов мятежников и разгрому наиболее опасных их группировок. Осуществляли борьбу с караванами, доставлявшими оружие и боеприпасы в Афганистан с территории Ирана и Пакистана.

Группа офицеров Министерства обороны во главе с генералом армии В. И. Варенниковым, (руководитель рабочей группы генерал-лейтенант В. А. Богданов), занимающаяся обобщением опыта боевых действий в Афганистане, весь период пребывания советских войск в Афганистане (по характеру выполнявшихся задач) разделяет на следующие четыре этапа.[45]

Первый: с декабря 1979 г. по февраль 1980 г. Ввод советских войск в Афганистан, размещение их по гарнизонам, организация охраны пунктов дислокации и перечисленных выше объектов.

Второй: с марта 1980 г. по апрель 1985 г. Ведение активных боевых действий, в том числе широкомасштабных, как, например,

в провинции Кунар в марте 1980 г. Работа по реорганизации и укреплению вооруженных сил Демократической Республики Афганистан.

Третий: с апреля 1985 г. по январь 1987 г. Переход от активных действий преимущественно к поддержке афганских войск советской авиацией, артиллерией и саперными подразделениями. Применение мотострелковых, воздушно-десантных и танковых подразделений главным образом в качестве резервов и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Подразделения спецназначения продолжали вести борьбу по пресечению доставки оружия и боеприпасов из-за рубежа. Оказание помощи в развитии вооруженных сил ДРА. Частичный вывод советских войск из территории Афганистана.

Четвертый: с января 1987 г. по февраль 1989 г. Участие советских войск в проведении афганским руководством политики национального примирения. Активная деятельность по укреплению режима, оказание помощи в становлении вооруженных сил ДРА. Продолжающаяся поддержка боевой деятельности афганских войск. Подготовка советских войск к выводу и полный их вывод.

Боевые действия советских войск носили как характер плановых операций, проводимых по утвержденным командованием ежемесячным планам против наиболее сильных группировок (всего проведено 416 таких операций), так и неплановых действий, когда приходилось вести непредвиденные действия, навязанные противником.

Первые носили, как правило, более крупномасштабный характер. В частности, несколько крупных операций было проведено в изолированной горной долине и ущелье реки Панджшер против вооруженных формирований Ахмат Шаха, разгрому крупного базового района оппозиции в районе Дарзаб (на границе провинций Джаузджан и Фарьяб); в зеленой зоне Джабаль-Уссарадж, Чарикар, Махмудраки в 1982 г., в районах Кандагара, Герата, Кундуза, в провинциях Баглан, Каписа, Парван, в провинциях Логар, Нанганхар, Пактия и в округе Хост в 1985–1986 гг.

Одной из последних крупных операций советских войск, проведенных совместно с афганскими войсками, была операция под кодовым названием «Магистраль», в результате которой осуществлено деблокирование дороги Гардез — Хост и проводка автомобильных колонн с запасами материальных средств для войск гарнизона и населения (в конце 1987-начале 1988 гг.).

Кроме того в Афганистане проведено 220 частных операций и

боевых действий в зонах ответственности соединений по уничтожению отдельных вооруженных отрядов мятежников, устройству засад на караванных путях, оказанию помощи своим подразделениям, расположенным отдельно и решения других задач. Проведено также большое количество рейдовых действий в предполагаемых районах расположения противника с целью разведки его сил и средств, а также засадных действий на путях выдвижения караванов моджахедов и их вооруженных отрядов.

Ежегодно проводилось несколько армейских операций, в которых участвовали части и подразделения одной-двух мотострелковых дивизий, десантных и инженерных войск, артиллерии и основные силы авиации. Более частыми были операции в масштабе дивизий и полков. В связи с тем, что большое количество войск было задействовано на охране гарнизонов, коммуникаций, даже для проведения армейских операций задействовалось обычно не более 10–15 тыс. человек, включая подразделения обеспечения. Численность в дивизионных и полковых операциях, составляло около одной пятой части их списочного состава. Все это также не могло не сказываться на эффективности проводимых боевых действий.

Если на первых двух этапах при проведении совместных боевых действий афганские правительственные войска играли лишь вспомогательную роль, то, начиная с 1985 г., они уже окрепли и начали проводить и самостоятельные операции при поддержке в ряде случаев советской авиации и войск. С 1987 г. советские войска по существу прекратили активные наступательные действия. И за исключением периода, когда проводилась операция «магистраль», вели лишь периодические боевые действия в случаях, когда мятежники совершали нападения на гарнизоны и коммуникации.

Главная причина низкой социально-политической эффективности боевых действий как советских, так и афганских войск состояла в том, что результаты военных действий не закреплялись политическими мерами. Так, в долине р. Панджшер за десять лет было проведено 12 крупных операций и большое количество боевых действий других масштабов, мятежники неоднократно изгонялись из этой территории, но государственные власти в этом районе так и не закрепились. В Афганистане около 30 тыс. кишлаков (сельских населенных пунктов), в ходе боевых действий освобождались многие тысячи из них. Но новые органы власти создавались лишь в 1-й тысяче из них и то лишь во многих случаях лишь на короткое время.

Чаще всего правительственные органы посылали в освобожденные населенные пункты эмиссаров из Кабула или

уездных центров, которых никто не знал на местах. В отличие от этого моджахеды назначали старостами наиболее авторитетных местных жителей, что и обеспечивало большую прочность их власти. Все это обесценивало и во многом делало бесплодными проводимые боевые действия против моджахедов.

Отметим также, что часто бессмысленные бомбо-штурмовые и ракетно-артиллерийские удары были малоэффективными в военном отношении.

Они лишь противопоставляли местное население советским и правительственным войскам не принося серьезного урона вооруженным формированиям моджахедов, в то же время приводили к большим жертвам среди мирного населения, разрушению населенных пунктов, ирригационных систем, посевов и садов.

Охрана и оборона мест своего расположения, аэродромов, других важных объектов и коммуникаций, борьба с противником, действующим партизанскими методами, стала одной из задач, которую пришлось выполнять советским войскам в Афганистане и к которой она оказалась в целом наименее подготовленной. Дело в том, что и во время гражданской войны 1918–1921 гг., и при освобождении Западной Белоруссии, Западной Украины и при вводе войск в Прибалтийские страны и во время второй мировой войны в Европе, в Китае и других военных акциях Советская Армия (особенно первоначально) воспринималась большинством населения соответствующих стран, как армия-освободительница и ей практически никогда (кроме советско-финской войны) не приходилось иметь дело с организованным сопротивлением, а тем более с массовым партизанским движением в своем тылу. Советские войска, как правило, встречали помощь и поддержку от местного населения. Поэтому то, что ожидало их в Афганистане — хорошо организованные террористические и партизанские действия — оказались неожиданными. Задача охраны объектов и коммуникаций, как и проводка автоколонн с грузами по дорогам, из второстепенной превратились в одну из главных боевых задач, которые пришлось практически осваивать путем проб и ошибок уже в ходе военных действий на территории Афганистана.

Не на высоте оказались наши штабы и в деле организации разведки и конкретного изучения театров военных действий на территории сопредельных государств. С этой проблемой пришлось столкнуться еще при подготовке и проведении Маньчжурской операции 1945 г., когда оказалось, что мы очень слабо знали положение оборонительных сооружений и особенно сети дорог на территории Маньчжурии.

Из этого опыта не были сделаны выводы и после войны. Не способствовала доскональному изучению театров военных действий и постоянная большая замена офицеров, проходящих службу в группах и в отдаленных районах. Конечно, необходимость замены офицеров и переброска их из одних округов в другие была неизбежной и вынужденной. Но при дальнейшем совершенствовании системы прохождения службы офицерами надо учитывать и негативные стороны прошлого опыта, особенно с точки зрения практического освоения театров предстоящих действий. Для этого когда-то использовались все имеющиеся возможности. В старой русской армии, например, даже отпуска и туристические поездки офицеров организовывались таким образом, чтобы они могли изучить направление предстоящих действий в сопредельных странах. И в Советской Армии офицеры по путевкам выезжали на отдых в соседние страны Варшавского Договора. Но поскольку верховодили этим делом не штабы, а политические и медицинские органы, то направлялись в эти поездки не офицеры-операторы, разведчики, инженеры, артиллеристы, которым больше всего этого нужно, а в основном начальники политорганов, и медики, что обесценивало эти поездки.

В слабом знании и недостаточном практическом освоении территории Афганистана пришлось убедиться в самом начале ввода войск и при последующем функционировании коммуникаций. Наиболее наглядно это проявилось при преодолении тоннеля (длиной около 3 км) на перевале Саланг, расположенном на маршруте Термез — Кабул. Формально в штабе ТуркВО были и описания особенностей перевала, тоннелей, но они носили весьма неконкретный характер. А главное заблаговременно не были отработаны вопросы организации и практической эксплуатации весьма сложных тоннельных сооружений. Уже при вводе войск здесь погибло 12 военнослужащих. После этого были сделаны предложения о создании штатной, хорошо подготовленной комендатуры, призванной умело осуществлять эксплуатацию тоннелей и пропуск войск через них. Но эти предложения в главном оргмобуправлении Генштаба были отвергнуты под предлогом недостатка необходимой для этого численности. Но только после того, как в ноябре 1982 г. в результате грубого нарушения правил пропуска войск через тоннель погибло и пострадало несколько десятков военнослужащих, наконец, было принято решение о создании штатной эксплуатационной комендатуры в районе перевала Саланг. Вот такие «обоснованные расчеты» иногда делались: для создания комендатуры нет возможности выделить

30–40 человек, а для отправки людей на тот свет штатная численность находилась.

Также к многому другому пришлось доходить только после тяжких испытаний.

Обычно в теории военного искусства принято говорить об «особенностях подготовки и ведения боевых действий в особых условиях» — горнопустынной, в лесисто-болотистой или в условиях тундры, полагая, что все другие основные оперативно-тактические положения в принципе остаются общими для любых условий. Но оказалось, что есть такие «особенности», которые составляют главную сущность военных действий. Например, первоначально ахалтекинские экспедиции русских войск с целью завоевания западной части Туркмении (в конце 70-х гг. XIX в.) закончились неудачей не из-за сильного противодействия противника, а главным образом вследствие плохой подготовленности войск к действиям в пустынной местности, особенно в организации водоснабжения и санитарно-эпидемиологического обеспечения войск. В результате начинались массовые заболевания личного состава, падеж лошадей и верблюдов.

В отличие от этого поход русских войск в 1880–1881 гг. под командованием М. Д. Скобелева был успешно осуществлен. И не потому, что он нашел какие-то неведомые до того стратегические и тактические способы применения войск, выбора направлений ударов, построения боевых порядков, а прежде всего потому, что в своем оперативном замысле, во всей системе организации военных действий он во главу угла поставил практическое решение вопросов санитарно-эпидемиологического порядка, водоснабжения, сбережения людей и животных. Были разработаны детальные инструкции по нормам и правилам пользования водой, хранения и употребления пищи, устройству отхожих мест на биваках и другим вопросам. М. Д. Скобелев завел жесточайший режим соблюдения всех этих правил. Весь личный состав был обязан в конце дня обтирать песком свое тело, посуду, зарывать отходы только в отведенных местах. Не только солдаты, но и офицеры строго наказывались за малейшие нарушения установленных правил.

Если говорить о более позднем времени, огромный опыт в этом отношении имели британские войска. Во время колониальных войн в Индии, Афганистане, на Ближнем Востоке английским военным командованием вообще было принято планировать продвижение своих войск ровно настолько, насколько хватало полевых водопроводов и средств санитарно-эпидемиологического обеспечения.

Все это, к сожалению, не было учтено при направлении советских войск в Афганистан. Не было даже пригодной для боевой обстановки полевой формы, особенно для офицеров. Ее тоже пришлось изобретать на поле боя.

До начала ввода войск не была произведена и должная оценка санитарно-эпидемиологических условий в Афганистане. Не приняты необходимые меры по обеспечению водой и приведению профилактических прививок. Поскольку было неясно на какой срок прибыли войска в Афганистан, не было конкретных решений и по вопросу о бытовом устройстве войск: временно, в полевых условиях или с самого начала оборудовать стационарные городки. Эти вопросы решались с большим опозданием. В результате десятки тысяч военнослужащих переболели гепатитом и другими инфекционными заболеваниями.

Советские войска находились в Афганистане на военном положении, но многие вопросы решались методами, установленными для мирного времени. Это относилось к правам командиров, нормам ответственности военнослужащих в боевой обстановке. Люди погибали в боях, а о ходе военных действий в средствах массовой информации долгое время ничего не сообщалось. Погибших привозили на территорию СССР и в тайне хоронили. Было такое впечатление, будто идет какая-то подпольная война в тайне от своего народа. Система присвоения воинских званий, представления к награждению отличившихся воинов также осуществлялись тягучими, заскорузлыми бюрократическими (путем согласования с ЦК КПСС) методами. Часто не командиры, знающие подвиги людей, а чиновники ЦК КПСС и Главного управления кадров определяли кого удостоить наградами. Все это снижало морально-боевую значимость этих поощрений.

В связи с этим вспоминаю также, как в 1971 г. президент Египта решил наградить медалями советских военнослужащих из частей ПВО и авиации, убывавших в СССР. Но по установившейся практике без разрешения ЦК КПСС никто не имел право принимать иностранных наград. Но пока шло длительное согласование по инстанции, наших солдат и офицеров уже отправили, а награды так и не нашли их на территории СССР. Все это вызывало нарекания, возмущения, но через эту дикую систему перешагнуть было невозможно.

Сейчас много спорят о причинах развала СССР. Но, видимо, никто не сделал столько для дискредитации советской политической системы, как бюрократический аппарат ЦК КПСС.

Из изложенного видно, что вопреки ожиданиям советского руководства, ввод наших войск в Афганистан не только не привел

к ослаблению сопротивления оппозиции правящему режиму, но был использован ею для развертывания священной войны (джихада) против «чужеземных поработителей», все шире вовлекая в эту борьбу народные массы. После вторжения советских войск в Афганистан, США, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, Китай и некоторые другие государства начали открыто оказывать более широкомасштабную военную помощь моджахедам. В результате всего этого гражданская война в Афганистане все больше разрасталась.

Интересно отметить, что у советского политического и военного руководства с самого начала и по существу до конца не было определенного политического, стратегического замысла и цельной концепции использования войск в Афганистане. Как уже отмечалось, не были четко определены цели ввода войск в Афганистан и их задачи. На всем протяжении пребывания войск в Афганистане им не была поставлена задача по полному разгрому вооруженных формирований оппозиции, исходя из которой можно было бы планировать последовательные, проникнутые единым замыслом операции и боевые действия и соответственно решать какие силы и средства для этого требуются. Практически все время оставались частные, нередко импровизированные задачи по разгрому наиболее опасных группировок мятежников и чаще всего по просьбам афганского руководства. Например, Бабрак Кармаль вообще стремился решать военные задачи в основном силами советских войск, мало занимаясь повышением боеспособности своих войск.

Когда войска по ходу событий уже втянулись в боевые действия, одни советские руководители (Д. Ф. Устинов, С. Л. Соколов) под давлением афганского руководства требовали от советских войск активных боевых действий, другие (например, Н. В. Огарков) всякими путями пытались сдерживать вовлечение наших войск в крупномасштабные боевые действия.

В очень затруднительном положении в связи с этим оказывался командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Ю. П. Максимов, который получал противоречивые указания и поэтому ему приходилось постоянно лавировать и искать компромиссные решения.

Не раз проявляло недовольство действиями в Афганистане и политическое руководство. На заседании Политбюро ЦК КПСС 13.11.1986 г. М. С. Горбачев заявил: «В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать еще 20–30 лет… Надо сказать и нашим военным, что они плохо учатся на этой войне. Что, может нет простора для того, чтобы развернуться нашему Генштабу? В общем, мы не подобрали

ключей к решению этой проблемы. Мы что, будем бесконечно воевать, расписываясь в том, что наши войска не смогут справиться с ситуацией?».[46].

Судя по упомянутой выше книге Б. В. Громова, не очень стремилось к активным боевым действиям и командование 40-й армии. Говоря о том, что многие операции в Афганистане предпринимались после настоятельных обращений к советскому руководству со стороны афганских лидеров, он пишет: «Мы прекрасно знали, где берут начало все эти московские распоряжения. Нередко нам приходилось идти даже на обман, но это был святой обман для того, чтобы исключить гибель наших военнослужащих… Под всевозможными предлогами, идя на различные ухищрения, мы делали все, что было в наших силах, только для того, чтобы лишь обозначить боевые действия и отчитаться перед Москвой. Мы провели в таком-то районе то, что нам было приказано».[47] Об этом пишет и генерал-полковник В. А. Меримский, работавший в Афганистане в составе оперативной группы Министерства обороны. В частности, он описывает один эпизод из боевых действий 70-й отдельной мотострелковой бригады по разгрому банды юго-западнее Кандагара. Как он пишет, к исходу дня боевых действий к нему обратился командир батальона «с просьбой разрешить до наступления темноты отвести подразделения в исходное положение. Это меня удивило. Ведь задача не была выполнена. Бой продолжался и стало очевидно, что его придется вести и ночью, зачем же тогда отходить? Выяснилось, что сия «тактика» спущена сверху и призвана якобы способствовать снижению потерь личного состава. После возвращения в штаб армии у меня состоялся серьезный разговор с автором этой «челночной операции»…[48] Подобная «тактика» в ряде случаев осуществлялась и в других формах. «Ограниченный контингент» и стремился «ограниченно» воевать.

Не случайно ведь и то обстоятельство, что впервые в истории в действующей армии появились заместитель командующего 40-й армии, заместители командиров дивизий и полков «по боевым действиям». Трудно себе представить такую должность во время Великой Отечественной войны. Ибо организация и ведение боевых действий — это не только главная, но и всепоглощающая обязанность командиров и штабов. Практически в Афганистане командиры и штабы непосредственно занимались организацией боевых действий. И введение дополнительных заместителей было связано в основном с тем, что дивизиям, и иногда и полкам приходилось выполнять одновременно несколько боевых задач в

различных районах. Но с введением новых замов «по боевым действиям» им больше всего пришлось участвовать в управлении войсками в зоне боевых действий.

Как не странно, но с самого начала ввода войск и до конца их пребывания в Афганистане не было четкой линии воевать нашим войскам в этой стране или нет. Поэтому порою шло скрытое сопротивление попыткам заставить войска воевать. И некоторые важнейшие операции предпринимались лишь по просьбе афганского руководства и нажимом советского руководства.

Теперь, когда после ухода советских войск из Афганистана прошло более 6 лет, некоторые военные деятели, участвовавшие в афганских событиях, подчеркивают свои заслуги в том, что они всячески стремились сберегать наши войска, по возможности не вовлекать их в активные боевые действия, исходя прежде всего из того, чтобы не допустить потерь среди личного состава.

Разумеется, сбережение людей, недопущение потерь — дело благородное и непременная обязанность каждого военачальника и командира. И если в прошлом в российской и советской армиях это всеми признаваемое на словах требование на деле далеко не всегда удавалось осуществлять, то тем более отрадно, что новое поколение генералов и офицеров начинает глубже задумываться над этой острой извечной проблемой военного дела. Но ее нельзя и упрощать. Применительно к Афганистану будущим историкам предстоит еще объективно исследовать, что было более рациональным: периодическое ведение боевых действий по мере накопления мятежниками крупных сил в определенных районах, предоставляя им для этого время и возможности, или более решительные боевые действия и операции по заранее намеченному стратегическому замыслу с целью последовательного разгрома группировок мятежников в важнейших районах, не давая им возможности для восстановления своих сил. Если бы мы во время прошлой войны придерживались первого из этих подходов, то, видимо, мы еще до сих пор, не освободили свои земли от фашистов.

Во всяком случае по опыту Великой Отечественной войны в ходе проведения активных военных действий и хорошо подготовленных операций с нашей стороны достигались значительно лучше оперативно-стратегические результаты и при меньших потерях, чем в проводимых периодически бесплодных частных операциях и боевых действиях.

Ввиду отсутствия у высшего военного командования и Генерального штаба долгосрочных планов ведения военных действий в Афганистане, вся деятельность советских войск строилась на основе ежемесячных планов, которые утверждались

обычно Министром обороны. Их разработка осуществлялась командующим войсками Туркестанского военного округа совместно с главным военным советником в афганской армии под общим руководством Оперативной группы Министерства обороны, находившейся в Кабуле. Рассмотрение и утверждение этих планов, особенно в бытность Министра обороны Д. Ф. Устинова, носили весьма затяжной и мучительный характер. Иногда пока утверждались планы разгрома тех или иных группировок моджахедов, обстановка существенно менялась и по ходу развития событий приходилось изменять и планы. Для того, чтобы понять истоки такой системы управления, нужен небольшой экскурс в историю.

Громоздкая, недостаточно поворотливая, бюрократическая система управления в той или иной мере всегда давала о себе знать в русской армии. Об этом писал еще Ф. Энгельс после Крымской войны 1853–1856 гг. Эти явления дали о себе знать в русско-турецкую 1877–1878 гг., в русско-японскую и первую мировую войны. Не удалось избавиться от этого порока и в Советской Армии. Например, одной из причин первоначальных неудачных действий в районе озера Хасан в 1938 г., да и в районе Халхин-Гола (до вступления в командование Г. К. Жукова) явились именно запутанность и искусственное усложнение системы управления. Так, в районе озера Хасан с управлением сравнительно небольшим количеством войск могли бы справиться командир корпуса и командующий войсками Дальневосточного военного округа с оперативной группой. Но спешка и требование высших властей немедленно уничтожить вторгшие японские части привели к вмешательству в боевое управление многочисленных инстанций, которые не давали возможности друг другу нормально работать. Непосредственно управлял боевыми действиями командир 39-го стрелкового корпуса В. Н. Сергеев, над ним был командующий 1-й армией К. П. Подлас.

В их дела непрерывно вмешивались и пытались отдавать распоряжения соединениям и частям, находившимся в районе боевых действий начальник штаба Дальневосточного военного округа Г. М. Штерн (с опергруппой), а также прибывший из Москвы (тоже с оперативной группой) армейский комиссар Л. З. Мехлис. Управление осуществлял также командующий войсками округа В. К. Блюхер со своим штабом, которых непрерывно теребили запросами об обстановке и указаниями народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов, Генштаб, Главное политическое управление и другие органы. Такая система управления ничего, кроме бестолковщины и неорганизованности

порождать не могла. После этого была советско-финская война.

Война 1941–1945 гг., которая благодаря своим масштабам и напряжению, делала порой просто невозможной излишнюю опеку и централизацию, хотя стремление к этому сохранялось. И эта тенденция дала о себе знать и во время афганских событий. Советскими войсками в Афганистане командовал командующий 40-й армией, подчиненной командующему Туркестанского военного округа. Чуть позже над ними появилась еще одна командная инстанция — Главное командование Южного направления (в Баку). Командные функции по отношению к войскам в Афганистане сохраняли Главнокомандующие сухопутными войсками и ВВС, командующие родами войск и тыла. Все эти управленческие инстанции в свою очередь подчинялись Министру обороны и Генштабу. Политической работой руководило главное политическое управление. Все они непрерывно запрашивали те или иные данные по обстановке и пытались так или иначе влиять на советские войска в Афганистане.

Еще одна ветвь военного управления существовала по линии советнического аппарата. Всего в вооруженных силах Афганистана было до 2 тыс. военных советников. Военные советники в афганской армии возглавлялись главным военным советником, который практически работал при Министерстве обороны Афганистана.

Советники имелись в центральном аппарате Министерства обороны, во всех соединениях и частях. В ряде случаев они были доведены до бригады и батальона. Как и офицеры 40-й армии большинство военных советников достойно, умело и самоотверженно выполняли свой долг. В Афганистане погибли 180 военных советников, специалистов и переводчиков, 664 были ранены. В их числе погибли генералы Д. Н. Шкидченко, Н. А. Власов, полковники Мельниченко и А. В. Еременко.

Наиболее трудно приходилось советникам в низовом звене как в морально-психологическом, так и в бытовом отношении. Представьте себе офицера с одним переводчиком (а иногда и без него) среди афганских войск, расположенных в полевых условиях и ведущих военные действия где-нибудь в районах Файзабада, Хоста, Урузгана или Герата, где угроза исходила не только от моджахедов, но нередко и части персонала правительственных войск.

После одной из поездок в Афганистан в начале 80-х годов мной был написан доклад начальнику Генштаба Маршалу Н. В. Огаркову о необходимости введения ординарцев для советников при бригадах и батальонах. Но руководство

главного оргмобуправления Генштаба похоронило и это предложение.

Кроме того, были военные советники в войсках Министерства внутренних дел и государственной безопасности, которые Главному военному советнику в Афганистане не подчинялись.

Для координации и согласования усилий 40-й армии, советников при афганской армии, войсках МВД и МГБ практически постоянно существовала оперативная группа Министерства обороны СССР во главе с Маршалом Советского Союза С. Л. Соколовым[49], а затем генералом армии В. И. Варенниковым. В периоды, когда эти должностные лица отсутствовали в Афганистане, действовала оперативная группа Генштаба, которую некоторое время возглавлял генерал Б. В. Громов.

В одном из своих интервью[50] он сравнивал эту свою должность с представителями Ставки ВГК периода Великой Отечественной войны, но такими полномочиями Борис Всеволодович не располагал (командующие ТуркВО и 40-й армии ему не подчинялись); основная задача его опергруппы заключалась в «своевременной и объективной» информации Генштаба о военной обстановке в Афганистане. Хотя казалось бы при нормальной системе управления было бы достаточно и докладов (донесений) об обстановке командований 40-й армии, Туркестанского военного округа и главного военного советника. Если кто-то из них докладывает необъективно или не справляется со своими обязанностями, они должны заменяться. Но ясно одно, что никакой контроль не может заменить прямого управления войсками со стороны должностных лиц, которые непосредственно для этого предназначались.

Поразительно, что при нахождении в Афганистане первых заместителей Министра обороны и начальника Генштаба им не подчинялись в полной мере советники в войсках МГБ, хотя они нередко выполняли общие боевые задачи в составе правительственных войск.

И это не только по линии военной. Вообще в Афганистане не было должностного лица, которому бы подчинялись все ведомства, выполняющие различные задачи. Не был полновластным «хозяином» положения и посол, ибо ему не подчинялись в полной мере представители комитета госбезопасности, партийные советники и представители некоторых других ведомств. Все это создавало много несогласованностей в работе, порождало многочисленные противоречия, интриги одних ведомств против других и, конечно же, не способствовало эффективности политического и военного

руководства.

Таким образом, афганская кампания изначально не задумывалась как война. Если даже рассматривать с имперских позиций, то ввод советских войск в Афганистан был вызван стремлением поддержать дружественный по отношению к СССР политический режим, не допустить появления на юге враждебного государства и с целью не допустить распространения в этом регионе влияния других могущественных держав.

Оценивая в целом столь трагическую историю недавнего прошлого, как афганская война, нельзя не сказать и о неправомерности каких-либо обвинений в адрес советских воинов, направленных в Афганистан по приказу высших государственных органов. Несмотря на всю сложность и противоречивость своего положения, генералы, офицеры, сержанты и солдаты 40-й армии, военные советники и специалисты до конца были верны своему воинскому долгу и в целом достойно его выполняли. В этом отношении можно согласиться с выводами и оценками, которые высказывались генералом армии В. И. Варенниковым, генерал-полковником Б. В. Громовым в книге «Ограниченный контингент» и другими активными участниками афганских событий.

Во всяком случае нет каких-либо оснований говорить о поражении советских войск в Афганистане. В отличие от американцев во Вьетнаме, бежавших из этой страны, наши войска организованно вошли и организованно вышли из Афганистана по решению своего правительства. Советский Союз в Афганистане потерпел не военное, а политическое поражение. В конце концов, если бы советское политическое руководство поставило своей целью во что бы то ни стало завоевать Афганистан, выделив необходимые для этого силы и средства, то эту задачу со временем можно было бы решить. Но такая задача на протяжении 10 лет практически не ставилась.

Но если бы даже такая цель была поставлена, то как показывает исторический опыт, завоевание такой страны, как Афганистан — дело чрезвычайно сложное, требующее длительных и массированных усилий.

Достаточно вспомнить хотя бы русско-кавказские войны. Россия использовала в этих войнах мощные по тем временам вооруженные силы. И длилась война не 25 лет, как это пишут в некоторых исторических трудах и учебниках. Фактически начало кавказским войнам было положено еще персидским походом Петра I в 1722 г. и завоевание Кавказа осуществлялось на протяжении XVIII и XIX веков. Война за обладание Кавказом

продолжалась и в первую мировую и гражданскую войну 1918–1921 гг. Не обошла Кавказ и война 1941–1945 гг. В такой исторической ретроспективе 10-летняя война в Афганистане, выглядит довольно длительным для людей одного поколения, но все же лишь одним из отрезков нашего трагического прошлого.

Кавказские войны считались «славнейшей страницей» истории российского государства. Вместе с тем эти войны вошли в историю кавказских народов как самые трагические и героические. С точки зрения исторической потребности присоединения Кавказа, как и Средней Азии (также занявшее довольно длительное время) объяснялись важными государственными интересами России. Они вызывались необходимостью предотвращения захвата Кавказа Оттоманской империей, а Средней Азии — англичанами, что было бы неизбежным, если бы Россия этому не противодействовала. И многие народы (Грузия, Армения, Абхазия и др.) сами настойчиво стремились получить покровительство России. России нужен был выход к Черному морю, требовалось обезопасить свои южные рубежи.

Но как это в истории бывало, когда начиналось противоборство крупных держав, то начисто забывались интересы других народов, стоящих на их пути, в частности, кавказских и среднеазиатских народов, которые стремились к своей свободе, независимости и не всегда хотели присоединиться к России. Соответственно, никогда не было однозначного отношения к этим войнам. Вспомним слова А. С. Пушкина: «Смирись Кавказ, идет Ермолов». В то же время Т. Г. Шевченко всецело поддерживал горцев: «Поборитесь, вы победите».

Войны на Кавказе отличались крайней жестокостью с обеих сторон, но ничем нельзя объяснить истребление почти половины населения горских народов, которые немало воевали и между собой.

Кстати, повстанческое движение на Кавказе и в Средней Азии имело место не только в царской России, но и в годы Советской власти и, в частности, на Кавказе оно было приглушено лишь к 1953 г. Когда еще в конце 1982 г. А. А. Громыко поднимал вопрос о политическом урегулировании афганской проблемы, Ю. Андропов напомнил, что Красной Армии потребовалось 15 лет для того, чтобы подавить сопротивление басмачей в Средней Азии. «Чудес не бывает, — говорил он, — мы можем иногда сердиться на афганцев, обвинять их в непоследовательности и промедлении. Но давайте вспомним нашу собственную борьбу с басмачами…».[51]

Характерно, что после всех этих войн и вековых усилий в

конечном счете Кавказ (по крайней мере Закавказье) и Средняя Азия теперь вновь оказались отделенными от России. И войска выведены не только из Афганистана.

Правда, пока не достигли своей цели в борьбе за Кавказ, Среднюю Азию и Афганистан и другие государства, противостоявшие России в этой борьбе и пытавшиеся использовать повстанческое движение в своих интересах.

Ничего, кроме ужасных бедствий не получили от этих войн и народы этих регионов. Кавказ, Таджикистан, Афганистан по-прежнему раздираются конфликтами, продолжает литься кровь ни в чем не повинных людей.

Так что же в итоге: почти трехсотлетняя война с точки зрения российских интересов была напрасной? Думаю, что история еще не дала окончательного ответа на этот вопрос. Ибо, как показали походы Ганнибала или опыт русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военные победы сами по себе еще мало что значат, если они не закрепляются политически. И именно политическая близорукость и политические ошибки стали первопричиной многих трагедий.

К тому же в рассматриваемых нами исторических событиях были не только завоевания и борьба с завоевателями, но и длительное политическое и духовное сотрудничество народов, порождавших общие интересы и потребности. Не раз народы вместе боролись против общего врага, как это было в Великой Отечественной войне.

В связи с этим, извлекая уроки из прошлого, может быть самым разумным было бы оставить народы этих и других регионов в покое и дать им возможность самим определить свою судьбу. Но оказывается и желанная независимость не решает всех проблем. Судьбы многих народов, их экономические и духовные интересы так переплетены, что путь в будущее надо искать вместе на основе взаимного уважения интересов.

Что касается воинов разных поколений, то солдаты и офицеры войн не выбирают и их не объявляют. В кавказских и среднеазиатских войнах участвовали М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. И. Полежаев, А. С. Грибоедов, В. В. Верещагин и другие известные люди, олицетворявшие совесть России и относившиеся с симпатией к мужественной борьбе горцев и других народов. Всегда были почитаемыми имена генералов А. П. Ермолова, М. С. Воронцова, М. Д. Скобелева, как и имена героев из среды народов, боровшихся за свою свободу, таких как шейх Мансур, Шамиль, Байсунгур, Кенесары Касымов и многих других героев прошлых войн.

Такими же славными деяниями войдут в отечественную

историю советские солдаты и офицеры, выполнявшие свой воинский долг в Афганистане, отдавая вместе с тем должное доблести своих бывших противников, как это сделал в свое время Л. Толстой в повести «Хаджи Мурат».

3. Женевские соглашения и вывод войск из Афганистана

Долгий путь к Женевским соглашениям.

К середине 80-х годов становилось все более очевидным, что война в Афганистане стоила СССР многих тяжелых испытаний и крупных политических и экономических издержек. Все больше осложнялось ее положение на международной арене. Пребывание крупной группировки войск в Афганистане ложилось тяжким бременем на экономику страны. В разных уголках страны хоронили солдат и офицеров, погибших в войне, которую в обществе все больше осуждали. Все это вызывало в народе большое недовольство. Нужны были радикальные решения по выводу войск из Афганистана и прекращению войны. Новое советское руководство во главе с М. С. Горбачевым, пришедшее к власти в 1985 г., постепенно начало склоняться к таким решениям.

На заседании Политбюро ЦК КПСС в ноябре 1986 г. М. С. Горбачев заявил: «К настоящему времени мы уже шесть лет воюем в Афганистане. Если мы не изменим подходы, мы будем воевать там еще 20 или 30 лет. Мы должны в кратчайшие сроки положить этому конец».[52] А. А. Громыко, согласившись с этим, подчеркнул, что необходимо положить конец войне таким образом, чтобы Афганистан стал нейтральным государством.

В этом же году во встречах и беседах с Б. Кармалем и другими афганскими руководителями был настойчиво поставлен вопрос о необходимости более активного поиска путей политического урегулирования положения в Афганистане и выводе советских войск. В качестве предварительного шага в октябре 1986 г. из Афганистана были выведены 6 полков: два мотострелковых, один танковый и три зенитных.

Одновременно были предприняты дипломатические шаги по политическому урегулированию афганской проблемы.

Шли интенсивные переговоры и консультации с представителями США, Пакистана, Ирана и другими заинтересованными странами. И сама обстановка в Афганистане в 1986–1987 гг., сложившееся равновесие сил между центральным правительством и оппозицией подталкивали к необходимости поиска невоенных путей разрешения афганского кризиса. Для осуществления нового курса были нужны и новые люди.

С приходом к власти Наджибуллы 3 января 1987 г. была принята Декларация Ревсовета Демократической Республики

Афганистан «О национальном примирении», в которой делались конкретные предложения по прекращению огня и установлению национального мира, созданию временного коалиционного правительства и проведению всеобщих выборов, предоставлении части министерских постов в правительстве представителям оппозиции.

Хотя оппозиция и не приняла такую политику, но провозглашение политики национального примирения повысило авторитет центрального правительства Афганистана и дало новый импульс к активизации афгано-пакистанских переговоров, которые без ощутимых результатов велись уже с 1982 г. через личного представителя Генерального секретаря ООН Д. Кордовеса. После напряженных переговоров, наконец, в апреле 1988 г. были заключены известные Женевские соглашения, которые включали в себя:

Двустороннее соглашение между Республикой Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции, подписанное министрами иностранных дел двух этих государств. Соглашение о взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану, подписанное министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана, а также министрами иностранных дел СССР и США, как представителями государств-гарантов. Представителями четырех упомянутых государств был принят «Меморандум понимания» заключенных соглашений. Кроме того представители СССР и США подписали Декларацию о международных гарантиях.

Главным в этих документах был вывод советских войск из Афганистана и прекращение вмешательства извне во внутренние дела Афганистана.

Следует сказать, что центральным правительством Афганистана и советским правительством все предусмотренные Женевскими соглашениями мероприятия, в том числе вывод войск, были выполнены полностью и в точно установленные сроки.

Если Советский Союз последовательно выполнял принятые на себя обязательства по заключенным в Женеве соглашениям, то другие государства не сделали этого. Иран вообще не признал Женевских соглашений четырех сторон, отказавшись от его подписания в качестве пятой заинтересованной стороны. США, Пакистан и некоторые другие страны грубо нарушили условия заключенных соглашений.

Так, в Двустороннем соглашении между Республикой

Афганистан и Исламской Республикой Пакистан о принципах взаимоотношений и, в частности, о невмешательстве и об отказе от интервенции были зафиксированы обязательства «уважать суверенитет, политическую независимость, территориальную целостность Республики Афганистан и Исламской Республики Пакистан»; «обеспечивать, чтобы своя территория не использовалась каким-либо образом для нарушения суверенитета, политической независимости, территориальной целостности и национального единства или для подрыва политической, экономической и общественной стабильности другой… стороны», «не допускать на своей территории обучения, снаряжения, финансирования и рекрутирования наемников какого бы то ни было происхождения…»

В «Декларации о международных гарантиях», подписанной представителями СССР и США, подтверждалась необходимость уважения упомянутого выше двустороннего соглашения.

Однако советские войска из Афганистана были выведены, а другие пункты достигнутых соглашений не выполнены. Причем открыто делались заявления о необходимости «замены» существующего в Афганистане режима и правительства, с которым заключены перечисленные соглашения. На территории Пакистана продолжали базироваться снаряжаться вооруженные формирования для ведения военных действий на территории Афганистана. Допускались и многие другие нарушения женевских соглашений. Западные страны упорно не желали урегулирования обстановки в Афганистане. Помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский прямо заявлял: «Не нужно политического урегулирования». Или как он уточнил в интервью журналу «Ю. С. Ньюс», «урегулирование должно включать… переход власти в другие руки».[53]

В изданной в 1988 г. МИД Афганистана «Белой книге» «Выполнение женевских соглашений в интересах всего человечества» были приведены многочисленные факты нарушений этих соглашений со стороны США и Пакистана. Только в течение первого месяца после подписания Женевских соглашений моджахедам, базирующимся на территории Пакистана, было поставлено оружия и боеприпасов в несколько раз больше, чем это делалось до этого.

Так 15 мая 1988 г. в приграничный кишлак Тери Мангал (в 130 км от Пешавара) прибыло 100 грузовиков с оружием. Из города Парачинар в лагеря оппозиции ежедневно прибывало более 40 автомашин, груженных стрелковым оружием, минометами, ракетами и другими видами боеприпасов. Нередко они маскировались под торговые караваны. На территории

Пакистана продолжали функционировать более 200 учебных центров по подготовке боевиков для вооруженных формирований оппозиции.

Не прекращались и активные вооруженные акции. За два месяца после начала вывода советских войск моджахеды предприняли 2914 военных акций. Только с мая по август 1988 г. по Кабулу было выпущено 20 ракет и 30 артиллерийских снарядов.

При обстреле Кабула получили ранения граждане ФРГ, ГДР, НРБ, других стран, погибли несколько советских граждан и детей. Неоднократно обстреливались Кандагар, Герат и другие города. После вступления в силу Женевских соглашений совершено 555 обстрелов и нападений на советские воинские части, 26 раз обстреливались аэродромы. Совершено 400 нападений на сторожевые заставы. Совершались нападения и на правительственные афганские войска.

С момента заключения женевских соглашений и до 15 февраля 1989 г. от рук вооруженной оппозиции погибло 6954 человека и ранено 12 220 чел. — в основном из числа мирных жителей. За последние полтора месяца до 15 февраля 1989 г. погибли 39 советских военнослужащих.

Пакистанские власти всячески затрудняли работу наблюдателей ООН. Вопреки условиям женевских соглашений они препятствовали возвращению афганских беженцев. Для приема беженцев правительство Афганистана построило 23 гостиницы, 10 лагерей по приему и 27 центров по репатриации на 10 тыс. человек. Для этих же целей готовились военные городки, оставляемые советскими войсками. К началу августа более 150 тыс. беженцев вернулись в Афганистан. Но по требованию афганской оппозиции пакистанские полицейские и войска начали окружать лагеря беженцев и всячески препятствовать их репатриации.

В начале ноября 1988 г. по поводу нарушений женевских соглашений было сделано соответствующее заявление и со стороны МИД СССР. Но американские и пакистанские власти линии своего поведения по Афганистану не собирались изменять. Им нужно было добиться вывода советских войск из Афганистана. Они этого добились. А остальное их мало интересовало.

По сообщению газеты «Нью-Йорк-Таймс» на встрече с членами сената и палаты представителей государственный секретарь США Дж. Шульц заверил их в твердом намерении американской администрации продолжать оказание помощи афганской оппозиции.[54] Причем высокопоставленных сотрудников американской администрации, выступавших за

прекращение поставок вооружения моджахедам, в том числе заместитель директора ЦРУ Макмагон (возглавлявшей тайные операции в Афганистане) были отстранены от должностей.

В заявлении советского правительства от 5 ноября 1988 г. после перечисления ряда нарушений женевских соглашений указывалось: «…с тем, чтобы не допустить дальнейшего разгула террора и с учетом предупреждений, которые ранее делались в адрес бандформирований и пешаварских руководителей, Советский Союз предпринял ряд ответных мер в порядке обороны и законной самозащиты.»

Советский Союз осуществляет сейчас поставку вооруженным силам республики Афганистан дополнительно более мощных средств поражения… В связи с разного рода кривотолками относительно советских ракет в Афганистане, которые, как некоторые утверждают, предназначены для нанесения ударов по Пакистану, хочу подчеркнуть, что такой задачи не становилось. Они применяются только по сосредоточениям техники и вооружений, используемых против советских воинских подразделений и мирных городов Афганистана. Дальность советских ракет — менее 300 км, соответственно, поставки их никакого отношения к уже заключенным соглашениям и договоренностям не имеют, в частности, они не имеют отношения к советско-американскому Договору по ракетам средней и меньшей дальности.

Советский Союз по-прежнему исходит из того, что проблемы Афганистана могут быть решены именно мирным и только мирным путем. Соединенные Штаты, Пакистан должны употребить все свое влияние на бандформирования с тем, чтобы прекратилось кровопролитие в этой многострадальной стране… Важным практическим шагом в этом направлении было бы прекращение огня и начало переговоров по созданию коалиционного правительства на широкой основе с участием всех противостоящих сейчас друг другу сил. Прекращение огня давно предлагает президент Афганистана Наджибулла. Более того, Кабул в одностороннем порядке пошел на такое прекращение огня».[55]

С учетом такого заявления Советский Союз не только поставлял тяжелые ракеты, но и продолжал наращивать военные поставки Афганистану.

При объективном анализе ситуации, естественно, нельзя абстрагироваться и от того, что и Советский Союз не прекращал оказание военной помощи РА. Какова правовая основа этих действий? Помощь осуществлялась на основе двусторонних советско-афганских договоров, не противоречащих женевским

соглашениям и другим нормам международного права. Другое дело, насколько оправданными были общий объем и конкретные размеры военных поставок, адекватность их поставкам другой противоборствующей стороне.

Надо сказать, что руководство Советского Союза и МИД весьма вяло реагировали на все нарушения женевских соглашений другой стороной. Одно время американские официальные лица опасались того, что решение администрации Рейгана в 1985 г. о поставке «стингеров» и наращивании военной помощи моджахедам может спровоцировать Советский Союз на более решительные действия вплоть до ударов по другую сторону пакистано-афганской границы. Но опасения были напрасны… Это уже был другой Советский Союз.

Даже не прибегая к авиационным и ракетным ударам по территории Пакистана или к другим подобным акциям, советское руководство имело возможность надавить на «болевые мозоли» американцев или пойти на уступки в ответ на адекватные шаги США навстречу Советскому Союзу в Афганистане. Наконец, был очень удобный момент, когда США готовили свои акции в районе Персидского залива и были крайне заинтересованы в поддержке СССР. Советское руководство в ответ на это могло бы вынудить США пойти на уступки в Афганистане с тем, чтобы иметь в этой стране дружественное или нейтральное правительство. Но все эти благоприятные моменты не были использованы. Такая мягкотелость и уступчивость Западу имела негативные последствия не только относительно Афганистана. Как заявил Эдуард Шеварднадзе в одном из своих интервью в ноябре 1986 г.: «Решение о выходе из Афганистана было самым первым и трудным шагом. Все остальное вытекало из этого…»

В связи с этим в иностранной печати справедливо отмечалось, что этот первый шаг, осуществляемый в одностороннем порядке без всякой взаимности с другой стороны привел затем к подобным шагам в Никарагуа, Эфиопии, Восточной Европе и в конечном счете и к развалу самого Советского Союза.

Когда 15 февраля 1994 г. на памятной встрече, посвященной 5-й годовщине вывода советских войск из Афганистана, журналист М. Б. Лещинский спросил у М. С. Горбачева: «Вы говорите, что с самого начала стояли за вывод войск из Афганистана. Почему же тогда из 10 лет войны почти половину этого срока мы еще продолжали воевать в Афганистане с Вашим приходом к власти?» М. С. Горбачев объяснил это тем, что 1,5 года пришлось уговаривать и возиться с Б. Кармалем, который противился выводу войск, а затем и противодействием

военных.

А. Н. Яковлев в одном из интервью на вопрос, почему в 1985–1986 гг., когда в принципе уже созрело решение политического руководства, советские войска не были выведены из Афганистана — ответил, что этому противодействовали военные, которые якобы «своими необъективными докладами» неправильно ориентировали политическое руководство. Странно получается: при вводе войск в Афганистан с мнением военных, в том числе Генштаба, можно было не считаться, а при принятии решения о выводе войск из этой страны пришлось, оказывается, идти на поводу у военных. Не в этом, видимо, дело. Просто, не только руководство, но и часть общества в целом в 1985 г. еще не были готовы к такому решению. Нужно было определенное время и для подготовки международноправовых актов, заключенных в последующем в Женеве. Вместе с тем при более настойчивых оптимальных действиях политического руководства и МИД сроки вывода войск можно было и приблизить. Политические деятели должны иметь мужество отвечать за свои действия, а не пытаться перекладывать ответственность на других, как это сделал Сталин в связи с неудачами в 1941 г. и как это не раз пытались делать и в наше время. Что касается «необъективности» мнения военных специалистов, то опыту своей работы в Афганистане в 1989–1990 гг. могу сказать, что донесения главного военного советника практически и не попадали на стол высших политических руководителей, которые предпочитали довольствоваться усеченными на соответствующий лад сведениями и докладами других ведомств.

Вывод советских войск из Афганистана

Вывод советских войск из Афганистана был осуществлен в два этапа с 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. Причем вывод войск был четко спланирован, осуществлен организованно, практически без ведения военных действий.

Что касается встречи наших возвращающихся войск на территории СССР, то она была организована прискорбно плохо. И в этом отношении нарекания, высказанные генералом Б. Громовым и другими участниками афганской войны, справедливы и оставляют чувство обиды и досады за наших лицемерных и нерадивых правителей, которые могут с большой легкостью отправить людей на войну, но у которых не достает мужества встретить и взглянуть в глаза возвращающимся солдатам.

Не во всем однозначно была настроена и афганская оппозиция. Некоторые ее непримиримые представители предлагали устроить советским войскам при их уходе «кровавую бойню», но они не были поддержаны даже в среде моджахедов. Руководители оппозиции были заинтересованы в быстрейшем уходе советских войск, полагая, что после этого они станут хозяевами положения в стране. Поэтому они и не препятствовали выводу советских войск. Хотя были и отдельные стычки. Не обошлось и без потерь, особенно обидные в условиях, когда войска уже покидали Афганистан. В районе Саланга в упор был расстрелян КАМАЗ и его водитель рядовой С. С. Шельтяев. Капитан О. Шишкин и его товарищи по вертолетному экипажу лейтенант П. Кроха и старший лейтенант А. Слушаев погибли за пять дней до окончательного вывода наших войск. До последнего патрона отстреливался трубопроводчик В. Стариков. Всего в течение января и в первой половине февраля 1989 г., когда осуществлялся вывод войск, погибло 39 человек.

На заключительном этапе вывода войск возникли и некоторые другие осложнения. Ввиду того, что Пакистан не выполнял взятых на себя обязательств, а моджахеды не шли на мирное урегулирование, президент Республики Афганистан Наджибулла настаивал на том, чтобы в Кабуле и на основной дороге Кабул — Хайротон временно были оставлены советские войска численностью до 10–15 тыс. человек. С тем, чтобы как-то нейтрализовать шум по этому поводу, предлагалось именовать их «добровольцами».

10 января 1988 г. во время посещения Кабула Э. Шеварднадзе и В. Крючковым под нажимом Наджибуллы было даже выработано предложение об оставлении в Афганистане части советских войск и командующему 40-й армии отдано предварительное распоряжение о приостановлении вывода войск. Однако на заседании Политбюро ЦК КПСС это предложение не было утверждено. И такое решение в той обстановке было единственно верным. Повторимся еще раз: с точки зрения политической не имеет особого значения сколько иностранных войск остается на территории другого государства. Принципиальное значение имеет то, что они там остаются. Женевские соглашения надо было выполнять. Это было нецелесообразным и с военной точки зрения. Наши оставшиеся воинские части в Афганистане могли подвергнуться массированным нападениям моджахедов и оказаться в трудном положении. Для их поддержки и оказания помощи в критические моменты пришлось бы направлять на территорию Афганистана дополнительные войска. В результате война с участием советских

войск продолжалась бы, но в значительно худших условиях, чем до их вывода из Афганистана.

За несколько месяцев до вывода наших войск из этой страны в основном по инициативе командования 40-й армии, командиров соединений и частей практически прекратились боевые действия и активизировались контакты с полевыми командирами моджахедов и местным населением. Советские командиры проводили встречи со старейшинами близ лежащих кишлаков, разрешали населению свободно передвигаться, проводить хозяйственные работы, помогали топливом и продуктами. Наметились некоторые позитивные подвижки и в налаживании контактов представителей советского командования с Ахмат Шахом. Во всяком случае он шел на переговоры. Эти меры способствовали беспрепятственному выводу советских войск.

Казалось бы, все это делается в русле осуществления политики национального примирения и должно устраивать руководство республики Афганистан. Но дело осложнялось тем, что моджахеды не хотели идти на контакты с правительственными войсками или, когда на это шли, то не во имя примирения, а с целью переманивания их на свою сторону. Получалось еще более резкое противопоставление моджахедам правительственных войск, которые к тому же оставались без поддержки советских войск, к которой они так привыкли.

У Наджибуллы особое беспокойство вызывала сильная группировка вооруженных формирований Ахмат Шаха Масуда на северо-востоке Афганистана, со стороны которой возникала наибольшая угроза Кабулу и перехвата основной дороги снабжения Кабул — Хайротон и перевала Саланг. Учитывая это, а возможно и с целью провоцирования активных действий со стороны Ахмат Шаха и задержки вывода советских войск, Наджибулла в январе 1988 г. через Э. Шеварднадзе и В. Крючкова обратился с просьбой о нанесении по формированиям Ахмат Шаха авиационных ударов. Советским высшим руководством, несмотря на возражения генерала армии В. Варенникова и командования 40-й армии, такое предложение было принято. И с 24 января по 15 февраля 1989 г. была практически проведена воздушная операция по нанесению массированных ударов по районам базирования отрядов Ахмат Шаха с привлечением авиации с территории Советского Союза. Но с началом первых же авиационных ударов Ахмат Шах отвел свои основные силы в сравнительно безопасные места, укрыл их в ущельях. Ввиду этого, а также из-за отсутствия точных разведданных (разведка 40-й армии к этому времени уже свертывалась) эти воздушные удары

не дали существенных результатов. Но нанесли ущерб начатому процессу национального примирения и подтолкнули Ахмат Шаха к тому, чтобы собраться с силами и активизировать боевые действия войск после вывода советских войск.

При принятии решения на нанесение бомбовых ударов по территории контролируемой Ахмад Шахом, афганским и советским руководством не учитывалось еще одно важное обстоятельство. При ослаблении сил Ахмад Шаха, с которым на определенных условиях еще как-то можно было договориться, усиливались позиции более опасных и непримиримых оппозиционных сил и прежде всего Гульбеддина Хекматьяра.

Следует сказать, что вывод советских войск из Афганистана ставил серьезные проблемы перед афганским командованием. Надо было не только устоять против объединенных сил оппозиции в морально-психологическом плане, но и заменить советские войска в обороне и охране городов, аэродромов, других важных объектов, коммуникаций, от удержания которых зависели снабжение населения, войск и в целом судьба республики. Если и до этого при нахождении в Афганистане советских войск, не доставало сил и средств, то после ухода советских войск эта проблема еще больше обострилась. Большинство афганских соединений и частей были уже прикованы к определенным объектам, маршрутам и поэтому не представлялось возможным заново принять решение на создание необходимой группировки сил и средств или произвести крупную перегруппировку войск. Нужных для этого резервов также не было. Поэтому афганскому командованию приходилось вырывать отдельные подразделения из различных соединений и направлять в районы или на позиции, где до этого располагались советские войска.

Советское командование создавало трехмесячные запасы основных материальных средств. В частности, были завезены дополнительные запасы боеприпасов, продовольствия, автомобильного, авиационного и дизельного топлива и других материальных средств в количестве свыше 85 000 тонн; из них артиллерийских боеприпасов — 13 269, авиационных — 3570, горючего — 24 320, продовольствия — 27 074 тонн. Запасы были заложены на базах и складах афганской армии и советских складах, передаваемых афганской стороне — в 12 гарнизонах (Джелалабад, Гардез, Кундуз, Кандагар, Шинданд, Герат, Кабул, Джабаль-Уссарадж, Баграм, Баглан, Пули-Хумри, Мазари-Шариф), а также на перевалочных базах Хайротон и Туругунди. Кроме того, сверх трехмесячных запасов афганской стороне были переданы материальные средства из остатков текущего довольствия частей 40-й армии при их выводе в количестве

55,5 тыс. тонн, в том числе боеприпасов — 15 000, продовольствия — 3000, горючих материалов — 37 500 тонн.

Советские войска оставляли также часть своего вооружения и техники. Так, афганской армии были переданы: бронетанковой техники — 990 ед., автомобилей около — 3000, артиллерийских орудий — 142 ед., минометов — 82 ед., реактивной артиллерии — 43 установки, зенитных средств — 231 ед., стрелкового оружия — 14 443 ед., гранатометов — 1706 ед. и другие виды военной техники. Правда, из-за отсутствия достаточного количества подготовленных специалистов афганцы не смогли рационально использовать всю эту военную технику.

К сожалению, из-за неорганизованности, коррупции и плохого контроля со стороны афганского командования до некоторых подразделений и частей эти запасы в полном объеме не дошли. Часть запасов была распродана, растрачена афганскими командирами или в ходе перевозок попала в руки мятежников. Явно недостаточно оказалось запасов в районе Джелалабада, Хоста, Кандагара, где количество войск пришлось увеличивать. Все эти обстоятельства стали выявляться уже через две-три недели после ухода советских войск. На эти сигналы бывшие руководители советских войск в Афганистане реагировали весьма болезненно, заверяя, что все это было припасено сполна.

Да, были даны указания об обеспечении 3-х месячными запасами афганских войск. И эти запасы были завезены в Афганистан. Командование советских войск и, в частности, оперативная группа Генштаба во главе с генерал-лейтенантом А. Г. Гапоненко постоянно контролировала выполнение этой задачи. Он действовал очень энергично и лично объездил все 12 баз и многие соединения, проверяя наличие предусмотренных запасов. Но любой опытный военачальник знает, какая порой бывает большая дистанция между отданными указаниями, распоряжениями, докладами и их практическим выполнением и тем более в условиях афганской армии.

Поэтому сразу же после вывода советских войск в ряде частей афганской армии начал ощущаться острый недостаток сил и материальных средств и трудности в обеспечении продовольствием, горюче-смазочными материалами и боеприпасами. И вообще афганская армия, привыкшая во всем полагаться на 40-ю армию и военных, советников, осталась один на один против вооруженной оппозиции. Республике Афганистан предстояла тяжелая борьба.

Глава II
«Неверных» нет, а война продолжается

1. Как я оказался в Афганистане

В феврале 1994 г. на памятном вечере в Москве, посвященном 5-летию окончания афганской войны, все друг друга поздравляли с выводом войск, а меня с вводом в Афганистан, так как к моменту завершения вывода войск я совершенно неожиданно для себя оказался в этой стране.

В конце 1988-в начале 1989 гг. я, как заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, занимался своими делами, связанными с руководством научной работой и оперативной подготовкой, а также некоторыми вопросами военного сотрудничества с зарубежными странами. С целью разъяснения наших позиций по оборонительному характеру военной доктрины по заданию руководства Министерства обороны мною были совершены поездки в Лондон и Бонн. В январе 1989 г. посетил Кубу, где мы с группой офицеров оказывали помощь в проведении оперативно-стратегического учения. Предстояли и другие поездки. Но нельзя было предположить, что неисповедимые пути военной службы могут привести меня в Афганистан.

Советские войска из Афганистана выводились и казалось, что заботы Генштаба, связанные с афганской проблемой, уходят в прошлое. Да и по профилю работы я стоял в стороне от непосредственного участия в афганских делах. Но, как говорят, мы предполагаем, а Бог и судьба располагают.

В конце января 1989 г. с кратковременной поездкой в Кабул вернулся Министр обороны генерал армии Д. Т. Язов и в тот же день поздно вечером собрал совещание руководящего состава Министерства обороны и Генштаба. Он рассказал об обстановке в Афганистане накануне завершения вывода советских войск, о своих встречах с руководством Республики Афганистан. Суть его выступления сводилась в основном к трем моментам. Первое — обстановка в Афганистане складывалась очень сложная и рассчитывать на прекращение военного противостояния правительственных сил и оппозиции не приходилось. Он подчеркнул, что афганское политическое и военное руководство

чувствует себя крайне неуверенно. Второе — Министр обороны весьма критически отозвался о позиции некоторых посольских работников и группы военных советников, которые, как он сказал, больше занимаются критикой афганского руководства и меньше делом по оказанию конкретной помощи афганским вооруженным силам. Особенно его беспокоила нескрываемая некоторыми военными советниками ненависть к президенту Наджибулле. Третье — президент Республики Афганистан настойчиво добивался оставления части советских войск в этой стране или (если это возможно) направления наших добровольцев для охраны дороги Хайротон — Кабул и сопровождения автоколонн, обеспечивающих материальное снабжение. Наджибулла поставил также вопрос, чтобы при нем, как Верховном Главнокомандующем афганскими вооруженными силами, работал военный советник с небольшой оперативной группой. Возможность выделения «добровольцев» советской стороной была поставлена под сомнение. Но отказывать ему во всем было невозможно. И поэтому генерал Д. Язов, видимо, счел более целесообразным выделение группы офицеров для работы в Афганистане, чем заниматься созданием сомнительных военных формирований, чреватых политическими осложнениями и требующих больших хлопот.

Наш Министр обороны сказал, что по решению правительства никаких войск, в том числе «добровольцев» в Афганистане оставляться не будет, но военная помощь этой стране будет оказываться, в том числе предполагается направить в Кабул оперативную группу. Свое выступление он закончил словами: «Кто поедет в Афганистан, определим в ближайшие дни. Обстановка там трудная, но думаю, что и никто из вас в труса играть не будет». После этого он оглядел зал и, как мне показалось, несколько дольше задержал свой взгляд на мне. Не один я, видимо, ушел с этого совещания встревоженным. Слух о том, что кому-то предстоит снова отправиться в Афганистан быстро распространился в высших звеньях военного руководства. Узнав об этом и опасаясь, что выбор может пасть и на них, два известных военноначальника, ранее имевшие отношение к афганским делам, слегли в госпиталь. Скрывать нечего, после всего, что произошло в Афганистане, и после вывода советских войск, особого энтузиазма отправляться туда никто не проявлял, в том числе и пишущий эти строки. Одно дело, когда приходится терпеть лишения и рисковать жизнью в справедливой войне, выполнять воинский долг, оправданный в глазах общества. И совсем другое — отправляться на войну, которая заведомо объявлена преступной, испытывая тяжелый морально-

политический гнет.

Но мне долго волноваться не пришлось. Уже на следующий день по указанию министра обороны меня вызвал к себе в кабинет вновь назначенный начальник Генерального штаба генерал армии М. Я. Моисеев, где уже сидел заместитель Министра обороны по кадрам генерал армии Д. С. Сухоруков и мне всё стало сразу ясно… Начальник Генштаба после небольшого вступления об обстановке в Афганистане, предложил мне отправиться туда во главе оперативной группы. За ночь я ко всему этому себя уже подготовил и поэтому коротко ответил: «Готов выполнить любое задание, которое на меня будет возложено».

Дело уже прошлое и скажу откровенно: я был в сложном положении. К тому времени у меня участились сердечные приступы и по состоянию здоровья, заключению врачей мне ехать в такую тяжелую командировку было противопоказано. Препятствовали этому и некоторые семейные обстоятельства. Но вместе с тем, ясно отдавал себе отчет в том, что означал бы мой отказ от такой командировки. Это было бы воспринято и изображено самым негативным образом. Мне было 65 лет, все равно вскоре пришлось бы увольняться и заканчивать военную службу с самым неблаговидным имиджем. И поэтому я в беседах с начальством ни о болезнях, ни о других обстоятельствах не заикался, заранее зная, что ничего из этого не будет понято.

Некоторые знакомые отговаривали меня. Говорили: пусть тот, кто заваривал эту кашу, тот и расхлебывает, что ничего хорошего в Афганистане нас не ждет и, если со стотысячной группировкой войск ничего не удалось сделать, то тем более не на что рассчитывать после вывода советских войск. Советовали обо всем этом честно сказать руководству. Были и более резкие высказывания: «Ты идешь на явную авантюру». Один близкий фронтовой товарищ никак не мог понять, почему меня посылают уже на пятую в моей жизни войну, военную акцию (война против Германии 1941–1945 гг., война против Японии 1945 г., участие в Чехословацких событиях 1968 г., в Израиле — египетском противостоянии 1970–1971 гг., и теперь в Афганистан). В интересах дела было бы лучше «обкатать» в Афганистане кого-либо из молодых перспективных генералов и т. д. Во всем этом какой-то резон был. Но перспективные, обреченные на выдвижение генералы в послевоенные годы не особенно стремились в горячие точки и предпочитали нести службу в треугольнике — Москва, Киев, группа войск в Германии. И так ничего не испытав, ничего не изведав, кроме облегченной службы, взошли они на большие должности.

Что касается меня, то я, как и большинство офицеров нашей армии, легкой службы никогда не выбирал и решил до конца нести свой крест. На сборы и подготовку группы дали около недели.

Перед отъездом Д. Т. Язов после некоторых напутствий и лестных слов в мой адрес, спросил: «Ну как, не страшно туда ехать?» Я ему ответил: «Нам уже поздно бояться. В нашей роте в Ташкентском военном училище в 1941 г. было выпущено 119 офицеров и из них вернулись с войны только 26 человек. Остальные сложили головы в возрасте 18–20 лет. Мне же судьба после войны и так подарила еще более 40 лет и грех будет обижаться, если даже что-то случится со мной в Афганистане».

Затем Д. Т. Язов спросил: «Как реагирует жена, Тамара Ивановна?» — Мне ничего не оставалось, как пошутить: «Ваше решение об отправке меня в Афганистан она конечно не утверждает, но высшее руководство, видимо, скорее согласится с Вашим решением, чем мнением моей жены». Собственно в ее понимании сложившийся ситуации я не сомневался. За долгую совместную жизнь она научилась не хуже меня осознавать необходимость стойкого перенесения тягот военной службы.

Перед отъездом состоялись также мои встречи с Председателем КГБ В. Крючковым, Министром иностранных дел Э. Шеварднадзе, Министром внутренних дел В. Бакатиным, начальником Первого Главного управления КГБ Л. Шебаршиным, руководством Главного оперативного, Главного разведывательного и 10 Главного управлений Генерального штаба, а также рядом других должностных лиц Министерства обороны, сухопутных войск и ВВС.

Особенно запомнились встречи с Э. Шеварднадзе и В. Крючковым. Первый принял меня очень тепло. Не скрывал трудности возложенной на меня задачи. Вместе с тем подчеркнул, что нам надо любой ценой сохранить дружественный нам Афганистан и заверял о своей поддержке в предстоящей работе. Труднее происходил разговор с В. Крючковым. Он сразу же заговорил о необходимости поддержки и налаживании контактов с президентом Наджибуллой и представителями КГБ в Кабуле. Я, пользуясь данными, полученными в Генеральном штабе, пытался объяснить, что отношения придется строить на принципиальной основе и что советскому руководству надо рекомендовать президенту Афганистана отказаться от недоверия к афганской армии. В частности, мне тогда представлялось ошибочным решение президента о выводе из Кабула 1-го армейского корпуса, который до этого оборонял город. На все это председатель КГБ сухо и бесстрастно заявил: «Если Вы с такими настроениями

поедете в Афганистан, то рассчитывать Вам на успешную работу там нельзя». Далее он выразил неудовольствие неправильной позицией некоторых военных советников, работающих в Кабуле.

С моей стороны было сказано, что пока остаюсь при своем мнении, но если после более тщательного ознакомления с обстановкой на месте, моя позиция окажется ошибочной, то я упорствовать не намерен. Вместе с тем, высказал пожелание, чтобы и представители КГБ более внимательно относились к военным аспектам обстановки в Афганистане. Без укрепления армии и доверия к ней со стороны афганского политического руководства невозможно будет решать задачи противостояния вооруженной оппозиции. На этом мы расстались. Но как потом оказалось, отношение к армии было одним из самых трудных вопросов нашей работы с президентом и сотрудничества с представителями нашего КГБ.

В результате встреч и бесед с должностными лицами различных ведомств, занимавшихся делами Афганистана, ознакомления с донесениями представителей МИД, КГБ, Главного разведывательного управления, военных советников, сообщениями иностранной прессы складывалась весьма удручающая картина о положении в Афганистане. Главная суть всех суждений, донесений и сообщений сводилась к тому, что моджахеды окрылены, значительно усиливаются и готовятся к решающим схваткам за власть, а правительственные круги Республика Афганистан в связи с выводом советских войск находятся в шоковом состоянии. И нет какой-либо надежды, что режим Наджибуллы может продержаться хотя бы несколько месяцев. Мне и Д. Т. Язов говорил: «Поработай там 2–3 месяца, а там посмотрим». Словом, все источники информации, как сговорившись, так нагнетали обстановку вокруг Афганистана, что меня не покидало ощущение, что моя миссия обречена на неизбежный провал.

Меньше всего меня беспокоила моя личная судьба, ибо военный человек к таким поворотам судьбы всегда должен быть готов. Больше тревожили судьба порученного дела, мысли о том, как добиться того, чтобы Республика Афганистан, куда столь уже вложено, могла одна, без помощи советских войск устоять перед новым отчаянным напором вооруженной оппозиции. Для любого генерала, военного руководителя самое страшное — это потерпеть поражение, не выполнить поставленную задачу. От тяжести нахлынувшей ответственности, тревоги, неопределенности и казавшейся тогда безысходности складывающейся обстановки — все мое сознание и нервы были напряжены до предела. Но вместе с тем, чувство ответственности

и годами выработанные опыт и закалка помогали собрать себя в кулак, быть внешне спокойным и сосредоточиться на предстоящих делах. Забегая вперед, хочу сказать о том, что положение в Афганистане не во всем было таким уж безнадежным, как это тогда изображалось в Москве и в средствах массовой информации за рубежом.

6 февраля 1989 г. наша оперативная группа вылетела в Ташкент, а оттуда с бывалым опытным экипажем ВВС Туркестанского военного округа поздно ночью добралась до Кабула.

Как всегда при посадке на Кабульском аэродроме самолет сделал несколько кругов с тем, чтобы произвести постепенное снижение в горных условиях местности. И хорошо было видно, как в разных местах шла стрельба и трассирующие пули устремлялись вверх. Создавалось впечатление, что в городе идут бои. Но это была обычная стрельба вверх многочисленных часовых и сторожевых застав, охраняющих Кабул. С этой постоянной беспорядочной стрельбой с расходом большого количества боеприпасов пытались безуспешно бороться, но в конечном счете пришлось ко всему этому привыкнуть.

На аэродроме нас встретил генерал армии В. И. Варенников с группой офицеров. Валентин Иванович был уже назначен заместителем министра обороны Главнокомандующим Сухопутными войсками и по должности и по воинскому званию был старше меня и поэтому мог и не встречать меня лично, а послать, скажем, начальника штаба своей оперативной группы генерал-лейтенанта В. А. Богданова. Но понимая, какие нелегкие дела мне предстоят и, видимо, желая с самого начала морально поддержать нас он все же счел нужным, несмотря на позднее время, лично прибыть на аэродром и встретить нашу группу. На военной службе такое подчеркнутое уважительное отношение к офицерской чести и достоинству имеет всегда большое значение.

А в данном случае оно способствовало налаживанию контактов между убывающей и вновь прибывшей оперативными группами и афганской стороной. Валентин Иванович и его офицеры ознакомили нас с обстановкой и помогли быстрее войти в курс дела, познакомиться с основными афганскими должностными лицами. Несколько дней мы вместе с генералом Варенниковым участвовали на заседаниях Ставки Верховного Главнокомандования, а затем уже перед отъездом все эти дела он полностью передал в мое ведение. Он же до конца продолжал руководить нанесением бомбо-штурмовых ударов по группировкам Ахмат Шаха и мне практически не приходилось вмешиваться в эти дела. На первой же встрече с Президентом —

Верховным Главнокомандующим вооруженными силами Республики Афганистан Наджибулла неожиданно и в ироничной форме спросил: «Как же вы осмелились прибыть к нам в такое время, когда уже нет советских войск, как же мы будем держаться?»

Я ему сказал, что в русской армии издавна существует поговорка: «Хороший командир может и одного татарина построить в две шеренги». Будем стараться все вместе, как мусульмане, удваивать наши шеренги и напрягать наши силы до последней возможности. Подчеркнул также, что самое главное сейчас — активизировать работу в войсках, преодолевать настроения обреченности и внушить уверенность в способности Республики Афганистан устоять перед натиском оппозиции. В свою очередь он ознакомил меня со своим пониманием обстановки, рассказал о сложных противоречиях в НДПА, правительстве и армии.

Примерно через неделю генерал армии В. Варенников со своей группой убыл из Афганистана. А мне со своей группой и афганскими властями предстояло вступить в новую полосу афганской жизни без советских войск. Рассмотрим, какой же она оказалась в действительности.

2. Тяжелый замах оппозиции и решающие испытания Республики Афганистан в 1989 году

Бывший командующий 40-й армией генерал-полковник Б. Громов пишет: «Вывод Ограниченного контингента явился, по сути, началом окончательного поражения правительственных войск. На завершающем этапе войны афганские части, в том числе и военно-воздушные силы, вели боевые действия по защите Кабула, Джелалабада и некоторых других крупных городов без нашей помощи всего несколько недель. После того, как оставленные 40-й армией трехмесячные резервы были исчерпаны, революционное правительство в Кабуле пало под натиском оппозиции»[56].

Я давно знаю генерала Б. Громова как очень способного, энергичного военачальника, отношусь к нему с большим уважением и высоко оцениваю его заслуги, проявленные в Афганистане. Но думаю, что при написании этого места в книге его кто-то подвел. Тем более, что на стр. 338 книги по этому поводу сказано несколько иначе.

Достаточно сказать, что если бы в действительности дело обстояло так, как это сказано в приведенном выше высказывании

и через несколько недель «правительство в Кабуле пало под натиском оппозиции», то как бы я и другие советники могли остаться в Афганистане в 1989–1990 годах, а после меня до конца 1991 года продолжал работать в Кабуле с оперативной группой генерал Н. Ф. Грачев?

Да нет, Республика Афганистан еще держалась и могла держаться. Так оценивал обстановку и посол СССР Афганистана Юлий Михайлович Воронцов, который встретил нас исключительно доброжелательно и много сделал для того, чтобы мы в возможно короткие сроки могли изучить политическую и экономическую обстановку в Афганистане.

После вывода советских войск из страны руководство Республики Афганистан продолжало настойчиво проводить начатый в 1987 г. курс на национальное примирение. В стране начала действовать новая Конституция и основанная на ней новая политическая система. Президентом Республики Афганистан был избран Наджибулла, который должен был осуществлять управление государством через коалиционный национальный Совет, являвшийся основным законодательным и исполнительным органом власти. Принят Закон о политических партиях и общественно-политических организациях, согласно которому в стране вводилась многопартийная система. К народно-демократической партии Афганистана примкнули некоторые леводемократические группировки. Правда, толку от них было мало, так как они привнесли в партию новые раздоры, разногласия, преодоление которых отвлекало партию от решения главных задач по борьбе с оппозицией.

НДПА выразила готовность сотрудничать и с двумя вновь созданными партиями — «Крестьянская партия справедливости Афганистана» и «Исламская народная партия Афганистана». Было сделано предложение о формировании правительства и коалиционных органов управления на местах с включением в их состав представителей оппозиции и командиров вооруженных отрядов. В центральном правительстве им предоставлялось несколько министерских постов. За теми группировками, представители которых вошли в коалиционные органы управления, сохранялись автономия и право контролировать занимаемые районы. Население уездов и кишлаков могло сохранить свои органы и формы правления.

Однако практическое осуществление политики национального примирения сталкивалось с большими трудностями. Прежде всего примирение было возможно лишь при ответных или встречных шагах с другой стороны. Но оппозиция, расценив политику национального примирения и предложения о

прекращении огня, как признак слабости правительства, не только не приняло предложений о примирении, но и прямо заявило об усилении борьбы с «коммунистическим режимом» до полного его свержения.

Одностороннее прекращение огня со стороны правительственных войск, в условиях когда моджахеды продолжали боевые действия, приводило лишь к снижению морального духа правительственных войск. С учетом всех этих обстоятельств с началом вывода советских войск из Афганистана для государственных органов и афганской армии складывалась тяжелая обстановка. Главное не было уверенности как поведут себя армия и другие силовые структуры. В ожидании самого наихудшего президент и правительство переместились на Кабульский аэродром с тем, чтобы быть готовыми при необходимости немедленно покинуть страну. В афганской армии участились случаи дезертирства. Многие чиновники государственных органов перестали выходить на работу и спешили установить связи с моджахедами.

Незадолго до завершения вывода советских войск США, Великобритания и другие западные страны отозвали из Кабула своих дипломатических представителей, ожидая падения правительства Наджибуллы. Один из лидеров оппозиции Ахмад Шах даже назначил на 16 февраля прием иностранных послов в Кабуле уже в качестве главы государства и правительства[57]. Но прием, конечно же, не состоялся и борьба продолжалась.

После внимательного изучения сложившегося положения дел, проведения встреч с основными афганскими должностными лицами и нескольких выездов в воинские части Кабульского гарнизона мною было подготовлено и отправлено первое донесение в Москву на имя Министра обороны и начальника Генерального штаба, где была дана следующая оценка сложившейся обстановки.

Непримиримая оппозиция Афганистана стремится к объединению усилий и расширению военных действий с целью свержения законного правительства и захвата власти. Помощь оппозиционным организациям со стороны Пакистана, Ирана и других государств продолжает наращиваться. В настоящее время большая часть территории Республики Афганистан находится в руках оппозиционных сил и только Кабул, Кандагар, Джелалабад, Гардез, Герат, Хост, Баграм, Мазари-Шариф, Файзабад, Кундуз и некоторые другие провинциальные и уездные центры удерживаются правительственными войсками.
В результате этого оппозиция значительно расширила социально-политическую и экономическую базу, возможности для призыва

пополнения и расширения своих формирований, а возможности Республики Афганистан в этих отношениях резко сократились.

На территории Пакистана, Ирана и в приграничных районах с Пакистаном, оставленных правительственными войсками в 1988 году, создаются новые вооруженные формирования, оснащаемые артиллерией, бронетанковой техникой, противовоздушными средствами. Есть данные, что целые подразделения (особенно артиллерийские, инженерные и даже вертолетные) под видом добровольцев формируются за счет регулярных войск Пакистана. В эти формирования направляются военные советники. Отряды мятежников в различные районы Афганистана подвозятся на пакистанских машинах. Только в течение января-февраля переброшено около 20 тысяч вооруженных мятежников. На перевалочных пунктах в районах Ланди-Коталь (Пакистан) в настоящее время сосредоточено около 1000 выпускников из центров подготовки Варсак, Джаллазаи, Чарссада, Калкотта. Сокращены сроки подготовки в других учебных центрах, где обучается до 28 тыс. человек.

Наиболее угрожающая обстановка складывается в районе Джелалабада, где бандформирования исламской партии Афганистана (Халеф), исламского Союза освобождения Афганистана, исламского общества Афганистана пытаются объединенными усилиями и при поддержке пакистанских малишей захватить город, создать там свою временную столицу и оттуда организовать поход на Кабул и по другим направлениям.

Главную ставку оппозиционные силы делают на подрыв изнутри партийного, государственного аппарата, перетягивание на свою сторону населения и личного состава ВС РА. Расчеты делаются на то, что некоторые части и подразделения не будут оказывать сопротивления и перейдут на сторону оппозиционных сил. Ведется широкая пропагандистская работа по переходу афганских военнослужащих на сторону оппозиции, даются обещания выплачивать по 350 тыс. афгани за оставление оборонительных постов и застав. При призыве в республиканские вооруженные силы мятежники стремятся внедрить своих людей. Для привлечения на свою сторону населения, в районах, где установлена власть оппозиционных сил, с помощью различных государств и международных фондов организуется улучшение снабжения населения продуктами, оказывается финансовая помощь.

Одновременно, если подрывные действия не дадут ожидаемого успеха, оппозиция предусматривает захват власти в Афганистане военным путем, сосредотачивая основные усилия на овладении Джелалабадом и Кабулом, а также районами Пули-

Хумри, Саланг, Джабаль-Уссорадж с тем, чтобы захватить скопившиеся в этих районах запасы материальных средств, перехватить коммуникации, прекратить подвоз продовольствия и нефтепродуктов в Кабул, другие крупные населенные пункты РА и вызвать взрыв недовольства среди населения. Пользуясь этим, ворваться в Джелалабад, Кабул, Кандагар и другие города силами оппозиции, которые все больше стягиваются вокруг них. Группировка противника в провинции Кабул включает 292 отряда общей численностью 32 тыс. человек. Организовано проникновение в Кабул, Джелалабад, Кандагар, Герат и другие города террористических групп, которые получили команды быть готовыми к диверсиям на складах и на других важных объектах.

Таким образом, контрреволюционные силы завершают стягивание, перегруппировку своих формирований и подготовку их для решающих действий с целью овладения важнейшими центрами страны. Возможности оппозиции существенно ослабляются тем, что с выводом советских войск из ее рук выбивается лозунг «священной войны против иноверцев», а также внутренними разногласиями, раздирающими различные группировки. Однако нельзя исключать и того, что во имя захвата власти они могут пойти и на временное сплочение своих сил и добиться определенного единства действий. Некоторые полевые командиры заявляют: «Пока верхи спорят между собой, нам нужно объединяться на поле боя» — и создают на местах «союзы священной войны».

Основные оппозиционные группировки на данном этапе не намерены идти на какие-либо переговоры с руководством Кабула. Однако, если в ближайшее время руководству Республики удастся удержать занимаемые позиции, отразить наиболее крупные вылазки противника и стабилизировать положение, то часть оппозиции может пойти на определенное сближение. В частности, возникают некоторые тенденции для сближения интересов Республики Афганистан с проиранскими группировками.

Афганское руководство и лично Наджибулла в основном правильно оценивают сложившуюся ситуацию и принимают определенные меры для стабилизации обстановки, отражения нападения мятежных сил, удержания занимаемых позиций. Решением Президента РА с 18 февраля 1989 г. в стране введено Чрезвычайное положение, что по мнению афганского руководства должно привести к централизации политического и военного руководства, усилению режима контроля за деятельностью партийных, государственных и общественных организаций. Приняты меры по организации обороны городов; для защиты

важнейших объектов формируются части за счет активистов НДПА, училищ и офицерские батальоны за счет Центрального аппарата военных ведомств. Однако экономика страны находится в расстроенном и крайне тяжелом положении. Снабжение продуктами не только населения, но и военнослужащих, в том числе офицеров Центрального аппарата осуществляется с большими перебоями. Недостает горючего, его доставка самолетами в Герат, Кандагар, Джелалабад и другие города сопряжена с большими трудностями. Трубопровод Хайротон — Баграм практически бездействует. (Осуществляет перекачку только до Пули-Хумри).

Подвоз материальных запасов, поставляемых из СССР в Хайротон, осуществляется с перебоями из-за захвата и нарушения отдельных участков коммуникаций мятежниками, а также отсутствием должностного порядка в хранении и расходовании материальных запасов. Острый недостаток продовольствия и нефтепродуктов может привести к взрыву недовольства населения.

Продолжает сохраняться политическая напряженность внутри НДПА и государственного аппарата. Активизируются оппозиционные силы внутри Кабула и других городов. НДПА и афганское правительство по-прежнему крайне слабо работают с низовым партийным активом, населением и не оказывают на них должного влияния, ненастойчиво и неэффективно действуют по привлечению широких народных масс на сторону революции, по завоеванию их доверия. Политическое и военное руководство РА привыкло во всем полагаться на помощь Советского Союза и пока еще медленно перестраивается с точки зрения опоры на собственные ресурсы, проявления самостоятельности и инициативы.

Вооруженные Силы Республики Афганистан, благодаря военной помощи со стороны Советского Союза, численно обладают внушительной силой (всего свыше 300 тыс. человек, свыше 2 тыс. орудий и минометов, 700 танков, 150 боевых самолетов и вертолетов). В целом, несмотря на вывод советских войск, они в основном сохраняют боеспособность и удерживают занимаемые позиции. Наиболее наглядно это проявляется в районах Хост, Герат, Файзабад, Джелалабад, Кандагар и некоторые другие гарнизонах.

Вместе с тем, в связи с выводом советских войск, условия выполнения боевых задач ВС и РА существенно изменились. Убытие 100 тыс. советских войск и свыше 2 тыс. военных советников и специалистов требует от них самостоятельного противостояния все более усиливающимся группировкам

контрреволюционных сил, резкого повышения самостоятельности и ответственности. Однако, со всей очевидностью проглядывает неготовность к этому афганских вооруженных сил. Многие руководящие деятели, генералы и офицеры привыкли опираться на наши войска и до последнего момента не верили, что вывод наших войск будет до конца осуществлен. Поэтому они в ряде случаев находятся в растерянности и еще не осознали полностью сложившуюся для них ситуацию.

Боеспособность афганских вооруженных сил ослабляется также некоторыми другими обстоятельствами. Во-первых, чрезмерно усложнено управление ВС. Практически в боевых действиях участвуют войска трех военных ведомств (армии, МГБ, МВД), но непосредственно всеми ими номинально руководит президент (ВКГ), не имея единого органа управления. Генштаб практически занимается только соединениями армии, не имея возможности полноценно координировать деятельность других ведомств. В одних и тех же районах действуют части различных военных ведомств. Особенно запутанно управление в зоне г. Кабул. Ряд воинских частей, предусмотренных планом для обороны города, практически отсутствует. Части гвардии и МВД не подчинены не только Министру обороны, но и не полностью подчинены начальнику гарнизона, ответственному за оборону города. Части ряда дивизий раздерганы по нескольким направлениям и практически не имеют единого управления.

Во-вторых, соединения, гарнизоны и зоны обороны не имеют каких-либо резервов. Например, в распоряжении начальника Кабульского гарнизона нет в резерве ни одного мотострелкового (танкового) батальона, ни одного дивизиона артиллерии (кроме одного дивизиона реактивных установок «Ураган»). Как в Кабуле, так и в других гарнизонах вся артиллерия поорудийно придана передовым подразделениям, нет каких-либо артиллерийских групп, что лишает возможности массированного применения артиллерии. Примерно также используются танки.

В-третьих, то обстоятельство, что в результате революции большинство населения не ощущает позитивных изменений в своей жизни, а также слабость воспитательной работы отрицательно сказывается на морально-боевом духе личного состава вооруженных сил. Не только среди солдат и сержантов, но и у многих офицеров распространены апатия и нежелание выполнить свой воинский долг. Приказы, распоряжения и указания старших начальников на всех уровнях очень часто не выполняются. Поэтому даже правильные решения Президента и других руководителей остаются до конца не реализованными. В войсках нарастает дезертирство (только из армии

дезертировало 24 215 человек, из них 3 тыс. офицеров). Вместе с дезертирами, как правило, уходит к мятежникам оружие. Есть данные, что в 5 и 7 пограничных бригадах систематически передают и продают оружие моджахедам. Участились случаи прямого и скрытого сговора с мятежниками и перехода на сторону противника, в том числе и в авиации. 8.02.89 г. два вертолета с аэродрома Баграм перелетели к Ахмат Шаху (11.02.89 г. они были обнаружены и уничтожены авиацией). На посту № 43 южн. Саланга 144 человека при первых выстрелах сдались в плен. Не проявили стойкость и части 60 пехотной дивизии на Джелалабадской дороге.

Более высокие оклады в гвардии и сравнительно благополучные условия службы в войсках МВД привели к тому, что план призыва в армию в последний месяц выполняется только на 18 процентов. Укомплектованность большинства частей не превышает 30–40 процентов. В период с 9 по 12 и с 19 по 21 февраля, нами совместно с руководством Кабульского гарнизона, была проведена проверка несения боевой службы вокруг Кабула. На некоторых заставах никого не оказалось; на других — вместо 30–40 человек, всего 5–6. Офицеры за взятки отпускают солдат в Кабул. Много и других проявлений явного нежелания воевать против оппозиционных сил, что делает оборону Кабула и других гарнизонов неустойчивой. Отрицательно сказывается на моральном духе войск плохое снабжение, отсутствие элементарной заботы о быте личного состава, особенно при несении боевой службы в полевых условиях. Учитывая сложившуюся обстановку, намечается разработать и осуществить следующие мероприятия.

Используя введенное Чрезвычайное положение установить более жесткий порядок и строгий контроль за положением в стране и в вооруженных силах. В работе Министерства обороны, Госбезопасности, внутренних дел, Генштаба, других органов управления ВС РА, а также советников основные усилия направляются на практическую работу по выполнению директивы Верховного Главнокомандующего ВС РА о мерах по повышению боеспособности афганских ВС и активизации их боевых действий. Будут приняты срочные меры по созданию хотя бы небольших резервов.

При проведении в жизнь намеченных мероприятий существующий строй и ВС РА могут противостоять контрреволюции в течении нескольких месяцев, а при благоприятных стечении обстоятельств и больше. Непредсказуемые сейчас неожиданные изменения обстановки могут произойти лишь в результате внутреннего взрыва

и перехода на сторону мятежников определенных сил внутри Республики Афганистан. В целом же с изменением соотношения сил, в связи с выводом советских войск и усилением контрреволюционных сил, военная ситуация будет продолжать осложняться.

Даже при благоприятном развитии военных действий продолжение вооруженного противостояния в условиях полной разоренности экономики возможно только за счет материально-технического снабжения из Советского Союза. Уже через 1,5–2 месяца потребуются новые крупные поставки боеприпасов, горючего, продовольствия не только для вооруженных сил, но и населения, что ляжет тяжелым бременем на нашу страну. Поэтому, принимая необходимые военные меры, целесообразно главное внимание уделить форсированию поиска политических путей решения афганской проблемы, исходя из того, что каждый упущенный в этом отношении день будет оставлять все меньше шансов для политического урегулирования. Такова была моя первая оценка обстановки, которая затем уточнялась.

В результате обмена мнениями с руководством посольства, представителями КГБ и МВД, который сопровождался иногда острыми спорами, мы видели как некоторые положительные факторы, способствующие успешной борьбе против вооруженной оппозиции так и негативные моменты, ослабляющие усилия Республики Афганистан. Прежде всего возрастало воздействие факторов, которые работали на укрепление республиканского режима и которые в период нахождения в Афганистане советских войск в значительной степени находились как бы на втором плане. Главными среди них являлись рост патриотических чувств и укрепление национального самосознания афганцев, устремления которых все больше направлялись против вмешательства Пакистана, США и Саудовской Аравии во внутренние дела Афганистана. Ранее эти настроения приглушались советским военным присутствием и в определенной степени благодаря пропаганде наших противников оборачивались против такого присутствия. Само положение, в котором оказалось афганское руководство, когда не на кого было надеяться, и опасность поражения оказывали позитивное воздействие на повышение у правительства и военного руководства ответственности за состояние дел на конкретных участках.

В экономической области афганскому руководству первоначально удавалось при советской помощи решать наиболее насущные вопросы жизнеобеспечения Кабула и прилегающих районов, предотвратив блокирование столицы формированиями

оппозиции, хотя такая угроза постоянно сохранялась. Транспортные перевозки от советской границы до Кабула осуществлялись с большими перебоями.

Ставка на внутреннюю слабость режима и возможность военной победы со стороны оппозиции, а также соответствующих кругов Пакистана, США и ряда других стран в полной мере не оправдывалась. Правительственные войска отражали попытки оппозиции, добиваясь успеха на главных направлениях, обеспечивая функционирование, правда с большими трудностями, таких жизненно важных транспортных магистралей, как Кабул — Хайротон, Кабул — Джелалабад, Турагунди — Герат, Лашкаргах, Мазари-Шариф, Меймане.

Становилось очевидным, что военные возможности оппозиции искусственно завышались как ею самой, так и Пакистаном и на Западе. Серьезные разногласия среди оппозиции, ее разобщенность после вывода советских войск усиливались. Военный натиск осуществлялся в основном силами самого крайнего «непримиримого» крыла афганской оппозиции, получающего материальную, военную и советническую помощь от США, Пакистана и Саудовской Аравии, а также отрядами наемников из арабских стран. Военная активность этого крыла проявлялась преимущественно в районах афганско-пакистанской границы. Прочие вооруженные отряды оппозиции действовали с меньшей активностью.

В целом обстановка подтверждала ту важную роль, которую сыграли Женевские соглашения, узаконившие вывод советских войск из Афганистана. Благодаря Женеве и последующим вслед за этим внешнеполитическим шагам афганского правительства, Пакистан и США оказались в глазах международной общественности в невыгодном положении, на них возлагалась ответственность за продолжающуюся войну в Афганистане. Особенно проявилось это в ходе заседания Совета Безопасности ООН по Афганистану в апреле 1989 года. Международный авторитет Республики Афганистан заметно вырос, что в свою очередь не позволило так называемому переходному правительству оппозиции добиться широкого признания со стороны других государств.

Весьма существенный фактор представляла собой особая позиция Ирана, который занимал более конструктивную позицию в афганских делах. Это затрудняло оппозиции открытие «второго фронта» против Республики Афганистан на иранском направлении, что явилось следствием соперничества за влияние в Афганистане между Пакистаном и Ираном, напряженности в отношениях Ирана с США. Иран стремился оказывать скрытую

поддержку некоторым вооруженным группировкам оппозиции, действовавшим в западных районах Афганистана.

Однако в целом положение правительства Афганистана оставалось сложным. Ему приходилось преодолевать большие трудности материального, политического и военного характера. Оппозиция, несмотря на некоторое отрезвление, наступившее у нее после первых военных неудач на подступах к Кабулу, под Джелалабадом и Салангом, не отказывалась от своего замысла захватить власть силой, свергнуть правительство и президента Афганистана. Очевидно, что ее лидеры и стоящие за ними американцы, пакистанцы и саудовцы пытались найти новые средства для усиления военного давления. Поступали, в частности, сообщения о накоплении отрядов оппозиции на ближних и дальних подступах к Кабулу. Осуществлялся новый виток в поставках вооружения для «Альянса-7», продолжалась активная политическая и военная вовлеченность пакистанцев в происходящий в Афганистане конфликт. Дипломатические, пропагандистские усилия американцев в отношении мирного урегулирования в Афганистане направлялись на то, чтобы убедить Советский Союз отказаться от поддержки президента Наджибуллы, убрать его с политической арены якобы в интересах создания правительства на широкой основе с участием «мусульман из Кабула».

Вместе с тем важным было то обстоятельство, что правительство Афганистана продолжало добиваться политического решения афганской проблемы, постоянно выступая с соответствующими инициативами. Главная суть инициатив по-прежнему сводилась к тому, чтобы стороны прекратили огонь и создали временное коалиционное правительство, подготовили условия для проведения всеобщих выборов под наблюдением ООН.

Мы предполагали, что развитие событий в Афганистане может пойти по нескольким направлениям: существующий режим в Афганистане при советской помощи может держаться на своих позициях. При этом возможна и его трансформация, создание коалиционной структуры власти на широкой основе, в которой НДПА будет оставаться одной из ведущих сил, способных определять внутреннюю и внешнюю политику страны.

В случае, если режим Наджибуллы не сможет закрепиться, то один из наиболее вероятных вариантов — это приход к власти исламских фундаменталистов. Возникала также вероятность, что на каком-то этапе интересы Ирана совпадут с интересами Пакистана.

Нельзя было не считаться и с возможностью того, что

на передний план выйдут так называемые «умеренные», может быть во главе с бывшим афганским королем Захир Шахом. Однако, этот вариант представлялся менее вероятным, как с учетом расстановки сил среди оппозиции, так и нерешительной позиции Захир Шаха, который в силу своего возраста становился все более инертным и предпочитал не рисковать своим положением, когда он жил на саудовской дотации в Риме. В случае неудачи афганского правительства, наиболее вероятным был приход к власти в Афганистане исламских фундаменталистов и прежде всего группировок Раббани и Хекматьяра. При этом мы учитывали, что такое развитие событий в Афганистане негативно повлияет на обстановку в советской Средней Азии, где к тому времени уже усиливались экстремистские исламские настроения. Первые их всплески уже имели место. Поступали данные о том, что пакистанские спецслужбы с помощью афганских оппозиционных группировок пытаются развернуть антисоветскую пропаганду на территории СССР. При этом поднимался вопрос о воссоздании исламского государства со столицей в Бухаре.

С учетом всех обстоятельств долговременного характера вывод о нашем отношении к происходящим в Афганистане событиям, представлялся следующим: нашим государственным интересам отвечает сохранение в какой-то, пусть даже трансформированной форме, нынешнего режима. Было ясно, что добиваться этого будет не просто. Потребуются самые серьезные усилия не только самих афганцев, но и советской стороны. Линия на укрепление жизнеспособности существующего режима предполагала дальнейшее укрепление широкой, многосторонней поддержки правительства и президента Афганистана, в том числе материальной. При этом учитывалось, что наша помощь, способствуя поддержанию устойчивости режима, тем самым снижает шансы оппозиции на военную победу и тем самым подталкивает их к политическому урегулированию.

В рамках осуществляемой военной помощи одно из направлений конкретного содействия советской стороны должно было состоять в том, чтобы усилить афганскую армию ракетными и авиационными комплексами. В частности, предполагалось создать мощный военный кулак в самом Кабуле, добавив там к комплексам «Скад» и «Ураган» также ракеты с дальностью действия до 70 км «Луна» и РСЗО «Смерч». Предусматривалась также дополнительная поставка новых типов самолетов и вертолетов. Правда, вопрос о поставке новых типов самолетов и вертолетов советским руководством не был решен положительно.

В политическом плане особое внимание афганского руководства обращалось на то, чтобы продолжать линию на сформирование дееспособного коалиционного правительства на возможно широкой основе, стремясь обеспечить взаимодействие и сплочение вокруг НДПА всех национально-патриотических, демократических и прогрессивных сил в стране. При этом имелось в виду, что несмотря на сохраняющееся упорное противодействие этой линии со стороны США, Пакистана и лидеров афганской оппозиции в Пешаваре, эта цель в той или иной форме может быть достигнута, особенно путем активизации процесса создания местных коалиций или региональных договоренностей, которые в дальнейшем могут перерасти в систему договорных отношений в центре. К этому времени уже намечалась коалиция правительства Наджибуллы с группировкой исмаилитов, с хазарейцами в центре страны. Делались попытки договориться с панджширским лидером Ахмад Шахом Масудом.

Однако в последующем не все из намечавшихся мер и выработанных рекомендаций афганскому руководству удалось осуществить.

Положение в Республике Афганистан и вооруженных силах усложнялось противоречиями и внутрипартийной борьбой в правящей партии НДПА, стремлением Наджибуллы вытеснить халькистов и поставить на все основные должности парчамистов.

Среди высшего государственного руководства (президент и четыре его заместителя) было два «парчамиста», один «халькист» и два беспартийных. В высшем Совете обороны из 21 члена 14 — «парчамистов», 6 — «халькистов» и один беспартийный. В составе правительства из 48 членов имелось: 15 — «парчамистов», 9 — «халькистов», 21 — представителей других партий и организаций.

В высшем партийном руководстве НДПА из 14 членов Политбюро НДПА 10 человек были «парчамистами» и только 4 — «халькисты».

В секретариате ЦК из 10 членов, 7 — были «парчамистами» и 3 — «халькистами». Среди членов ЦК НДПА имелось двойное преимущество «парчамиетов» над «халькистами» (111 членов, «Парчам» — 72, «Хальк» — 34, представители других группировок — 5).

В афганской армии из 310 руководящих должностей (от заместителя Министра обороны до командира полка включительно) «халькисты» занимали 137. В звене «заместитель Министра обороны — начальник управления» из 35 должностей «халькисты» занимали 17. Из 5 командиров армейских корпусов 4 являлись «парчамистами». Среди 20 командиров дивизий

только 5 были «халькистами».

Прежде всего не было ощутимых результатов в осуществлении политики национального примирения. Выдвинутая афганским руководством концепция политического урегулирования в Афганистане (национальное примирение вплоть до создания в стране государственной структуры, в которой НДПА должна была стать одним из участников правительства на широкой основе) воспринималась многими партийными деятелями, как утрата ее нынешней главенствующей роли в управлении страной, а для многих членов руководства — уход с занимаемых ими государственных постов. По их мнению эта концепция оказывала дестабилизирующее и деморализующее воздействие не только на руководство, но и на партгосаппарат и сторонников существующего режима в целом, поскольку не открывала для них никакой перспективы в будущем.

Многие функционеры партгосаппарата указанную концепцию, как альтернативу продолжению кровопролития и войны, не разделяли и считали бессмысленной, поскольку она отвергалась и руководством вооруженной оппозиции, а также Соединенными Штатами, Саудовской Аравией, Пакистаном и Ираном.

Даже некоторые сотрудники советского посольства полагали, что политика национального примирения в Афганистане не выгодна Советскому Союзу. По их мнению его интересам отвечало бы только наличие в Кабуле дружественного, однозначно просоветского правительства, поскольку любое «коалиционное», «представительное», сформированное на «широкой основе» правительство, в котором НДПА и просоветские элементы не будут играть главенствующую роль, несомненно рано или поздно окажется под влиянием и контролем антисоветских сил.

Следование политике национального примирения — полагали они — ослабляет советскую позицию, поскольку такое следование заведомо предполагает не только утрату монополии НДПА на власть, но и ее возможный переход к оппозиции. Любые наши переговоры с США, базирующейся на такой концепции, предоставляли американцам широкие возможности для оказания на нас давления с целью получения односторонних преимуществ.

Исходя из этих соображений и с учетом настроений части афганских партийных функционеров, предлагалось отказаться от политики национального примирения, предусматривающей отказ НДПА от монополии на власть.

Считалось более целесообразным добиваться национального примирения под руководством НДПА, являющейся наиболее

авторитетной и организованной политической силой афганского общества и призванной играть главенствующую роль в государственных делах, а также создание коалиционного правительства во главе с НДПА при возможном участии в нем не экстремистских оппозиционных сил…

Сотрудниками советского посольства В. Ожеговым и Ф. Сидорским был подготовлен специальный доклад по этому вопросу. Такой подход был явно нереальным и поэтому при обсуждении на совещании у посла я, как и другие наши представители, выступил против. Не поддержал такие максималистские воззрения и Ю. М. Воронцов.

Официально мы рекомендовали Наджибулле продолжать настойчиво проводить в жизнь намеченную политику национального примирения.

Афганскому руководству было также рекомендовано кроме политических и военных задач больше уделить внимание решению неотложных экономических проблем: обеспечение продовольствием и нефтепродуктами Кабула и некоторых других крупных городов, в том числе путем бесперебойной доставки таких грузов из Хайротона, государственных закупок зерна у крестьян по ценам свободного рынка и создание таким образом запасов, оказание срочной помощи крестьянам (кредиты, сельскохозяйственная техника, химудобрения и сортовые семена); активизация предпринимательской деятельности частного сектора (создание небольших, не требующих больших капвложений и затрат труда, но быстроокупающих себя предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, производству продуктов питания и промтоваров широкого спроса, в том числе при иностранном содействии). При этом рекомендовалось более настойчиво изыскивать возможности более полного использования внутренних возможностей Афганистана.

Со всеми этими рекомендациями руководство Афганистана охотно соглашалось. Принимались соответствующие решения, законы, отдавались распоряжения. Но должной организации их выполнения не было. А время не ждало. Мятежники предпринимали лихорадочные усилия для того, чтобы захватить власть в Афганистане. В первую очередь они стремились захватить Джелалабад или Хост, чтобы посадить там созданное оппозицией временное правительство.

Уже 6 марта 1989 г. началось массированное наступление моджахедов под Джелалабадом при поддержке пакистанской артиллерии. Афганской правительственной армии в течение более 2-х месяцев пришлось вести тяжелые оборонительные бои

по удержанию города и особенно магистрали, соединяющей Джелалабад с Кабулом, без чего Джелалабадский гарнизон не мог продержаться.

Много забот, особенно с точки зрения снабжения боеприпасами и другими материальными средствами вызывал гарнизон Хоста, который уже много лет (с небольшими перерывами) вел боевые действия в полном окружении.

Больших усилий и напряженной работы потребовала организация обороны и охраны Кабула, о чем подробнее будет сказано ниже.

Состояние экономики председатель исполкома Совета Министров РА С. А. Кештманд на пресс-конференции для иностранных журналистов 3 февраля 1990 г. охарактеризовал следующим образом.

Прежде всего им была отмечена многоукладность и аграрная основа афганской экономики. Появились элементы плановости в развитии экономики страны. Уделялось внимание развитию госсектора экономики, хотя доля частного сектора в экономике составляла до 80 %. Численность предприятий частного сектора в промышленности возросла с 273 в 1979 г. до 368 в 1990 г.

В ремесленном производстве доля частного сектора 100 %, в фабричном — 20 %, на транспорте — 40 %, в строительстве — 10 %, во внутренней торговле — 85 %, во внешней торговле — 65 %.

Правительство объявило о намерении оказывать содействие иностранным и внутренним частным капиталовложениям в экономику, разрешать создание предприятий, имеющих 100 % иностранных капиталовложений. С прекращением войны предусматривалось принять меры для расширения добычи полезных ископаемых (газ, нефть, каменный уголь, медь), созданию смешанных афгано-иностранных предприятий. Наряду с реализацией текущих экономических планов правительство разработало план экономической перестройки Республики Афганистан до 2000 года, в реализации которого важная роль отводилась помощи по линии ООН и помощи из-за рубежа. Председатель правительства сказал, что валютный национальный доход страны в 1989 году составил 510 миллиардов афгани. Расходы на оборону и обеспечение безопасности составили примерно 15 % от валового национального дохода.

По оценке правительства подвоз в Кабул продовольствия и горючего в сравнении с 1989 г. улучшился. Правительство считает своим долгом обеспечить семьи, пользующиеся купонами, а их в Кабуле 230 тысяч, это семьи госслужащих, семьи погибших, инвалидов, пенсионеров, а также семьи военнослужащих. Запасы

продовольствия и горючего, необходимого для предстоящей зимы, были созданы в минимально необходимых размерах. Только за последние 10 месяцев доставлено свыше 500 тыс. тонн грузов, главным образом продовольствия и горючего из Хайротона, не считая грузов, доставленных в другие провинции. С. Кешманд объявил о поощрении экспорта товаров, отмене или значительном снижении таможенных пошлин.

По его оценке объем экспорта в 1989 г. составил более 500 млн. долларов, импорт — 675 млн. долларов.

Председатель правительства говорил о мерах по бесплатному распределению товаров первой необходимости, прежде всего продовольствия среди семей погибших, инвалидов и других категорий населения. Во многом он приукрашивал положение дел.

На деле экономическое положение страны было, конечно, крайне тяжелым. Промышленность парализована. Сельскохозяйственное производство в упадке. Финансы страны расстроены. Деньги (афгани) печатались в Советском Союзе и ежемесячно доставлялись самолетами в Кабул. В результате инфляция приняла громадные размеры. Снабжение городского населения (в основном Кабула) и вооруженных сил осуществлялось в основном за счет поставок горючего, топлива и продовольствия из Советского Союза. Но это снабжение осуществлялось с большими перебоями и не всегда доходило до обездоленных. Поэтому большинство людей влачило жалкое существование. При отсутствии топлива и перебоях с доставкой муки холодные зимы превращались в настоящее бедствие. Многие семьи буквально голодали.

Надо прямо сказать, что в этих экстремальных условиях главное, что спасало население городов от голодного вымирания, была частная торговля. Только в Афганистане я смог наглядно убедиться какая это огромная, всесокрушающая сила. Несмотря на стрельбу, минные заграждения, разрушенные дороги, многочисленные посты и заставы, товары частного сектора через все преграды проникали туда, где они были нужны и пользовались спросом. В самые трудные дни магазины и базары Кабула были полны товаров, правда, по ценам недоступным для большинства населения. Никакая самая совершенная государственная торговля была бы не способна прорываться на городские рынки через линию фронта, с огромным риском для жизни торговцев.

Сложной задачей, требующей постоянного ведения напряженных боевых действий оставалось удержание дорог Хайротон — Кабул и Турагунди — Герат — Кандагар

и организация вывоза грузов в Кабул и другие провинциальные центры из перевалочных баз вблизи границы с СССР в районах Хайротон и Турагунди.

Каждую неделю в Кабуле мобилизовывались все имеющиеся транспортные средства и под усиленной охраной колонны по 500–600 машин отправлялись в Хайротон, где находились основные базы снабжения. Эти колонны очень часто попадали под обстрелы, подвергались нападениям и грабежам со стороны мятежников. Некоторые водители машин, будучи в сговоре с моджахедами, сворачивали с основного маршрута, передавали и продавали часть материальных средств местному населению и мятежникам. В итоге от 15 до 25 % перевозимых запасов, а иногда и больше, не доходило по назначению. Из-за плохого контроля часть продовольствия и горючего уходила в сторону уже после прибытия колонн в Кабул.

В такой тревожной и напряженной обстановке прошли самые трудные, первые пять-шесть месяцев борьбы правительственных сил с вооруженной оппозицией.

Первые полгода после вывода советских войск с территории Афганистана, несмотря на большие трудности, испытываемые Республикой Афганистан, убедительно показали, что этот смелый шаг (по выводу войск) был весьма дальновидным не только с точки зрения интересов Советского Союза, но и самой Республики Афганистан. Мятежники лишились идеологической основы «Джихада против неверных», усилились противоречия между различными их группировками. Одновременно это способствовало повышению авторитета правительства РА, сплочению всех патриотических сил в борьбе не только с внутренней контрреволюцией, но и иностранной агрессией. Вместе с тем приходилось учитывать, что вооруженная оппозиция ставит перед собой более крупные и решительные политические и стратегические цели, чем это было в прошлые годы. Они уже не ограничивались партизанскими действиями по дестабилизации обстановки в стране, а добивались свержения существующего строя и захвата власти в Афганистане. Во все больших размерах осуществлялись экономическая и военная помощь оппозиции со стороны США, Пакистана, Саудовской Аравии и других стран. Продолжалась скрытая помощь им со стороны Китая. Все это предопределяло значительное возрастание размаха и интенсивности военных действий.

В то же время после вывода советских войск и авиации силы, противостоящие контрреволюции в Афганистане, существенно сократились и количественно и особенно качественно. Вооруженным Силам Республики Афганистан приходилось теперь

самостоятельно противостоять возросшим силам оппозиционных формирований.

Однако народ и личный состав вооруженных сил были крайне переутомлены войной и держались на пределе своих возможностей, испытывая постоянные лишения и в продовольствии и в других видах снабжения. Крупные неудачи в том или ином районе могли самым необратимым образом изменить всю обстановку в стране. И главные наши усилия направлялись на то, чтобы помочь афганскому руководству избежать таких неудач. И в целом надо сказать, что, несмотря га все трудности, благодаря помощи СССР, народ и вооруженные силы Афганистана в основном выдержали испытания, отразили крупные наступательные действия противника под Джелалабадом, Хостом, Кандагаром и в других районах страны и прочно удерживали занимаемые рубежи. В начале июля 1989 г. в результате проведения наступательной операции крупная и очень важная победа одержана под Джелалабадом. Оппозиции не удалось решить ни одной из своих военных задач, хотя в ряде районов, особенно под Хостом, складывалась критическая обстановка.

В сложившихся условиях наиболее приемлемым путем оставалось настойчивое продолжение политики национального примирения, которая еще раз была подтверждена Лоя Джиргой (Высшим Советом старейшин и авторитетов), состоявшейся в мае 1989 г.

Но непримиримая оппозиция продолжала упорно противодействовать политике национального примирения и под давлением США, Пакистана и Саудовской Аравии развертывала новый тур широкомасштабных военных действий с целью достижения своих политических и военных целей.

Моджахеды вновь активизировали военные действия в районе Джелалабада, Хоста, Кандагара, Герата, в северных районах страны и вокруг Кабула. В этих условиях у Республики Афганистан не было другого выхода, как давать решительный отпор агрессивным устремлениям оппозиции.

Возрастание интенсивности и напряженности боевых действий одновременно во многих районах требовали не только большого напряжения от личного состава, но и повышенного расхода боеприпасов, горюче-смазочных материалов и других материальных средств. Особенно остро встал вопрос об авиационных бомбах и некоторых видах артиллерийских боеприпасов. Ежедневно Ставка Верховного командования была вынуждена буквально поштучно распределять эти боеприпасы. От Министра обороны СССР Маршала Д. Т. Язова и Генштаба

мы чаще всего получали нарекания по поводу большого расхода боеприпасов.

Мы постоянно напоминали афганскому военному командованию необходимость экономного расхода боеприпасов, повышения эффективного их применения авиацией и артиллерией. Конечно, в подготовке авиации и артиллерии было еще много недостатков и соответствующие меры по их устранению принимались. Но объективности ради можно было бы вспомнить, что при нахождении 40-й армии в Афганистане не только афганской, но и советской авиацией, например, были проведены многократные воздушные операции и тысячи массированных ударов по группировкам Ахмад Шаха, в том числе перед выходом советских войск, но от этого эти группировки, как и многие другие, не перестали существовать. При слабой устойчивости правительственных войск они могли держаться только при мощной артиллерийской и авиационной поддержке. И чтобы спасти положение, афганские летчики порою были вынуждены делать по 5–6 боевых вылетов в сутки. Тем более, что численность вражеских группировок постоянно возрастала. В районах Джелалабада, Хоста, Кандагара и других районах противник применял в несколько раз больше артиллерийских боеприпасов, чем правительственные войска.

Оставшиеся 4–5 месяцев до конца 1989 г. в военном отношении могли стать решающими, во многом предопределяющими возможность новых политических шагов и устойчивость существующего строя в стране. Поэтому президент Республики Наджибулла в июне 1989 года обратился к советскому руководству с рядом неотложных просьб.

Одной из самых острых и трудных задач являлась подготовка к следующей зиме, создание необходимых запасов продовольствия, горючего, топлива и других материальных средств. Эти запасы были нужны прежде всего для Кабула, ибо отсюда осуществлялось снабжение (в основном по воздуху) и других городов. Надо было создать хотя бы 3–4-х месячные запасы продовольствия, горючего и боеприпасов для вооруженных сил. К началу 1989 г. перед выводом советских войск такие запасы были созданы; теперь они были израсходованы. Задачи соответствующим афганским министерствам по завозу материальных запасов из Хайротона были поставлены. Но, учитывая, что обстановка на дорогах могла осложниться, возникло опасение, что афганскому руководству не удастся только своими силами создать потребные запасы и подготовиться к зиме. В связи с этим возникла необходимость ускорения передачи афганской стороне ранее обещанных

1000 большегрузных автомашин. Снова поднимался вопрос о возможности перевозки грузов совместными колоннами, как это предполагалось в начале 1989 года при выводе советских войск. Особо настойчиво президент РА настаивал на продолжении функционирования воздушного моста в Кабул, который «поддерживался советскими большегрузными самолетами.

Учитывая, что наиболее напряженные боевые действия ожидались в ближайшие три-четыре месяца, высказывалась также просьба ускорить сроки поставок вооружения, техники и боеприпасов, запланированных к подаче в республику Афганистан до конца 1989 года. Предлагалось по ряду позиций, особенно авиационных и артиллерийских боеприпасов, предусмотреть увеличение поставок. Опыт боевых действий в последние месяцы показывал, что необходимо в месяц до 9 тысяч тонн боеприпасов и 5 тысяч тонн горючего для сухопутных войск и до 10–12 тысяч штук авиационных бомб.

Возникла также необходимость в оказании помощи в восстановлении ресурса авиации, поскольку авиация в РА была основной силой, при помощи которой удавалось сдерживать противника, срывать его наступательные действия и обеспечивать снабжение войск в различных гарнизонах. За первую половину 1989 г. афганские ВВС потеряли около 60 самолетов и вертолетов. Для восполнения этих потерь афганское руководство просило передать 24 самолета Су-22 м-4, 20 МиГ-21-бис и заменить 15 устаревших самолетов МиГ-21мф на 15 МиГ-21-бис, а также предоставить афганской армии разведывательные самолеты. Вообще в афганской армии возрастало количество неисправной техники, особенно автомобильной, бронетанковой, артиллерийской, инженерной и связи. При слабости ремонтной базы и больших упущениях в содержании и эксплуатации техники в афганской армии (которые нам не удавалось преодолеть), возникали потребности в оказании помощи в ремонте техники путем временного командирования специалистов и поставки запасных частей.

Президент Наджибулла просил Советский Союз сделать еще одно твердое предупреждение Пакистану об ответственности за обстрелы Кабула, а также осуществление демонстрационных полетов советской авиации, а в случае возникновения критической ситуации вокруг Кабула и нанесение советской авиацией бомбо-штурмовых ударов по основным группировкам мятежников вокруг Кабула. При этом Наджибулла подчеркнул, что эта просьба относится лишь к тому моменту, если действительно возникает чрезвычайная обстановка. Мы постараемся, — писал он, — все сделать для того, чтобы этого

не случилось. Но мы должны быть ко всему готовыми. Явно желая снова втянуть Советский Союз в афганский конфликт, Наджибулла заявил: «Если вопреки нашим стремлениям такая обстановка сложится, со своей стороны мы обдумываем вопрос о нанесении ракетных ударов по объектам на территории Пакистана».

С подобными личными обращениями к главе Советского Союза Наджибулла выходил несколько раз. В ноябре 1989 г. в своем письме к М. С. Горбачеву он как бы подводил итоги года своей борьбы против оппозиции. Хочу полностью воспроизвести это, когда-то совершенно секретное письмо,[58] по которому можно судить о характере взаимоотношений двух руководителей в то время и некоторых аспектах оценки обстановки.

> *«Товарищу Михаилу Сергеевичу Горбачеву — Председателю Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, Генеральному Секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.*

Дорогой Михаил Сергеевич!

Памятуя о неоднократно высказывавшейся Вами рекомендации обращаться лично к Вам при возникновении необходимости или для обмена имеющимися соображениями, я решил воспользоваться данной возможностью, чтобы изложить волнующие меня в настоящее время вопросы. Разрешите от имени партийно-государственного руководства РА, всего афганского народа поблагодарить Вас за проявляемые советской стороной постоянное внимание к нашим делам и нуждам, заботу и помощь в этот сложный для нашей страны период. Хотелось бы поделиться с Вами некоторыми личными соображениями о характере и перспективах внутриполитической и военной обстановки в Афганистане, остановиться на ключевых направлениях нашей деятельности, высказать ряд пожеланий об удовлетворении наиболее насущных нужд наших вооруженных сил. Как и прежде, мы вынуждены работать над тремя группами взаимосвязанных проблем: организацией военной борьбы; реализацией мирных инициатив по урегулированию конфликта в его внутреннем и международном аспекте; поддержанием хотя бы на минимальном уровне экономики и разработкой новых экономических проектов в тех районах, где это возможно.

В течение 8 месяцев Республики Афганистан удается противостоять силам непримиримой оппозиции, хотя противник

настойчиво проводит в жизнь установку Вашингтона, Исламабада и Эр-Рияда на достижение военной победы, пытается добиться этой цели любой ценой. Военное давление на РА не снижается. Мятежники стремятся сковать правительственные силы в нескольких ключевых районах, блокировать в преддверии зимы главные транспортные коммуникации. По прямому требованию пакистанцев наиболее агрессивные банды усиливают интенсивность ракетных обстрелов Кабула и других городов, а также аэродромов, рассчитывая затруднить воздушные перевозки, нагнетать настроения страха и неверия населения.

Сейчас мы уже можем сказать, что летнюю кампанию этого года наши вооруженные силы выиграли. Экстремистские формирования, которые действуют при поддержке пакистанской военщины и арабских наемников, отбиты практически на всех главных направлениях. Однако, несомненно, что противник и зимой будет делать ставку исключительно на силовые методы, попытается «набрать очки» к будущим переговорам. Но логика борьбы диктует и нам необходимость достижения успеха на полях сражений перед тем, как начнется мирный диалог.

Параллельно с военной кампанией мы не снижаем усилий, направленных на урегулирование конфликта мирными политическими средствами. Набирает силу процесс отхода действующих внутри страны командиров вооруженных групп от пешаварских лидеров. Мы рассматриваем работу с этой категорией оппозиционеров в качестве одного из основных приоритетов. В определенной степени нейтрализован иранский фактор в общем фронте оппозиции, в результате чего многие вооруженные формирования в Хазараджате, Герате и других районах придерживаются позитивного нейтралитета или переходят на сторону правительства. Конечно, стимулирование этого процесса нуждается не только в пропагандистско-воспитательной работе, но и требует значительных материальных и финансовых затрат, нести которые без помощи Советского Союза мы не в состоянии.

В наших планах на ближайшую перспективу вырисовывается создание в соответствующих районах страны автономного образования — Хазараджата — на базе достижения согласия с лидерами хазарейцев о создании коалиционных органов местной власти, удовлетворении их национальных и религиозных чаяний, оказании им помощи. Этот первый шаг в направлении решения национального вопроса в стране может продолжить путь к аналогичным мерам в других районах страны, таких как, например, Нуристан. Этот шаг, наряду с другими мерами, продемонстрирует также способность правительства РА,

в отличие от лидеров оппозиции, конструктивно решать сложные проблемы, стоящие перед афганским обществом. Разумеется, для практического перевода Хазараджата и Нуристана на новые рельсы потребуются значительные объемы экономической помощи указанным районам. И здесь, как нам представляется, большую роль могла бы сыграть четко ориентированная и конкретизированная советская помощь по линии прямых связей.

На международной арене мы продолжаем искать новые подходы к тем государствам, от которых зависят темпы урегулирования внутриафганского конфликта — США, Пакистану, Ирану, Китаю. Полагаю, что в диалоге с американской стороной можно использовать «никарагуанскую формулу» разрешения проблемы — взаимное прекращение поставок оружия воюющим сторонам при условии прекращения огня и проведение в стране всеобщих выборов под контролем ООН.

В Афганистане с большим интересом воспринято известие о предстоящей в начале декабря Вашей встрече с президентом США Дж. Бушем. Думаю, что на ней в той или иной форме будет затронут и «афганский вопрос». Было бы весьма желательно, чтобы руководителю США на столь авторитетном уровне было аргументированно разъяснено содержание нашей формулы урегулирования, прямо сказано, что это наилучший путь и для обеспечения интересов США в регионе. Будущее коалиционное правительство Афганистана, которое должно быть сформированно на действительно широкой основе и избавлено от экстремистских влияний как слева, так и справа, несомненно явилось бы оптимальным вариантом решения проблемы. Принятие данного варианта стало бы гарантией обеспечения статуса нейтралитета, неприсоединения Афганистана, исключило бы возможность повторения здесь иранского образца власти в его худшем виде.

Что касается Пакистана, то мы прилагаем усилия к тому, чтобы вовлечь пакистанскую администрацию в прямые контакты с представителями афганского правительства. Предварительные условия для этого уже созданы: нами осуществлены подходы к Б. Бхутто, членам ее семьи, президенту Гулам Исхак Хану, начальнику Генерального штаба Аслам Бегу. Кроме того, мы будем оказывать влияние на Пакистан через симпатизирующих нам политических деятелей в Ливии, Иордании, Ираке, других мусульманских странах, а также в Движении неприсоединения и Организации африканского единства. В этом же контексте мы направили обращение с просьбой о посреднических услугах видным действующим ныне

и бывшим деятелям Запада — Дж. Картеру, Ф. Миттерану, В. Брандту. Мы также продолжаем работать над реализацией идеи привлечения бывшего афганского монарха к процессу урегулирования. В этой связи мы были бы весьма благодарны советской стороне, если бы в ходе Вашего предстоящего визита в Италию, товарищ Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе нашел возможность встретиться с Захир Шахом, с тем, чтобы прозондировать его позицию и призвать к активным действиям в пользу урегулирования. Мы, в свою очередь, также прорабатываем вопрос организации встречи с ним официального представителя правительства РА.

Благодаря целенаправленным усилиям советской стороны в советско-иранских отношениях произошли существенные конструктивные сдвиги. Тегеран все больше прислушивается к голосу Советского Союза, о чем свидетельствует его согласие на проведение региональной конференции по Афганистану и, в том числе, на расширение круга ее участников за счет Индии и Китая. Мы намерены и впредь вместе с советской стороной добиваться перевода вопроса о конференции как на региональном, так и более широком международном уровне на практические рельсы.

Недавно по телефону мы имели беседу с тов. Э. А. Шеварднадзе о некоторых аспектах развития советско-афганского экономического сотрудничества на современном этапе. Он согласился с моими соображениями. Думаю, что там, где это возможно, работы следует начинать. К обеспечению их безопасности афганская сторона подойдет с должным вниманием и ответственностью. В заключении хотел бы остановиться на некоторых конкретных просьбах.

Как показал опыт боевых действий последних месяцев, противника нам удается сдерживать прежде всего за счет авиационных, артиллерийских и ракетных ударов. Между тем, по разным причинам существует дефицит отдельных видов боеприпасов. Доставляемые воздушным мостом боеприпасы используются буквально в считанные дни. Для обеспечения боевых потребностей войск было бы весьма желательно сохранить функционирование «воздушного» моста на ближайшие полгода, доведя количество самолето-рейсов до 30–35 в сутки. Это позволит обеспечить доставку необходимого объема боеприпасов и снаряжения. И еще раз хотелось бы подчеркнуть особую важность для нас решения вопроса о ежедневной поставке 10–12 ракет Р-300, который уже ставился нами.

На основании имеющейся информации, есть основания предполагать, что в осенне-зимний период противник

активизируется вокруг Кабула, а также на некоторых участках автомагистрали Кабул-Хайротон. Для ликвидации здесь банд представляется целесообразным (об этом я советовался с советскими военными консультантами) использовать ракеты «Смерч» и «Точка», обладающие повышенной точностью. Крайне важно также как можно скорее возобновить поставки ракет «Луна-М», которые неожиданно для нас были прерваны, в результате чего проблема поражения противника на дальних подступах к Кабулу резко осложнилась.

Требуется срочная помощь и в восстановлении технических ресурсов ВВС, поскольку за этот год авиация потеряла около 70 самолетов и вертолетов. Для повышения мощи ВВС было бы также желательно обеспечить поставку нам самолетов МИГ-29, СУ-27 и боевых вертолетов МИ-35.

В преддверии зимы нами создаются в крупных административных центрах необходимые запасы продовольствия, топлива, предметов первой необходимости для населения и войск, а техническое состояние автотранспорта ввиду активной эксплуатации уже давно оставляет желать лучшего. Многие машины простаивают из-за отсутствия запчастей или вообще не подлежат восстановлению. Желательно ускорить поставку из Советского Союза грузовых автомашин и автоцистерн, согласно ранее достигнутым договоренностям.

Таковы наши наиболее насущные проблемы в военной области. Убежден, что их решение наряду с накоплением опыта самостоятельного ведения боевых действий и совершенствованием в целом военного строительства придаст вооруженным силам Республики Афганистан еще большую уверенность, повысит их наступательный дух.

В заключение, разрешите, Михаил Сергеевич, заверить Вас в неизменности чувства дружбы и признательности, которые испытывают афганцы к Вам лично и к советскому народу. Прошедший недавно Пленум ЦК НДПА наглядно продемонстрировал, что проводимый нами сегодня курс верен, что он пользуется широкой поддержкой. Выражаю Вам сердечную благодарность за то глубокое понимание афганских проблем, которые Вы проявляли на всех этапах нашей борьбы. Надеюсь, если на то будет Ваше согласие, и на личную встречу, необходимость которой, по моему мнению, уже назрела.

Пользуясь случаем, чтобы поздравить Вас, дорогой товарищ, с 72-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, пожелать советскому народу успехов в осуществлении под Вашим руководством широких революционных преобразований в Советском Союзе.

Желаю здоровья, счастья и благополучия Вам и Вашей семье.

С товарищеским приветом, Наджибулла, президент Республики Афганистан, Генеральный секретарь ЦК НДПА

Кабул, 14 акраба 1368 года, 5 ноября 1989 года». [59]

Когда нашу оперативную группу отправляли в Афганистан, все руководители, с кем я встречался, в том числе Министр обороны Маршал Д. Язов, говорили: «Ваша задача — продержаться хотя бы 3–4 месяца». После этого напутствия одни добавляли: «А потом, пусть как хотят, мы уже не будем виноваты». Другие выражали уверенность, что если Республика Афганистан несколько месяцев продержится, то за это время наверняка будут найдены пути политического урегулирования.

Но когда уже продержались около года (11 месяцев), настроение начальства изменилось. В разговорах по телефону, в директивных указаниях, при встречах с некоторыми руководителями КГБ и МИД все чаще начали раздаваться нотки о том, что хватить обороняться и что надо переходить к более решительным, наступательным действиям по всем направлениям. Видите ли, когда в Афганистане была 100-тысячная группировка советских войск, то ничего этого не делали, а теперь, когда правительственная армия осталась одна против сил оппозиции, казалось возможным осуществить все, что заблагорассудится. К этому пытались подталкивать и президента.

Во время Великой Отечественной войны мне пришлось быть участником (в самом низовом звене) в неудачных наступательных операций Западного фронта в 1942–1943 гг. как и последующих успешных наступательных операций 1944–1945 гг. и поэтому я хорошо знал, что значит предпринять неподготовленные и плохо обеспеченные наступательные операции и какая грандиозная подготовительная работа нужна, чтобы сопутствовал успех этим операциям. Поэтому стремился всячески противодействовать авантюристическим устремлениям московских начальников насчет возможности осуществления широкомасштабных наступательных операций. Они могли привести лишь к самым негативным последствиям.

Реально сложившаяся расстановка сил в Афганистане и состояние правительственной армии диктовали на данном этапе необходимость закрепления достигнутого и накопление сил для последующих решительных действий.

В целом я был удовлетворен достигнутыми результатами,

поскольку рассчитывал на худшее. Но вместе с тем, как всегда в таких случаях, сознавал, как много не удалось сделать из того, что хотелось. Судя по всему, в основном положительно оценивало нашу работу в Афганистане высшее политическое и военное руководство. Ряд генералов и офицеров из нашей оперативной группы награжден орденами и медалями. Меня в июне 1989 г. наградили орденом Ленина, а в ноябре 1989 г. пришло сообщение и присвоении мне очередного воинского звания — генерал армии.

Хочу упомянуть также, что для непосредственного ознакомления с обстановкой на местах и оказания влияния на афганских командиров и войска часто возникала необходимость выезда в различные гарнизоны, соединения и части, выполняющие боевые задачи. В феврале-марте — систематические выезды в части Кабульского гарнизона и в район Суруби. В апреле — в Джелалабад, в мае-июне — Баграм, Джабаль-Уссорадж, Баглан, Пули-Хумри. В июне-июле — Кандагар, Мазари-Шариф, Хайротон и другие.

В пределах Кабульского гарнизона это приходилось делать на автомашинах, а в другие районы — на самолетах и вертолетах. Пройдя через несколько войн, я более или менее нормально переносил боевую обстановку — обстрелы, постоянные опасности оказаться объектом террористических актов и других угроз для личной жизни.

Не особенно беспокоили и бытовые условия во фронтовой обстановке. Но в Афганистане при выездах у меня постоянно возникала проблема с питанием. После каждого употребления приготовленной афганцами пищи у меня начиналось расстройство желудка, поднималась температура и нередко приходилось несколько суток тяжело болеть.

Кстати, будучи в Китае в 1946 г. и в Египте в 1970–1971 гг., перед приемом пищи мы практиковали употребление водки или виски. Это дезинфицировало организм и предохраняло от кишечно-желудочных заболеваний. Но в период нахождения в Афганистане возраст был уже другой, да и сердечная система расшаталась и малейшее употребление спиртного вызывало дискомфорт, а иногда и сердечные приступы. Поэтому приходилось отказывать себе и в этом удовольствии или необходимости. По поводу употребления спиртного Наполеон когда-то говорил: «Беда не в том, что пьют плохую вещь, а злоупотребляют хорошей вещью». Но для меня недоступна была и хорошая сторона этой «вещи» и от этого приходилось страдать, а иногда, несмотря на температуру, продолжать работать.

Все это в сочетании с большим напряжением в работе часто

в крайне нервозной обстановке и постоянным недосыпанием (нередко приходилось обходиться 3–4-х часовым сном в сутки) сильно изматывало и подрывало здоровье. Дело усугублялось еще двумя обстоятельствами: во-первых, во время одного из выездов при разрыве реактивного снаряда получил контузию и в течение 2-х недель испытывал сильные головокружения и, во-вторых, как выяснилось потом, после одного из отравлений переболел скрытым гепатитом.

С учетом всего этого мне был разрешен отпуск. В конце 1989 года я возвратился в Москву и в течение месяца пролежал в госпитале. Одновременно встречался с рядом должностных лиц Министерства обороны СССР, Генштаба с тем, чтобы решить ряд вопросов, связанных с оказанием дальнейшей военной помощи афганским вооруженным силам.

В конце января 1990 г. вновь вернулся в Кабул и продолжал выполнение возложенной на меня миссии в Афганистане.

Таким образом, после ухода советских войск тяжелый замах афганской оппозиции не увенчался сокрушающим ударом. Республика Афганистан выдержала наиболее суровые испытания, отразила вылазки моджахедов и продолжала им противостоять.

3. Внутренний кризис в Республике Афганистан и мятеж Таная

Вооруженная оппозиция, убедившись в 1989 г. в невозможности сокрушения Республики Афганистан путем прямых штурмовых действий на занимаемые правительственными войсками позиции и города, в 1990 г. решила, не отказываясь от прямого военного давления, основные усилия перенести на подрывные действия и сговор с теми силами в Кабуле и других городах, которые находились в конфронтации с режимом Наджибуллы. В этих условиях решающее значение имела консолидация сил в системе партийной и государственной власти.

С учетом всего этого в 1990 г. руководство Республики Афганистан, продолжая осуществлять намеченный курс политики национального примирения, пыталось осуществить ряд преобразований в партии, государственных структурах. Проводилась также активная внешнеполитическая деятельность с целью получить поддержку и признание других стран. Президент Наджибулла несколько раз выезжал в зарубежные страны, в том числе на международные конференции неприсоединившихся государств.

Центральный комитет правящей партии и афганское правительство начинали делать для себя определенные выводы и в связи с происходящей в СССР «перестройкой» и бурными событиями, происходящими в странах Восточной Европы. Это нашло отражение в ряде выступлений Наджибуллы. Наиболее полно оно было изложено им в декабре 1989 г. в связи с 25-летием НДПА. На торжественном собрании он говорил: «Последние события в странах Восточной Европы еще раз предупреждают об опасности догматизма, попыток улучшить социально-политическую обстановку в стране путем использования отживших свой век и неприменимых в современной обстановке формулировок. Эти события показали, что игнорирование новых условий изменившейся внутренней и международной обстановки ведет к трагическим последствиям. Они еще раз напомнили, что идеология должна служить народу и отвечать его устремлениям. Если массы не увидят отражения своих интересов в политике и практической деятельности государства и правящей партии, они и не будут поддерживать их».[60] «Убежденность, — говорил он, — дело хорошее, но нужно когда-то трезво взглянуть и на реальную жизнь. Но опыт более

чем десятилетней войны показал, что вопреки искренним убеждениям ортодоксов, путь, который избрали мы, не только не привел народ к избавлению от его бед, но и наоборот, привел его к еще большим трагедиям».[61]

Делая определенный шаг навстречу оппозиционным настроениям Наджибулла отрекался от коммунизма. Он подчеркивал, что революционный радикализм, влиявший на деятельность партии, привел к тому, что ее лицо было представлено в искаженном виде; по его словам кое-кому это дало возможность поставить на партию «красную печать коммунизма».

Наджибулла пошел на переоценку и такого факта из прошлого, как ввод советских войск в Афганистан. На II съезде НДПА он заявил, что события 12 прошедших лет безусловно свидетельствуют о том, что ввод советских войск не отвечал национальным интересам Афганистана. Генеральный секретарь НДПА горячо призывал к единству партии, подчеркивая, что каждый член партии должен сознавать, что любое поползновение к фракционной деятельности является преступлением перед партией и народом. Ставилась также задача по расширению внутрипартийной демократии, как важнейшего условия активизации политической жизни общества.

В 1990 г. был поставлен вопрос о внесении изменений в Программу и Устав НДПА в соответствии с установкой на создание коалиционного правительства и с учетом того, что партия должна отражать интересы всего народа. С участием представителей оппозиции намечалось также внести изменения в программу и устав правящей партии. Были уточнены задачи национального фронта Республики Афганистан, призванного объединить и координировать деятельность различных политических партий и движений. Именно этот национальный фронт должен был формировать правительство. Но эти нововведения не однозначно были приняты в самом руководстве правящей партии. Активизировалась противодействующая деятельность халькистов.

По поводу преобразований правящей партии высказывались различные суждения не только в афганских политических кругах, но и среди советских представителей. Некоторые из них опасались растворения и расслоения партии среди других политических организаций. Другие вообще высказывались за роспуск партии. Кстати, такие настроения зрели давно.

Доктор философских наук полковник К. Цаголов еще в августе 1987 г. написал доклад Министру обороны Д. Т. Язову, где предлагал:

Рекомендовать афганскому руководству обратиться к партии и народу с решением о самороспуске НДПА и самостоятельной деятельности двух политических партий «Хальк» и «Парчам», а также ряда других политических партий «Труд», РОТА (революционной организации трудящихся Афганистана), вновь создаваемой исламской партии Афганистана и др. Образовать политический альянс «Союз национального спасения», куда на равноправной основе должны войти все политические организации и создать единый Центральный Комитет и другие органы этого Союза.

Были и некоторые другие проекты. В частности, предлагалось изменить название государства и именовать его «Исламская Республика Афганистан». Подобные суждения высказывали и некоторые афганские деятели.

Но все эти прожекты были не совсем жизненными, так как мало что меняли в самой сути дела. Роспуск НДПА и самостоятельная деятельность «Хальк» и «Парчам» могли еще больше обострить противоречия, вынудив встать по разные стороны баррикад даже тех членов НДПА, которые до этого поддерживали единство партии, а таких было немало. А вновь созданные политические органы Союза национального спасения в условиях самостоятельности различных партий оказались бы еще менее действенными, чем это было в рамках НДПА. Причем в этом альянсе все равно доминировала бы партия, в чьих руках были реальные рычаги государственной власти.

Но прожекты оставались прожектами, а жизнь шла своим чередом. Поскольку по опыту 1989 г. ни одна из сторон не могла одолеть друг друга военным путем, ставка все больше делалась на политическую борьбу, подрывную работу и перетягивание на свою сторону различных группировок.

Мятеж халькистов

К тому времени, когда в январе 1990 г. я вернулся из кратковременного отпуска в Кабул, президент и его окружение с одной стороны, Министр обороны Танай и его сторонники, с другой стороны, практически забросили все государственные, военные дела и занимались главным образом выяснением отношений. Вначале трудно было понять, что в самом деле происходит. Казалось, что отношения обострились исключительно на почве личных симпатий и антипатий. Я много раз встречался с президентом Наджибуллой, вице-президентом Рафи, премьер-министром Кештмантом, Министром иностранных

дел Вакилем, с Министром обороны генералом Танаем, секретарем ЦК НДПА Карвалем с многими другими политическими и военными деятелями, пытаясь выявить их подлинные цели, характер противоречий и каким-то образом примирить. При этом основной упор делался на то, что обострение противоречий играет только на руку оппозиции и может свести на нет все, что достигнуто за год борьбы.

Президенту мною в самой твердой форме было сказано, что необходимо уладить конфликт. Нельзя осуществлять национальное согласие, опираясь только на МГБ. Советовал больше считаться с халькистами, как реальной силой, пойти на некоторые уступки. Обращалось внимание на то, что Министр обороны по ряду вопросов прав, ибо в кадровой политике с ним мало считаются. Все дела вершат помощники президента генералы Баки и Олюми. Президенту предлагалось пойти даже на такой шаг: присвоить Танаю очередное звание генерал армии, уладить конфликт, а затем возможно, отправить его на учебу в СССР. Но президент был убежден, что Танай не поедет.

В ходе бесед каждая сторона доказывала свою правоту, обвиняла другую во всех грехах и не желала идти на какие-либо существенные уступки. В первых числах марта практически уже не проводились заседания Ставки ВГК, ибо Танай, боясь ареста, не решался появляться в резиденции президента.

Наджибулла уверял, что на Таная и его сторонников давит оппозиция и требует от них выступления против народной власти. По его мнению планы такого выступления халькисты вынашивали давно. Но при наличии в стране советских войск они не решались выступить. Группа Таная должна была поднять мятеж еще в 1989 г. сразу после падения Джелалабада. Но этот форпост устоял и их планы сорвались. «Теперь, — полагал президент, — они обязательно выступят». Халькисты все больше блокируются с кармалистами — сторонниками бывшего президента Бабрака Кармаля.

Наджибулла отрицал также, что арест 137 офицеров подтолкнул выступление Таная, он привел данные, свидетельствующие о том, что арестованы не только халькисты. В числе арестованных было 47 членов НДПА, среди них 8 парчамистов, причем 4 из них МГБ.

Танай в ходе откровенной беседы пытался убедить меня в том, что Советский Союз допускает ошибку, делая ставку на парчамистов. «Они все равно предадут вас», — говорил он. Аресты армейских офицеров он считал провокацией против армии. Так могут в любой день арестовать и меня, кого угодно. Народ и армия не могут больше терпеть, когда вся страна

управляется только через органы государственной безопасности. Последние события в Румынии заявил Министр, показали, что народ может и должен сокрушить режим, основанный на одних репрессиях. Танай жаловался также, что командиры корпусов перестали докладывать ему обстановку. Все докладывается только президенту.

Он считал неразумным, что в государстве содержится три самостоятельные армии: войска Министерства обороны, Министерства безопасности и Министерства внутренних дел, формально справедливо полагая, что все войска должны быть в армии, а МГБ и МВД должны заниматься своими свойственными им функциями. В заключение Министр обороны в крайне возбужденной форме заявил: «Раньше мы жили беспечно. Больше этого не будет. Теперь мы готовы нанести ответные удары».

На мое предложение еще раз встретиться с президентом и в моем присутствии откровенно изложить ему все эти вопросы и претензии — Шах Наваз Танай заявил, что все это бесполезно и что он не на какие компромиссы с Наджибуллой больше не пойдет.

Когда я обо всем этом доложил по телефону Министру обороны СССР Д. Т. Язову, он, выразив свою озабоченность складывающейся обстановкой в Афганистане, сказал мне: «Я все же думаю, что, если бы я был там, мне удалось бы переубедить Таная». На что я ответил: «Что ж, желательно вам приехать в Кабул или пригласить в Москву Министра обороны Таная. Тем более, что он давно уже дает намеки о визите в Москву». Но наш Министр обороны ни того, ни другого не сделал. Как потом выяснилось, дело обстояло значительно сложнее и не все зависело от желаний и поведения Таная.

Только позже выяснились некоторые обстоятельства дела, хотя и сейчас еще не все здесь до конца ясно. Теперь, когда прошло определенное время, можно предполагать, что халькисты во главе с министром обороны Танаем и Гулябзоем (находившимся в Москве в качестве посла Афганистана), сговорившись с одним из лидеров оппозиции Гульбеддиным Хекматьяром, планировали свергнуть власть Наджибуллы и тем самым создать условия для достижения примирения с оппозицией и прекращения войны.

Органы безопасности РА внимательно следили за приготовлениями халькистов, Наджибулла о них частично знал и тщательно готовил упреждающие и ответные меры. Однако конкретный план мятежников ему разгадать не удалось, что не дало возможности в зародыше пресечь мятеж. Не совсем понятным осталось для меня и то обстоятельство, что в ряде

шагов президента проглядывалось стремление не предотвратить мятеж мирным путем, а сознательно спровоцировать его, видимо, с тем, чтобы иметь возможность вооруженной силой подавить своих политических противников. Возможно он исходил из того, что если даже удастся мирным путем договориться с халькистами, то это будет лишь временное откладывание их выступления. Поэтому хотел как можно быстрее разрубить этот узел противоречий.

В связи с этим некоторые советские дипломаты и военные в Кабуле высказывали предположение, что провоцирование выступления халькистов и подавления мятежа было спланировано в Москве комитетом Гос. безопасности СССР. Уже в последнее время я имел доверительную беседу по этому вопросу с бывшим начальником первого Главного управления КГБ генерал-полковником Л. Шебаршиным, но он не подтвердил эту версию.

В целом противостояние между парчамистами и халькистами нарастало. Это давало о себе знать на любом политическом мероприятии.

Так, 27.02.90 г., когда на заседании политического бюро Центрального Комитета партии с докладом об итогах обсуждения предложений об изменении названия партии, внесении изменений в программу и устав партии выступил Наджибулла, возникли разногласия по поводу созыва съезда партии. Наджибулла говорил, что только небольшое число членов партии ведут фракционную борьбу и требуют проведения съезда. С ним не согласился секретарь ЦК партии Моманд, заявивший, что в этом вопросе необходимо прислушиваться к мнению всех членов партии, предоставлять им больше демократии и насколько ему известно проведения съезда желает почти вся партия. Его поддержал также член Политбюро ЦК партии Панджшири, заявивший, что надо учитывать и опыт Восточной Европы, события происходящие там, необходимо прислушиваться к голосу рядовых членов партии и что он лично тоже выступает за проведение съезда.

Наджибулла заявил, что в таком случае он готов провести и съезд, и выступить с докладом, в котором он реально раскроет все, чем занималась партия и что происходило в ней в течение 25 лет, расскажет о том, как «халькисты» убили своего генерального секретаря.

Панджшири на это ответил, что он готов выслушать все это, но также необходимо будет разобраться, кто пригласил советские войска, пусть эти люди ответят, ведь Наджибулла участвовал в принятии такого решения.

В поддержку Наджибуллы выступили Министр внутренних дел Ватанджар и Госсекретарь Н. Мохаммад, заявившие, что не надо обострять отношения в то время, когда обозначились пути мирного урегулирования афганской проблемы.

После совещания Наджибулла вызвал Моманда (как лидера «Халькистов») и заявил, что в одной стране не может быть двух королей, давайте проведем Политбюро и решим, кто будет во главе: я или Танай.[62]

Абдул Вакиль пригласил к себе на ужин секретаря ЦК партии Зерая, с целью прояснить позиции «халькистов». Во время беседы Зерай заявил, что революцию сделали «халькисты», в то время как у «парчамистов» ничего не было и они в основном находились в то время за границей. Да мы убили своего Генсека, однако с помощью советских войск «парчамисты» приехали обратно. После вашего возвращения у нас было 1/3 власти. После 18 Пленума мы думали, что всё пойдет нормально, но на самом деле все стало иначе, удельный вес халькистов в руководстве стал 1/6. Сейчас советских войск в стране нет, а фактически защищают революцию и умирают за нее только халькисты. Поэтому нам необходимо решить эти вопросы. О наших разногласиях знает Наджибулла, я послал письмо Горбачеву, где изложил все и сейчас могу об этом заявить.

«Халькисты» сейчас все сплотились и ждут, чтобы Наджибулла первый что-нибудь сделал против нас. Если раньше, когда выступил Танай у нас была 50 % готовность, то теперь мы готовы на все 150 %.

Главную роль в подготовке и организации выступления халькистов играл один из приближенных Министра обороны — Асер Шур. Танай отправлял к нему всех, кто хочет встретиться и переговорить с Министром обороны. В его руках находились все планы выступления, с конкретными задачами для каждого халькиста. Наджибулла был вынужден посетить дом одного из лидеров халькистов — Мохтата. Во время ужина он просил его сделать так, чтобы Танай перешел на сторону Наджибуллы. Если Танай примет предложения Наджибуллы, то он присвоит ему очередное воинское звание, а также звание Героя Афганистана. Наджибулла предлагал бросить фракционную борьбу, быть послушным и выполнять все его указания, не идти за Момандом, Зераем, Карвалем.

Наджибулла сказал, что он не может удовлетворить требования халькистов о назначении некоторых из них на высокие посты, так как у многих из них руки в крови (например, Саравари, который в свое время подписывал списки об уничтожении людей).

Генерал Танай в узком кругу высказывался в том духе, что Наджибулла хитрит и постоянно обманывает халькистов, как только у него появится сила, он нас уничтожит. Он хочет отделить меня от халькистов, чтобы затем уничтожить и меня. Он же заявлял, что по Конституции правительство должно избираться, а оно было назначено. Поэтому по окончании военного положения оно должно быть распущено.

Во время партийного собрания в кабульском университете с участием секретаря ЦК НДПА Ф. Маздака выступающие заявили, что им уже надоели, одни и те же лица в руководстве страны, которые заботятся только о своих родственниках (Кештманд, Маздак и др.). Говорилось о том, что дети их учатся за границей, родственники занимаются торговлей и имеют большие доходы; Фарид Лали (бывший заместитель председателя комитета по проектированию и строительству) в этом месяце женился на дочери Кештманда и уже назначен Торговым представителем в Москву. Приводились примеры злоупотреблений со стороны помощника президента Тухи и др.

Было и много других подобного рода ссор и политических интриг.

Главной причиной назревавшего мятежа было крайнее обострение противоречий между халькистскими и парчамистскими крыльями НДПА. Противоречия между ними давали о себе знать уже многие годы, осложняя деятельность государственного аппарата. Отрицательно сказывались они также на строительстве и боевом применении Вооруженных Сил. Именно вследствие преобладания халькистов в министерстве обороны и недоверия к ним со стороны пришедших к власти парчамистов оказались созданными, по существу, три самостоятельные армии: войска министерства обороны, МВД и МГБ, порождая большие трудности и трения в управлении вооруженными силами, их снабжения и обеспечения.

Лидеры халькистского крыла всегда подчеркивали, что халькисты совершили революцию и они больше всего воюют на поле боя, а парчамисты узурпировали власть в стране и партии. Как уже отмечалось, в вооруженных силах большинство должностей в высшем звене (от дивизии и выше) занимали они, а в низовом звене (от полка и ниже) в армии и войсках МВД большинство офицеров составляли халькисты. Халькисты высказывали также возражения по ряду принципиальных политических вопросов. Под этим и другими предлогами они постоянно вели борьбу за власть. Наличие в Афганистане советских войск сдерживало открытое выступление халькистов. Непосредственно перед выводом советских войск, как известно,

Министр обороны Танай и Министр внутренних дел Гулябзой пытались предъявить некоторые свои притязания на власть и ряд неприемлемых требований к президенту. Но в то время халькисты не были готовы к открытому вооруженному выступлению и их намерения были на определенное время локализованы.

Для уяснения ситуации следует особо сказать о роли и личности Министра обороны генерала Шах Наваза Таная. Происходил он из пуштунского племени Тани, обитавшего в округе Хост. Был призван на военную службу в королевскую армию, закончил военное училище и стал офицером. Вступил в НДПА, примыкая к ее халькистскому крылу. Вообще надо отдать ему должное: Танай был энергичным, способным офицером, настоящим военным профессионалом. Он обладал сильной волей, большой работоспособностью и среди афганских офицеров выделялся организаторскими качествами. Я с ним впервые познакомился в начале 80-х годов, когда он был командиром 1-го армейского корпуса, оборонявшего Кабул совместно с советскими войсками. В отличие от многих афганских командиров он постоянно бывал в подчиненных ему частях, активно вникал в их устройство и боевую подготовку. Благодаря своей активности, вскоре он стал заместителем Министра, а к моменту моего прибытия в Афганистан в 1989 г. был уже Министром обороны.

Его назначение на эту должность поддерживали и советские представители. Президент, видимо, рассчитывал, что столь высокое назначение, ускоренное присвоение очередных воинских званий сделает Таная послушным Министром обороны. Но генерал Танай вел непримиримую борьбу против стремления парчамистского руководства вытеснить халькистов из важнейших должностей в государственном аппарате и армии, что создавало ему авторитет среди офицеров.

Слабой стороной Таная была его политическая ограниченность, что позволяло некоторым более опытным политиканам втягивать его в различного рода сомнительные политические интриги. Иногда он конфликтовал с президентом, его окружением, с министрами других силовых структур по мелочам и вообще имел очень неуживчивый характер.

После вывода из Афганистана советских войск в его поведении, некоторых решениях и действиях стало возникать много трудно объяснимых странностей. В ряде случаев создавалось впечатление, что его больше занимает не борьба против вооруженной оппозиции, а стремление иметь как можно больше сил в своем распоряжении в Кабуле. В президентских кругах высказывались подозрения о его связях с лидерами

оппозиции Хекматьяром, Ахмат Шахом. Но этому как-то не хотелось верить. Ибо в случае прихода к власти моджахедов ему мало что светило. Но события, связанные с последовавшим затем мятежом, дали основание полагать, что расчет Таная мог строиться на том, что, чем больше укрепляется власть парчамистов, тем меньше остается перспектив для халькистов, их рано или поздно выживут. Поэтому он возможно полагал лучше проявить инициативу, первым подать руку лидерам оппозиции, помочь им свергнуть режим Наджибуллы и попытаться в последующем с ними договориться о разделе власти.

Начиная с марта 1989 г. со стороны Таная, по существу, проводился скрытый саботаж мероприятий по укреплению боеспособности афганских вооруженных сил, усилению наиболее опасных направлений. Особенно наглядно это проявилось при отражении наступления мятежников на Джелалабад, когда Танай категорически отказался снимать из Кабула армейские части и отправить их на усиление Джелалабадского гарнизона. Теперь становилось очевидным, что отряды исламской партии Афганистан (Хекматьяра), наступающие на город с востока, главную ставку делали на сдачу постов частями 11-й пехотной дивизии, что им частично удалось. Но противник был остановлен частями, переброшенного из Кабульского гарнизона вопреки сопротивлению Таная. Так было и в ряде других случаев.

В обострении отношений между халькистами и парчамистами в декабре 1989 года-в феврале 1990 года определенную негативную роль сыграла и недостаточно гибкая позиция самого президента и особенно его окружения, которые искусственно и не всегда оправданно ограничивали действия министра обороны и прежде всего по назначению кадров, иногда даже на незначительные должности. Хотя перед началом мятежа, когда в условиях обострения отношений, обстановка уже слабо контролировалась, Танай самовольно назначил на различные должности более 200 офицеров. Нервозность и раздражение Таная вызвало и то, что командиры корпусов фактически игнорировали его. При посещении Джелалабада в феврале 1990 г. командующий фронтом генерал-полковник М. А. Лудин (парчамист) не встретил министра обороны и не прибыл на совещание командиров частей гарнизона. По этому поводу, связанному с нарушением элементарной воинской дисциплины, президент ограничился замечанием Лудину по телефону, но среди руководящего состава этот вопрос официально не поставил.

С президентом Наджибуллой по этим вопросам неоднократно

проводились беседы. В принципе он с нами соглашался в необходимости больше считаться с халькистами, представляющими значительную силу, с тем, что по ряду вопросов можно было бы идти навстречу некоторым их предложениям. Но окружение Президента глухо сопротивлялось всему этому. Имела место и личная неприязнь между отдельными халькистами и парчамистами. Все это давало лишний повод халькистам для обострения обстановки.

Главное же состояло в том, что лидеры халькистов, стремясь фактически к прямому захвату власти, решили использовать в своих экстремистских целях требования ряда западных стран и афганской оппозиции об отстранении Президента РА тов. Наджибуллы, изображая дело таким образом, что в этом случае будет устранено основное препятствие на пути урегулирования афганской проблемы. Хотя последующие события (через 2 года) показали, что и с уходом Наджибуллы мало что изменилось в Афганистане.

В действительности, основная цель заговора состояла в том, чтобы устранить афганское руководство во главе с Наджибуллой, захватить власть и договориться с определенными группировками оппозиции (прежде всего с исламской партией Афганистана (ИПА) о разделении власти и сфер влияния в стране. Это подтверждалось и тем, что некоторые высказывания Таная полностью совпадали с тем, что говорили посланцы ИПА на встрече с советскими представителями в Ливии, когда ими предлагалось, чтобы афганские армейские силы, находящиеся в оппозиции к руководству РА, и полевые командиры моджахедов объединились и создали условия для проведения выборов на территории Афганистана.

Но именно в данном случае наиболее наглядно проявилась вся беспринципность лидеров халькизма (Зерая, Гулябзоя, Моманда, Карваля, Панджшири). На различных партийных форумах, в Совете обороны главные их возражения были направлены против курса на национальное примирение. На словах они выступали с левыми «революционными» фразами, обвиняли президента в уступках оппозиции, попрании идей Апрельской революции и призывали до конца вести непримиримую борьбу с оппозицией, а на деле после мятежа несколько халькистских «вождей» (Танай, Моманд, Ока) перешли на сторону исламской партии Афганистана — самого правого реакционного фундаменталистского крыла оппозиции. Кстати, когда после провала мятежа Танай прилетел на пакистанский аэродром, он не выходил из самолета, требуя встречи с одним из видных представителей оппозиции. Но как побежденный,

он никому не был нужен.

Таким образом, «заговор Таная» вызревал давно. Лидеры халькизма орудием давления на руководство Республики Афганистан и лично президента избрали Таная, играя на его политической незрелости, болезненном самолюбии и авантюризме.

Президент Наджибулла хотя и сам провоцировал некоторые экстремистские действия халькистов, но накануне он встречался с группой лидеров халькистов, обещал положительно рассмотреть ряд их предложений. Последние должны были дать ответ к исходу дня 6 марта. Но Танай становился все более неуправляемым. Начал самовольно формировать новые части в Кабульском гарнизоне, обеспечивать их дополнительным количеством оружия. В этих условиях президент был вынужден принять решение о смещении Таная с поста министра обороны. Узнав об этом, Танай решил поднять мятеж.

Наш советник при афганском разведывательном управлении в докладе главному военному советнику следующим образом изложил свои наблюдения за действиями министра обороны генерала Таная накануне мятежа. «В конце февраля, начале марта обстановка в афганском генштабе заметно обострилась. Министр обороны Шах Наваз Танай вызвал к себе командиров частей и подразделений, проводил с ними совещания, посвящая в их содержание ограниченный круг лиц, в число которых почти постоянно входили Кабир Карвани, начальник офицерских курсов, начальники 27, 57 учебных центров, командиры 235 батальона охраны и 21 полка охраны и 15 танковой бригады.

Примерно с 20 февраля по 4 марта в оперативном управлении с утра (примерно с 8:00) и до 15:00–16:00 находился начальник штаба 8 пехотной дивизии, который в течении того времени по 2–3 раза вызывался к Шах Навазу Танаю. Часто проводились совещания, об участниках которых сведений получить получить не удавалось.

Примерно со 2 марта при моем появлении в оперативном управлении, там немедленно появлялись генерал-майор Дост Мухаммад (Главная инспекция) или Карвани (помощник Министра), особенно если в этот период там находились генерал-майор Хашим или генерал-майор Исмаил (заместители начальника оперативного управления). Разговор при этом немедленно переходил на «пушту», если даже до этого говорили в комнате со мной по-русски или между собой на «дари».

5 марта примерно в 10:00–10:30 мною было замечено, что к зданию Министерства обороны подошла колонна БМП (4 ед.),

БРДМ-2 (4 ед.), БТР (4 ед.), которые были рассредоточены вокруг здания на местах, на которых они раньше не отмечались. Одновременно из БТР справа от здания Министерства обороны было выгружено 4 скорострельных миномета и на площадке под окнами оперативного отдела был поставлен миномет.

На мой вопрос, что это такое и почему техника поставлена не на те места, где они были раньше, генерал-майор Исмаил ответил, что это батальон охраны прибыл со стрельб и что там всегда были посты и места их стоянки. Вечером 5 марта Министр обороны провел совещание с рядом лиц. Содержание совещания осталось неизвестным.

По прибытию на работу в Министерство обороны утром 6 марта мною было отмечено увеличение часовых в полной боевой форме как внутри здания, так и снаружи. Танк, который был виден из окна оперативного управления, вышел из окопа и поставлен у ограды здания. Все БМП и БРДМ, которые пришли к зданию Министерства обороны 5 марта, находились на своих местах, но добавилось еще 4 танка изнутри ограды Министерства обороны. Все вооружение было расчехлено и около них и на них находились экипажи, что раньше не отмечалось.

Около 10:30 Шах Наваз Танай собрал в своем кабинете совещание. В коридор, где находился кабинет Министра обороны, никого не пускали. Затем я заметил, что солдатам у здания раздают боеприпасы, они снаряжают коробки и магазины. Получают гранаты. У ограды занимали позиции гранатометчики. В 9:30 к зданию Министерства обороны прибыло 8 бронемашин с противотанковыми управляемыми ракетами и несколько бронетранспортеров с военнослужащими, которые были расставлены вокруг снаружи ограды.

Я доложил главному военному советнику при Министерстве обороны и генералу армии Гарееву об отправке из здания Министерства обороны всех советских работников и работающих с ними афганских переводчиков и по команде генерала армии Гареева прибыл в посольство.

Затем в 13:40 также по команде снова прибыл со своим переводчиком старшим лейтенантом Бараз В. В. в здание Министерства обороны, где беседовал вначале с начальником разведывательного управления генерал-лейтенантом Самади, а затем с генерал-майором Исмаилом. В этот период мне стало известно о создании «Революционного штаба» во главе с Шах Навазом Танаем и о том, что готовится вооруженное столкновение.

В здании Министерства обороны находился советник при начальнике особого отдела МГБ А. Канташов. Мы втроем

поднялись в оперативное управление. После того, как авиация нанесла удары по телевизионной вышке, телерадиоцентру и дворцу президента, доложили об этом Главному военному советнику.

На меня вышел по телефону советник посла и передал приказание посла пройти к Шах Навазу Танаю и доложить ему о том, что посол СССР хочет говорить с ними по телефону. Мы пошли втроем, но нас не пустили, сказав, что начальника охраны нет, а они имеют приказ никого не пускать. При этом солдат сказал, что Министра обороны нет, он уехал.

Доложив об этом советнику посла по телефону, мы спустились на 2 этаж в кабинет начальника артиллерии генерал-лейтенанта Фарук, но его на месте не оказалось. В 14:10, получив команду прибыть в посольство, мы втроем убыли с территории Министерства обороны, но выпустили нас только по личному приказанию командира 235 батальона охраны полковника Гафура, который проводил нас до задних ворот. Через передние уже никого не выпускали.

Остальных афганских генералов и офицеров, кроме начальника генштаба генерал-полковника Асефа Делавара, из здания Министерства обороны не выпустили.»

Мятеж начался 6 марта 1990 г. Утром с группой офицеров и сильной охраной Танай прибыл на аэродром Баграм в 50 км севернее Кабула и поднял мятеж, начав его с нанесения бомбо-штурмовых ударов авиацией по президентскому дворцу (несколько 500-килограммовых бомб разорвались в непосредственной близости от основных зданий и укрытий), командных пунктов гарнизона, гвардии и другим объектам в центре города. Ставка Верховного Главного командования в соответствии с планом, разработанным на случай возникновения кризисной ситуации, приняло решительные меры по разгрому заговорщиков.

Оперативный замысел Таная состоял в том, чтобы ударами авиации вывести из строя основное звено военно-политического руководства, основные пункты управления и, пользуясь (по его расчетам) растерянностью среди руководства и в городе, объявить о захвате власти. Одновременно создавались опорные базы, очаги сопротивления внутри города (здания Министерства обороны, Главного политического управления; позиции, занятые 21 полком и 235 батальоном охраны и др.), куда на выручку должны были прорываться части, выступающие на стороне Таная (15-я танковая бригада, 57 учебный центр, некоторые части 60 п. д. — с востока; части 8 пехотной дивизии, 37-й десантно-штурмовой бригады и некоторые другие. Артиллерия артполка 8 пехотной дивизии,

часть зенитной артиллерии обстреливали правительственные объекты, район посольства СССР, поддерживали мятежные подразделения, прорывающиеся к зданию Министерства обороны. Всего около 20 соединений и частей полностью или частично поддерживали Таная в Кабульском гарнизоне, а также часть авиаторов и частей 40-й пехотной дивизии в Баграме. Могли оказать ему поддержку подразделения авиации и 21-й пехотной дивизии в Шинданде. В случае успеха мятежа к Танаю могли присоединиться его сторонники и в ряде других гарнизонов. Но быстрый и решительный разгром основных сил мятежников в Кабуле сдержал эти выступления.

Очаги сопротивления мятежников в зданиях Министерства обороны и Главного политического управления были вначале блокированы, а затем захвачены штурмом частями президентской гвардии. Верные правительству части блокировали также пункты дислокации мятежников. На восточных подступах к Кабулу по отражению атак 15-й танковой бригады и 57-го учебного центра действовали части Национальной гвардии, 3-й пехотной дивизии МВД, а также подразделения 53-й пехотной дивизии, переброшенные с Логарского направления.

В результате ожесточенных боевых действий в течение 6 и 7 марта 1990 года часть мятежников была уничтожена, часть — сдалась. Танаю не удалось в полной мере использовать авиацию на Баграмском аэродроме, так как многие летчики отказывались вылетать для ударов по Кабулу, некоторые из них улетали в Мазари-Шариф или Кабул, сбросив бомбы в стороне. Всего по Кабулу было сделано 18 самолетовылетов, сброшено 42 бомбы.

Противодействие мятежной авиации средствами ПВО затруднялось в связи с тем, что часть зенитных подразделений открыто выступала на стороне мятежников.

В связи с тем, что мятежники главную ставку делали на авиацию, расположенную на Баграмском аэродроме, президенту Наджибулле пришлось пойти на такую крайнюю меру, как обстрел взлетной полосы этого аэродрома ракетами и реактивными снарядами «Ураган», расположенными в Кабуле. В частности, дивизионом «Ураган» выпущено по аэродрому 200 снарядов на дальность около 40 км. Большинство снарядов поразили цель (взлетно-посадочную полосу и стоянки самолетов). Однако, осколочные снаряды практически не вызвали никаких повреждений полосы, но нанесли серьезный урон самолетам и складу авиабомб.

Авиацией, расположенной в районе Мазари-Шариф, которая осталась верной президенту, наносились авиационные удары

по Баграмскому аэродрому.

Самое печальное состояло в том, что афганскому руководству пришлось уничтожить свою же авиацию. Общие потери — 46 самолетов, из них 34 самолета в последующем были восстановлены.

В результате взрыва было выведено из строя более тысячи авиабомб. Тяжелое положение складывалось с летным составом. 16 летчиков было арестовано; часть летчиков отстранена от полетов.

Благонадежность некоторых летчиков вызывала сомнения. Все это существенно снизило боевые возможности авиации. В итоге мятежа и его подавления общие потери в личном составе: убитых 136 человек, раненых свыше 350 человек. Потери среди мирного населения: убито около 180 человек, ранено более 200 человек. Потери в технике: танков — 22 единицы, БМП и БТР — 12 единиц, артиллерийской техники — 7 единиц. Большой ущерб нанесен средствам связи Министерства обороны.

Основными факторами, предопределившими провал мятежа и разгром заговорщиков, явились:

Во-первых, авантюристические цели заговора, который не был поддержан не только населением, но и даже далеко не всеми халькистами, армейскими частями и авиацией.

Во-вторых, уверенное руководство подавлением мятежа со стороны президента и в целом руководства Республики Афганистан. Решительные и в основном организованные действия верных правительству войск, в соответствии с разработанным планом, что позволило в короткие сроки подавить мятеж и не допустить его распространения на другие гарнизоны.

Вместе с тем были допущены и некоторые недостатки. Основное упущение состояло в том, что не был своевременно установлен и пресечен выезд Таная в Баграм, а на аэродроме не были подготовлены достаточно надежные силы и средства для противодействия заговорщиков и недопущение взлета мятежной авиации. Это обстоятельство вынудило прибегнуть к такой крайней мере, когда правительственные войска вынуждены были обстреливать Баграмский аэродром, что привело к выводу из строя примерно половины авиационной техники, имевшейся на этом аэродроме.

С точки зрения военно-политической, предпринятая экстремистским крылом халькистов попытка заговора и его решительное подавление имели как положительные, так и отрицательные последствия. Главным положительным итогом было то, что с пути осуществления курса на национальное примирение было устранено одно из основных препятствий

внутри НДПА и Республики Афганистан — сломлено сопротивление экстремистов, и после этого эта политика могла более последовательно проводиться в жизнь.

Была устранена постоянно существовавшая угроза мятежа и переворота, которая создавала гнетущую обстановку и сковывала осуществление многих назревших социально-экономических и военных задач. Были созданы потенциальные возможности для коренного улучшения руководства вооруженными силами, поскольку до этого многие намечаемые решения и мероприятия практически саботировались Танаем, а управление войсками было парализовано.

К негативным последствиям можно отнести следующие моменты:

За рубежом, среди афганской оппозиции и кое-где внутри Афганистана сам факт вооруженного мятежа, отразившего наличие глубоких противоречий, был воспринят как слабость существующего режима. Высказывались предположения, что мятеж еще не закончился, и при серьезных военных неудачах под Хостом, Джелалабадом и других районах, сторонники Таная могут еще выступить. Был нанесен существенный материальный ущерб, особенно авиации (на 50 миллионов рублей), зданиям Министерства обороны и некоторым государственным зданиям, а также мирному населению. Оказались нарушенными управление войсками (в первые дни была потеряна связь с большинством гарнизонов), система обороны и ПВО в Кабуле. Многие подразделения покинули районы обороны и огневые позиции. Был нанесен ущерб морально-боевому духу личного состава, особенно в частях, втянутых в мятеж, где наиболее активно проводилась антиправительственная агитация.

С учетом изложенного предстояла большая работа по нейтрализации политических последствий мятежа, восстановлению авиации, связи, управления войсками, системы обороны и боеготовности соединений и частей, и в первую очередь в Кабульском и Баграмском гарнизонах.

Мы обращали внимание афганского руководства и на то, чтобы в сложившейся обстановке особенно важно не допустить в НДПА и вооруженных силах антихалькистских настроений, чтобы под видом борьбы с халькистами не оттолкнуть многих армейских офицеров и солдат. И вообще больше работать и считаться с этим течением в правящей партии.

Во время мятежа советское посольство, где мы находились, оказалось между враждующими сторонами, интенсивно обстреливалось. 19 снарядов упали на его территорию. Уйти в укрытие было невозможно, ибо все связи были наверху. Поэтому

пришлось действовать в исключительно экстремальных условиях.

4. Продолжение вооруженного противостояния в Афганистане в 1990 году

Как складывалась военно-политическая обстановка в 1990 г. в дальнейшем? Главным было то, что с одной стороны проявлялись некоторые проблески активизации шагов по политическому урегулированию афганской проблемы как со стороны оппозиции, так и руководства Республики Афганистан; с другой стороны продолжался нажим США и Пакистана на оппозицию с целью продолжения военных действий с тем, чтобы одержать хоть какие-либо военные успехи и повысить удельный вес оппозиции на предстоящих переговорах.

США и Пакистан по-прежнему добивались свержения или политического устранения существующего в Республике Афганистан строя и создания в Афганистане угодного им режима для усиления своего влияния на Среднем Востоке и оказания давления на Иран, Индию и другие государства. Они пытались объединить основные оппозиционные силы для достижения этой цели.

Иран стремился воспрепятствовать созданию проамериканского и просаудовского режима; содействовать приходу к власти в Афганистане правительства, которое проводило бы в отношении Ирана дружественную политику, соблюдало равноправие шиитской общины, создание автономных районов, населенных хазарейцами. С учетом этого принимались меры к объединению партий, входящих в коалиционный совет «Альянса девяти» и создание на этой основе Партии исламского единства (ПИЕ), полностью ориентирующейся на руководство исламской Республики Иран.

Вместе с тем, несмотря на усилия США, Пакистана, Ирана, оппозиции не удавалось преодолеть противоречия в своем лагере, особенно обострившиеся в связи с истечением срока полномочий «переходного правительства» и намечаемыми выборами. По планам оппозиции предполагалось провести выборы в «шуру» в июне-июле 1990 г. одновременно в районах, контролируемых моджахедами (под наблюдением Организации Исламской Конференции) и в городах, находящихся под контролем Республики Афганистан (под наблюдением ООН). Предполагалось создать избирательную комиссию во главе с Гилани в составе 25 человек (14 от «семерки» — по два от каждой партии; 3–4 от проиранских шиитских групп;

остальные от более мелких партий и полевых командиров). При этом имелось в виду составить список неприемлемых для оппозиции лиц из НДПА, которые не должны участвовать в выборах. Пакистан предлагал объявить избирательную комиссию временным «переходным правительством».

Однако исламская партия Афганистана не согласилась с таким порядком проведения выборов, считая, что главным условием проведения выборов должен быть уход от власти правительства Наджибуллы. Она требовала также, чтобы выборы проводились только на территории, контролируемой оппозицией, без всякого «иностранного вмешательства».

Оппозиция активизировала свою деятельность по формированию органов госвласти в контролируемых районах. Создавались советы фронтов, включающие различные партии. На них возлагалось проведение выборов в провинциях, уездах, волостных советов.

Создавались специальные подразделения. Основное их назначение было проведение терактов против главарей мятежников, проявляющих склонность к сотрудничеству с госвластью, как это было в районе Герата. Одновременно вооруженная оппозиция активизировала боевые действия в важнейших районах Афганистана и особенно обстрелы Кабула и других городов. Она планировала первоначально перерезать дороги севернее и южнее Саланга, восточнее Суруби, средствами ПВО заблокировать Кабульский, Баграмский и другие аэродромы с тем, чтобы парализовать снабжение Кабула, Джелалабада и Хоста. Вслед за этим предусматривались крупные наступательные действия с целью овладения Хостом и Джелалабадом.

Одновременно планировались массированные обстрелы Кабула и атаки города с различных направлений. В июне месяце группировка мятежников на подступах к Кабулу была доведена до 50 тыс. человек, оснащенных большим количеством реактивных снарядов и переносных зенитных установок. Активизировались также действия мятежников против гарнизонов Баграм, Кандагар, Шинданд и Герат. На северо-востоке Ахмад Шах Масуд пока основные усилия направлял против Хекматьяра, возглавлявшего формирования Исламской партии Афганистана. Но одновременно стремился овладеть районами Шахри Бозург, Зибак, Файзабад, поскольку удержание этих районов правительственными войсками лишало Ахмад Шаха Масуда коммуникаций, затрудняло маневр и снабжение его войск.

Оппозиция продолжала усиливать давление на транспортные коммуникации путем создания специально подготовленных групп

для внезапного захвата постов, осуществления засад и диверсий, особенно во время прохождения колонн на участках между отдельными постами охранения правительственных войск. В связи с этим периодически возникали осложнения на коммуникациях, ведущих в Кабул.

Руководство Республики Афганистан наряду с военными делами стало больше уделять внимания углублению и практической реализации политики национального примирения, что по его расчетам должно было позволить держать в своих руках инициативу и способствовать политическому урегулированию афганской проблемы. С этой целью планировалось осуществить ряд мероприятий по партийной, политической и государственной линиям.

По государственной линии с 4 мая 1990 года Указом президента было отменено введенное после вывода советских войск чрезвычайное положение. В соответствии с этим Указом полномочия Национального Совета, переданные на период чрезвычайного положения Исполнительному Комитету Совета Министров, вновь возвращалось Национальному Совету Республики Афганистан. Распускался Высший Совет обороны.

Отменялись ограничения, введенные в период чрезвычайного положения на деятельность общественных организаций, на поездки граждан Республики Афганистан за рубеж, сокращается комендантский час. Было сформировано новое правительство Афганистана во главе с Халекьяром (бывшим губернатором Герата). Предполагалось, что такое, правительство, возглавляемое беспартийным политическим деятелем, должно способствовать сплочению различных социальных слоев и налаживанию контактов с определенными оппозиционными кругами. При этом полностью обновлялся кабинет министров на более широкой политической основе.

Руководство Республики Афганистан возражало против привлечения для контроля хода выборов Организации Исламской Конференции, односторонне поддерживавшей оппозицию. Ее представителей, как и Организации неприсоединившихся государств, предлагалось ввести в комиссию ООН.

Руководство Республики Афганистан считало, что проведению выборов должны предшествовать переговоры между правительством Республики Афганистан, оппозиционными афганскими партиями и вслед за этим национальная конференция различных партий, чтобы обговорить принципы политического урегулирования. Для создания благоприятных условий для диалога и проведения выборов обе стороны должны были объявить о прекращении огня.

Для подготовки созыва всеафганской Лойя Джирги, а затем всеобщих выборов было предложено создать Координационный комитет или Наблюдательный Совет. Этот комитет должен был создать комиссию по выработке Конституции и Закона о парламентских выборах. Признавалось необходимым проведение международной конференции мира с участием Афганистана, Пакистана, СССР и США и других заинтересованных государств. Затем предполагалось провести всеафганскую Лойя Джиргу, которая должна была принять Конституцию и Закон о всеобщих выборах и избрать президента страны. На основе всего этого должны были быть проведены парламентские выборы, в результате которых предусматривалось сформировать правительство на широкой основе; переход в подчинение этого правительства вооруженных формирований обеих сторон.

Президент Наджибулла, характеризуя намеченные преобразования, подчеркивал, что, проводя в жизнь замысел политического урегулирования нынешнего социального кризиса и достижения мира, необходимо отказаться от старых методов политической борьбы: упора на армию, военное давление, узурпацию политической власти, устранение политических противников, навязывание воли руководства рядовым членам партии ценою торжества принципа централизма над принципом демократизма. Он считал, что упор должен быть сделан на новые принципы, такие, как диалог, взаимопонимание, законность, демократия и коалиция.

Однако, даже в высших эшелонах руководства не все однозначно относились к предстоящим переменам. Одни (халькисты) выступали против отказа от социалистических идеалов; другие — (правое крыло парчамистов, религиозные круги) за более радикальную исламизацию государства. Несмотря на ряд возникающих сложностей, в целом, изложенная программа преобразований политической и государственной структуры Республики Афганистан отвечала сложившимся условиям обстановки в Афганистане и при умелой ее реализации могла способствовать углублению политики национального примирения и политическому решению афганской проблемы.

Вместе с тем запланированные меры имели и некоторые негативные моменты. Во-первых, большинство намеченных мероприятий были ориентированы в основном на верхние слои общества, интеллигенцию и почти не было радикальных мер, направленных на то, чтобы они затрагивали жизненные интересы трудящихся, большинства народа и мобилизовали их на поддержку политики национального примирения, проводимой руководством Республики Афганистан. Если к этому

добавить хронически слабую работу партийных и государственных органов среди населения и племен, солдатских масс в вооруженных силах, то успех на предстоящих выборах становился весьма проблематичным.

Во-вторых, не в полной мере учитывалось, что отмена чрезвычайного положения, демократизация жизни общества и другие меры намечались не в мирное время, а в условиях продолжающейся войны, когда оппозиция продолжала занимать непримиримую позицию, не прекращала военные действия. Кроме того, как показывал опыт, всякая демократизация, особенно в такой отсталой стране, как Афганистан, наряду со здоровыми процессами, неизбежно вызовет расслоение общества и экстремистские действия определенных кругов. В связи с этим требовалось сочетание политических шагов с предельным напряжением сил государства, сплочением основных сил общества, поддержанием высокой бдительности и боеспособности вооруженных сил для успешного военного противостояния вооруженной оппозиции и обороны Республики Афганистан. В связи с этим было необходимо вместо чрезвычайного положения ввести дополнительные правила гарнизонной и комендантской службы, обеспечивающих безопасность населения, надежную охрану государственных и военных объектов, воспрещение терактов и проникновения враждебных элементов, поддержание свойственного военному времени строгого общественного и воинского порядка во всех гарнизонах. Однако такие меры должным образом не осуществлялись.

Правительственные вооруженные силы Республики Афганистан продолжали выполнение поставленных перед ними задач и в целом успешно противостояли вооруженным формированиям оппозиции, придерживаясь принципа активной стратегической обороны. Они прочно удерживали занимаемые рубежи, все провинциальные и уездные центры, которые контролировались госвластью и в прежние годы, Были взяты под контроль несколько новых уездных центров (Мухаммед Ага, Паштун Заргун, Хани Чарбах и другие).

Учитывая большую переутомленность и недостаточную устойчивость войск, в оборонительных операциях и боях, главный упор делался на то, чтобы своевременно выявлять подготовку противника к наступлению и упреждающими массированными ударами ВВС и артиллерии срывать их атаки. Такие действия неоднократно предпринимались под Джелалабадом, Хостом, Кабулом, Кандагаром, Файзабадом, в зонах обороны основных коммуникаций и в других районах. Вследствие этого противнику

в 1990 г. не удалось осуществить такие крупномасштабные наступательные операции, как это было в прошлом году под Джелалабадом и Хостом.

Таким образом, в целом, в военно-политической обстановке в Афганистане наметились некоторые позитивные сдвиги, которые необходимо было закрепить и всячески развивать. Однако, учитывая большую усталость личного состава вооруженных сил, населения от войны, нельзя было рассчитывать на то, что обстановка в Афганистане при всех обстоятельствах будет однозначно развиваться в нужном направлении. Поэтому требовалось наращивать усилия по политической и военной линиям. После провала путча халькистов президент Наджибулла получил возможность более решительно и последовательно осуществлять намеченный им курс.

В начале мая 1990 г. президент Наджибулла обратился с новым посланием к М. С. Горбачеву, в котором давал оценку провалившемуся путчу и делился своими соображениями по политическому урегулированию афганской проблемы, о намечавшихся преобразованиях в партии и государстве и, как всегда, обращался с рядом просьб об оказании и военной помощи.

Глава Советского государства М. С. Горбачев прислал президенту Республики Афганистан следующий ответ.

«Уважаемый господин Президент!

Я внимательно ознакомился с Вашим посланием. Ведущаяся сейчас работа по дальнейшей демократизации афганского общества, принятые меры по реорганизации политической, социально-экономической, партийной жизни способствуют укреплению авторитета правительства как внутри страны, так и за ее пределами. Есть основания надеяться на дальнейшее продвижение программы национального примирения и установления мира. Вы господин президент, поделились с нами своими новыми соображениями по политическому урегулированию ситуации вокруг Афганистана.

Вы, конечно, правильно замечаете, что без поиска компромиссов межафганский диалог будет отодвинут на неопределенное время. В свете этого действительно большое значение приобретает проблема свободных демократических выборов.

Нельзя исключать, что диалог с оппозицией может начаться еще до прекращения огня, и, очевидно, такую возможность следовало бы использовать.

Разные варианты в зависимости от того, какой из них окажется наиболее приемлемым для афганских друзей, могут, видимо, возникнуть и в отношении времени реализации этой «негативной симметрии». Кроме того, мы думаем, что для облегчения процесса урегулирования целесообразнее было бы совместить выборы президента и в парламент, сделав их заключительной фазой переходного периода.

Если у Вас не возникает возражений, мы могли бы в этом плане вести разговор с президентом Бушем во время моего визита в США.

Пользуясь случаем, хотел бы выразить Вам свои наилучшие пожелания здоровья и успехов в Вашей трудной работе во имя интересов афганского народа.

С уважением, М. Горбачев. 18 мая 1990 года.»[63]

Как видно из этого ответа, М. С. Горбачев оказал общую поддержку, но уклонился от конкретных ответов по вопросам оказания экономической и военной помощи Афганистану. Эти вопросы предполагалось решать в рабочем порядке.

В соответствии с намеченным и поддержанным советской стороной курсом афганское руководство предприняло ряд важных шагов внешнеполитического характера и решению внутренних проблем страны. В мае Лойя Джирга утвердила основные изменения конституции Республики Афганистан, призванные закрепить линию на национальное согласие внутри афганского общества.

6 июня состоялся Пленум ЦК НДПА, который принял проект новой программы и Устава партии, которые должны быть утверждены на предстоящем втором съезде партии. Этими документами предусматривалось:

Отказ НДПА от монополии на власть и провозглашение многопартийности. Изменение названия партии: вместо НДПА — «Ватан» (Родина, Отчизна). Членство в партии оговаривалось условием обязательной приверженности члена партии к религии ислама. Оговаривалось, что политическая работа партии осуществляется в соответствии с Конституцией, утвержденной Лойя Джиргой.

Большинство населения и многие военнослужащие, не проявляя особого интереса к тонкостям политических изменений, вместе с тем близко воспринимали идеи исламизации партии и государства. Среди членов партии и офицеров не все соглашались с отходом от принципов апрельской революции.

Негативно было встречено положение Конституции, согласно

которому лица, женатые на иностранках, не могут занимать ответственные посты на государственной, дипломатической и военной службе. В вооруженных силах это относилось примерно к 150 наиболее подготовленным генералам и офицерам, получившим образование в СССР.

21 мая 1990 г. парламентом Республики был утвержден новый состав кабинета министров во главе с беспартийным Фазаль Ульхак Халекьяром. Его заместителем стал Махмуд Барьялай (парчамист), еще два беспартийных заместителя и один халькист, министром иностранных дел остался Абдул Вакиль (парчамист), министром внутренних дел Раз Мухаммад Пактин (халькист), министром обороны Махаммад Аслам Ватанджар (халькист), министром государственной безопасности остался Ролям Фарук Якуби (парчамист), министром финансов Мухаммад Хаким (сочувствующий НДПА). Всего было назначено 36 министров.

При формировании этого состава правительства президент Наджибулла стремился изобразить его многопартийный, коалиционный характер. Участвовать в нем были приглашены также представители оппозиции, но наиболее авторитетные из них от этого отказались.

Однако обновленный состав правительства Республики Афганистан не оправдал надежды, которые на него возлагались. Среди новых министров было немало хороших честных людей, но этого было явно недостаточно.

Во-первых, среди них не было специалистов своего дела, организаторов, способных сделать что-либо положительное для улучшения дел в народном хозяйстве. Во-вторых, у них не было авторитета внутри страны и они не пользовались поддержкой народа или хотя бы части его. В-третьих, эти люди были не в состоянии решить главный вопрос — наладить эффективные связи с оппозицией (с умеренной ее частью) и представителями нейтралов. Кроме Мохаммада Хакима (министр финансов), который имел некоторые связи с представителями королевской семьи, все остальные министры были далеки от этих кругов. Вызывало удивление позиция руководства страны, которое вновь попыталось ограничиться незначительными переменами, лакировкой правительства и не учитывало, что кардинальных изменений в стране могут добиться лишь профессионалы.

Именно по этой причине премьеру Халекьяру не удалось привлечь в состав правительства авторитетных, имеющих связи с оппозицией лиц. Даже представители Общества национального спасения, действовавшего под контролем МГБ, и те отказались от участия в этом правительстве. Эти люди считали, что для

создания реального коалиционного правительства необходимо представителям нейтралов предложить действительно важные посты (хотя бы МВД, МИД, транспорта).

Более качественным мог бы быть и состав министров из числа членов НДПА. Эти люди, как и прежде, подбирались по крыльевому признаку (три кармалиста — Барьялай, Пайгир, Мангал, три халькиста — Ватанджар, Пактин, Нурзай, сторонники Наджибуллы — А. Вакиль, Халильулла, Якуби). Ряд министров М. А. Гафур Рахим (министр водных ресурсов и энергетики), Ф. М. Терин (министр по делам репатриантов) фактически являлись также членами НДПА, даже имели партийные билеты и лишь по указанию Наджибуллы стали беспартийными. В связи с этим следовало ожидать осложнения отношений с умеренной частью оппозиции, так как она не воспринимала произошедшие перемены в правительстве Республики Афганистан и расценила их как насмешку и нежелание Наджибуллы на деле поделиться властью. Поэтому нельзя было рассчитывать, что такое правительство долго продержится и что-либо изменит в стране к лучшему.

В целом выработанная руководством Республики Афганистан политическая линия не в полной мере отражала все сложности обстановки, решения по ее реализации были недостаточно конкретны. А самое главное, не было перелома в методах работы партийных и государственных органов. Как и прежде они были оторваны от народных масс, от войск, выполнявших боевые задачи, и поэтому все больше теряли влияние и поддержку.

Известно, что после того, как выработана правильная политическая линия решающим условием ее реализации является подбор и назначение на ключевые посты людей, пользующихся авторитетом, поддержкой в обществе и способных эффективно решать возложенные на них задачи. Этого, как видим, не удалось добиться, но, это было одним из самых слабых мест во всей системе партийного и государственного руководства. А это обрекало на неудачу даже многие хорошие намерения и начинания.

Глава III
Вооруженная оппозиция

После ухода советских войск военные действия в Афганистане велись между вооруженными формированиями моджахедов и вооруженными силами Республики Афганистан. В 1989 г. моджахеды пытались штурмом овладеть Джелалабадом, Хостом, а затем ворваться в Кабул. Вообще в этом первом году, когда в Афганистане не было советских войск, главный упор ими делался на решение задач путем военного давления или, выражаясь словами Лиделла Гарта, с упором на «прямые» лобовые действия.

В 1990 г., убедившись в бесплодности такого пути и не отказываясь полностью от военного давления, моджахеды стали больше полагаться на сочетание отдельных, хорошо подготовленных военных акций с целым комплексом «непрямых» действий, связанных с подрывом правительственных войск изнутри, блокадой и непрерывными обстрелами городов и гарнизонов.

Правительственные войска, с большим трудом отразив напор вооруженных формирований оппозиции в 1989 г., продолжали и в последующем в основном успешно противостоять им. Но в целом накал социально-политической, психологической и вооруженной борьбы не ослабевал, а ее внутреннее напряжение все больше возрастало.

Что же собой представляли вооруженные силы сторон и какие цели они ставили перед собой после ухода советских войск?

1. Военно-политические силы и вооруженные формирования оппозиции

Оппозиционные силы носили весьма разнородный характер. Наиболее полная (правда, политически несколько односторонняя) характеристика их состава, программных установок и целей дана в книге В. Н. Спольникова «Афганистан: исламская контрреволюция»[64]. С точки зрения социально-политической и идеологической направленности вырисовывались три основных течения.

Первое — это проповедовавшие идею создания в Афганистане исламского государства. Но это течение не было однородным. Наибольшую активность проявляло фундаменталистское крыло,

которое ставило своей целью теократическое устройство общества и государства на подобие хомейнистского Ирана. Они отражали идеологию реакционных кругов духовенства, мелкой и средней городской буржуазии и зажиточного крестьянства. Идейными наставниками и самыми агрессивными выразителями интересов фундаменталистов выступали крайне реакционные представители исламской организации «Братья-мусульмане», делавшие основной упор на террор и подрывные действия.

Другое крыло — исламский традиционализм отражал идеологию богословской верхушки, полуфеодальных слоев, крупной буржуазии и части крестьянства.

Второе течение представляли сторонники возвращения короля и реформации шахского режима. Их поддерживали главным образом крупные феодалы, бывшие высшие чиновники, умеренная часть духовенства, лишившиеся в 1973 г. (в результате антимонархического переворота М. Дауда) своих традиционных привилегий.

Третье течение — сторонники светского устройства общества и государства с прозападной ориентацией. Они стремились к созданию республиканского государства под зеленым знаменем Ислама. Это течение не имело своей четкой программы. Главная их установка состояла в капиталистической модернизации общества с широкими связями с западными странами.

В период нахождения в Афганистане советских войск все эти течения объединяли идеи «джихада» (священной войны) против «неверных» и захватчиков. Но исламские фундаменталисты понятию «джихад» придавали более широкий смысл как пожизненной религиозной обязанности мусульман бороться против «неверных». Когда же советские войска ушли, главный упор в пропаганде делался на возбуждение ненависти к сторонникам Республики Афганистан, как «прислужникам неверных». Мусульман, принимающих активное участие в джихаде с оружием в руках, называли «моджахедами» («борцами за веру»).

Следует иметь в виду, что так называемый исламский фундаментализм в Афганистане по своей сути выражал не столько религиозные воззрения, сколько установки политического Ислама. Вот эту сторону фундаментализма большинство мусульман, особенно среди суннитов, никогда не разделяло и не разделяет. Даже один из видных ученых профессор теологии Б. Раббани признавал, что политический Ислам разделяет узкий круг университетских профессоров, студентов и некоторой части духовенства и интеллигенции.

Политический исламский фундаментализм объявлял своим

противниками любых людей, не разделяющих их экстремистские установки. Как уже отмечалось в первой главе, исламские экстремистские силы боролись против любой власти, которая их не устраивает. Г. Хекматьяр откровенно говорил: «Наше вооруженное сопротивление началось с периода нахождения у власти Дауда, а не с военного вторжения русских. В тот период некоторые рекомендовали найти компромисс с Даудом, особенно, когда Дауд вынужденно, под давлением нашего сопротивления, отошел от коммунистов… Они рекомендовали использовать этот фактор и избрать компромисс. Мы снова утверждаем, что, если бы наше сопротивление во времена Дауда избрало путь примирения, то революция была бы подавлена и уничтожена»[65].

Эти силы и сегодня, когда уже и в помине нет никаких «неверных», нет уже и их прислужников, все равно продолжают воевать.

В 1981 г. различные афганские оппозиционные партии объединились в «Исламский союз моджахедов Афганистана» (ИСМА). В этот Союз входили семь организаций:

1. Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматьяром.
2. Исламская партия Афганистана во главе с Ю. Халесом, отколовшаяся от группировки Хекматьяра.
3. Исламское общество Афганистана (ИОА), лидер Б. Раббани.
4. Движение Исламской революции Афганистана (ДИРА), лидер Мансур.
5. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) во главе с М. Миром.
6. Исламский Союз освобождения Афганистана (ИСОА) во главе с А. Сайяфом.
7. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) во главе с Музиным.

Позже, вышедшие из ИСМА организации создали свой традиционалистский «Союз трех», в который вошли:

1. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди.
2. Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) во главе с С. А. Гилани.
3. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством Наби Мухаммади.

Некоторые отколовшиеся партии и группировки формально сохранили принадлежность к Исламскому Союзу моджахедов и прежние названия партий потому, что при заключении Союза и принятии хартии единства в 1981 г. они в присутствии авторитетных улемов, в т. ч. прибывших из Саудовской Аравии,

давали клятву на Коране: «Тот, кто изменит Союзу, будет считаться врагом Ислама и Родины».

Рассмотрим направленность деятельности некоторых из этих группировок.

Исламская партия Афганистана (ИПА). Эта партия фундаменталистского толка была создана Гульбеддином Хекматьяром на основе экстремистского крыла «Мусульманская молодежь» и свое организационное оформление получила на территории Пакистана. Общая численность вооруженных отрядов на территории Афганистана составляла 52 700 чел., из них активно действующих около 27 тыс. Численность формирований в Пакистане — 12 тыс. человек. Главари наиболее крупных формирований — Сайд Мансур, Фарид, Мохаммад Башир. В программных документах этой партии подчеркивалось, что с точки зрения своей деятельности эта организация является полностью военной, основные элементы строительства которой составляют повиновение и порядок. Среди различных организаций оппозиция ИПА являлась наиболее мощной, решительной и хорошо организованной.

Партия конечной целью своей деятельности ставила распространение во всем мире учения ислама и Аллаха. Предусматривала всю жизнь общества строить на основе Шариата (священного писания). Она обещала крестьянам ликвидацию незаконного землепользования, крупные ссуды на освоение земли, семена для посевов и др. Для студентов, профессоров и рабочих — хорошую оплату труда. Но риторические призывы к справедливости и борьбе с угнетением в практической деятельности этой организации сопровождались крайней жестокостью в борьбе не только с «неверными», но и политическими противниками в лагере оппозиции, нетерпимостью и террором ко всякому инакомыслию, разрушениями школ, убийствами женщин, решивших получить образование или ходить с открытым лицом и другими проявлениями самого мрачного мракобесия.

ИПА имела наибольшее влияние в Кабуле, Кабульской провинции и в юго-восточных районах расселения пуштунских племен и частично на северо-востоке страны. По национальному составу большинство составляли пуштуны и таджики, но были также узбеки, туркмены и люди других национальностей. Сам Хекматьяр, хотя и был по национальности пуштуном, но являлся уроженцем севера страны. (Родился в 1944 г. в провинции Кундуз). Он после окончания сельской школы учился в военном

лицее в Кабуле, а затем на инженерном факультете Кабульского университета. С самого начала своей деятельности отличался крайне реакционными взглядами и экстремизмом в действиях, активно участвовал в ряде вооруженных выступлений против правительства Дауда, в убийствах и других террористических актах против демократически настроенной молодежи.

В 1974 г. бежал в Пакистан, где как и другие его сподвижники связался со спецслужбами этой страны, которые финансировали и поддерживали выступления против афганского правительства. Там же началось его соперничество с Б. Раббани, который выступил против вооруженной авантюры Хекматьяра.

В 1989–1990 гг. группировки ИПА вели активные боевые действия против правительственных войск под Джелалабадом, Кабульской провинции, в районах Кундуза, Баглана, Кунара, Нуристана и Бадахшана. Одновременно Хекматьяр имел постоянные вооруженные стычки с отрядами Ахмад Шаха. Он не раз заключал соглашения с отрядами ИОА о совместных действиях и также легко их нарушал, совершая внезапные нападения на них. Однажды в районе Кундуза было собрано совещание полевых командиров ИПА и ИОА. При возвращении с совещания в места своего базирования хекматьяровцы устроили засаду и уничтожили нескольких командиров Ахмад Шаха.

Одной из отличительных сторон военной деятельности Хекматьяра было умение наладить хорошую агентурную разведку, что позволяло ему неплохо знать, что делается в стане других оппозиционеров и правительственных войск. Он избегал боев в полевых условиях и вообще длительных, напряженных боевых действий с крупными силами противника. Основную ставку делал на подрывные действия, на подкуп и перетягивание на свою сторону отдельных подразделений правительственных войск, на внезапные нападения с предварительным проникновением в среду и тылы противника. Он имел немало своих людей в рядах афганской армии и в государственных структурах в Кабуле. И в целом, с этой стороны он представлял наибольшую опасность. Вообще Хекматьяра отличали исключительная целеустремленность, упорство и фанатизм в борьбе, изощренная хитрость, коварство и жестокость как по отношению к противникам, так и своим подчиненным. В его вооруженных формированиях многое держалось на страхе и примитивной политической демагогии. Поскольку Хекматьяр выделялся среди других лидеров оппозиции наибольшей непримиримостью и ненавистью к Советскому Союзу и Кабульскому режиму, основанному на идеях апрельской революции, то США, Пакистан и некоторые арабские страны больше всего оказывали

финансовую и военную помощь Исламской партии Афганистана.

Исламское общество Афганистана. Одно их фундаменталистских организаций, основанное профессором теологии Б. Раббани на базе Союза «Мусульманская молодежь». Оно являлось второй по численности и организованности организаций оппозиции после ИПА. Общая численность вооруженных отрядов на территории Афганистана — 48 200 чел., из них активно действующих — 25 300 чел., на территории Пакистана — 11 000 чел. Главари наиболее крупных формирований Ахмад Шах Масуд, Туран Исмаил, Абдул Басир.

Программа и устав ИОА мало отличаются от соответствующих документов ИПА. Но в ИОА и в его вооруженных формированиях больше уделялось внимания объединению людей на основе религиозного влияния.

Б. Раббани родился в Файзабаде (центр провинции Бадахшан). По национальности таджик. Окончил теологический лицей и теологический факультет Кабульского университета. Затем, продолжал образование в Каирском университете Аль-Азхар, где попал под влияние организации «Братья-мусульмане». После возвращения в Афганистан он занимался преподавательской и общественной деятельностью, направляя основные усилия борьбе против «проникновения в страну коммунизма». Б. Раббани и его организация наиболее тесные связи поддерживали с арабскими мусульманскими деятелями Египта, Саудовской Аравии и в основном оттуда получали помощь. В отличие от ИПА, ИОА широко привлекало на свою сторону не только суннитов, но и шиитов. Поэтому пользовались и поддержкой иранских властей.

Основными районами действий вооруженных формирований ИОА являлись северные провинции страны: северные районы провинции Кабул, Панджшерская долина, Бадахшан, Баглан, Тахар, Кундуз, Саманган, Балх, Джаузджан, Фарьяб, Бадгис, Герат. По национальному составу большую часть членов ИОА составляли народности, населявшие эти районы — таджики, узбеки, туркмены, а также пуштуны. Социальную базу составляли представители средних слоев: мелкие чиновники, бывшие военнослужащие, учителя, студенты, религиозные деятели, крестьянство. По сравнению с Хекматьяром Раббани отличался большей образованностью, взвешенностью своих действий, был более прагматичным и гибким, склонным к компромиссу с исламскими традиционалистическими кругами и другими оппозиционными организациями.

ИОА больше уделяло внимания созданию в контролируемых районах органов гражданской власти — амиратов. Вооруженные формирования объединялись во фронты, состоявшие из нескольких отрядов. В отличие от Хекматьяра, который часто бывал на территории Афганистана и лично руководил наиболее крупными вооруженными акциями, Б. Раббани почти постоянно находился на территории Пакистана. Главное внимание он уделял общему политическому руководству, организации идеологического влияния и добыванию финансовых средств и оружия. Его командующие фронтами и полевые командиры на местах обладали относительной самостоятельностью в деле социально-политического устройства и ведения военных действий.

Особое место среди них занимал Ахмад Шах Масуд, действовавший в северо-восточных районах страны с опорной базой в Панджшерской долине.

Родился он в 1954 г. в уезде Панджшер провинции Парван в семье кадрового военного, дослужившегося до звания «полковник». По национальности таджик. После окончания Кабульского лицея учился на инженерном факультете Кабульского университета. Во время учебы сошелся с организацией «Братья-мусульмане». За антиправительственную деятельность был исключен из университета, перебрался в долину Панджшер и организовал там вооруженную группу, которая совершала дерзкие нападения на государственные учреждения. После разгрома группы и ряда неудач, перебрался в Пакистан, где поссорился с Хекматьяром и затем выехал в Египет. Есть данные, что он около двух лет воевал против Израиля в составе отрядов организации освобождения Палестины.

В 1978 г. вернулся в Пакистан, где встретился с Б. Раббани, вступил в ряды ИОА и во главе одного из вооруженных отрядов был направлен для борьбы против революционного кабульского режима. Так начался новый этап в его жизни, сделавшим его одним из видных и знаменитых лидеров вооруженной оппозиции. В Западной печати его нередко изображают как военного гения, моджахеда-победителя, «военным теоретиком исламской революции Афганистана» и т. д. Были и некоторые другие преувеличения его деятельности. Но справедливости ради надо сказать, что Ахмад Шах, безусловно, был и остается весьма одаренным руководителем афганской оппозиции. Он обладает незаурядным умом и хорошими организаторскими качествами.

Советские спецслужбы буквально охотились за ним, не раз устраивали диверсии и покушения на него, но они каждый раз оказывались безуспешными. А авторитет Ахмад Шаха возрастал.

Что его отличало как военного руководителя?

Во-первых, он с одной стороны не превращал военные действия в самоцель и строго подчинял их намеченным военно-политическим целям. С другой — с большим предвидением создавал социально-политические предпосылки для решения военных задач. Он стремился пресекать всяческие бесчинства в отношении местного населения. В контролируемых им районах строились и восстанавливались мечети, школы, медицинские пункты, дома для жителей, лишившихся крова, строились дороги, оказывалась помощь крестьянам семенами и удобрениями, в наиболее обездоленные населенные пункты завозилось продовольствие. Все это обеспечивало его отрядам поддержку и пополнение людьми.

Во-вторых, он много заботился об обучении и военной подготовке личного состава своих отрядов. С этой целью он создал учебные центры, подобрал хороших военных инструкторов из числа иностранных специалистов и военнопленных. В частности, один из советских военнопленных, которому дали имя Абдолло, занимался подготовкой пулеметчиков. Ему выделили дом, он женился и в 1989 г. имел уже троих детей. Иногда к нему тайно выходили с предложением бежать и вернуться на Родину, он категорически отказывался. Отряды Ахмад Шаха были хорошо обеспечены в материальном отношении. Он имел неограниченные возможности перехватывать автоколонны, идущие их Хайротона в Кабул и забирать необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия.

В-третьих, в ходе подготовки и ведения боевых действий Ахмад Шах особое внимание уделял разведке. Когда правительственные органы осуществляли призыв на военную службу, он направлял своих представителей для службы в армии, войсках МВД и МГБ с тем, чтобы в каждом гарнизоне иметь своих людей.

Он и его сподвижники хорошо знали местность и местных жителей, которые постоянно информировали представителей Ахмад Шаха о всех передвижениях советских или афганских правительственных войск. Ахмад Шах неоднократно заявлял зарубежным и советским (российским) журналистам, что у него много агентуры в Кабуле.

Но разведка у него действительно была организована отменно. И постоянное знание обстановки плюс умение ее правильно оценивать, предвидеть ход развития событий позволяли ему выводить свои основные силы из под массированных ударов советских войск. Причем его вооруженные отряды не ограничивались партизанскими способами действий, а

когда необходимо было, умели стойко обороняться и в горных условиях местности.

В отличие от некоторых других лидеров вооруженной оппозиции, Ахмад Шах никогда не руководил боевыми действиями издалека, а принимал в них непосредственное участие. Он очень вынослив, вместе с охраной совершал большие переходы из одних районов в другие. Как правило, никогда не ночевал дважды в одном и том же месте, тщательно скрывал и дезинформировал о месте своего пребывания.

Наджибулла держал специальное звено самолетов для нанесения ударов по месту пребывания Ахмад Шаха. Данные об этом поступали довольно часто, неоднократно наносились удары, но всегда оказывались безрезультатными. Заслуга Ахмад Шаха состоит в том, что он с учетом особенностей Панджшерской долины и прилегающих гор разработал гибкую тактику разнообразных способов действий, инженерного оборудования местности, устройства заграждений и умело сочетал упорную оборону с засадными и диверсионными действиями. Большими преимуществами обладали его отряды в ночных действиях.

Правда, при проведении советскими и афганскими правительственными войсками крупных операций отряды Ахмад Шаха не раз терпели поражение, изгонялись из Панджшерской долины. И если бы правительственные органы работали более предметно с населением и закрепляли в политико-экономическом отношении военные завоевания, то с Ахмад Шахом было бы покончено. Но его живучесть, как и других группировок моджахедов питала именно эта пассивность и слабость афганской государственной власти. А Ахмад Шах очень хорошо использовал все это в своих целях. В этом, собственно, и была главная суть неудач советских и правительственных войск, действовавших против него.

Разумеется, у Ахмад Шаха были и есть основания быть довольным собой. И мы должны отдать должное его воинской доблести. Но в последние годы в ряде своих заявлений он явно перебирает. В одном из своих интервью российским журналистам он просто куражился, похваляясь своей военной мудростью и изображая как беспомощно по сравнению с ним действовали советские генералы и офицеры. Есть в них и справедливые, хотя и горькие слова, но есть прямое бахвальство. Дело изображается так, что он одерживал одни победы и вообще не знал никаких неудач. Но даже в период, когда в Афганистане уже не было советских войск, Ахмад Шах, кроме удержания занимаемых районов, не решил ни одной из своих задач — ни по занятию Кабула, где он хотел устроить прием, ни Баграмского аэродрома,

ни Кундуза, ни Баглана, ни Саланга, ни Файзабада, ни одного крупного пункта, не смог полностью нарушить и подвоз грузов в Кабул и других задач.

Или может быть Ахмад Шаху удалось разгромить какую-либо группировку советских или правительственных войск? Ничего этого не было. Все это победами не назовешь.

По сообщению газеты «Труд» (21.1.92 г.) в декабре 1991 г. смелую и любопытную поездку в Афганистан совершил журналист Владимир Снегирев, где он вместе с двумя английскими коллегами встретился с Ахмад Шахом и имел с ним продолжительную беседу.

Чего стоят некоторые заявления Масуда пусть читатель судит сам.

В. Снегирев: «Но ведь Дауд был правоверный мусульманин… Какой смысл был с ним воевать?»

— Ошибаетесь, — поправил Масуд. — Он окружил себя коммунистами и фактически подготовил почву для советского военного вторжения.

Не трудно понять насколько примитивна и далека от истины такая оценка бывшего премьер-министра Афганистана, против которого Масуд начал воевать с 20 лет.

Далее Масуд, вспоминая об одной из Панджшерских операций советских войск, говорит:

> «За 24 дня до начала их наступления я имел полное представление о планах вашего командования. Я знал все детали: какие объекты будут подвергнуты бомбардировкам, где и когда высадят десанты, какова численность наступающих войск, какое оружие будет применено».

Подобная нелепость сама себя опровергает. За 24 дня многого из этого и тем более конкретные объекты бомбардировок не мог знать не только Масуд, но и командующий 40-й армией.

Я посмотрел еще раз в архиве генштаба все планы операций в Панджшерской долине и не нашел ни одного, который бы полностью разработан за 20–24 дня до начала операции. Любой мало-мальски грамотный военный человек знает, что объекты для массированных ударов авиации и артиллерии назначаются после соответствующей доразведки непосредственно перед началом операции.

— Неужели за все эти годы вы не встретили ни одного достойного противника? — спрашивает корреспондент. Но Масуд беспощаден:

— Ни одного!

Козьма Прутков говорил в таких случаях: «Думай о себе, как можно больше — люди все равно убавят».

Подобным бахвальством занимался не только Ахмад Шах.

У каждого народа есть свои особенности. Одна из примечательных черт афганских офицеров — полная неспособность к самокритичному анализу своих действий. В Джелалабаде, Хосте и в некоторых других районах мне приходилось сталкиваться с командирами соединений и частей правительственных войск, которые только что потеряли свои позиции и на наших глазах бежали их отступающие подразделения и они все равно считали и были уверены в душе, что они все сделали безупречно и чуть ли не одерживают победы. Это имело и какую-то рациональную сторону, позволяло не потерять присутствие духа в самые отчаянные моменты. Но нередко граничило с безответственностью. Постепенно я перестал этому удивляться.

Ахмад Шах не раз заявлял, что среди его осведомителей были советские офицеры и генералы. Он даже обещал при опубликовании своих дневников назвать их фамилии. Не знаю, кого он назовет. Но надо иметь в виду, что Ахмад Шаху действительно передавались некоторые данные, но делалось это с целью его дезинформации. Можно было бы сказать и о том, что и сам Ахмад Шах был неплохим источником информации для советского командования. Так, весной 1983 г. после проведения операции советских войск в долине Панджшера, Ахмад Шах был вынужден на 6 месяцев прекратить боевые действия. Кроме того, он предоставил в распоряжение советского командования ценную информацию о вооруженных группировках исламской партии Афганистана (Г. Хекматьяра).[66] И некоторые рассказы, о которых поведал Ахмад Шах, как и другие заявления, о которых теперь можно слышать, могут произвести впечатление только на тех, кто не знал глубоко афганскую действительность, психологию афганцев и характер боевых действий.

Исламская партия Афганистана (М. Ю. Халеса), отколовшаяся от ИПА Хекматьяра. Фундаменталистская фракция, ориентированная на фактическое служение исламу в средневековых формах. Мухаммад Юнус Халес родился в провинции Нанганхар, по национальности пуштун, по профессии, учитель. Его партия — это шовинистическая пуштунская организация. Общая численность вооруженных отрядов на территории Афганистана — 9300 чел., из них активно действующих — 6100 чел., в Пакистане — 2200 чел. Главарь наиболее крупного формирования Халеса его заместитель и главный руководитель военных акций — Джелалуддин.

Формирования Халеса пользовались поддержкой наиболее реакционной части духовенства и сельской отсталой части населения. В больших сражениях вооруженные отряды Халеса обычно не участвовали. Главную ставку они делали на террор, диверсии, захват заложников и другие подрывные действия.

Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА) возглавлял один из ветеранов организации «Мусульманская молодежь» Абдурасул Сайяф. Он родился в уезде Пагман Кабульской провинции и после окончания университета стал профессором теологии. За выступления против режима Дауда был арестован, вышел на свободу после Апрельской революции 1978 г. и сразу уехал в Пакистан. В 1980 г. Сайяф был избран председателем Исламского союза освобождения Афганистана, куда вошли шесть оппозиционных партий. Общая численность вооруженных отрядов — 7500 чел., из них активно действующих — 4800, на территории Пакистана — 1700 чел. Главари наиболее крупных отрядов — Гуляммад, Арсалло, Сайдонар.

Сравнительно небольшие по численности вооруженные формирования ИСОА самостоятельной роли не играли и чаще всего примыкали к Исламской партии Афганистан.

Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) — был основан в 1979 г. представителем известного в мусульманском мире клана Моджаддиди Себгатуллой Моджаддиди. Он родился в 1925 г. в Кабуле. Образование получил в Египетском мусульманском университете Аль-Азхар. Основой этой организации послужило политическое и религиозное общество улемов.

В январе 1979 г. члены клана и семьи Моджаддиди (всего 21 чел.), находившиеся в Кабуле, были казнены по приказу Амина. В марте этого года С. Моджаддиди издал фетву (указ) о начале джихада (священной войны) против Кабульского правительства по всему Афганистану. Программа фронта отличалась традиционалистским, сравнительно умеренным характером и предусматривала членство представителей самых разнообразных слоев населения. Основными районами политического влияния и военных действий вооруженных формирований НФСА были провинции Кабул, Логар, Кунар, Нангархар, Пактия и районы расселения пуштунских племен в приграничной зоне с Пакистаном.

Численность вооруженных формирований фронта составляла на территории Афганистана — 2500 чел., из них активно действовавших — 1800 чел., на территории Пакистана — 600 чел. Главари наиболее крупных отрядов Зарин, Ахмаджан.

НФСА больше сотрудничал с ИОА Б. Раббани и имел серьезные противоречия с ИПА Г. Хекматьяра. Сам Моджаддиди отличался по сравнению с другими лидерами оппозиции большей политической гибкостью. Имел широкие международные связи с религиозными кругами Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана, Индии, Египта, ряда Западноевропейских стран. Поэтому он нередко выступал арбитром между различными соперничающими организациями.

Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) — был основан в 1978 г. в Пакистане религиозным деятелем С. А. Гилани. Он родился в Кабуле в 1931 г. в семье потомственных «хазратов», причисленных к лику святых; мать его была немкой. Фронт не отражал интересы какой-либо определенной социальной прослойки населения. В него входили последователи семьи Гилани, которые по традиции считают главу этой семьи потомком пророка и своим духовным вождем. Национальный состав фронта — в основном пуштунский. Численность вооруженных формирований НИФА доходила до 5 тыс. чел., из них активно действовавших — 2500 чел., на территории Пакистана — 1200 чел., последователей НИФА до 15 тыс. чел. Главари наиболее крупных отрядов Латиф, Каюм Хан. Они действовали в основном в приграничной с Пакистаном провинции Заболь, Пактика, Пактия, Нангархар. По сравнению с другими оппозиционными партиями политические позиции фронта были более умеренными и прагматичными. НИФА поддерживал бывшего короля Захиршаха и считал возможным существование в будущем нормальных отношений между Афганистаном и СССР.

Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) — крайне реакционная исламская организация. Основано в 1978 г. в Пакистане Мухаммадом Наби Мухаммади. Он родился в 1923 г. в провинции Логар. По национальности пуштун. ДИРА объединяло в основном религиозных деятелей различного уровня и учащихся богословских школ (его называли «партией мулл») и пользовалось наибольшим влиянием в сельской местности юго-западных районов Афганистана. Движение выступало за установление исламских форм правления, призывало бороться за избавление угнетенного мусульманского народа Афганистана с одной стороны от всепоглощающего человеконенавистнического огня капитализма, а с другой — от преисподней социализма. Численность ДИРА составляла на территории Афганистана — 27 500 чел., из них активно действовавших — 10 700 чел., на территории Пакистана — 6300 чел. Последователей ДИРА около 25 тыс. чел. Главари наиболее крупных формирований

Насим, Кудус, Файзулло.

Вооруженные отряды этой организации действовали в провинции Кабул, Логар, Газни, Кандагар, Пактия, Заболь. ДИРА отличалось особой непримиримостью к режиму апрельской революции и жестокостью к мирному населению. Членам этой организации был свойственней религиозный фанатизм, решительность действий. Они, как правило, не боялись смерти и в самых сложных условиях продолжали отчаянно сражаться.

Кроме перечисленных, имелся ряд оппозиционных группировок (главным образом шиитских), центры которых находились в Иране. К ним относились:

Организация НАС (Победа), действовавшая в провинциях Урузган, Парван, Мазари-Шариф, Бехсуде. Возглавлялась Керимом Халили, командующий вооруженными формированиями Шейх Мохаммад Акбари.

Объединенный фронт исламской революции Афганистана (ОФИРА), возглавляемый Аятоллой Шейхом Мохаммадом Асефом Мохсени. Действовал в провинциях Кандагар, Фарах, Гильменд**. Исламское движение** при активном участии иранского деятеля Садека Хальхали, которое специализировалось в основном на террористических акциях.

Исламское движение Афганистана («харакат») под руководством Шейха Мехаммада Асефа Мохини, действовавшее в провинциях Кандагар, Гельменд, Герат, Хазараджате.

Партия Аллаха («Хезбулла») и стражи исламского джихада Афганистана была организацией, действовавшей на территории Афганистана по заданиям иранских спецслужб.

Общая численность вооруженных отрядов «Союза восьми», базирующихся и на территории Ирана, составляла на территории Афганистана 21 600 чел., из них активно действовало 5900 чел. Численность формирований на территории Ирана — около 20 тыс. чел. Главари наиболее крупных отрядов — Сайд Али Бехешти, Сайд Джагран, М. Кандагари.

Несмотря на разногласия и противоречия, общие цели борьбы вынуждали оппозиционные группировки и к определенному согласию и объединению усилий. В октябре 1989 г. в Иране был подписан протокол о взаимопомощи между альянсами «семи» (базирующихся на территории Пакистана) и «восьми» (проиранские группировки). Обе стороны подтвердили свою решимость продолжать борьбу до полного падения правительства Наджибуллы. В ряде случаев достигалось объединение отрядов мятежников различной партийной принадлежности на местах при выполнении конкретных боевых задач под Джелалабадом, Хостом, Суруби и в других районах. Отряды, действовавшие

в районах Балх, Кундуз, Баглан, Логар, под Кабулом неоднократно проводили совместные совещания по согласованию планов боевых действий. Создавались советы объединенных командований по управлению отрядами различных группировок в районах совместных боевых действий.

2. Организация, вооружение и тактика боевых действий моджахедов

Основной военной единицей вооруженных формирований оппозиции была боевая группа, состоящая из 15–20 человек. В каждую группу входили прошедшие подготовку в учебных центрах специалисты по стрельбе из ручного противотанкового гранатомета (РПГ), миномета, пулемета, по установке и обезвреживанию мин. Личный состав боевых групп отличался высокой выносливостью, хорошим знанием местности и способностью быстро передвигаться, в том числе ночью и труднодоступных горных условиях.

Основные способы действий: ночные засады и внезапные нападения на посты охранения, гарнизоны и населенные пункты, автоколонны, подрыв линий электропередач, минирование дорог, проведение террористических и диверсионных акций и др. Обычно 8–10 и более групп объединялись в отряды, а несколько отрядов составляли «фронты». В ряде провинций действовали по 3–4 фронта. В некоторых районах создавались батальоны, полки и даже дивизии (как например, «дивизия Хазрата Хазмы» ИОА в Гератской провинции). Но в большинстве оппозиционные силы действовали в составе боевых групп и отрядов, объединяясь в более крупные соединения при проведении крупномасштабных операций и сражений, как это было в 1989–1990 годах под Джелалабадом, Хостом, Кандагаром, Гератом, Кабулом, на подступах к Баграму и перевалу Саланг.

В Панджшерской долине, на Джелалабадском направлении, в районах Пагмана, Логара и Герата практиковалось также создание укрепленных районов и баз, которые служили долговременными опорными пунктами для базирования вооруженных формирований. На этих базах накапливались оружие, боеприпасы, продовольствие, горючие материалы, медикаменты и другое военное снаряжение. Для укрытия личного состава использовались пещеры, укрытия, оборудованные в отвесных скалах, что делало их трудноуязвимыми от авиационных бомб и снарядов. Пещеры и опорные пункты имели разветвленные ходы сообщения. Вокруг районов

расположения баз создавалась круговая, эшелонированная и сильно укрепленная оборона с установленными на их подступах минными полями и другими заграждениями. На этих базах располагались командования фронтов, резервные вооруженные формирования, медицинские пункты. Там же создавались импровизированные тюрьмы-застенки для содержания пленных, заложников, захваченных представителей власти и других людей, так или иначе «провинившихся» перед моджахедами.

Внутри баз организовывалась телефонная связь. Для управления отрядами, боевыми группами широко применялась радиосвязь, а также посыльные, которые передвигались как в пешем порядке, так и на различных видах транспорта, маскируясь под местных жителей.

Оппозиция, не ограничиваясь базированием на опорных базах, пыталась создавать целые «освобожденные районы» со своими органами власти, мечетями, школами, тюрьмами. Эти районы тщательно оборонялись. На дальних подступах выставлялись разведывательные и сторожевые посты. Например, Ахмад Шах территорию Панджшерской долины, протянувшейся на 80–100 км и шириной до 12–15 км, разделил на 16 зон, в каждой из которых действовала боевая группа численностью до 40–50 человек. Основное ядро своих вооруженных формирований Ахмад Шах не распылял и держал в готовности для быстрого выдвижения на на угрожаемое направление. Задача боевых групп, контролирующих зоны, состояла в том, чтобы принять на себя первый удар правительственных войск, удерживая наиболее важные узлы дорог и горные проходы. Под их прикрытием выдвигались и вступали в бой ударные группы, которые стремились захватывать господствующие высоты и наносить фланговые удары по противнику, втянувшемуся в долину. Но Ахмад Шах действовал не только в Панджшере. Опираясь на этот базовый район, его мобильные силы активно действовали и в других районах, стремясь создать постоянно действующие «зоны сопротивления» от дороги Джелалабад — Кабул на север до провинции Бадахшан, от Бадахшана на Запад вдоль границы с Советским Союзом до Мазари-Шариф, а также между Панджшерской долиной и Кабулом. Но за исключением Панджшера, в этих районах Ахмад Шаху постоянный контроль установить не удалось.

Вооруженные формирования Хекматьяра после ухода советских войск контролировали большие районы на юге Афганистана, заселенные пуштунскими племенами, а также некоторые районы юго-западнее и юго-восточнее района Кабула.

Полевые командиры, действовавшие в Афганистане

и недовольные тем, что их лидеры в Пешаваре погрязли в распрях и политических интригах, проявляли все больше самостоятельности и строптивости в решении не только военных, но и социально-политических и экономических вопросов на местах.

В большинстве вооруженных формирований моджахедов поддерживалась довольно высокая дисциплина, основанная главным образом на вере в идеи джихада, на мотивах безусловного повиновения главе племени, рода, мулле, малику (старосте).

Первоначальная подготовка военнообученных кадров проводилась в учебных лагерях, расположенных в Пакистане и отчасти на территории Ирана. Личный состав боевых групп и отрядов набирался в основном из афганских беженцев, находившихся в этих же странах, которые находились под контролем какой-либо из оппозиционных партий.

Администрации лагерей беженцев давались задания о выделении очередного пополнения из числа мужчин, которых направляли на учебные центры сроком на 1–2 месяца. Имелись центры как общей, так и специализированной подготовки экипажей танков, бронетранспортеров, расчетов зенитных средств, минометов, артиллерийских реактивных установок, связистов, минеров, гранатометчиков и других специалистов. Отдельно готовились группы, предназначенные для разведывательно-диверсионной деятельности. Они обычно направлялись на выполнение боевых заданий на 2–3 недели, после чего возвращались для отдыха на свои базы. Семьи этих боевиков оставались в качестве своего рода заложников, что гарантировало их возвращение после выполнения боевых заданий. Семьи, которые отказывались или уклонялись от направления своих молодых людей в учебные центры, подвергались сильному административному, психологическому давлению, лишались жилищ, материального пособия, всячески третировались.

Пополнение в учебные центры поступало также с территории Афганистана, которое отбирали в контролируемых районах и сопровождали специально назначенные эмиссары.

Кроме организованных боевых групп и отрядов, действовавших в различных районах в зависимости от обстановки, в населенных пунктах, контролируемых моджахедами создавались силы самообороны, которые противодействовали доступу представителей властей в контролируемые оппозицией районы, содействовали действиям боевых групп, а нередко занимались грабежами населения,

проходящих торговцев, взимали с них налоги и другие поборы. В районах, заселенных пуштунскими племенами, группы самообороны занимались также охраной и обороной караванных путей.

Интересно отметить, что, несмотря на засилие и притеснение со стороны господствовавшей прежде пуштунской прослойки, в северных районах страны, заселенных таджиками, узбеками, туркменами, республиканским властям оказывалось не менее ожесточенное сопротивление, чем южных регионах, заселенных пуштунами. Это объяснялось тем, что новый режим после прихода к власти ничего не сделал для предоставления большей национальной автономии этим народам. К тому же здесь проживали потомки бывших басмачей и тех таджиков, узбеков и туркмен, которые подвергались репрессиям в Советском Союзе и были вынуждены бежать в северные районы Афганистана. В этих местах особенно сильно было влияние на население религиозных и националистических кругов.

Имело значение и то обстоятельство, что Наджибулла и большинство руководителей Кабульского режима, будучи сами пуштунами, умели находить более рациональные подходы для налаживания контактов с вождями пуштунских племен. Последние часто посещали Кабул и вели переговоры с правительственными органами. Правительство сохранило традиционные налоговые льготы для приграничных пуштунских племен, государство оплачивало содержание малишей (ополчения), обеспечивающих охрану государственной границы. Руководство Афганистана стремилось без особой надобности не проводить активных, широкомасштабных боевых действий в районах проживания пуштунских племен.

В отрядах моджахедов немало было и иностранных наемников, набираемых за определенную плату из числа жителей Пакистана, Ирана и арабских стран.[67] Руководством моджахедов большое внимание уделялось переманиванию на свою сторону командиров и солдат правительственных войск. Каждая из оппозиционных группировок имела свою агентуру и сторонников в городах, контролируемых правительством. Причем очень часто так называемые мирные кишлаки (деревни) создавали вооруженные группы не только для охраны и обороны, но и добычи трофеев, продовольствия и горючих материалов путем систематических грабежей беженцев, караванов и даже в соседних населенных пунктах. Это вынуждены были признать и некоторые западные журналисты, которые обычно предпочитали больше писать о бесчинствах правительственных войск, всячески обеляя моджахедов.

Так, английская газета «Тайме» (8.09.1980 г.) писала: «Существует романтический облик членов афганских племен… но есть и другой аспект. Традиция бандитизма давно пустила корни в Афганистане, трудно провести линию между боевыми действиями и актами разбоя».

Г. Хекматьяр, выступая на совещании полевых командиров ИПА, заявил: «Мы являемся очевидцами зла и насилия, когда моджахед, человек, который взял оружие, чтобы бороться за веру в бога, обижает сироту, обижает вдову. Творит зло, прибегает к разорительным поборам… Занимается грабежом, обижает беззащитных людей… Если мы перед лицом всех этих нарушений и зла останемся безразличными, то тогда значит, что мы подняли оружие не во имя бога, тогда мы воюем за что-то другое».[68]

Такое же положение было и в других группировках. В одном их документов Исламского общества Афганистана (ИОА) говорится: «Примерами поведения, несовместимыми с джихадом, могут служить многочисленные случаи грабежа имущества людей, насилия, унижения и оскорбления неповинных… Это вызывает общий гнев у народа, отрицательное отношение к нам, доверие народа уменьшается. В результате одни бегут от нас, другие отказываются сотрудничать с нами».[69]

Это урезонивание своих подчиненных лидерами моджахедов вызвано именно только беспокойством отхода населения от поддержки моджахедов. А в целом и сами лидеры, особенно вожаки вахабитов, насаждали самые изуверские формы жестокости и вандализма. Мне самому не раз приходилось видеть под Джелалабадом, Хостом, на подступах к Салангу трупы людей с отрезанными головами. Нередкими были случаи, когда у людей отрезали уши, носы, выкалывали глаза; обычным делом были пытки и истязания людей.

Всего на вооружении мятежников в 1989 г. имелось: противотанковых управляемых снарядов — 1130, орудий — 470, минометов — 3250, безоткатных орудий — 1750, зенитно-ракетных установок — 376, ручных противотанковых гранатометов — 11 тыс., зенитных и других крупнокалиберных пулеметов — около 5 тыс.

Вопреки заключенным Женевским соглашениям и после вывода советских войск поставки моджахедам оружия, боеприпасов продолжались.

В 1989 г. партии различных видов вооружений и других материальных средств поступали главным образом из США, Саудовской Аравии и Египта. На военную помощь моджахедам американцами было выделено в 1989 году 1,2 млрд. долларов (в 1988 году было 800 млн. долларов). Несколько снизили

военную помощь афганской оппозиции Китай и ряд умеренных мусульманских режимов.

Всего за первое полугодие 1989 г. оппозиционным силам, действующим на территории Афганистана было поставлено: противотанковых установок управляемых ракет свыше 400, орудий — 85, минометов — свыше 450, безоткатных орудий — 275, зенитно-ракетных комплексов — 140, крупнокалиберных (в том числе зенитных) пулеметов — свыше 900, гранатометов — 850–900, стрелкового оружия — свыше 8600 ед., боеприпасов для орудий полевой артиллерии около — 164 тыс. ед., реактивных снарядов различных модификаций — 395 тыс. ед., минометных мин — около 690 тыс. ед., выстрелов к безоткатным орудиям — до 363 тыс. ед., к крупнокалиберным и зенитным пулеметам около 4 млн. шт., выстрелов к гранатометам — 537 тыс. шт.

Основной объем оружия и боеприпасов поступал на склады и перевалочные базы моджахедов через Пакистан, а также из Ирана. В Пакистан военные грузы доставлялись воздушным и морским путем. В частности, в первом полугодии 1989 года в порт Карачи прибыло 10 судов, которые доставили около 2500 тонн оружия, боеприпасов и другого военного имущества для афганской оппозиции. За такой же период в 1988 г. отмечались заходы трех судов, доставивших 520 тонн груза. Интенсивно доставлялись вооружения транспортной авиацией. На пакистанские аэродромы прибывали до трех-четырех самолетов еженедельно из Саудовской Аравии.

Из этих баз в Пакистане и Иране на территорию Афганистана оружие доставлялось караванами, как правило, в ночное время. Основные караванные маршруты остались прежние и проходили через провинции Кунар, Нангархар, Пактия, Пактика, Заболь, Кандагар и Герат. В первой половине 1989 г. отмечалось прохождение 270 караванов. Проводка караванов мятежников облегчалась в связи с отсутствием афганских войск в приграничных с Пакистаном районах и снижением активности в деятельности авиации.

К переброске военных грузов для моджахедов в Афганистан стали привлекаться автосредства национальной службы тыла пакистанской армии. Основная часть военных поставок из-за рубежа включала стрелковое оружие, различные виды артсистем, минометов, пусковых установок реактивных снарядов, зенитных средств и боеприпасы к ним, а также мины, другое военное имущество. При этом отмечалось увеличение доли видов тяжелого оружия, в том числе реактивных установок залпового огня (РСЗО) египетского производства типа «САКР-40,60» с увеличенной дальностью стрельбы, дальнобойной артиллерией

(122, 130-мм артсистемы, 120-мм минометы).

В первом полугодии 1989 г. особое внимание уделялось усилению средств ПВО, находящихся в формированиях мятежников, были увеличены поставки ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп». Часть отрядов мятежников имела на вооружении бронетанковую технику, захваченную у правительственный войск. Мятежники располагали также несколькими боевыми самолетами и вертолетами, перелетевшими в Пакистан из состава правительственных ВВС.

В 1990 г. афганская оппозиция, несмотря на неудачную в целом для нее компанию в 1989 г., по-прежнему не отказывалась от решения внутреннего конфликта вооруженным путем. В этих целях продолжалось интенсивное наращивание сил и средств, отрабатывались вопросы координации и взаимодействия формирований различной партийной принадлежности с акцентом на прекращение существующих разногласий и открытой конфронтации с применением оружия.

Во второй половине 1990 г. группировки мятежников в Афганистане составляли около 190 тыс. человек, сведенные в 4855 отрядов и групп (численность ее возросла на 14 тыс. человек, хотя их потери за этот же период достигли около 4,5 тыс. чел.). Основу группировки составляли формирования: ИПА — 1300 отрядов и групп, насчитывающих более 50 тыс. человек, ИОА — соответственно 1230/48000, ИП-Х — 140/12000, ИСОА — 135/18000, НИФА — 180/6500, ДИРА — 300/28000, НФСА — 130/4000.

Несколько возросла численность вооруженных формирований проиранского «Союза-9», она составляла 130 отрядов и групп, объединявших до 30 тыс., моджахедов.

В учебных центрах на территории Пакистана постоянно проходило подготовку более 50 тыс. резервистов, предназначенных для наращивания группировок мятежников в Афганистане.

К лету 1990 г. на вооружении мятежников имелись: противотанковых управляемых снарядов — 1400 единиц, артиллерийских орудий — 550, безоткатных орудий — 2000, минометов — 3500, ручных противотанковых гранатометов — 11 400, танков — 92, боевых машин пехоты — 60, бронетранспортеров — 100, пусковых установок реактивных снарядов — 1200, переносных зенитно-ракетных комплексов — 402, крупнокалиберных пулеметов, в том числе зенитных (ЗГУ) — 5000.

Руководство оппозиции продолжало отвергать политический

путь решения афганской проблемы и держало курс на проведение широкомасштабных акций в стратегически важных районах страны. Причем противник, не ослабляя свой нажим на правительственные войска под Хостом и Джелалабадом, стремился дестабилизировать положение в зоне Кабула. По их расчетам постепенное нагнетание обстановки в столице и вокруг нее должно было создать необходимые условия для захвата города.

В провинцию Кабул перебрасывались новые формирования с тяжелым вооружением и зенитными средствами.

Наряду с огневым воздействием по военным и государственным объектам в черте города, большое внимание оппозиция уделяла подкупу и склонению на свою сторону военнослужащих кабульского гарнизона. Особенно интенсивной обработке подвергался личный состав частей и подразделений, выступивших на стороне бывшего Министра обороны Таная. Мятежники стремились создать внутри столицы 5-ю колонну путем засылки боевых групп и активизации подполья. Группировку мятежников вокруг Кабула намечалось довести до 50 тыс. человек в основном за счет переброски части бандформирований из провинций Вардак (5 тыс. человек), Логар (7 тыс. человек), Бамиан (4,5 тыс. человек) и Парван (9 тыс. человек). Особенно активизировалась их деятельность в провинциях Логар и Вардак. Мятежники вели систематические обстрелы Майдан-Шахра, препятствовали нормальному функционированию дороги Кабул — Гардез, пытались совершить нападение на авиабазу Баграм, гарнизоны в Чарикаре и Джабаль-Уссорадже, ликвидировать посты на участках обороны Кабула.

Достаточно крупные силы мятежников были сосредоточены в провинции Нангархар (230 отрядов и групп, более 12 тыс. человек), где намечалось довести группировку до 25 тыс. человек.

Моджахеды, действовавшие в округе Хост, приступали к практической реализации плана по захвату этого административного центра. Группировка отрядов была доведена до 12 тыс. человек (за счет переброски резерва из Пакистана и соседней провинции Пактия). Моджахеды вели массированный обстрел жилых кварталов Хоста, частей и подразделений местного гарнизона, предпринимали усилия для блокирования аэродрома, через который шло снабжение Хоста.

В провинции Кандагар властям удавалось контролировать деятельность оппозиции. Вместе с тем, наличие в этом районе крупных сил мятежников (до 10 тыс. человек) создавало постоянную напряженность. Лидеры «Альянса» вынашивали план захвата Кандагара, уделяя основное внимание блокаде аэродрома

и дороги Герат — Кандагар.

На западе страны основу группировки моджахедов составляли отряды и группы, дислоцирующиеся в провинции Герат (10,5 тыс. человек).

По-прежнему значительные силы моджахедов имели в северо-восточных провинциях страны. Их группировка насчитывала 590 групп и отрядов общей численностью около 28 тыс. человек, которая контролировала 90 % территории этой зоны.

Заметное воздействие на общую ситуацию в стране оказывала деятельность лидера группировки ИОА А. Ш. Масуда, контролирующей значительную часть районов центральных, северных и северо-восточных провинций страны (более 11 тыс. моджахедов). Он стремился подчинить себе все отряды ИОА и склонить к переходу на свою сторону мятежников другой партийной принадлежности. Руководство ИПА (лидер Хекматьяр) начало создавать на базе формирований, действующих на территории Афганистана, полки по типу регулярной армии. Поступали данные о создании 8–9 полков в провинциях: Нангархар — 2 (Дака, Сорхдари), Логар — 1 (Дубандай), Вардак — 1 (Джаалез), Тахар и Кунар — 4–5 (общая численность — 4,5 тыс. чел.). Одновременно в зонах ответственности ИПА, где готовились выборы и были учреждены органы местного самоуправления, создавались постоянные гарнизоны.

Совместно со спецслужбами Пакистана руководством ИПА были созданы спецгруппы с целью проведения террористических и устрашающих акций в отношении руководства формирований, собирающихся перейти на сторону госвласти, в частности, такая акция была проведена 6 апреля 1990 г. в провинции Герат.

Мятежники все больше усиливали давление на транспортных коммуникациях, куда входили специально подготовленные группы для осуществления засады и диверсий. Особенно часто возникали осложнения в зоне магистрали Кабул — Хайротон (на Северном и Южном Саланге), под постоянным обстрелом находились участки дорог Чарикар — Баграм, Ташкурган — Айбак, было затруднено движение между Джелалабадом и Кабулом, а также Кабулом и Гардезом.

Объектами первостепенной важности оппозиция считала Кабульский, Кандагарский, Джелалабадский, Хостинский аэродромы и авиабазы Баграм и Шинданд. Большое внимание уделялось борьбе с воздушными целями, включая транспортные самолеты. Ставилась задача — сорвать «воздушный мост» на Кабул и полностью блокировать гарнизоны правительственных войск, находящиеся в окружении. В районах Хост, Калат,

Таринкот, Кандагар резко увеличилось количество переносных зенитно-ракетных установок.

Таким образом, в 1990 г. оппозиция продолжала наращивать свои вооруженные формирования с целью овладения рядом важных центров страны и Кабулом.

Наджибулла и правительственные органы в провинциях вели не только вооруженную борьбу с оппозицией, они проводили работу с целью перетянуть отдельные отряды моджахедов на свою сторону. В ряде случаев это удавалось. Командирам, перешедшим на сторону госвласти давали крупные суммы денег, присваивали им высокие воинские звания. В 1989–1990 гг. более 80 отрядов и 600 групп переходили на сторону госвласти. Работа с оппозиционными и вооруженными формированиями была трудной и опасной.

В 1990 г. после сложных переговоров с одним их крупных формирований заместитель Министра госбезопасности Афганистана генерал Джалал был расстрелян выстрелами в упор и тяжело ранен генерал-губернатор Халекьяр во время церемонии примирения.

Но нередко через некоторое время они снова уходили в лагерь оппозиции. Чаще всего такие отряды на зимнее время переходили на обеспечение правительственных органов, а летом ускользали из под контроля. В Герате мне довелось встретиться с одним предводителем крупного отряда Дауд Ханом, в то время, когда он перешел на сторону властей. Это был один из молодых энергичных командиров, выдвинувшихся во время войны.

На всей территории Афганистана шла широкая торговля оружием. Нередко командиры правительственных войск нелегально продавали оружие и боеприпасы мятежникам и на этом наживались. Одновременно правительственные органы занимались официальной скупкой оружия у моджахедов, особенно «стингеров» и других видов тяжелого оружия. Выгоднее было купить (даже за большую цену — 2–3 тысячи долларов) «Стингер», чем терять самолет. Как всегда на этой почве было много злоупотреблений.

Поскольку наиболее видные полевые командиры неохотно шли на контакты с представителями кабульских властей, иногда посредниками приходилось выступать советскому послу в Кабуле и другим советским представителям. Были их личные встречи с лидерами оппозиции в Пешаваре, Кабуле и в других районах. С некоторыми лидерами велась переписка. Так, в августе 1989 г. было направлено личное послание посла Ю. М. Воронцова Ахмад Шаху Масуду с предложением, чтобы он возобновил переговоры с представителями госвласти. В ответе Ахмад Шаха послу

наиболее отчетливо выражены настроения лидеров оппозиции к тому времени. Поэтому считаю нужным письмо Ахмад Шаха советскому послу полностью воспроизвести.

«Господин Воронцов!

В ответ на Ваше письмо от 31 июля 1989 года хочу сказать, что поддержка в прошлом вашим правительством НДПА стала причиной гибели более полутора миллионов граждан нашей страны. Примерно пять миллионов человек покинули свои дома и стали беженцами в соседних и других странах, а Афганистан превратился в развалины. Взамен этой поддержки вы получили лишь позор, тысячи русских парней были убиты в горах и пустынях Афганистана. В результате вы потерпели военное поражение, понесли большой экономический ущерб.

С приходом в Советском Союзе нового руководства и признанием советскими представителями допущенных в прошлом ошибок ожидалось, что в СССР обратят внимание на проводимый неправильный курс, откажутся от продолжения подобной политики в отношении Афганистана, в результате чего в стране, измученной войной, воцарятся мир и спокойствие.

Однако, анализ действий Советского Союза в течение последних шести месяцев заставляет с сожалением сделать вывод, что он не изменил своей позиции в отношении афганского конфликта и намерен добиваться своих целей лишь другим путем, т. е. посредством убийства афганцев афганцами.

Признавая советское руководство главным виновником продолжения войны и кровопролития в Афганистане, мы хотели бы подчеркнуть еще и то обстоятельство, что на первом этапе после революции большинство считало будто афганский народ не в состоянии сопротивляться перед лицом танков и самолетов советской сверхдержавы, а Красная Армия решит все вопросы за несколько дней. Однако, с течением времени оказалось, что волю народа невозможно сломить силой оружия. И прежде чем прольется еще больше крови, прежде чем еще больше возрастет груз ответственности советских руководителей перед богом и историей, а трещина, возникшая между мусульманским народом Афганистана и советским народом станет еще шире, мы хотели бы еще раз напомнить Вам, что война в Афганистане не затухнет до тех пор, пока полностью не прекратится советское вмешательство в афганские дела и пока с политической сцены не уйдет НДПА, препятствующая осуществлению справедливых чаяний нашего мусульманского народа. Как я полагаю, вы и все народы мира еще раз явитесь очевидцами усиления огня войны на этой земле, что не будет отвечать интересам ни свободолюбивого мусульманского народа

Афганистана, ни советского народа.

С уважением,

Ахмад Шах Масуд.

2.09.1989 г.»

Можно было понять решимость и непреклонность Ахмад Шах и других лидеров оппозиции не идти на примирение и продолжать борьбу до конца.

Но забегая вперед, скажем: советского вмешательства уже нет, власть НДПА давно рухнула, а военные действия со стороны Ахмад Шаха и других группировок не прекращаются.

В целом вооруженная оппозиция с уходом советских войск поставила перед собой более решительные цели. Если раньше она ограничивалась партизанскими действиями с тем, чтобы затруднить становление новой власти, то с выводом советских войск ставилась задача разгрома вооруженных сил Республики Афганистан и свержения существующего строя.

Глава IV
Вооруженные силы республики Афганистан

После ухода советских войск вся тяжесть задач по борьбе с вооруженной оппозицией легла на плечи афганских вооруженных сил. Они не были приучены к самостоятельным боевым действиям, были весьма рыхлыми в организационном отношении, слабо управляемыми, мало дисциплинированными и недостаточно надежными в морально-политическом отношении. Но в количественном отношении, с точки зрения технического оснащения они выглядели весьма внушительно и имели явное превосходство над вооруженной оппозицией.

1. Состояние вооруженных сил и характер боевых действий в 1989 году

В 1989 году афганские вооруженные силы в своем составе имели: личного состава около 329 тыс. чел. (армия — 165 тыс., МВД — 97 тыс. и МГБ — 57 тыс. человек), танков — 1568, боевых машин пехоты — 828, артиллерийских орудий и минометов — свыше 4880, боевых самолетов — 126, боевых вертолетов — 14.

В целом вооруженные силы Республики Афганистан, самостоятельно выполняя боевые задачи, уже в течение первого года после ухода советских войск в основном успешно противостояли вооруженным формированиям оппозиции и они, по существу, выиграли весеннюю и летнюю военные компании. Вооруженные силы обеспечили удержание занимаемых территорий, а в ряде районов расширили свои позиции и влияние госвласти. Из 28 центров провинций под контролем госвласти оставалось 26, под контролем мятежников 2 провинциальных центра (Бамиан, Толукан). Три бывшие провинции (Кунар, Каписа и Пактика) упразднены. Из 187 уездных центров под контролем госвласти было 114 уездов и 6100 кишлаков, под контролем мятежников 76 уездов и 15 240 кишлаков соответственно около 7 млн. и свыше 10 млн. населения. Когда в официальных справках писали, что оппозиция занимает 85–90 % афганской территории, то это тоже был чисто формальный подход, не отражавший реальное положение. Если говорить точнее, то 35–40 % территории страны составляли никем не занимаемые горные и

пустынные местности. В 1989 г. были отражены многократные наступательные действия противника под Джелалабадом, Гардезом, Газни, Кандагаром, Шиндандом, Файзабадом, севернее и южнее Саланга, вост. Суруби и в других районах. При этом правительственные войска в ряде случаев начали от пассивной обороны переходить к более активным, наступательным действиям. В результате были освобождены или была восстановлена госвласть в ряде ранее утраченных уездных центрах (Зебаг, Рустак, Гуриан, Оба и др.). В результате контрудара в районе Джелалабада (в июле 1989 г.) была разгромлена крупная группировка противника вост. и юго-вост. города и восстановлено оперативное положение правительственных войск, существовавшее до перехода мятежников в наступление в начале марта.

Проводились неоднократные наступательные боевые действия по разгрому группировок противника и восстановлению захваченных противником участков коммуникаций севернее и южнее Саланга, вост. Суруби, в зоне Кабула, в районе Зебага и др. Проводка и прорыв колонны в Кандагар в сентябре этого года также осуществлялись путем проведения ряда наступательных боевых действий с целью уничтожения опорных пунктов противника на пути движения колонны и ликвидации его засад на флангах.

Некоторые командиры соединений и частей стали действовать тактически более искусно и активно. Это было особенно характерно для действий 25 пехотной дивизии по обороне района Хост. Командир этой дивизии генерал Фарук, несмотря на крайне ограниченные силы и средства и снабжение только по воздуху, умело вел разведку и, привлекая на свою сторону некоторые местные племена, проводил активные оборонительные действия.

Более частыми и активными стали засадные и диверсионные разведывательные действия в тылу противника. Были проведены ряд удачных действий под Кандагаром, Кундузом, Джелалабадом, Хостом, Кабулом. Более активный характер приобрела оборона Кабула, Джелалабада, Хоста, Кундуза и других районов. В ряде случаев активными действиями войск и упреждающими огневыми ударами удавалось срывать массированные обстрелы городов. Бомбо-штурмовыми ударами авиации и ракетными ударами по сосредотачивающимся группировкам противника были сорваны 8 его наступательных действий под Джелалабадом и 10 под Хостом. Неоднократно после таких ударов мятежники покидали исходные позиции, что приводило к срыву наступления моджахедов.

Таким образом удержание занимаемых позиций

правительственными войсками достигалось не само по себе, а за счет своевременного выявления приготовлений противника, нанесения по нему упреждающих ударов и, как правило, в ходе напряженных и ожесточенных боевых действий с предельным напряжением сил и средств. Ряд важных пунктов и оборонительных позиций под Джелалабадом, Хостом, Кандагаром, вост. Суруби, в районе Саланга, Зебага по несколько раз переходили то к противнику, то к правительственным войскам.

Но все же с убытием советских войск вооруженные силы Республики Афганистан должны были решать возложенные на них задачи в совершенно новых условиях. Прежде всего более решительные цели противника, возросший размах вооруженной борьбы и необходимость самостоятельного противостояния более крупным силам оппозиции делали значительно более сложными оборонные задачи, которые предстояло решать вооруженным силам.

Вместе с тем, с отводом в 1988 г. афганских вооруженных сил с приграничных районов, захватом оппозицией ряда новых районов, выводом из Афганистана 100 тыс. группировки советских войск, экономические и военные возможности правительственных войск значительно уменьшились. В целом соотношение сил изменилось и продолжало изменяться в пользу оппозиции. С учетом этого было ясно, что Республика Афганистан в стратегическом плане длительного военного противостояния с оппозиционными силами может не выдержать. И вообще только военный путь решения задач для Афганистана был бесперспективен. Поэтому требовалось основные усилия направлять на политическое урегулирование афганской проблемы. Но, как уже отмечалось, эта сторона дела решалась пассивно.

Правительственные вооруженные силы имели преимущество в техническом оснащении (авиации, количестве танков, артиллерии и других видах тяжелого оружия). В отличии от оппозиционных сил они носили регулярный характер и имели централизованное управление. Военные усилия оппозиции ослаблялись также острыми противоречиями между различными группировками и отсутствием согласованности в их действиях.

Приходилось реально учитывать и сложившиеся слабости правительственных вооруженных сил. Пассивность партийных и государственных органов в работе с населением, в улучшении жизни народа за счет внутренних ресурсов снижали заинтересованность личного состава в защите существующего строя и в сочетании с крупными недостатками в политической и

идеологической работе предопределяли невысокую морально-боевую устойчивость войск.

Как известно, афганские войска и при совместных действиях с частями 40 армии крайне неохотно шли на активные действия… Теперь, когда приходилось самостоятельно решать боевые задачи, очень трудно, а в ряде случаев было практически невозможно части правительственных войск переместить на поле боя с одного участка на другой или предпринять атаку или контратаку. Именно слабыми морально-боевыми качествами и боевой выучкой определялись неэффективность применения оружия и боевой техники (неумелое применение танков и боевых машин пехоты, нанесение авиацией бомбо-штурмовых ударов с высот 4–5 км, робкое использование боевых вертолетов, нежелание артиллеристов и других командиров выходить на передовые наблюдательные пункты, применение огнеметов и других огневых средств на предельных дальностях и др.).

Опыт боевых действий в районе южного Саланга еще раз показал неподготовленность афганской армии к ведению активных боевых действий. Плохо велась войсковая разведка, общевойсковые и артиллерийские командиры, авианаводчики уходили со своих наблюдательных пунктов и поля боя не наблюдали. В результате не достигалась должная эффективность ударов авиации и огня артиллерии, что не позволяло реализовать преимущества правительственных войск в вооружении и технике. Пехотные и танковые подразделения при первом же обстреле прекращали атаку, а к исходу дня начинали самовольно возвращаться в исходное положение, что нередко превращалось в бегство. Некоторыми постами и прилегающими к ним высотами удалось овладеть лишь в результате длительного огневого воздействия на противника с большим расходом артиллерийских и авиационных боеприпасов и проведения атаки специально подготовленными подразделениями из кабульского гарнизона.

Остро сказывалась всеобщая усталость личного состава и населения от войны, стремление любой ценой избавиться от тягот военного времени.

Тем более, что оппозиция с учетом опыта неудачных для нее боевых действий под Джелалабадом и Хостом все больший упор делала на подрывную работу среди правительственных войск, на их подкуп и переманивание на свою сторону. И оппозиции в ряде случаев удавалось достигать этих целей. При отправке в Джелалабад в середине мая 1989 г. оставшихся подразделений 15 танковой бригады и 37 десантно-штурмовой бригады половина из них (всего около 400 человек) по пути разбежались.

Особенно печальным и постыдным был случай с переброской

танковой бригады из Термеза в Кабул. Афганским руководством при нашем содействии была проведена сложная, кропотливая работа по заключению соглашения с Советским Союзом об обучении очередной партии танковых специалистов в учебном центре в Термезе. Были осуществлены набор и призыв молодежи для обучения на этих курсах. В течение 3-х месяцев их учили, снабжали всем необходимым. На полигоне проведены все положенные стрельбы, упражнения по вождению с расходом большого количества моточасов, боеприпасов, горючего и других материальных ресурсов. Большая группа советских офицеров занималась обучением афганских специалистов. Особенно большую работу по подготовке и экипировке бронетанковой техники и личного состава провел первый заместитель командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Кондратьев Г. Г., командир 108 мотострелковой дивизии полковник Клынкин Ю. А., командир 5-й мотострелковой дивизии полковник Андреев В. В. И с точки зрения военно-профессиональной результаты были неплохие. Прошедшие курс обучения танкисты неплохо водили танки и стреляли из них. Для приема обученных специалистов в Термез вместе со мной прибыл вице-президент Афганистана генерал Рафи. По решению советского правительства афганской стороне были переданы 90 танков с полной экипировкой, которые были приняты афганскими экипажами. В результате была сформирована новая танковая бригада. Вице-президент Рафи провел строевой смотр бригады, с личным составом состоялся митинг с пламенными выступлениями руководства и заверениями окончивших курсы танкистов о верном служении афганской революции. В Кабуле готовилась торжественная встреча бригады, чтобы продемонстрировать населению, что оборона Кабула усиливается. Это было тем более важно, если учесть распространения слухов о том, что все резервы из Кабула отправлены в Джелалабад, Хост и поэтому оборона Кабула ослаблена. Бригада в конечном счете в Кабул прибыла, но с большим конфузом, о котором знали немногие.

Из 370 чел. танковых экипажей, которые обучались в Термезе, в составе танковой бригады в Кабул прибыли только 127 чел., остальные дезертировали. На каждом привале и ночлеге по несколько человек убегали. Главная причина происшедшего состояла в плохом отборе и изучении людей. Для обучения в Термезе набрали молодежь в основном из северных районов страны, которые уезжать из родных мест и воевать где-то под Кабулом или Джелалабадом не хотели. Часть людей, видимо, «подсунул» Ахмадшах с тем, чтобы подготовить для себя

танкистов. Вторая причина — плохо были подготовлены служба и контроль за людьми на марше. Министр обороны Танай ссылался на то, что сроки начала марша с ним не были согласованы, хотя он знал о готовности бригады к отправке и в Термезе его офицеры принимали эту бригаду.

Некоторые афганские командиры опасались посылать свои подразделения в разведку, для устройства засад в тылу противника и других активных действий, ибо большинство из них не возвращались. Командующий оперативной группой «Центр» в районе южного Саланга послал в расположение противника 22 группы, из них вернулись только 7, задачу выполнили только две группы. Как только одному из батальонов 8 пехотной дивизии поставили задачу выдвинуться в район кишлаков (сев. Кабул) с целью уничтожения засевшего там противника, личный состав батальона почти полностью разбежался. Тоже самое случилось с двумя батальонами 3 дивизии «Царандоя». Подобные случаи имели место и в других районах.

Вместе с тем, как показал опыт боевых действий и мятежники не были способны к проведению операций крупного масштаба. Это объяснялось не только разногласиями между различными группировками, но и отсутствием организованного централизованного управления и материально-технического снабжения войск. В целом уровень военного искусства оппозиционных войск в оперативно-стратегическом звене был значительно ниже, чем у правительственных войск. В тактическом отношении, особенно в хитрости, инициативности действий на поле боя, умении приспосабливаться к местности, эффективности использования огневых средств, морально-боевой стойкости мятежные войска имели некоторые преимущества. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что количество сдавшихся в плен из числа правительственных войск в 3 раза больше, чем среди войск мятежников. Что касается количества убитых и раненых в боевых действиях под Джелалабадом, вост. Суруби, под Хостом и в районе Южного Саланга, то их у противника в 1,5–2 раза больше, чем в правительственных войсках.

Как в высших кругах, так и в низовом звене афганских вооруженных сил укоренилась трудно преодолимая слепая вера в некое «сверхоружие» (авиация, ракеты), которое могло бы решить все задачи без особых усилий с их стороны.

Во всех звеньях вооруженных сил была принижена ответственность за выполнение задач; апатия и безразличие тормозили, а в ряде случаев сводили на нет многие решения и распоряжения вышестоящих органов управления. На всех уровнях было немало людей, скрытно противодействующих мерам по

повышению боеспособности и эффективности действий вооруженных сил. Подогретый религиозным фанатизмом моральный дух мятежников, как правило, был несколько выше, чем у правительственных войск.

С учетом этого основные средства вооруженной борьбы приходилось применять прежде всего, исходя из соображений морально-психологического воздействия на противника. Оборона Джелалабада в значительной мере обеспечивалась переброской резервов из Кабула, массированным применением авиации днем и ночью, нанесением ударов ракетами Р-300 «Скад» и огнеметами по группировкам противника изготовившимся для перехода в наступление. В условиях мощной огневой поддержки части, оборонявшие город, проявили относительно высокую стойкость.

Войска мятежников, наступавшие на Джелалабад, периодически сменялись и хорошо снабжались. А правительственные войска, оборонявшие город против трехкратно превосходящих сил противника, были переутомлены и плохо снабжались.

Решение военных задач осложнялось также острым недостатком сил и средств, растянутостью и изолированным расположением основных группировок войск главным образом в крупных городах, перемешанностью соединений и частей трех военных ведомств (МО, МГБ, МВД) в одних и тех же районах боевых действий, разорванностью наземных коммуникаций.

При выводе советских войск правительственные вооруженные силы были вынуждены растянуть свои силы для обороны как ранее занимаемых ими объектов, так и районов, которые до этого обороняли советские части. Все танки и артиллерия оказались распыленными по постам. Во всех гарнизонах, в том числе в Кабуле, не было каких-либо резервов. При наличии более 1000 танков и 4 тыс. орудий и минометов, ни в одном гарнизоне не было в резерве ни одного танкового батальона и даже роты, не было ни одной артиллерийской группы, обеспечивающей массированное применение артиллерии.

Даже на имеющиеся самолеты, танки, БМП, орудия и другую боевую технику недоставало личного состава, подготовленных экипажей, расчетов. Укомплектованность большинства соединений и частей составляла 20–30 процентов. Из-за плохого технического обслуживания и несвоевременного ремонта в войсках от 30 до 50 процентов оружия и техники были неисправны.

Отрицательно сказывалось на эффективности применения авиации, артиллерии и других огневых средств, крайне недостаточное количество сил и средств войсковой разведки

(совершенно не было средств воздушной разведки, разведывательные подразделения корпусов и дивизий кроме биноклей и некоторого количества бусолей не имели никаких технических средств разведки). К тому же они использовались не по назначению и были задействованы в большинстве своем на оборонительных позициях и постах. Например, в обороне Кабула находилось 119 основных соединений и частей общей численностью до 60 тыс. чел., а на выполнении боевых задач (в том числе в авиации, ПВО, частях боевого обеспечения) было задействовано не более 25 тыс., остальной личный состав осел в центральном аппарате и его обслуживании.

В условиях отсутствия резервов для удержания важнейших районов каждый раз приходилось с большим трудом собирать личный состав в различных провинциях, формировать новые подразделения и направлять их на усиление осажденных гарнизонов. Туда же, в основном по воздуху, доставлялись пополнение, вооружение, боеприпасы и другие материальные средства. Одновременно принимались меры, чтобы осуществлять снабжение этих гарнизонов наземным путем с прокладкой, когда это необходимо, новых дорог по пустыне (от Баграма до Кабула, от Лашкаргаха до Кандагара), с выполнением большого объема инженерных работ как силами войск, так и государственных строительных организаций.

С большим напряжением применялась авиация. Боевой авиации приходилось совершать в сутки по 200–250 самолетовылетов, в наиболее напряженные дни до 300–400. Некоторые летчики делали по 5–6 и более вылетов в сутки. Ежедневно расходовалось от 300 до 500 авиационных бомб. С перегрузкой работала транспортная авиация. Так под интенсивным обстрелом противника в течение ночи осуществлялась посадка в Хосте 8-10 самолетов Ан-32 с боеприпасами. В ряде случаев Хост, Калат и другие гарнизоны снабжались боеприпасами при помощи парашютных систем.

В наиболее критические моменты в районы боевых действий систематически выезжали высший состав Ставки Главнокомандования, военных министерств, генштаба вместе с нашими военными советниками. Например, начальник генштаба генерал Делавар, как и А. М. Василевский во время войны, большую часть времени проводил в районах боевых действий.

В целом в организации, боевом применении и в системе управления вооруженными силами продолжали иметь место существенные недостатки, которые серьезно ослабляли их боеспособность и эффективность боевых действий.

Во-первых, крайне не совершенным было управление, когда

ведущие совместные боевые действия войска трех военных ведомств не имели единого управления. У Ставки ВГК не было своего органа, способного осуществлять координацию их боевых действий. Попытки президента осуществлять управление через генштаб, подчиненный Министру обороны, в полной мере не достигали своей цели. Каждое ведомство самостоятельно снабжало свои войска всеми видами довольствия.

Министр обороны и генштаб в полном объеме вопросы управления не охватывали, а министры госбезопасности и внутренних дел, практически осуществляли лишь комплектование и снабжение своих войск, а боевым управлением вообще не занимались. Все это, а также слабый контроль и всеобщая низкая исполнительность тормозили реализацию принимаемых решений, отрицательно сказывалось на эффективности действий войск. Нетребовательность, стремление не обострять отношений, заигрывание со своими сторонниками приводило к тому, что за невыполнение приказов и даже оставление позиций никто никакой ответственности не нес. Принятые решения и отдельные распоряжения, как правило, удавалось выполнять только после многократных напоминаний и постоянного нажима.

В условиях ведения войны наиболее правильным было бы назначение министра обороны заместителем ВГК и осуществление Ставкой оперативного управления вооруженными силами (всех трех военных ведомств) через генштаб. Наджибулла в принципе с этим согласился, но пока воздержался от этого шага только с целью того, чтобы в существующей сложной обстановке не обострять внутрипартийных отношений.

Одним из самых слабых мест в системе управления и боевого обеспечения была разведка, что резко снижало эффективность применения авиации, ракет и артиллерии, вызывало повышенный расход боеприпасов. Нами совместно с афганским генштабом был проведен ряд инструктивных и показных занятий по организации и ведению разведки. Проведены тренировки со штабами Кабульского гарнизона и ряда соединений по управлению силами и средствами разведки, сборы с офицерами-корректировщиками, занятия с экипажами боевых разведывательных машин, осуществлен и ряд других мероприятий. Однако афганское командование и штабы все же слабо занимались вопросами организации разведки, далеко не полностью использовали имеющиеся средства. Многие разведывательные подразделения использовались не по назначению. Ощущался острый недостаток в технических средствах разведки.

В связи с этим, наряду с принятием мер по улучшению

разведки в Афганистане, мной докладывалось в Москву о необходимости извлечения опыта и для Советской Армии и более объективной оценки эффективности средств разведки, особенно в горных условиях. На учениях, проводимых в советских войсках, самолеты-разведчики обычно вели воздушное фотографирование на малых высотах и получали сравнительно удовлетворительные снимки. Но в боевой обстановке (даже при ограниченных средствах ПВО у мятежников в Афганистане) вести разведку с таких высот было невозможно (самолеты немедленно сбивались). При ведении фоторазведки с больших высот, при масштабе 1:6000, огневые средства противника не выявлялись. Ограниченные возможности средств разведки в горных условиях были установлены еще в период нахождения здесь советских войск. Поэтому практически было нечем засекать реактивные снаряды и другие огневые средства противника. Сравнительно положительные результаты давала радиоразведка, но и она не охватывала все диапазоны частот, в которых работали радиосредства моджахедов. Мы обращались с просьбой прислать в Афганистан более современные средства разведки.

Но эти просьбы не были удовлетворены.

Во-вторых, с большими трудностями решались задачи комплектования вооруженных сил. По официальным данным их реальная укомплектованность относительно штатов составляла около 53 %. В действительности укомплектованность была ниже, так как многие командиры по финансовым соображениям, чтобы получать больше денег на содержание войск, представляли завышенные данные о численности своих частей. Причем боевые части были укомплектованы от 22 до 32 %, а тыловые до 50–60 %. По нашей рекомендации неоднократно проводились «чистки» с целью изъятия части личного состава из тыловых частей, штабов и усиления боевых подразделений. Однако через 2–3 месяца происходил обратный процесс и большая часть этих солдат и сержантов покидала боевые части и опять попадала в тыловые.

Проводимый призыв позволял с трудом компенсировать потери и поэтому длительное время сохранялся некомплект. В 1989 году было призвано 144 тыс. человек (73 % плана). В ряде случаев количество призванных носило фиктивный характер, ибо при проверке частей данные о призыве не подтверждались.

Причины низкой укомплектованности войск объяснялись следующими обстоятельствами:

Примитивной системой призыва путем вылавливания случайных людей. Скрытие призывников в территориальных частях. Невыполнение приказа о передаче в регулярные войска

солдат, прослуживших в территориальных и племенных частях более одного года. Боевые, санитарные потери (болезни) и особенно дезертирство.

За 11 месяцев 1989 года потери составили 67 тыс. человек (погибло 5033 чел., пропало без вести 7,5 тыс. чел., дезертировало 38,6 тыс. чел., уволено 15,8 тыс.). Особенно большой рост дезертирства был в армии: в 1988 г. — 25 422, за 11 месяцев 1989 г. — 27,8 тыс. чел. (кроме того, пропали без вести — те же дезертиры — 5,6 тыс. чел.).

Низкая укомплектованность войск объяснялась плохой организацией призыва и массовым дезертирством. Отрицательно влияло на призыв отсутствие в военкоматах достоверного учета граждан мужского пола призывных возрастов, что исключало планомерный их призыв на военную службу и в условиях заметного снижения зоны влияния государственной власти приводило к принудительному отлову людей. Отрицательное влияние оказывало и то, что дети большинства руководящих работников всех рангов под различными предлогами в армии не служили.

Из-за плохой организации подготовки младших специалистов постоянно не хватало экипажей танков, расчетов орудий и других специалистов. Укомплектованность танкистами и специалистами боевых машин пехоты составляла 35–45 %, артиллерии — 28 %, водителей автомашин — 37 %. Возможности учебных центров по подготовке специалистов в полной мере не использовались. Сложилось такое положение, что в афганских войсках не стало сержантов, так как когда-то было установлено правило, что через 3 года службы сержанты становились офицерами. Было немало подразделений, где были одни офицеры и солдаты.

Несмотря на некоторые принятые меры, не удавалось ликвидировать перепутанность подразделений в районах боевых действий, надерганных из разных соединений и частей различных ведомств. Подразделениям, которые при обострении обстановки направлялись в Хост, Джелалабад, вост. Суруби, Саланг, как правило, давалось обещание, что посылаются они туда на несколько недель. Но по условиям обстановки снять их оттуда было невозможно, а оставление в районах боевых действий вызывало недовольство и все более частые случаи дезертирства.

Многие трудности в комплектовании войск и вообще в организации военной службы возникали вследствие того, что афганское государство находясь в состоянии войны, многие военные задачи решались по законам мирного времени. Это относилось к системе призыва и увольнения, срокам службы, мобилизации всех ресурсов для ведения войны и др. Однако

руководство Республики Афганистан не считало возможным полностью переводить страну на военное положение, опасаясь вызвать этим еще большее недовольство населения.

Вообще афганские вооруженные силы во многих отношениях находились в довольно странном положении. С подачи наших советников даже система боевой готовности была установлена примерно такой, какой она была в Советской Армии для условий мирного времени, а не для боевой обстановки. При нахождении в Афганистане советских войск может быть все это и не имело особого значения. Но когда вооруженные силы остались наедине с грозным противником, то многое выглядело абсурдным.

В частности, установленная система боевой готовности не отражала в полной мере реальные условия и специфику, в которых вооруженные силы выполняли свои задачи. Например, при объявлении полной боевой готовности соединения, части должны подниматься по боевой тревоге и выходить в районы сосредоточения. Но этого не нужно было делать дивизиям, находящимся в обороне или находящимся на охране дорог. Они должны были продолжать занимать свои позиции и усиливать оборону. Куда, например, было уходить 25 пехотной дивизии в Хосте? Учитывая все это, с нашей помощью был подготовлен приказ Верховного Главнокомандующего, которым для всех военных ведомств уточнялось содержание степеней боевой готовности и характер выполняемых мероприятий. Необходимость издания нового приказа по боевой готовности вызывалась также тем, что многие прежние документы по боевой готовности оказались раскрытыми противнику (например, в бывшей 8-й пехотной дивизии) и было нужно их обновить. В новом приказе предусматривались различные мероприятия, которые должны выполняться в соединениях, частях, находящихся в обороне, в непосредственном соприкосновении с противником, а также в частях, военных учреждениях, военно-учебных заведениях, находящихся во вторых эшелонах, резервах, в глубине расположения своих войск с учетом особенностей их предназначения и выполняемых задач. Особенности военного времени не учитывались и в материальном обеспечении военнослужащих.

Причем при выполнении задач в абсолютно одинаковых условиях, военнослужащие срочной службы всех трех министерств получали разную оплату. Зная, что наибольшие трудности возлагаются на боевые части армии, призывники под любым предлогом предпочитали службу в МВД и МГБ, что особенно проявлялось в ходе так называемого свободного призыва.

Для улучшения комплектования вооруженных сил нами афганскому руководству было рекомендовано: ускорить работу по паспортизации мужского населения и на этой основе упорядочить систему призыва, но руководство на это не шло, ибо перепись населения встречала сильный протест; провести увольнение выслуживших установленные сроки военнослужащих, как положено по закону (их задержка в армии вызывала недовольство) и развернуть работу по оставлению отслуживших солдат на сверхсрочную службу, установить за это дополнительную оплату и некоторые другие меры.

В-третьих, в условиях когда оппозиция главную ставку делала на подкуп и переманивание на свою сторону военнослужащих правительственных войск, решающее значение приобрела борьба за людей, активизация воспитательной работы среди личного состава. Формально для этого имелись немалые возможности 65,4 % членов НДПА находились в рядах вооруженных сил, во всех звеньях армии, внутренних войск и госбезопасности имелась разветвленная система политорганов, организации НДПА и молодежной организации (Дома). Однако идеологическая и вообще воспитательная работа с личным составом страдала формализмом и не всегда оказывалась достаточно эффективной. Во многих частях процветало взяточничество, злоупотребление генералов и офицеров служебным положением. Мало проявлялось заботы о бытовом устройстве личного состава, своевременном их питании, подготовке оборонительных позиций и постов к зиме.

Многие солдаты находились в совершенно бесправном, бедственном положении. По этому поводу в различные инстанции и непосредственно президенту поступало много буквально кричащих писем. Так, рядовой солдат 4-го батальона 60 полка 8-й пехотной дивизии Абдул Карим Ширзад 19.07.89 г. писал президенту: «Дорогой товарищ президент! Нас послали на оборону Кабула и мы сейчас воюем за взятие господствующей высоты Кухе-Сафи. Офицеры наши пьянствуют, занимаются развратом и большую часть времени находятся в Кабуле. Мы оставшись без поддержки и без всякого снабжения, отступили с этой высоты. Через несколько дней полк с боями вновь взял высоту Кухе-Сафи. Но снова — безразличие командиров. Солдаты, не имея пищи две ночи провели на горе. Просили батальонное начальство дать боеприпасы, тяжелое оружие и пищу, а противник по рации говорит солдатам: «Я вам сам завтра дам». Так и получилось, что противник снова пост взял, а батальон понес потери пленными и убитыми.

В батальоне ни малейшего представления о воинской службе,

полностью отсутствует дисциплина. Здесь процветает групповщина: группа командира батальона, группа начальника штаба батальона, группа замполита и четвертая группа — это мы, не имеющие покровителей. У нас нет руководства, вся тяжесть задач лежит на наших плечах. Есть и такие люди со связями, которые появляются лишь в день выдачи денежного содержания. Денежное содержание солдатам и офицерам своевременно не выплачивается уже несколько месяцев. Продовольственное обеспечение батальона осуществляется неполностью. Всячески унижается честь и достоинство солдата. Большинство случаев дезертирства вызвано вышеуказанными причинами. Солдат в нашем батальоне подобен бесславной скотине, существует на правах раба.

Все эти проблемы я письменно изложил начальнику отдела обороны и национальной безопасности аппарата Президента генерал-лейтенанту Абдул Баки. Я ждал положительного решения вопроса, однако мое имя как автора письма было раскрыто, и в настоящее время командование батальона различными путями старается выжить меня из батальона. Я даже опасаюсь за свою жизнь. Я знаю, что должна была быть назначена комиссия во главе с генералом Абдул Баки. Однако она ничего не сделав, не доехав до нашего батальона, с полпути повернула назад и посчитала мой доклад оговором. Ну и Родина!

Приглашаю Вас, уважаемый товарищ Наджибулла, подобно тому, как Вы бываете в других частях, пожаловать в наш батальон. Ваш приезд настолько вдохновит солдат и офицеров, что поднимет павших из могил. Но я не знаю, приедете ли Вы. Вам лучше знать».

Это письмо (которое я привожу в сокращенном виде), верно отражавшее положение дел в афганской армии, было зачитано на заседании Ставки Верховного Главнокомандующего. Но, к сожалению, должных мер не последовало.

В-четвертых, снижалась боеспособность авиации, которая играла важную роль противостояния вооруженной оппозиции.

В 1989 году было потеряно 37 боевых, 19 транспортных самолетов и 46 вертолетов (всего 102 ед. авиатехники). В связи с перенапряжением летного состава, нерешенностью вопросов обеспечения летчиков и их семей квартирами, питанием, обеспечением денежным содержанием (в условиях дороговизны и инфляции) появились негативные настроения летного и технического состава. В 1989 г. 7 летчиков на самолетах и вертолетах перелетели на сторону мятежников. Летчики боевой авиации, опасаясь потерь, стремились выполнять задачи только с максимальных высот и все попытки заставить их действовать

более рационально встречали крайне отрицательную реакцию.

Особую тревогу вызывала проблема подготовки к зиме и вывоза поставленных из СССР материальных средств из перевалочных баз Хайротона и Турагунди. Задача эта осложнялась тем, что противник имел преимущества по подвозу и пополнению своих формирований людскими и материальными ресурсами, особенно в южных районах Афганистана, имея кратчайшие пути подвоза (от 15 до 50–70 км). Основные базы и тыловые районы мятежников находились на территории Пакистана вне огневого воздействия противостоящей стороны. В то время как коммуникации правительственных войск растянуты до 500–700 км, постоянно подвергались нападениям и пролегали через сложную систему тоннелей и трудных дорожных условий, особенно в зимнее время.

Несмотря на все трудности коммуникации, дорога Хайротон — Кабул и Турагунди — Герат — Шинданд большую часть времени функционировали. Только с 15 февраля и до конца 1989 г. в Кабул прибыло 48 434 машин, было доставлено 177 590 тонн продовольствия, 111 647 тонн ГСМ и 51 012 тонн боеприпасов. В основном бесперебойно действовал воздушный мост. В Кабул прибыло 5280 транспортных самолетов, которыми было доставлено 71 027 тонн различных грузов.

Однако в условиях повышенного расхода боеприпасов в Джелалабаде, Хосте, Кабуле и других районах, весь этот подвоз удовлетворял в основном текущие нужды. Только для срыва массированных обстрелов противником Кабула приходилось ежесуточно расходовать в среднем по 800–1000 шт. артиллерийских снарядов. Сравнительно большой расход артиллерийских боеприпасов во многом определялся и реакцией на интенсивные обстрелы противника, который под Джелалабадом, Хостом, Гардезом, Газни и других районах применял значительно больше реактивных артиллерийских и минометных боеприпасов, чем правительственные войска.

Приходилось учитывать и особенности афганской армии. При интенсивном обстреле противником оборонительных позиций и при первых же потерях личный состав, как правило, покидал свои позиции, оставляя там танки, БМП и другое тяжелое оружие. Это считалось правомерным и никто этому и не пытался противодействовать. Огонь стрелкового оружия с обеих сторон использовался очень мало. Я несколько раз посещал военные госпитали и убеждался, что подавляющее большинство раненых имело осколочные ранения; пулевые ранения встречались редко. При таких действиях правительственным войскам удавалось удерживать занимаемые рубежи в основном ударами авиации

и артиллерии по подразделениям противника, выдвигающимися для наступления. Когда это не делалось, немедленно возникала угроза сдачи противнику занимаемых позиций, а, следовательно, и важнейших оперативно-стратегических районов.

В серьезную проблему превратилась охрана и сохранение боеприпасов. Оборудование складов не соответствовало требованиям обеспечения безопасности, охрана была крайне ненадежной. В результате проведенных моджахедами диверсий произошло ряд взрывов на крупных складах боеприпасов в районах Кабула, Джелалабада, Мазари Шариф и других местах. Например, в результате взрыва на складах в районе Мазари-Шариф были уничтожены десятки тысяч тонн артиллерийских и авиационных боеприпасов. Мне пришлось вместе с представителями КГБ и с афганскими должностными лицами выехать на место для расследования причин происшедшего. Нам объясняли причины взрыва обстрелом, противником склада реактивными снарядами. Начальник склада и солдаты охраны в один голос твердили, что они видели как падали снаряды на территории склада. Но позднее выяснилось, что диверсию совершили подкупленные солдаты из охраны этого склада.

В связи с этим случаем был издан приказ президента с определением мер по усилению охраны и безопасности складов. Некоторые подготовленные противником диверсии были предотвращены. Но диверсии и взрывы на складах боеприпасов продолжались. Иногда один такой взрыв ликвидировал многомесячные и многотрудные доставки боеприпасов по воздушному мосту и автомобильными колоннами.

Вследствие потери боеприпасов от взрывов, сравнительно большого расхода их и недостаточной организованности в использовании автотранспорта и подвоза, планы создания 3-х месячных запасов на зиму 1989–1990 гг. были выполнены по продовольствию на 50–60 %, горюче-смазочным материалом — 25–30 % и боеприпасами — 10–20 %.

С учетом изложенного, афганскому руководству было рекомендовано: усилить охрану и оборону коммуникаций с постоянным прикрытием колонн авиацией; принять чрезвычайные меры по мобилизации всех имеющихся в Кабуле машин, в том числе и частного сектора для вывоза материальных запасов из Хайротона и Турагунди; организовать круглосуточную работу по ремонту автомашин; снять часть водителей с легковых машин и передать их в автомобильные части, осуществляющие подвоз; сочетать централизованный подвоз с направлением машин на перевалочные базы от соединений и частей.

2. Военная доктрина и стратегические планы на 1990 год

Для более целеустремленного выполнения задач, стоящих перед вооруженными силами, требовались не только новая политика, но и новая военная доктрина, новые оперативно-стратегические планы. Поэтому с прибытием нашей оперативной группы в Афганистан мы вместе с афганскими должностными лицами немедленно приступили к разработке этих основополагающих вопросов.

В конце 1989 года президент — Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Республики Афганистан — изложил основы военной доктрины и военных планов на совещании руководящего состава вооруженных сил. Президент прежде всего подчеркнул стремление Республики Афганистан к прекращению войны и национальному примирению.

Но в условиях, когда миролюбивые предложения не принимаются, и нам навязывают агрессию, у нас, — говорил он, — нет другого выхода, как защищать свою Родину и продолжать вооруженную борьбу, хотя мы хорошо знаем, как устали народ и личный состав вооруженных сил от навязанной нам десятилетней войны.

После выхода советских войск с территории Афганистана в жизни вооруженных сил Республики Афганистан начался практически новый этап, когда они вынуждены самостоятельно противостоять не только вооруженным отрядам внутренней контрреволюции, но и прямой пакистанской агрессии, поддержанной США, Ираном и рядом других государств.

В связи с этим, весь личный состав вооруженных сил, прежде всего руководящий состав, должны глубоко и четко представлять себе сущность и характер оборонных задач и способы их решения.

Наджибулла особо отметил необходимость преодоления всех имеющихся разногласий, добиться единого понимания путей военного строительства, применения вооруженных сил, их подготовки и управления войсками. Он подчеркнул, что враг делает главную ставку на разобщение правительственных сил, подогревание разногласий. Если мы хотим выжить и победить, мы не должны дать этих шансов противнику. Поэтому каждый подлинный патриот и любой здравомыслящий человек должны понимать, что порознь нас могут только перебить, а вместе, выступая сплоченно и отбросив все личные амбиции, мы можем и должны победить, несмотря на все трудности, которые стоят перед нами.

Основные положения военной доктрины сводились

к следующему. В политическом плане провозглашался оборонительный характер военной доктрины. Это выражалось в том, что афганское государство в принципе отвергало войну как средство разрешения политических, экономических или идеологических противоречий. Республика Афганистан заявляла о своем стремлении проводить миролюбивую политику, твердо и последовательно выступая за мирное разрешение всех споров и разногласий. Республика Афганистан отказывалась от каких-либо агрессивных, захватнических планов по отношению к другим государствам. Она выступала за равноправное сотрудничество со всеми государствами, в первую очередь с соседними странами, за строгое соблюдение суверенитета и невмешательство во внутренние дела других стран, строгое соблюдение Женевских соглашений.

Вместе с тем Республика Афганистан отдавала себе отчет в том, что мир и национальное примирение зависят не только от нее. И до тех пор, пока непримиримые силы оппозиции и их иностранные вдохновители не отказались от своих авантюристических планов свержения существующего строя, продолжения военных действий и угроз расправы со всеми, кто поддерживает Республику Афганистан, у нее нет другого выхода, как продолжать защищать свою Родину, свои города, кишлаки, дома и свои семьи. Наджибулла отметил также, что на пути революционных преобразований было допущено немало ошибок, негативных явлений. Но принципиальные идеи освобождения народа и развития его по пути прогрессивных преобразований мы будем продолжать отстаивать и защищать, в том числе и вооруженным путем. Политическая сторона военной доктрины предусматривала также, что защита Отечества является задачей не только Вооруженных Сил, но и делом всей партии, всего народа, всего общества. Поэтому с учетом чрезвычайного положения в стране требовались дополнительные меры по мобилизации для решения оборонных задач всей экономики страны и транспорта.

Говоря о военно-технической стороне военной доктрины, президент Наджибулла отметил, что стратегическая обстановка в стране продолжает определяться двумя важнейшими обстоятельствами. С одной стороны, более решительными военно-политическими и стратегическими целями контрреволюционных сил, связанных со свержением существующего строя и захватом власти в Афганистане, а не только с партизанскими действиями по дестабилизации обстановки в стране, как это было в прошлом. В связи с расширением социально-экономической базы оппозиции

в стране и военной помощи со стороны США, Пакистана и Саудовской Аравии возрастают ее экономические и военные возможности, что приводит к увеличению размаха военных действий.

С другой стороны, после вывода советских войск с территории Афганистана ВС РА приходилось самостоятельно решать более сложные, чем прежде, оборонные задачи при существенном сокращении военных сил, противостоящих оппозиции. Вместе с тем, по мнению президента, вывод советских войск и открытое вмешательство Пакистана ослабили политические позиции контрреволюции, ибо была выбита почва из-под идеологии «джихада» (священной войны против «неверных»), что одновременно способствовало повышению авторитета афганского правительства, консолидации патриотических сил, вынужденных бороться не только с внутренней оппозицией, но и с иностранной агрессией.

В создавшихся условиях основным и наиболее целесообразным способом действий правительственных вооруженных сил могла быть стратегическая оборона с решительным сосредоточением основных усилий для решения главных задач по разгрому наиболее угрожающих группировок противника по частям. Особое внимание уделялось прочному удержанию районов Джелалабада, Хоста, Гардеза, Газни и Кандагара путем ведения активной обороны.

Одна из важнейших задач состояла в отказе от пассивных действий, активизации боевых действий войск.

Для успешного противодействия оппозиции требовалось продолжать совершенствовать строительство вооруженных сил и управление ими.

С учетом условий военного времени были необходимы дополнительные меры по повышению боевой готовности войск, их боевого настроя и бдительности, улучшению призыва и подготовки пополнения. Президент признал, что одним из самых слабых мест организации вооруженных сил является их разделение на три ведомства: армия (войска Министерства обороны, войска МГБ (в т. ч. гвардия) и войска МВД («Царандой»). Но президент был вынужден сохранять все эти структуры в качестве противовеса их друг другу главным образом по внутриполитическим соображениям.

С учетом всего этого президент требовал совершенствовать систему управления военными структурами.

Во-первых, больше проявлять заботы об интересах дела в целом. Преодолевать узковедомственный подход.

Во-вторых, поднимать роль генштаба как органа управления

не только Министерства обороны, но и Ставки ВГК. Он должен был координировать действия войск всех ведомств при ведении ими боевых действий.

Было выдвинуто требование, чтобы соединения и части всех ведомств в районах боевых действий полностью подчинялись командирам соответствующих корпусов и дивизий, которые по отношению ко всем войскам должны были выступать как представители Ставки Верховного Главнокомандования в зонах своей ответственности.

Верховным Главнокомандующим было приказано организовать в войсках непрерывную боевую подготовку, особенно по подготовке танкистов, артиллеристов, водителей и других специалистов. Требовалось с одной стороны улучшить работу учебных центров, сократить в них сроки обучения, своевременно направлять туда пополнение. С другой стороны обучать людей в каждой части и подразделении, самим готовить специалистов. Обращено внимание на необходимость проявления заботы о состоянии вооружения и техники. Принимались и другие меры для поддержания боеспособности афганских вооруженных сил на необходимом уровне.

При всех недостатках в работе афганского руководства в 1989–1990 гг., в большинстве случаев удавалось предвидеть назревавшие наиболее серьезные угрозы и заблаговременно принимать меры по их предотвращению. В последующем эта сторона дела начала отходить на второй план. А любые пожары легче предотвратить, чем заниматься их тушением.

В соответствии с изложенным основная стратегическая цель вытекала из политики национального примирения РА с тем, чтобы, опираясь на мирные чаяния афганского народа и сплочение всех патриотических сил, добиться стабильности обстановки в стране мирными политическими средствами; вместе с тем продолжать давать еще более решительный отпор пакистанской агрессии и «непримиримым» оппозиционным силам, стремящимся свергнуть существующий строй в Республике Афганистан и силой навязать народу свои экстремистские цели, до конца защищать честь и независимость своей Родины. Главная задача вооруженных сил состояла в том, чтобы закрепить достигнутые успехи, продолжать прочно удерживать занимаемые районы и рубежи, решительными, активными действиями расширять зоны влияния и срывать наступательные и провокационные действия противника.

Основным способом действий вооруженных сил определялась стратегическая оборона с решительным сосредоточением основных усилий (особенно авиации, ракет, резервов,

боеприпасов) для решения главных задач по разгрому наиболее угрожающих группировок противника по частям. При этом требовались упреждающие авиационные, ракетные и артиллерийские удары по сосредотачивающимся группировкам противника до их перехода в наступление. Особое внимание уделялось прочному удержанию районов Джелалабада, Хоста, Гардеза, Газни, Кандагара, Кундуза, Файзабада, Зебага и коммуникаций к северу и югу от Кабула путем ведения активной обороны.

Одновременно на случай прорыва противника на Джелалабадском и Хостском направлениях предусматривалось подготовить в глубине дополнительные оборонительные рубежи. При нанесении противником удара на Логар и Кабул в обход Джелалабада и Хоста планировалось ударами ракет, авиацией и артиллерией сорвать выдвижение и организовать оборону на дальних подступах к городу Кабулу.

Примерно по такому же принципу имелось ввиду организовать активную оборону Кандагара, Герата, Мазари-Шарифа, Кундуза, Баграма и других гарнизонов.

Во всех гарнизонах и районах требовалось совершенствовать систему огня и инженерное оборудование, улучшать материальное обеспечение личного состава. Президент приказал особое внимание уделить устройству и материальному обеспечению передовых постов, выдвинутых на господствующие высоты.

Для успешного решения всех задач большое значение имела надежна? охрана и обеспечение функционирования дорог Хайротон — Кабул и Кабул — Джслалабад, Кабул — Гардез. С этой целью для всех соединений и частей, выделенных для охраны и обороны дорог, предусматривалось определить не только участки дорог, но и определенные зоны обороны, чтобы они занимались не только отражением непосредственного нападения противника на посты, но и вели разведку, наносили огневое поражение противнику еще на подступах к этим дорогам, активными действиями срывали нападение противника. В целях активизации обороны намечалось подготовить условия для нанесения крупных контрударов и перехода в наступление с целью разгрома важнейших группировок противника и расширения территории контролируемой государственной властью.

Планировалось до конца 1990 г. подготовить следующие операции с целью разгрома основных группировок противника, срыва его наступательных действий и расширения зон обороны.

а) *в районе Кабула:* — продолжая боевые действия в районе

Пагмана, подготовить операцию силами двух дивизий в районе северо-западнее Кабула (Шакардара, Пагман) с задачей завершить разгром группировки противника в этих районах, овладеть господствующими высотами и воспретить обстрелы Кабула с этих направлений. Срок готовности 01.07.90 г.

— операцию силами 1-й пехотной дивизии и резервов Министерства обороны из района Кабула и 40-й пехотной дивизии из районов Баграма с задачей разгрома противника, овладения господствующими высотами и недопущения обстрелов Кабула и Баграма из этих районов.

К проведению каждой из этих операций в районе Кабула намечалось привлечь до 100–150 самолетовылетов боевой авиации и 70–80 орудий и минометов, артиллерию соответствующих дивизий.

б) *в районе Джелалабада:* операцию по разгрому противостоящих группировок противника;

— восточнее Самархейла силами армейского корпуса и частей гвардии и с задачей продвинуться на глубину 10–15 км на подступы к Газиабаду и овладеть господствующими высотами на подступах к Джелалабаду.

Готовность — середина июля 1990 года.

— на Сорхрудском направлении силами частей МВД при поддержке 15-й танковой бригады и артиллерии с задачей разгромить группировку противника, продвинуться на глубину 5–6 км и перекрыть пути подвоза противника из района Дарунта и вост. Суруби.

Готовность — август 1990 года.

Для поддержки каждого из этих контударов выделялось 80–100 самолетовылетов боевой авиации.

— в) *в районе Хоста:* подготовить две контратаки силами частей Гвардии, резерва 25-й пехотной дивизии и погранбригады с задачей разгромить группировки противника, овладеть горой Торигаригар, Харсин и продвинуться на 5–6 км к югу и востоку от аэродрома, улучшить тактическое положение войск и воспретить обстрелы противником аэродрома.

Готовность — 05.09.90 г.

Контратаки поддержать 60–80 самолетовылетами боевой авиации.

— г) *в районе Кандагара:* провести контрудар силами 2-го армейского корпуса к югу от аэродрома с задачей разгромить противостоящую группировку противника, продвинуться на глубину до 25–30 км, овладеть более выгодным рубежом и полностью обезопасить кандагарский аэродром.

Контрудар поддержать 150–160 самолетовылетами боевой

авиации.

Готовность — к концу сентября 1990 года.

— д) *в районах Шинданд, Герат, Мазари-Шариф, Кундуз, Баглан, Джабаль-Уссорадж, Баграм, Саланг* и других гарнизонах провести ряд боевых действий с целью разгрома наиболее опасных групп мятежников, нейтрализации или привлечения на сторону госвласти других отрядов моджахедов и расширения зон, контролируемых правительственными войсками.

Оперативной группе «Север» поручалось провести операцию с задачей овладения центром провинции Тахар — г. Талукан.

— е) планировалось также провести ракетно-авиационную операцию с задачей уничтожения важнейших объектов, ослабления группировок противника и срыва его наступательных действий.

— *вокруг Кабула и Баграм* — в августе с привлечением по 150 самолетовылетов и 15–20 ракет «Луна».

— *в районах Саланга и Бадахшана* в сентябре 1990 года с задачей ослабления группировок ИОА и срыва их попыток активизации военных действий против Кундуза, Файзабада, Зебака коммуникации Кабул — Хайротон.

К проведению операции привлекалось 120 самолетовылетов, 10–12 ракет Р-300 и 5–6 ракет «Луна» (из района Баграма).

— *в районах вост. Суруби, Джелалабада* и Хоста по мере выявления наступательных группировок противника в зависимости от обстановки.

— *в районах Гардез и Газни* в сентябре-октябре 1990 года с задачей ослабления группировок противника и срыва их наступательных действий на эти города.

— намечалось завершить наступательные действия с целью разгрома противостоящей группировки противника, прорыва правительственных войск и проводки автоколонны с материальными запасами в Калат, организовать непрерывное функционирование дороги Герат — Кандагар.

Все эти крупные операции и бои предполагалось сочетать с активными действиями в тылу противника диверсионно-разведовательных групп и засадными действиями.

В результате всех этих операций планировалось к концу года подготовить условия для перехода в наступление на Джелалабадском, Хостском, Кандагарском направлениях с целью выхода на госграницу и расширения зоны обороны в других районах.

В течение 1990 года основные усилия командования и штабов были сосредоточены на планировании и организации выполнения перечисленных выше задач и боевых действий. В основном была

выполнена задача по удержанию занимаемых оборонительных рубежей и крупных населенных пунктов. Разгромлены крупные группировки вооруженной оппозиции и захвачены господствующие высоты северо-восточнее и северо-западнее Кабула. Нанесено поражение группировке противника в районе Логара (южнее Кабула) и восстановлены коммуникации, ведущие к Гардезу. В результате этой операции удалось осуществить проводку колонн (400–500 машин) с боеприпасами, горючим и продовольствием из Кабула в Гардез. Были улучшены позиции правительственных войск к северо-западу и к юго-западу от Джелалабада. Расширены зоны контроля правительственных войск в районах Кандагара, Герата и Баглана. Подготовка и проведение других операций продолжались. Как и прежде решение всех этих задач требовали неоднократного выезда в районы боевых действий, постоянного подталкивания и напора с целью своевременной подачи резервов, боеприпасов и других материальных средств, организации действий авиации и артиллерии.

Но мне не суждено было до конца участвовать во всех этих делах. Мне было приказано вернуться в Москву. На мое место прибыл генерал-полковник Грачев Николай Федорович, которого я знал как хорошего начальника штаба Прикарпатского военного округа, командующего войсками военного округа. В последнее время перед прибытием в Афганистан он был заместителем начальника гражданской обороны СССР.

Короче говоря, жизнь, в том числе и в Афганистане, шла своим чередом, по предначертанным историей путям, и, конечно, никто из нас не предполагал, что Республика Афганистан так быстро рухнет под обломками развалившегося Советского Союза.

Глава V
Важнейшие события и боевые действия

1. Оборона Кабула

Для судеб Республики Афганистан особое значение имело удержание столицы государства. Потерю, скажем Джелалабада, Кандагара или Герата тяжело, но как-то еще можно было бы пережить, но с падением Кабула рушилось все государство, возникшее после революции 1978 г. Моджахеды, судя по всему, понимали это и придавали большое значение захвату Кабула. Но, видимо, в какой-то степени и недооценивали возможность и значение решения этой задачи. Если бы они в самом начале 1989 г. не распыляли свои силы по всей стране и договорились между собой о сосредоточении главных усилий для более прочного блокирования и овладения Кабулом, то они имели бы серьезные шансы на успех.

Но как стало ясно позднее, вооруженная оппозиция не собиралась брать Кабул штурмом. Главную ставку она делала на подрывные действия, на своих сторонников внутри города. Цель состояла в том, чтобы перетянуть на свою сторону некоторые посты на подступах к городу, вызвать мятеж и волнения внутри города и в этой обстановке внезапно скрытно проникнуть в город и захватить его важнейшие объекты. Такая акция могла иметь успех сразу после ухода советских войск. Но моджахеды решили нанести первый удар по Джелалабаду и время было упущено.

Но по прибытии в Кабул в начале февраля 1989 г. мы ожидали наихудшего. Во всяком случае нельзя было исключить и прямого наступления на город в сочетании с подрывными действиями, поскольку в тот период моджахеды имели для этого благоприятные возможности. Поэтому в первую очередь занялись изучением охраны и обороны Кабула. Еще до того, как покинул Афганистан генерал Варенников, я вместе с начальником Кабульского гарнизона генералом А. Лудином выехал на передовые позиции северо-западнее Кабула. Меня привезли на хорошо оборудованный участок обороны, который был подготовлен еще советскими войсками, как образцовый опорный пункт, и его показывали всем высокопоставленным руководителям во время их наездов в Кабул. Было видно, что он

недавно обновлен. Как мне объяснили, эту оборонительную позицию готовили для показа генералу Д. Т. Язову во время его посещения Кабула в январе 1989 г., но он так туда и не приехал.

Мы с генералом А. Лудином побывали и на некоторых других оборонительных позициях. Как и следовало ожидать, последние по своему инженерному оборудованию мало были похожи на образцовый участок и даже там, где были оборудованы подразделениями 40-й армии, начали разрушатся. Железные печки вывезли в Кабул. Некоторые блиндажи были почему-то разобраны. Из-за отсутствия топлива обшивки траншей и деревянные перекрытия использовались для разведения костров, приготовления пищи и обогрева личного состава. Часть древесных материалов целыми связками и на машинах отправлялись на городские рынки для продажи.

Но самым удивительным и неожиданным для меня оказалось то, что на многих оборонительных позициях и постах почти никого не было. Даже на «образцовом опорном пункте» с трудом, после длительного поиска, мы нашли одного солдата, который, забаррикадировав вход в блиндаж железными кроватями, спал в углу на полу. Свое оружие и еще несколько автоматов он спрятал под кучей матрасов и подушек. Выяснилось, что данный пост должен оборонять взвод, в котором числилось 12 человек. По словам этого солдата командир взвода еще вчера убыл по вызову командира роты, взяв для своего сопровождения нескольких солдат. Остальные солдаты ушли в соседний кишлак для покупки продуктов. Кстати, когда мы проехали к тому месту, где должен был находиться командир роты, мы там застали только двух связистов, которые сказали, что командир роты убыл к командиру батальона. Примерно такая же картина была и на других участках.

Генерал А. Лудин заверил меня, что просто мы приехали в неподходящее время и все, что мы видели, это случайное стечение обстоятельств. Откровенно говоря, я был в тревоге. Но генерала Варенникова не стал расстраивать подробностями увиденного. Было просто неудобно после первой же кратковременной поездки делать какие-то обобщающие выводы, да еще перед самым его отъездом из Кабула. Теперь ответственность за все это лежала на мне и надо было самому, не полагаясь ни на кого, вместе с афганским командованием более основательно разбираться с положением дел.

Но задача организации обороны Кабула оказалась более запутанной и сложной, чем мы предполагали. Главная трудность состояла в том, что после снятия с обороны Кабула советских частей у афганского командования не было достаточных сил и

средств для надежной охраны и обороны Кабула. Дело усугубилось тем, что еще накануне вывода советских войск президент Наджибулла, не доверяя армейским частям, вывел из Кабула и направил в Джелалабад основные части 1-го армейского корпуса, которые казалось бы составляли основную силу, оборонявшую Кабул, о чем нам пришлось разговаривать с председателем КГБ В. А. Крючковым перед моим убытием в Афганистан.

В этих условиях еще до окончания ухода советских войск из Кабула были наспех сформированы части так называемой «национальной гвардии», на которых была возложена оборона Кабула. Для военнослужащих гвардии (с целью их большой заинтересованности в службе) были установлены довольно высокие оклады. Для обороны Кабула были привлечены и некоторые племенные части, перешедшие на сторону государственной власти. Поскольку в гвардии людей не хватало, приходилось направлять для обороны Кабула, некоторые части из других ведомств. Подразделения гвардии в обороне должны были поддерживать армейская артиллерия и авиация. Но все эти части, не относящиеся к гвардии, получали денежное содержание в несколько раз меньше чем гвардия, что с самого начала вызывало недовольство и различные осложнения.

Но самое парадоксальное состояло в том, что оборона Кабула была всецело возложена на гвардию, подчиненную министру государственной безопасности. Чувствовалось, что такое решение принято с подачи представителей нашего КГБ, которые больше заботились о внутренней безопасности президента, чем об угрозе Кабулу. Министр обороны, генштаб и министр внутренних дел были по существу отлучены от задач обороны Кабула. Министр обороны, например, отказывался выделять артиллерию, авиацию и свои резервы для обороны Кабула. Начальник Кабульского гарнизона, которого в последующем назвали командующим обороны Кабула, не имел никаких сил и средств, которые бы полностью ему подчинялись. Даже частями гвардии он не мог распорядиться без ведома министра госбезопасности.

Таким образом дело оказалось таким запутанным, что хотя в Кабуле и имелись силы (до 60 тыс. военнослужащих), но использовать их для обороны города было невозможно. Получилось, что за оборону города, кроме президента и начальника гвардии, никто не отвечал. На каждом заседании Ставки Верховного Главнокомандующего все перечисляли недостатки обороны города и никто за них не отвечал.

Было ясно, что оставлять в таком виде организацию обороны Кабула нельзя. Нужно было как-то развязывать этот искусственно

запутанный узел, который парализовал управление, сковал имеющиеся силы и средства и делал столицу государства по существу беззащитной. С учетом сложившегося положения были рассмотрены и обсуждены различные варианты решения задачи. Была возможность поручить оборону города армии, подчиненную министру обороны, но этого из-за политического недоверия не хотел президент. С целью привлечения к обороне Кабула армейских частей попытались сделать командующего обороной Кабула заместителем министра обороны, но все равно последний не разрешал ему распоряжаться армейскими частями, тем более, что он был человеком президента и министр обороны генералу Лудину не доверял. Наконец прорабатывался вариант, по которому предлагалось оборону Кабула выделить в отдельную военную структуру, не подчиненную ни одному из силовых министерств, выделив для нее необходимые войска из ведомств и наделив командующего обороной Кабула функциями первого заместителя Верховного Главнокомандующего вооруженными силами республики. Но в этом случае для новой структуры, становящейся еще одним самостоятельным военным ведомством, нужно было создавать свои тылы, базы снабжения, части обеспечения и другую инфраструктуру, на что реально не было необходимых сил и средств.

К тому же такая сложная реорганизация могла стать одним источником противоречий, конфронтации, еще больше осложняя и без того ненадежную оборону афганской столицы.

При проработке этих вариантов и поиске оптимального решения пришлось по многу раз встречаться с президентом, с его заместителями, министрами военных ведомств, начальником генштаба, нашими представителями при этих ведомствах.

Вопрос обороны Кабула не раз обсуждался и на заседании Ставки Верховного Главнокомандующего. После мучительных поисков и долгих споров по нашему предложению было бы принято решение разделить оборону Кабула на три зоны, поручив их оборону войскам министерства обороны, министерства внутренних дел и министерства госбезопасности. В таком решении тоже были свои слабые места, ибо дело обороны Кабула надо было в конечном счете объединять Верховному Главнокомандующему. Командующим обороной Кабула был назначен вице-президент, первый заместитель Верховного Главнокомандующего генерал Рафи, который должен был управлять войсками, опираясь на штаб гарнизона.

Но положительная сторона принятого решения состояла в том, что каждый из военных министров, располагавший реальными силами и средствами, нес ответственность за оборону

назначенной ему зоны. Если раньше любые требования Наджибуллы о выделении сил и средств для обороны Кабула встречало со стороны соответствующих министров бесконечные отговорки и невозможность выделить силы и средства, то теперь, имея конкретную задачу и неся ответственность за ее выполнение, каждый из них был больше заинтересован в надежности обороны своей зоны и выделении для этого необходимых войск. Во всяком случае Верховному Главнокомандующему было с кого конкретно спросить за состояние обороны.

После того, как было принято решение и отдан приказ об организации обороны Кабула, произведено распределение сил и средств, в марте 1989 года мною было предложено президенту провести под его руководством командно-штабную тренировку по обороне Кабула примерно по такой методике, как это мы обычно делали во время второй мировой войны при переходе к обороне. Был составлен план тренировки и подготовлены необходимые распоряжения с тем, чтобы сохранить в тайне распоряжения, которые предстояло отдавать, все документы мне пришлось исполнять лично самому. Перевод документов осуществлял переводчик подполковник Геннадий Клюкин.

В назначенный день рано утром мы с президентом прибыли на командный пункт гарнизона и вручили боевое распоряжение о проведении войск Кабульского гарнизона в полную боевую готовность. Затем отдавались распоряжения о нанесении ударов авиацией, открытии огня артиллерией по определенным участкам, о выдвижении резервов и военно-учебных заведений в назначенные районы и рубежи.

Офицеры нашей оперативной группы вместе с афганскими должностными лицами выезжали на места и проверяли практическое выполнение отданных распоряжений. В результате выявилась полная неподготовленность всех министерств и войск гарнизона к выполнению возложенных на них задач. Штаб гарнизона был совершенно не подготовлен к управлению войсками. Вместо коротких распоряжений и сигналов велись длительные и многословные переговоры, связь работала с перебоями. Сигналы о приведении войск в полную боевую готовность до многих соединений и частей, военно-учебных заведений, управлений центрального аппарата не были доведены.

Когда мы с президентом прибывали в некоторые учреждения и части, они жили обычной мирной жизнью и ни о чем не подозревали. Личный состав не имел оружия, не знал своих задач. На одном из учебных центров шел концерт самодеятельности. Некоторые части и учреждения не

выдвинулись на назначенные рубежи и районы или вышли с опозданием после дополнительных распоряжений и требований. Чрезмерно много времени заняли вызов авиации и огня артиллерии. Точность нанесения ударов была низкой. Выявилось немало и других недостатков.

Мы помогли президенту Наджибулле собрать и обобщить данные по проведенной командно-штабной тренировке и подготовили разбор. На разборе президент проанализировал допущенные упущения и дал конкретные указания о проведении дополнительной работы по организации обороны Кабула и проведении командно-штабных тренировок в зонах обороны всех министерств, в учреждениях и военно-учебных заведениях центрального назначения.

В последующем подобные тренировки в Кабуле проводились через каждые 2–3 месяца, что позволило добиваться более организованных и четких действий органов управления и войск. В целом ценой огромных усилий удалось добиться определенной системы и устойчивости в организации обороны Кабула. Но по-прежнему было еще много нерешенных задач и пробелов. Основная беда состояла в том, что командиры соединений и частей повседневно не занимались подготовкой подчиненных подразделений к действиям в обороне, отвлекались на посторонние дела и не поддерживали постоянную и должную боевую готовность своих соединений и частей. Вообще боевая дисциплина оставалась недопустимо низкой. Многие офицеры и солдаты ночью покидали посты, ослабляя охрану и оборону города.

Предпринимались также меры, чтобы сделать оборону Кабула более активной. Велась систематическая (правда, не всегда достаточно результативная) разведка. И при обнаружении крупных скоплений группировок моджахедов на подступах к Кабулу по ним наносились массированные авиационные и артиллерийские удары, что позволяло неоднократно срывать попытки противника предпринять наступление против войск гарнизона. Моджахеды стремились внезапными атаками (чаще всего ночью) овладеть господствующими высотами вокруг Кабула и нередко это им удавалось. Правительственные войска готовили и проводили частные наступательные боевые действия с целью восстановления утраченных позиций и расширения зоны обороны Кабула. Позже с учетом опыта организации обороны Кабула были проведены проверки и занятия по обороне в других гарнизонах и в войсках, обороняющих маршруты подвоза Хайротон — Кабул и Кабул — Джелалабад.

Особенно тяжелые бои пришлось вести в районе Пагмана

(сев. — зап. Кабула). К моменту вывода советских войск из Афганистана уездный центр Пагман и его кишлачная зона находились в руках мятежников. Правительственным войскам из-за недостатка сил не удалось занять и закрепить сторожевые посты и заставы вокруг Пагмана, занимавшиеся советскими войсками.

С февраля 1985 г. позиции мятежников сев. — зап. Кабула находились в 8-10 км от центра столицы. Ими проводились интенсивные инженерные работы по укреплению района Пагман. Мятежники перешли в районе Пагмана к жесткой, позиционной обороне.

Руководство вооруженной оппозиции рассматривало район Пагман как важный плацдарм для нападения на Кабул. Из этого района осуществлялось 60 % обстрелов г. Кабула. Группировка мятежников в уезде Пагман насчитывала около 55 групп (отрядов) общей численностью до 3,5 тыс. человек. На вооружении у мятежников имелось орудий и минометов различных калибров — около 170 ед.; пусковых установок реактивных снарядов — 75–80 ед.; средств ПВО — 140–150 ед.; до 120 ед. безоткатных орудий, противотанковых управляемых снарядов «Милан» и других противотанковых средств.

В ходе боевых действий в зону обороны Кабула из Пакистана и других районов Афганистана было дополнительно переброшено около 2 тыс. мятежников.

Практически в каждом отряде мятежников имелись арабские наемники и пакистанские советники. В районе Пагмана противник имел 25 складов боеприпасов и 20 продовольственных складов (хранилищ), оборудованных под землей и в горах и трудноуязвимых для ударов артиллерии и авиации. На этих складах и непосредственно в отрядах было сосредоточено большое количество боеприпасов, обеспечивающих ведение боевых действий в течение нескольких месяцев.

Основу оборонительных позиций мятежников составляли бетонно-каменные сооружения закрытого типа для ведения огня, наблюдения, а также подземные галереи, туннели для маневра силами и средствами и укрытия личного состава. Практически на каждой высоте ниже гребня на 100–150 м отрывались окопы и ячейки для стрелков, оборудовались позиции для средств ПВО, артиллерии и пусковые установки РС. Окопы и ячейки соединялись между собой траншеями глубиной 50–60 см. На обратных скатах высот также отрывались окопы для стрелков и небольшие пещеры (размер 5х2х1,5 м) для складов и укрытия для личного состава. Все гражданские строения были приспособлены к обороне.

Пуски реактивных и зенитных ракет осуществлялись, как правило, с выносных площадок подземных сооружений или подвижных пусковых установок, которые после пуска немедленно уходили в укрытия, расположенные в глубине.

Подступы к высотам и лощины прикрывались плотными минными полями и управляемыми по проводам и радиосигналами фугасами.

В целом противником в районе Пагмана была создана сильно укрепленная и глубоко эшелонированная оборона глубиной до 10–15 км с большим количеством огневых средств для обстрелов Кабула. Лидеры оппозиции придавали большое значение удерживанию района Пагмана.

Учитывая большую опасность для Кабула плацдарма и группировки противника в Пагмане, Ставкой ВГК было принято решение о проведении наступательных действий с целью разгрома этой группировки мятежников и освобождения центральной части Пагмана.

Боевые действия в районе Пагмана можно разделить на два этапа.

На первом этапе планировалось осуществить разгром противника на подступах к Пагману и овладеть кишлаками и рядом господствующих высот в близи захватываемых кишлаков, а также блокирование основных маршрутов подхода резервов и подвоза боеприпасов и материальных средств с южного, юго-западного и северного направлений.

На втором этапе предусматривалось блокирование ущелий Дарразаргар, Пагман, овладение господствующими высотами с севера, северо-западного и южного направлений и разгром мятежников в Пагмане и прилегающей к нему кишлачной зоне.

Наступательные боевые действия правительственных войск начались 10 апреля 1990 года. На первом этапе (10 апреля-10 мая) для выполнения этой задачи привлекались подразделения Национальной Гвардии и 10 пехотных дивизий МГБ; всего около 1,4 тыс. чел., 54 орудия и миномета, 30 танков, боевых машин пехоты и другая техника и вооружение. Боевые действия поддерживались в среднем 25–30 самолетовылетами в сутки.

На втором этапе (10 мая-26 июня) к боевым действиям в районе Пагмана были дополнительно подключены подразделения пяти батальонов МГБ, 53-й пехотной дивизии генерала Дустума, переброшенные с севера Афганистана. С началом наступления правительственных войск наиболее ожесточенные боевые действия развернулись в районах кишлаков Исахейль, Пушта и Дарразаргар. Вследствие недостатка сил и средств первоначально планировалось последовательное овладение опорными пунктами

противника после короткой артподготовки и ударов авиации в сочетании с внезапными атаками. Однако нередко части переходили в атаку не одновременно, что позволяло противнику сосредоточить огонь по наиболее активно действующим подразделениям и останавливать их наступление.

Бои за овладение кишлаками в южной части Пагмана продолжались 30 суток. За это время правительственные войска продвинулись вперед на 5–6 км окружили район Додомаст и овладели опорными пунктами в восьми кишлаках. Но им не удалось овладеть ключевым опорным пунктом, превращенным в крепость, в районе Додомаст, где мятежники в полном окружении продолжали обороняться более 15 суток, затрудняя действия правительственных войск.

Практически каждый кишлак, каждую высоту и опорный пункт приходилось брать после осады и массированного огневого бомбо-штурмового подавления противника.

Атака укрепленных оборонительных рубежей и позиций пехотой осуществлялась в пешем порядке, так как подступы к опорным пунктам имели сплошное минирование и каждая попытка атаковать на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах при поддержке танков отражалась противником. При этом подразделения не развертывались в линейные боевые порядки, действовали мелкими и отдельными группами, приспосабливаясь к местности. Такой характер боев несколько сокращал потери, но приводил к затягиванию боевых действий.

На втором этапе с подключением более крупных сил ряд наступательных действий было проведено с развертыванием подразделений в боевой порядок, когда танки действовали непосредственно в боевых порядках пехотных подразделений, поддерживая их огнем.

В результате упорных боев правительственные войска сломили сопротивление противника и продвинулись на глубину до 10–15 км. В итоге к 25.06.90 г. они завершили разгром важной группировки противника, овладели уездным центром и кишлачной зоной вокруг Пагмана.

Как и в прежних наступательных действиях в других районах Афганистана, правительственные войска в боях за Пагман шли в атаку только при практически полном огневом подавлении противника. При малейшем сопротивлении со стороны мятежников наступление останавливалось и возобновлялось только после дополнительной огневой подготовки и под большим нажимом и принуждением.

Опыт боевых действий еще раз подтвердил, что при большой

насыщенности обороны противотанковыми средствами, успешное применение танков и боевых машин пехоты в наступлении возможно только при надежном огневом подавлении обороны противника и стремительном их движении в атаку от укрытия к укрытию. Эффективность артиллерийского огня и ударов авиации снижалась из-за слабой разведки, а также действий авиации с высот 5–7 км. При большем снижении самолетов они поражались переносными зенитно-ракетными установками противника, выявление и уничтожение которых в подземных сооружениях оказалось весьма сложной задачей.

Создание импровизированных разведывательно-ударных комплексов (разведывательный самолет Ан-30 с артиллерийскими наблюдателями и авианаводчиками и дежурное звено ударных самолетов) позволяло более оперативно выявлять и наносить бомбо-штурмовые удары и вести артогонь по огневым средствам мятежников. С целью затруднения противнику подвоза боеприпасов широко применялось минирование местности авиацией и артиллерией.

Сравнительно высокую боевую выучку показала артиллерия. Учитывая необходимость поражения целей как на передних, так и обратных скатах высот создавались смешанные артиллерийские группы, включающие в себя пушки, гаубицы и минометы. Отсутствие средств засечки реактивных снарядов и других огневых средств противника в условиях горной местности затрудняло ведение контрбатарейной борьбы.

В условиях разряженного горного воздуха увеличивалась дальность стрельбы артиллерии: 120 мм минометов — с 5,4 до 7,2 км; реактивных систем «Ураган» — с 34 до 41 км, 122 мм гаубиц с 15,4 до 17,2 км.

Всего в районе боевых действий подвергалось поражению артиллерией 89 опорных пунктов противника общей площадью 289 га, артиллерийских батарей групповых огневых точек — 9, пунктов управления — 11. Авиация наносила удары по объектам в глубине.

За период боевых действий израсходовано около 3,3 тыс. авиабомб и 66 тыс. снарядов, что в основном подтверждало нормы расхода боеприпасов, установленных в Советской Армии для поражения укрытой живой силы и огневых средств противника (150 снарядов на один га).

Потери составили: — правительственных войск: убито — 51 чел.; ранено — 330 чел. в т. ч. 65 офицеров; попало в плен, дезертировало и пропало без вести — 20 чел.; уничтожено — 19 ед. БТТ (танков — 7, БТР — 8, БМП — 4), самолетов — 6, десятки единиц стрелкового оружия.

В вооруженной оппозиции (по данным радиоперехватов): убито — около 400 чел.; ранено — свыше 1000 чел.; уничтожено 29 складов с боеприпасами и другими материальными средствами.

Правительственными войсками захвачены трофеи:

2,8 тыс. реактивных снарядов, свыше 150 ящиков боеприпасов к стрелковому оружию 2,5 тыс. снарядов к безоткатному орудию и мин к минометам, 5,6 тыс. выстрелов к ручным противотанковым гранатам, 20 пусковых реактивных снарядов.

В целом афганским командованием разгрому противников в районе Пагмана придавалось большое политическое и военное значение, поскольку к боям в этом районе было приковано внимание не только в Афганистане, но и за рубежом. Был ликвидирован важный плацдарм мятежников для нападения и обстрелов Кабула. Правительственные войска, несмотря на допущенные недостатки, сделали еще один шаг в приобретении опыта по ведению наступательных боевых действий по овладению сильно укрепленными оборонительными позициями противника.

В течение второй половины 1989 и в 1990 г. подобные ожесточенные боевые действия шли также на юго-восточных и южных подступах к Кабулу.

Одной из самых сложных задач было предотвращение обстрелов Кабула реактивными снарядами. Обстрелы эти периодически происходили и во время нахождения советских войск в Афганистане.

Но во второй половине 1989 года обстрелы города усилились. Снаряды практически не наносили ущерба военным объектам и, разрываясь в различных частях города, вызывали большие потери среди мирного населения. Главная цель этих варварских массированных обстрелов города состояла в том, чтобы вызывать недовольство населения, а путем обстрела Кабульского аэродрома, сорвать доставку грузов из СССР. Обстрелы Кабула подрывали авторитет правительства, показывали беспомощность военного командования по защите населения. Практически после каждого обстрела проводились расследования и разбор почему стал возможен обстрел, кто и почему его допустил.

Прежде всего были приняты меры по усилению агентурной, воздушной и войсковой разведки в зоне Кабула и прилегающих провинциях. Для ведения разведки и корректирования огня артиллерии создана разведывательная корректировочная эскадрилья (6 вертолетов), проведены месячные сборы офицеров-корректировщиков. Периодически проводилось воздушное фотографирование расположения противника. Создана сеть

общевойсковых и артиллерийских НП в частях и в масштабе гарнизона с первоочередной задачей по выявлению и засечке РС (реактивных снарядов) противника. Были даны указания по укомплектованию и техническому оснащению разведподразделений дивизии, обороняющих Кабул и освоение ими полученных из СССР в 1989 г. боевых разведывательных машин. Для своевременного огневого поражения установок реактивных снарядов и других огневых средств противника было организовано боевое дежурство авиации, артиллерии. Производилось дистанционное минирование путей подхода противника на подступы Кабула.

По мере выявления крупных сосредоточений противника периодически осуществлялись огневые удары с массированным применением ВВС, ракет «Луна», артиллерии с задачей надежного поражения важнейших группировок войск противника и его реактивных систем.

Были поставлены задачи по систематическим действиям разведгрупп, устройству засад в тылу противника, проведению чисток от террористических групп расположения своих войск. Организована работа по боевому слаживанию системы управления разведкой, действиями авиации и артиллерии в Кабульском гарнизоне.

Были также приняты меры по рассредоточению самолетов на Кабульском аэродроме, усилению пропускного режима, ускорению разгрузки прибывающих самолетов, начато строительство укрытий для самолетов.

Советскими представителями проведен ряд практических занятий с афганскими командирами по организации разведки и управлению войсками при выполнении задач по недопущению обстрелов Кабула.

В итоге всей этой работы правительственным войскам в основном удавалось выявлять и наносить ощутимые удары по важнейшим группировкам противника и срывать намечаемые им массированные обстрелы города. Имелись достоверные данные о больших потерях противника, о срыве ряда массированных его обстрелов. Из более 3-х тысяч реактивных снарядов, доставленных мятежниками в окрестности Кабула, они смогли использовать для обстрела Кабула не более 20–25 %.

В очень сложных условиях, но обеспечивалось в основном бесперебойное функционирование воздушного моста из СССР в Кабул.

Но полностью предотвратить обстрелы Кабула не удавалось, как это не удавалось полностью и в прежние годы. Это объяснялось в основном двумя обстоятельствами. Во-первых,

большая часть территории в провинциях, прилегающих к г. Кабулу, уже многие годы находилась в руках мятежников. Во многих районах ими были созданы укрепленные базовые районы с подземными сооружениями для пуска реактивных снарядов. Все шире использовались подвижные установки с дальностью от 30 до 60 км, которые базировались на глубине от 50 до 100–150 км, откуда быстро выдвигались на огневые позиции и после пуска немедленно уходили в заранее подготовленные укрытия. Понесенные противником потери в огневых средствах систематически пополнялись за счет подвоза с территории Пакистана.

Во-вторых, войска Кабульского гарнизона располагали значительно меньшим количеством разведывательных средств, чем это было при нахождении в Афганистане 40 армии. Афганскими войсками недостаточно эффектно использовались и имеющиеся разведывательные и огневые средства, а вновь поступившие из СССР еще полностью были ими не освоены. Некоторые разведывательные группы, направляемые в тыл противника, действовали чрезмерно робко и не всегда выполняли поставленные задачи. Не всегда четко осуществлялось боевое дежурство, допускались серьезные недостатки в управлении войсками. В ходе решения задач по обороне Кабула пришлось обратить внимание афганского командования и на необходимость усиления противовоздушной обороны. При наличии в Афганистане советских войск и в условиях полного господства в воздухе эта задача не имела особого значения.

Но за 1988–1989 гг. на сторону моджахедов перелетело 11 самолетов и вертолетов правительственной авиации. Все это говорило о возникновении угрозы нанесения внезапных воздушных ударов по Кабулу и другим городам. В связи с этим в июне 1989 г. мы вместе с афганскими генералами и офицерами провели проверку состояния соединений и частей противовоздушной обороны, расположенных в Кабуле. Оказалось, что афганские части ПВО, длительное время не испытывая угрозу со стороны воздушного противника и будучи заброшенными, постепенно потеряли свою боеспособность. Из частей ПВО забрали значительную часть личного состава для посылки пополнения в Джелалабад, Хост и другие районы. Часть радиолокационных и зенитных комплексов были неисправными. Управление силами и средствами ПВО должным образом не организовано. Пришлось в течение 2–2,5 месяцев основательно поработать, чтобы привести систему противовоздушной обороны Кабула, Мазари-Шариф, Герата, Кандагара, аэродромов Баграм и Шиндант в более или менее боеспособное состояние.

Одновременно министерства госбезопасности и внутренних дел, командование гарнизона проводили большую напряженную работу по пресечению подрывных действий противника внутри города. Несмотря на принятые меры, моджахедам удавалось внедрить в городе свою агентуру, которая проводила антиправительственную пропаганду среди населения. Нередко они подкупали личный состав постов, выставленных на окраинах города, проникали вглубь обороняющихся частей и обстрелами их с тыла, пытались вызвать панику. Систематически устраивали взрывы в людных местах и другие диверсии. Хотя не мало таких подготавливаемых акций своевременно выявлялось и предотвращалось.

В целом на протяжении 1989–1990 гг. оборона Кабула была у афганского командования на первом плане. Большая и напряженная работа, несмотря на все неполадки и многие недостатки, дала и положительные результаты. Правительственные войска не только удержали позиции, занимаемые до ухода советских войск, но и частично расширили зону обороны Кабула. Хотя не удалось полностью предотвратить обстрелы города и различные провокационные диверсии, да и внутри города постоянно шла скрытая и явная ожесточенная борьба между сторонниками Республики Афганистан и противостоящими им силами.

2. Джелалабад

Джелалабадское сражение было первым наиболее крупным сражением, навязанным правительственным войскам моджахедами, после ухода советских войск.

План вооруженной оппозиции состоял в том, чтобы сразу же после убытия советских войск из Афганистана овладеть Джелалабадом, разместить там оппозиционное правительство и развернуть широкое наступление против режима Наджибуллы по всей стране.

Как стало известно позднее, главную ставку они делали на неустойчивость некоторых частей 1-го армейского корпуса, где многие офицеры и солдаты, оскорбленные тем, что их удалили из Кабула, проявляли большое недовольство. В частности, по всей видимости у лидеров оппозиции была определенная договоренность с некоторыми офицерами 11-й пехотной дивизии, обороняющей Джелалабад с востока. Сдача господствующих высот на этом направлении сразу выводила отряды моджахедов к аэродрому и другим важным объектам города. Части 11-й

пехотной дивизии действительно сопротивления противнику не оказали. Эта дивизия с началом наступления противника практически перестала существовать. 35 чел. во главе с командиром дивизии вырвались из окружения. Основная часть личного состава капитулировала. Командир 1-го армейского корпуса генерал Баргзай погиб в бою. Все же командованию гарнизона удалось перебросить подразделения с двух направлений и временно остановить продвижение противника. Для руководства обороной города в Джелалабад был направлен в качестве представителя Ставки ВГК — начальник Генштаба генерал Асеф Делавар. В этот момент оппозиционные силы промедлили и своевременно не ввели в бой дополнительные силы, ожидая, что и другие подразделения, защищающие Джелалабад, перейдут на их сторону, но просчитались. Это дало возможность кабульским властям выиграть время и принять некоторые контрмеры.

Но и в Кабуле события развивались довольно драматическим образом. Дело в том, что защитникам Джелалабада надо было срочно оказывать помощь путем посылки туда резервов, пополнения и дополнительного количества боеприпасов. Резервов в Кабуле было немного. Но можно было послать 15 танковую бригаду (20–30 танков) и остатки так называемой 37-й десантно-штурмовой бригады (300–400 чел.), которая представляла из себя по существу обычный пехотный батальон.

Но министр обороны Танай и наш главный военный советник генерал-полковник М. М. Соцков выступили против этого. Они обосновывали это тем, что противник специально хочет выманить из Кабула силы правительственных войск и тем самым ослабить оборону столицы и затем овладеть ею. Я настойчиво и твердо отстаивал необходимость немедленной посылки войск на усиление Джелалабада. При этом исходил из того, что Джелалабад ни при каких обстоятельствах сдавать нельзя и надо удерживать его всеми имеющимися силами и средствами.

Во-первых, взятие Джелалабада и обоснование там оппозиционного правительства существенно изменило бы всю военно-политическую обстановку в Афганистане в пользу моджахедов. Это могло привести к целому ряду сдач оборонительных позиций и городов, переходу на сторону противника некоторых частей правительственных войск и события обрушивались бы как снежный обвал. Республика Афганистан была в таком состоянии, что ей нельзя было терпеть ни одного серьезного поражения. Любое такое поражение вело к общему поражению. Это подтвердили и последующие события 1990–1991 гг., когда сдача Хоста и откол северных провинций

от Кабула в короткий срок привели к падению режима Наджибуллы. Во-вторых, со взятием Джелалабада, который всегда считался воротами в Афганистан, для моджахедов открывалась дорога на Кабул. Можно было бы попытаться создать промежуточные оборонительные рубежи между Джелалабадом и Кабулом, но было ясно, что в полевых условиях, не опираясь на крупные населенные пункты, правительственные войска не в состоянии обороняться, их просто невозможно будет заставить жить и воевать длительное время в полевых условиях. Поэтому выход основных сил оппозиции к Кабулу был бы неизбежен. Но это в корне изменило бы обстановку и усилило антиправительственные настроения среди населения и в войсках.

В-третьих, дело представлялось таким образом, что для удержания Джелалабада потребуется меньше сил и средств чем для обороны Кабула, когда к нему подойдут силы с других направлений. К тому же Джелалабад притягивал к себе значительные силы оппозиции, облегчая участь Кабула.

Военно-политическое значение удержания Джелалабада хорошо понимал и президент Наджибулла. И надо отдать ему должное в том, что он, несмотря на противодействие, довольно быстро принял решение о направлении резервов в Джелалабад и твердо проводил его в жизнь. В частности, 15-я танковая бригада и 37-я десантно-штурмовая бригада были немедленно отправлены в Джелалабад. Правда, до прибытия туда более половины личного состава разбежалась. Но даже та часть подразделений, которая прибыла в Джелалабад, помогла несколько укрепить позиции защитников города. Само прибытие помощи из Кабула укрепляло их моральный дух.

Но дело осложнялось тем, что моджахеды продолжали атаковать Джелалабад с разных направлений. Они тоже несли немалые потери, но не останавливались ни перед чем, ибо понимали, что провал их наступления тоже имел бы для них тяжелые последствия.

Более 2-х месяцев продолжались бои в Джелалабаде. После каждого прорыва или иного осложнения обстановки раздавались отчаянные просьбы о помощи. Каких-либо цельных частей для отправки в Джелалабад уже не было. Разъезжая по разным районам Кабула вместе с афганскими генералами (чаще всего с генералами Рафи или Делаваром), я пытался найти неиспользованные резервы. Так в один из дней оказался в большом ремонтном заводе. Там обнаружили около 70 неисправных танков, боевых машин пехоты и бронетранспортеров, свыше 100 артиллерийских орудий и немало другой техники. Завод стоял вследствие того, что была

повреждена линия электропередачи, подающая электроэнергию на этот завод. Многие рабочие завода ушли с завода поскольку им не давали ни муки, ни денег. Ситуация с заводом изображалась как безвыходная. Я предложил президенту поехать на этот завод.

Ознакомившись с ним, он на месте отдал все необходимые распоряжения о восстановлении линии электропередачи, ускоренном ремонте вооружения, наборе личного состава с тем, чтобы сформировать еще одну танковую бригаду, артиллерийский и пехотный полки. Мы каждый день следили за выполнением указаний президента, оказывая постоянный нажим на министра энергетики, министерство обороны и другие органы. Затем, когда были сформированы части, на полигоне проводили их боевое слаживание и отправляли в Джелалабад.

Кроме того, в этот гарнизон для восполнения потерь отправлялся личный состав, переброшенный из Мазари-Шариф, Герата и других районов.

Получалось таким образом, что министр обороны оказывался прав в том отношении, что Джелалабад высасывал последние силы из Кабула. Но приходилось идти на риск и решать задачу до конца.

В частности, генерал Танай весьма болезненно реагировал на то, почему мы с начальником Генштаба без его ведома поехали в подчиненные ему части и главным образом, конечно, он был недоволен тем, что президент с нашей помощью выявил его резервы, которые он тщательно прятал. Тогда трудно было понять почему министр обороны занимает такую позицию, но дело прояснилось во время мартовского путча в 1990 году. Что же, если у него был действительно сговор с Хекматьяром, он действовал логично.

Кроме усиления войск, оборонявших Джелалабад, резервами, пополнением, важную, а в ряде случаев решающую роль играли бомбо-штурмовые удары авиации по группировкам противника. Главные силы военно-воздушных сил были брошены на спасение Джелалабада. Авиация действовала с большим напряжением и ежесуточно для поддержки Джелалабадского фронта производилось не менее 100–120 самолетовылетов.

В один из наиболее тяжелых моментов в Джелалабаде президент Наджибулла обратился со специальным посланием к советскому руководству с просьбой оказать срочную помощь Республике Афганистан путем нанесения бомбо-штурмовых ударов с территории СССР по группировкам противника в районе Джелалабада. И эта просьба была поддержана некоторыми советскими представителями.

Мы понимаем, говорилось в обращении, возможный неблагоприятный политический резонанс от применения советской авиации в районе Джелалабада. Но в целом следует ожидать еще большего политического ущерба, если противник овладеет Джелалабадом и подойдет к Кабулу. Тем более, что США и Пакистан грубо нарушают Женевские соглашения, оказывая все возрастающую открытую военную помощь мятежникам. Но советское политическое и военное руководство на такой шаг не пошли.

После некоторой стабилизации обстановки в Джелалабаде наступал такой период, когда посылать дополнительные силы для обороны Джелалабада не было возможности, да это было уже и нецелесообразно. Нужно было организовать более рациональное использование имеющихся сил и средств. И главное сделать оборону более активной. С целью ознакомления с обстановкой и решения этих задач мне с группой наших и афганских офицеров пришлось вылететь в Джелалабад и работать там с 28 апреля по 2 мая 1989 года.

Для того, чтобы лучше понять реакцию на наше появление в Джелалабаде, следует вспомнить один прошлый эпизод. Джелалабад еще в 1988 г., после вывода первой очереди советских войск, начал самостоятельно выполнять свои задачи. Вначале в Джелалабаде была оставлена группа советников из представителей министерства обороны, министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности. Но вскоре пришла тревожная телеграмма о готовящемся наступлении мятежников и эта группа в срочном порядке была эвакуирована. Такая поспешность с убытием нашей оперативной группы была болезненно воспринята афганцами.

В конечном счете лучше было бы совсем не оставлять ее в Джелалабаде, чем снимать ее при появлении первой же опасности. Начальник главного управления разведки КГБ Л. В. Шебаршин, считая этот шаг ошибочным, пишет, что «важно было показать, что мы остались защитниками Джелалабада, не бросили их на произвол судьбы. Нужен был символ нашей стойкости. На деле вышло нечто другое. Если взглянуть на события последнего периода несколько шире, то нельзя не видеть, что эти два чувства — страх перед противником и недоверие к союзнику — постоянно превращались в решающие факторы нашего поведения».[70]

С этой точки зрения Леонид Владимирович, видимо, в какой-то степени прав, в апреле 1989 г. мы даже не ожидали, что появление нашей группы вызовет такой энтузиазм. Повсюду, где мы появлялись, афганские офицеры и солдаты спрашивали нас:

«Когда придут советские войска?» Некоторые из них объясняли наше появление как передовую рекогносцировочную группу советских войск. На мой вопрос генералу А. Делавару: «Откуда берутся такие слухи?» Он отвечал: «Слухи порождает надежда. Они помогают нам выстоять и мы их не опровергаем». Свой вылет мы старались держать в секрете, посвятив только президента и министра обороны, а в Джелалабаде — генерала Делавара. Но, несмотря на это, как это нередко бывало в Афганистане, о нашем вылете противнику стало известно. Летело всего 5 вертолетов на предельно малой высоте, огибая каждую высоту и складку местности. Не раз приходилось восхищаться мастерством афганских летчиков, которые приобретя огромный опыт, уверенно выполняли полеты в самых сложных условиях обстановки. В ходе нашего полета вертолет, в котором мы находились, совершал полет в центре боевого порядка вертолетов. Другие вертолеты, расположенные впереди, сзади и на флангах прикрывали и имели задачу с упреждением поражать огневые средства противника.

На всем протяжении полета наши вертолеты обстреливались противником из автоматов, пулеметов и гранатометов. Наш вертолет был частично поврежден, но благополучно совершил посадку на аэродроме на расстоянии 600–800 м от противника. Район посадки также подвергался интенсивному обстрелу. Один из вертолетов прикрытия получил более серьезное повреждение и совершил вынужденную посадку на западной окраине Джелалабада. Командный пункт генерала Делавара располагался в подвальном помещении одного из аэродромных зданий, усиленном дополнительными перекрытиями. Называли его почему-то «Саркофагом». Сооружение это было довольно прочным. Во время пребывания были неоднократные прямые попадания в него снарядов, но в целом сооружение держалось.

После ознакомления с обстановкой по картам и докладам мы выехали в город, в расположение соединений и частей. На наблюдательном пункте 1-го армейского корпуса мы наблюдали как моджахеды атаковали две господствующие высоты на западных подступах к городу. Было видно, что моджахеды просто так в атаку не идут. Они методично и настойчиво обстреливали хорошо видимые позиции правительственных войск до тех пор, пока они не будут уничтожены или сами побегут под воздействием интенсивных обстрелов. После этого моджахеды, охватывая высоту с двух сторон, и действуя рассредоточено небольшими группами, стремились захватить ее. В один из моментов наступающие группы противника, умело преодолевая зоны обстрела

правительственной артиллерии, оказались в 300–400 м от места, где мы находились вместе с командиром корпуса. Рядом в траншее от разрыва реактивного снаряда погибло и было ранено несколько офицеров и связистов. Каких-либо резервов поблизости не было. Все подготовились к отражению нападения противника. Но огнем артиллерии его продвижение было остановлено.

Как сказал командир корпуса, такие бои на различных участках происходили почти ежедневно. Интересно, что в одних местах происходили ожесточенные бои, гибли люди, а за линией фронта, всего в 2–4 км шла обычная жизнь. Торговали дуканы (магазины), мулла громко призывал к молитве, а на западной окраине города крестьяне работали на своих полях. Вообще город, служивший зимней резиденцией королей, был очень зеленый, с большим количеством цитрусовых насаждений.

Через линию фронта каким-то образом проходили торговцы из Пакистана и привозили свои товары в Джелалабад, скупали у местных жителей за бесценок последние их пожитки, ценные изделия и цитрусовые. Нередко снаряды разрывались внутри города, вызывая тяжелые потери среди мирного населения. Моджахеды стремились принудить его к массовому бегству из Джелалабада.

Изучение обстановки в Джелалабаде, анализ разведданных свидетельствовали о том, что вокруг Джелалабада в первом эшелоне противника действуют по 12–15 тыс. человек, около 200 пусковых установок реактивных снарядов, 280 орудий и минометов, 20 ед. бронетанковой техники. Через 2–3 суток боевых действий части противника сменялись и отводились в тыл для отдыха и пополнения материальных запасов. Всего в районе Наргархар мятежники имели до 25 тыс. человек. Некоторые базы снабжения моджахеды переместили на территорию Пакистана, чтобы вывести их из под ударов афганской авиации. Однако продолжалась подготовка к отправке под Джелалабад новых отрядов мятежников до 2–3 тыс. человек. Отмечалось более широкое участие в предстоящем наступлении, особенно в ночное время, соединений пакистанских малишей и артиллерии 18 и 11-й пехотной дивизии пакистанской армии.

В дни, когда не действовала афганская авиация, огневое превосходство получали мятежники, ибо они ежедневно применяли в 3–4 раза больше артиллерийских и минометных боеприпасов реактивных снарядов, чем правительственные войска.

Несколько изменилась и тактика действий мятежников. Например на южном и юго-вост. направлениях они стремились

подвергать длительному и особенно интенсивному обстрелу один или два поста, пока не будут уничтожены находившиеся в них все или большинство личного состава или не покинут занимаемый пост.

Кроме того, против личного состава передовых постов и населения велась усиленная подрывная работа, осуществлялись подкупы в крупных размерах с целью привлечения их на свою сторону и принуждения к сдаче оборонительных позиций.

В целом противник не отказывался от своих планов по овладению Джелалабадом. Он, видимо, предполагал продолжать методическое наступление и подрывные действия с целью последовательного овладения отдельными оборонительными позициями правительственных войск и одновременно накапливать дополнительные силы и материально-технические средства. Переход противника в общее наступление из района Шамархейль (с востока) отчасти задерживалось разногласиями и даже имевшими место перестрелками между группировками ИПА и ИПХ в районе Шаргар (30 км юго-вост. Шамархейль). Можно было ожидать, что с окончанием месяца Рамазан[71] мятежники предпримут еще один решительный штурм города с нескольких направлений.

Правительственные войска, обороняющие непосредственно Джелалабад, насчитывали свыше 8 тысяч регулярных войск, танков — 31 (из них на ходу — 8), боевых машин пехоты — 20, артиллерийских орудий и минометов — 86. Таким образом противник имел не только превосходство в живой силе, но и в количестве основных огневых средств сухопутных частей.

В целом правительственные войска удерживали основные позиции вокруг города. Но в последние дни ими был потерян ряд важных опорных пунктов. Кольцо окружения вокруг города все больше сжималось, а силы, морально-боевые и материально-технические возможности обороняющихся уменьшались.

Особенно сильно сказывалась усталость войск, плохое их снабжение и медицинское обеспечение (не обеспечивалась своевременная подача воды и продуктов на передовые позиции), постоянный недостаток боеприпасов и горючих материалов, недовольство населения в связи с тяжелым продовольственным положением, разрушениями города (разрушено около 200 зданий).

В бедственном положении находились семьи офицеров и солдат, которые никак не снабжались, а цены на продукты в городе неимоверно возросли. Не работали школы и большинство государственных и частных торговых и других учреждений. В войсках начались вспышки малярии и других

инфекционных заболеваний. От длительного пребывания в условиях сырости среди личного состава распространился ревматизм.

Оборона города была организована разрозненными, перемешанными частями армии, МГБ, МВД и некоторыми племенными подразделениями. (Всего 12 соединений и отдельных частей численностью от 100–150 до 800–900 чел.) В ряде случаев один и тот же участок обороны занимали по 20–30 чел. от различных ведомств, которые не только не подчинялись друг другу, но и внутри одного и того же ведомства различные группы военнослужащих не были объединены в единые подразделения. Все это крайне затрудняло управление и снижало эффективность боевого применения войск. Инженерное оборудование позиций на рубежах, куда отошли войска, было примитивным.

Ни командование гарнизона, ни командиры соединений и частей не имели резервов, что не позволяло оперативно реагировать на прорывы противника. Например 29.04.89 г. весьма острая обстановка создалась на Чаприарском направлении. После овладения противником постами на высотах Гарнаугар, на этом направлении практически не оставалось никаких подразделений для противостояния противнику. Положение усугубилось отсутствием снарядов к 122 мм орудиям.

Пришлось настойчиво рекомендовать в срочном порядке взять людей из военных учреждений, городских организаций, МГБ, МВД и послать всех их на позиции южнее города во главе с начальником Царандоя провинции Наргархар генерал-лейтенантом Хайдаром. Но при выдвижении к передовым позициям он погиб и все эти подразделения остановились и частично разбежались. Противник был остановлен за счет сосредоточения огня артиллерии путем переброски оставшихся снарядов с других участков обороны.

Все это говорило о том, что войска Джелалабадского гарнизона держатся на пределе своих возможностей и при возобновлении более крупного наступления противника обстановка там может еще больше осложниться. В этих условиях нельзя было ограничиваться посылкой пополнения и материальных средств. Возникла необходимость перехода к более активным боевым действиям, чтобы перехватить у противника инициативу, улучшить оперативное положение войск и создать условия для организации более упорядоченной обороны.

Но всего этого можно было достичь только при тщательной подготовке, особенно в материально-техническом отношении.

Нами по возникавшим вопросам даны рекомендации командованию гарнизона, командирам частей и оказана некоторая помощь по их реализации. Проведена работа на местности по организации боевых действий и взаимодействия при нанесении контрудара.

Исходя из всего этого, по возвращению в Кабул афганскому командованию было рекомендовано и оказана практическая помощь в осуществлении следующих мероприятий:

Продолжать нанесение упреждающих бомбо-штурмовых и ракетных ударов для ослабления наступательных группироввок противника и срыва подвоза материальных средств на подступах к Джелалабаду. Принять срочные меры по укреплению обороны на южном и юго-восточном участках обороны города, так как дальнейшее продвижение противника на этом направлении могло поставить всю оборону города в угрожающее положение. Усиление обороны на этих участках частично можно было осуществить за счет внутренних возможностей города: дополнительной отправки на передовые позиции части личного состава штабов, политорганов, учреждений МГБ и МВД, партийных активистов, путем организации дополнительного призыва в городе (по данным МГБ в Джелалабаде скрывались более 2 тыс. не разысканных дезертиров). Усилить охрану дорог Хайротон — Кабул, Кабул — Джелалабад и продолжать направлять в Джелалабад материально-технические запасы и в первую очередь боеприпасы, ГСМ и продовольствие. В частности, для продолжения оборонительных боевых действий и проведения контрудара требовалось подать в Джелалабад не менее пяти боекомплектов артиллерийских боеприпасов и на Баграмский аэродром не менее 2000 тонн авиационных боеприпасов и 1500–2000 тонн горюче-смазочных материалов. Систематически проводить активные боевые действия подразделений по захвату передовых постов противника и пленных, а также по осуществлению диверсионно-разведывательных акций. Одновременно ускоренными темпами вести подготовку к нанесению контрудара с целью разгрома наиболее сильной группировки противника вост. Джелалабада, захвата господствующих высот и создания условий для функционирования Джелалабадского аэродрома.

Замысел нанесения контрудара сводился к следующему:

Главный удар нанести из района Джелалабадского аэродрома в направлении Шамархейль силами 37-й десантно-штурмовой бригады и частей гвардии.

Второй удар силами 15 танковой бригады в направлении Лальма, 3–4 км юго-вост. Ада с задачей выхода во фланг и тыл

группировки в районе зеленой зоны юго-вост. Джелалабада. При этом приходилось учитывать, что большое количество каналов и другие неблагоприятные условия местности делают нецелесообразным использование 15 танковой бригады в направлении Шамархейль. Вместе с тем ее обходной маневр мог не только обеспечить успешное наступление на Шамархейль, но и улучшение положения правительственных войск на Чапрьярском направлении.

Контрудар предусматривалось начать после мощной 2-х часовой артиллерийской и авиационной подготовки. С целью отвлечения внимания противника за сутки до начала контрудара планировалось провести короткие артналеты и разведку боем на северном и северо-восточном направлениях.

Сама идея контрудара высказывалась еще ранее, когда в Джелалабаде побывали министр обороны и наш советник при министерстве обороны генерал-полковник М. М. Соцков. Но министр обороны не считал возможным выделять дополнительные силы и представлял себе контрудар как дело отдаленного будущего. Во всяком случае он не очень охотно занимался ее подготовкой.

Когда мы с президентом Наджибуллой обсудили эти планы, он сразу загорелся ими и стал торопить как можно быстрее нанести контрудар. Я как мог объяснял ему, что это будет первое крупное наступление афганской армии без советских войск. Его неудача подорвет моральный дух войск и покажет безнадежность таких акций, обрекая афганскую армию на пассивные оборонительные действия. Для перелома в обстановке надо было наступательную операцию подготовить наверняка, чтобы обеспечить гарантированный успех.

Для этого надо было соблюсти два главных условия: во-первых, скрытность подготовки, внезапность удара и во-вторых надежное огневое поражение противника, чтобы он не мог оказать организованное сопротивление. Иначе афганские войска не пошли бы в наступление. А для надежного огневого поражения были необходимы тщательная разведка огневых средств противника и не менее пяти боекомплектов артиллерийских снарядов и авиационных бомб. И даже слабость разведки, особенно по знанию противника в глубине обороны, приходилось компенсировать большим количеством боеприпасов.

Президент решил министра обороны и других должностных лиц не посвящать в детали и сроки проведения операции. И вся подготовка боевых действий проводилась через генерала А. Делавара и находящихся при нем офицеров-разведчиков, артиллеристов, инженеров и авиаторов. Кроме работы,

проведенной в Джелалабаде, мы с президентом несколько раз основательно занимались с этими лицами, добиваясь правильного уяснения поставленных задач, провели розыгрыш ожидаемых боевых действий по картам. Были проведены также практические занятия с командирами бригад и полков, наступающими в первом эшелоне.

Но самой трудной задачей оказалась пополнение и доставка в Джелалабад необходимого количества боеприпасов. Несмотря на все предупреждения об установлении неприкосновенного запаса, доставляемые в Джелалабад боеприпасы быстро расходовались и уже казалось, что никогда их не запасем в нужном количестве. Каждый день я начинал и кончал этой работой. Надо было в начале завести эти боеприпасы в Кабул воздушным путем из СССР и наземным путем из Хайротона и затем переправить в Джелалабад. Часть боеприпасов, предназначенная для Джелалабада, оседала в Кабуле.

Министры военных ведомств, командование гарнизона с неохотой направляли их в Джелалабад. Нужен был постоянный контроль, чтобы боеприпасы попадали по назначению. Для доставки боеприпасов в Джелалабад составлялись колонны на 50–60 машин и они отправлялись под усиленной охраной. Нередко моджахедам удавалось перехватить дорогу Кабул — Джелалабад, и тогда требовалось организовать боевые действия по восстановлению захваченных участков дороги и с боями прорываться в Джелалабад. Причем колонны с боеприпасами грабили не только моджахеды, но и командиры частей, охранявших дорогу, прихватывая себе часть боеприпасов. В итоге для создания 5 боекомплектов боеприпасов потребовалось около 2-х месяцев. Срок начала контрудара приходилось переносить и, наконец, он был назначен на начало июля месяца.

Как и планировалось, для введения мятежников в заблуждение и обеспечения внезапности контрудара 04.07.89 г. в направлениях Шамархейль, Сурхруд и Кунар была проведена разведка боем. Противник, принял эти действия за наступление главных сил, пытался в ночь с 4 на 5.07.90 г. отвести свои главные силы в глубину. Однако с началом контрудара с утра 05.07.89 г. противнику не удалось остановить свои войска на новых рубежах и под мощными ударами ракет, авиации, артиллерии и наступающих частей они начали отходить и не смогли оказать организованного сопротивления.

Контрудар правительственных войск начался в 4:00 05.07.89 г. после ударов 8 ракет Р-300, мощной авиационной и артиллерийской подготовки. Для действий под Джелалабадом были сосредоточены усилия всей авиации, в том числе

с аэродромов Шиндант и Мазари-Шариф (произведено 320 самолетовылетов боевой авиации). Главный удар силами 15-й танковой бригады, частей 11-й пехотной дивизии и гвардии наносился из районов южнее Зеленой зоны южнее Джелалабада в направлении Шамархейль. В течение 05.07.89 г. оборона противника была прорвана, сопротивление его сломлено и к утру 06.07.89 г. правительственные войска продвинулись до 10–15 км и овладели рубежом: господствующие высоты Горногуар (сев. Даулатзи), сев. Шахикот, Шамархейль. Таким образом в районе Джелалабада мятежным силам нанесено крупное поражение.

В сложившейся обстановке Ставкой ВГК было принято решение и поставлены следующие задачи войскам:

путем нанесения авиационных ударов сорвать организованный отход противника не дать ему возможности закрепиться на новых рубежах, а также сосредоточить силы для нового наступления на Джелалабад; основными силами войск Джелалабадского фронта выйти и закрепиться на рубежах, на которых они находились в начале марта (к началу наступления противника на Джелалабад) и быть готовым к отражению нового наступления мятежников; одновременно с целью разведки и преследования противника выслать разведподразделения и усиленный передовой отряд в направлении Газиабад, Турхам (к пакистанской границе);приступить к работам по восстановлению Джелалабадского аэродрома.

Хотя лидеры оппозиции пытались изобразить дело таким образом, что они отвели войска из района Джелалабада, но скрыть свое новое тяжелое поражение под Джелалабадом они не смогли. Важная победа правительственных войск имела большое политическое и военное значение, способствовало подъему морального духа населения в Республике Афганистан.

Наше возвращение из Джелалабада в Кабул в мае 1989 г. также сопровождалось некоторыми приключениями. Рано утром 2 мая мы прибыли на вертолетную площадку на западной окраине города и тут нам сообщили, что один из вертолетов, направленных за нами был сбит противником и сгорел, второй получил серьезные повреждения. Сразу распространился слух о нашей гибели. Но поскольку мы были еще живы, пришлось ждать до вечера и уже ночью лететь на других прибывших в Джелалабад вертолетах. В ходе полета наш вертолет опять получил повреждение, но все же дотянул до Кабульского аэродрома. Нам ничего не оставалось как обнять и расцеловать доблестных афганских летчиков.

3. Хост

Хост — один из городов провинции Пактия — всегда занимал важное оперативное, а по афганским меркам и стратегическое положение. Несколько лет гарнизон Хоста находился в изоляции от других группировок и афганских вооруженных сил, окруженный не только отрядами моджахедов, но и местными весьма воинственными племенами. Снабжение его осуществлялось в основном по воздуху и только в 1987 году советским и афганским войскам под руководством генерала армии В. Варенникова удалось провести в этот город колонну с материальными средствами в результате проведения операции «Магистраль».

После вывода советских войск удержание Хоста стало особенно трудной задачей и доставляло политическому и военному руководству очень много хлопот. Как и прежде, доставка оружия, пополнения боеприпасов, горючих материалов осуществлялось только по воздуху. Но в городе имелся полевой аэродром, на который могли садиться лишь самолеты Ан-26. В случае же дождей эти самолеты садились с трудом. В течение 1989–1990 гг. большинство этих самолетов были потеряны или оказались неисправными. Оставленные советскими войсками грузовые парашюты были израсходованы. И в те периоды, когда авиация по метеорологическим или другим условиям не могли действовать в Хосте, оборонявший его гарнизон попадал в тяжелое положение. И тогда спасением могли быть умение ладить с местными племенами, заинтересовав их чем-то вплоть до передачи части оружия и ракеты «Скад» (Р-300), которые кабульское командование использовало для нанесения ракетных ударов по районам скопления группировок противника, когда они сосредоточивались для наступления на Хост.

Афганское руководство уделяло постоянное пристальное внимание снабжению хостского гарнизона. Приходилось доставлять в основном боеприпасы и горюче-смазочные материалы. На продовольствие выделялись деньги и в большинстве своем закупались у местного населения. Порою удавалось закупить также бензин, дизтопливо. При должной оплате они могли закупаться в Пакистане и доставляться в Хост. Причем, по вопросу об обороне Хоста было известное единство среди политического и военного руководства. Наджибулла, Танай и другие руководители происходили из провинции Пактия и считали важным для себя удержание Хоста. Министр обороны Танай даже летал туда вместе с главным военным советником генералом Соцковым, где проводил работу среди представителей

своего родного племени «Тани». Танай благоволил к Хосту еще и потому, что большинство офицеров в этом гарнизоне были халькистами. В начале сентября 1989 г. в Кабул стали приходить слухи о том, что некоторые должностные лица, видя безнадежность положения, в тайне ведут переговоры с лидерами оппозиции о возможной сдаче Хоста.

Президент Наджибулла в это время находился на международной конференции неприсоединившихся стран в Белграде. Я решил до приезда Наджибуллы с группой офицеров слетать в Хост и более тщательно изучить положение дел на месте с тем, чтобы затем предложить какие-то решения по дальнейшей обороне Хоста. О предстоящей поездке доложил по телефону министру обороны генералу Д. Т. Язову. Он считал, что такая поездка не вызывается особой необходимостью. Даже спросил меня: «Ты что хочешь еще один орден заработать?» Я ответил, что мне в Великую отечественную войну дали достаточно наград. Главное состоит в том, что падение Хоста нельзя допустить, а для выработки обоснованных решений надо разобраться в обстановке, поскольку данные о группировке противника и состоянии афганских войск были довольно противоречивыми.

В конечном счете разрешение своего министра я получил и начал готовиться к вылету. Опасения нашего министра были резонными и полет предстоял рискованный. Моджахеды проводили работу среди афганских летчиков и обещали им крупные вознаграждения (до 1 млн. долларов) за доставку на один из пакистанских аэродромов какого-либо высокопоставленного советского представителя. Кроме того, при подлете самолетов моджахеды начинали массированный обстрел аэродрома. Поэтому для контроля за полетом и большей безопасности полета я взял с собой нашего старшего специалиста по ВВС генерал-майора Г. Колодия (в настоящее время командующий воздушной армией на Украине). Генерал Колодий был профессионалом высочайшего класса не только как командир оперативного масштаба, но и как классный летчик. Он обладал исключительной выдержкой и был очень храбрым человеком. Мы всецело полагались на него, но и на мастерство афганских летчиков. При заходе на посадку мы уже видели как в направлении нашего самолета в воздухе летят трассирующие пули и снаряды и посадочная полоса покрыта разрывами реактивных снарядов. Уклониться от них казалось бы не было никакой возможности. Но летчики, маневрируя на посадочной полосе, уже приближались к укрытиям, подготовленным для людей в конце аэродрома. В это время впереди разорвался снаряд

и самолет врезался в образовавшуюся воронку. Было видно как многие осколки изрешетили корпус самолета, но каким-то чудом никто из нас не пострадал, если не считать довольно сильных ушибов, которые были получены при резком торможении самолета и преодолении воронки от разрыва снаряда. Мы быстро добежали до укрытия, а экипажу самолета, прежде чем улететь обратно, надо было еще под огнем противника грузить раненных и больных, отработанные парашютные системы и только после этого взлетать. Этим летчикам давали дополнительную оплату за каждый вылет в Хост, но независимо ни от чего, каждый их полет был подвигом.

На аэродроме нас встречал генерал Имамуддин, назначенный незадолго до этого представителем Ставки ВГК в Хосте. Мы быстро забрались во внутрь бронетранспортера, а Имамуддин на всем протяжении пути к командному пункту сидел сверху на броне, бравируя свое безразличие к происходящему обстрелу. Правда, в районе командного пункта и в глубине города было значительно тише, чем в Джелалабаде. В течение всей последующей ночи поблизости разорвалось всего несколько снарядов. Командование гарнизона располагалось и жило не в укрытиях, а в обычных жилых домах и особняках бежавших богачей.

До этого много лет и весьма успешно оборону Хоста возглавлял командир 25 пехотной дивизии генерал Фарук. Как и Имамуддин, он учился в Советском Союзе, довольно сносно говорил по-русски. Кстати, и на командном пункте эти генералы разговаривали со своими подчиненными и отдавали распоряжения на русском языке, добавляя изредка и сильные «командирские» выражения. Может быть из-за этого в иностранной печати так много писали о том, что Джелалабад и Хост обороняют советские войска. Имамуддин мне объяснил, что русский язык в управлении войсками он культивирует в основном из-за того, что закрытой аппаратуры связи (ЗАО нет, а доклады и команды на русском языке моджахедам труднее перехватывать и понимать.

Генерал Имамуддин в армии Республики Афганистан был довольно известной и колоритной личностью. Он небольшого роста, очень энергичный и решительный офицер. Имамуддин был одним из тех офицеров-халькистов, которые совершили переворот в апреле 1978 г. Один эпизод из его жизни о многом говорит. Как рассказывал Наджибулла, во время этих апрельских событий, после захвата резиденции Дауда и других наиболее важных объектов в Кабуле, политбюро НДПА собралось на совещание, где наряду с другими вопросами, обсуждалась судьба Дауда. С одной

стороны участники совещания понимали, что пока жив Дауд, остается опасность реставрации прежней власти. Но никто не хотел произнести фразу о его расстреле, чтобы на всякий случай уйти от ответственности.

Разговор шел уже несколько часов. Вдруг в комнату, где шло совещание, зашел с автоматом в руках и перевязанной раненой рукой Имамуддин. Он что-то хотел сказать, но его не слушали и кто-то попросил зайти попозже. Он не уходил. Когда же споры участников совещания начали особенно накаляться, Имамуддин выбрал момент, подошел к столу и сказал: «Но ведь я уже убил его» (Дауда — М. Г.). И тем самым разрядил обстановку и все участники совещания облегченно вздохнули. Не берусь судить, насколько был прав Имамуддин, убив премьер-министра государства. Его отчасти оправдывает то, что первым, как говорят очевидцы, выстрелил в него Дауд и ранил его. Тогда Имамуддин открыл ответную стрельбу. И так на протяжении всей службы, там где некоторые должностные лица увлекались многословием и длительными обсуждениями Имамуддин предпочитал действовать.

Он командовал частями и соединениями. Неплохо показал себя в ходе боевых действий. Был заместителем министра обороны по боевой подготовке. И вот в августе 1989 г. был направлен в Хост, Ему пришлось нелегко не только с точки зрения трудного противостояния противнику, но ввиду очень сложной внутренней обстановки, где каждый командир или офицер штаба был так или иначе связан с внешними и внутренними силами, борющимися за влияние на защитников Хоста. Вокруг него затевали различные интриги, а он будучи солдатом и человеком мало искушенным в политических дрязгах, не всегда умело реагировал на них. Но с точки зрения военной и по афганским меркам довольно уверенно выполнял свои задачи в Хосте.

Мы с ним, в некоторых местах и в сопровождении генерала Фарука объехали все пункты управления соединений, ознакомились с передовыми оборонительными позициями. Проверили возможность вызова в район Хоста авиации (самолеты прибыли через 1 час 20 мин.) и подготовленность огней артиллерии. Во всех местах, где мы были, выявилось много нерешенных задач и недостатков, часть которых надо было решать в Кабуле, а другие на месте.

Из изучения обстановки на месте, бесед с представителями племен и командованием гарнизона вытекали следующие основные выводы. В условиях, когда с одной стороны некоторые опекающие оппозицию государства требовали от нее решения

афганской проблемы военным путем, с другой — после поражения под Джелалабадом возрастали противоречия в лагере «Альянса семи» и падал престиж «переходного правительства», оппозиционным силам была нужна хоть какая-нибудь военная победа. Руководство оппозиции считало, что быстрее всего этого можно достигнуть в районе Хост, на овладение которым оно направляло основные усилия.

Значение Хоста определялось расположением его на важнейших путях, ведущих вглубь Афганистана, а также непосредственной близостью к пакистанской границе. Последнее обстоятельство позволяло мятежникам организовать непрерывное снабжение своих формирований с баз, расположенных на территории Пакистана, не подвергая их опасности авиационных ударов правительственной авиации. Вместе с тем правительственные войска в районе Хоста были наиболее уязвимы, ибо вынуждены действовать в полной изоляции.

Овладение Хостом открывало возможности для беспрепятственного наступления на Гардез и Газни и выхода на подступы к Кабулу.

Хост с его аэродромом являлся наиболее удобным местом для размещения части «переходного правительства», имея в целях обеспечения безопасности основные его учреждения на территории Пакистана.

На протяжении ряда лет правительственным войскам удавалось удерживать территорию округа Хост в значительной мере за счет поддержки местных племен. Но к моменту нашего пребывания в Хост оппозиции удалось подкупами, экономической блокадой и карательными мерами склонить на свою сторону наиболее крупные племена (джадран, тани, залихейль и др.), которые теперь в ряде случаев вели боевые действия против правительственных войск.

Главным оружием моджахедов являлось большое количество реактивных снарядов, которые они располагали рассредоточенно по 2–3 ПУ, но с массированием огня РС с разных направлений на одной или нескольких позициях правительственных войск. Как и в Джелалабаде, огонь обычно велся до тех пор, пока обороняющиеся не покинут свои позиции (что чаще всего случалось) или не будут уничтожены.

В целом противник рассчитывал, что для него настала наиболее благоприятная пора для овладения Хостом и поэтому предпринимал непрерывные атаки с целью овладения Хостом. Ему удалось овладеть господствующими высотами в районах западнее, южнее и восточнее города и занять выгодные позиции в 5–10 км от аэродрома. Все это создавало серьезную угрозу Хосту

и чрезвычайно сложную обстановку для дальнейшей обороны города.

Правительственные войска хотя и оборонялись в районе Хоста много лет, но в сентябре 1989 г. они находились в наиболее трудном положении. До предела сузилось кольцо обороны и обороняющиеся войска, оказавшись в низине, занимали крайне невыгодное положение. Город и особенно аэродром со всех направлений насквозь простреливались артиллерийским огнем.

Правительственные войска (в т. ч. МГБ, МВД), оборонявшие Хост, насчитывали 4,4 тыс. чел., 160 исправных орудий и минометов, 36 танков (из них 26 исправных), 20 бронетранспортеров. 25-я пехотная дивизия была укомплектована личным составом и вооружением на 18 %, погранбригада и другие армейские части на 16–20 %.

Потери и возрастающее дезертирство постоянно вызывали необходимость направления в Хост пополнения и отдельных подразделений, изъятых из различных соединений и частей, дислоцированных в основном в северных и западных районах страны. Это привело к тому, что в обороне Хоста участвовали более 30 различных соединений и частей армии, МГБ и МВД, некоторые из которых имели от 30–50 до 80–100 чел. Танки, артиллерия, бронетехника до предела износились, так как уже на протяжении многих лет дороги в Хост были перекрыты и тяжелая техника не могла поставляться. Так из 18 орудий М-30 только 4 были исправны. Из-за большого износа некоторые орудия давали недолеты до 3–4 км.

Войска испытывали постоянный голод на боеприпасы. Поэтому противник ежедневно выпускал в несколько раз больше артиллерийских боеприпасов (прежде всего реактивных снарядов), чем правительственные войска. Изучение дел на месте показало, что ежедневные доклады о количестве направляемых в Хост боеприпасов и наносимых бомбо-штурмовых ударов не соответствовали действительности.

Личный состав гарнизона был изнурен до предела. Несмотря на это, коренные жители Хоста в войсках и в составе партийных формирований в основном стойко выполняли свой долг. Значительно хуже обстояло дело с личным составом, переброшенным в Хост из других районов. Среди них было много случайных людей, выловленных на улицах, досрочно выпущенных из тюрем, из числа эмигрантов, вернувшихся в Афганистан. Именно эта категория военнослужащих проявляла наименьшую стойкость, совершала дезертирство.

Учитывая эти трудности и сложность положения обороняющихся войск, некоторые члены Совета обороны г. Хоста

начали (правда, пока в осторожной форме) ставить вопрос о целесообразности и возможности продолжения обороны города. Такие настроения подогревались также определенными кругами оппозиции. Делались предложения сдать город не мятежникам, а местным племенам. Представители Гелани «с целью реализации политики национального примирения» призывали поднять над Хостом зеленый флаг ислама и предоставить его территорию бывшему королю Захир Шаху, где он мог бы начать формирование «коалиционного правительства» Афганистана.

Мы вместе с секретарем ЦК НДПА т. Карвалем, который прибыл туда раньше, основное внимание уделили развенчиванию подобных настроений, было показано, что все это дешевые уловки, рассчитанные на то, чтобы коварными методами сломить сопротивление гарнизона, т. е. сделать то, что не удалось пока силой оружия. Совету обороны было разъяснено, что помощь из Кабула, особенно по подаче боеприпасов, будет продолжена и расширена. Войска гарнизона, местные власти имели и некоторые неиспользованные возможности для наращивания сопротивления и для разгрома отдельных наиболее опасных группировок противника. Было обращено внимание прежде всего на крайнюю слабость разведки, что снижало эффективность ударов ракет и авиации не позволяло срывать атаки противника путем массированного огня артиллерии. Наибольшее беспокойство вызывали рост дезертирства, случаи предательства. Для предотвращения подобных случаев решающее значение имело постоянная работа командиров, политработников с личным составом на передовых позициях, своевременная подача ему воды и продовольствия, что делалось с большими перебоями. Многие пункты управления и оборонительные позиции (особенно на рубежах, где войска отошли) имели примитивное инженерное оборудование.

Слабо было отработано управление частями. Ни командование гарнизона, ни командиры соединений и частей практически не имели резервов, что не позволяло своевременно реагировать на прорывы противника. Не принимались меры для обслуживания и ремонта вооружения и техники своими силами. Не было должной бдительности и контроля за личным составом. Поэтому ночью часть офицеров и солдат самовольно уходила в город. При проверке ночью, совместно с нами, командиры 25-й пехотной дивизии, погранбригады, частей МГБ и МВД имели возможность сами убедиться, что в некоторых подразделениях не было ни одного офицера.

При работе на пунктах управления и в войсках афганским командирам были даны советы и рекомендации по улучшению

разведки, активизации обороны, нанесению упреждающих ударов огнем артиллерии и стрелкового оружия, засылки в тыл противника диверсионно-разведывательных групп, совершенствованию системы огня и инженерного оборудования позиций.

По прибытии в Кабул и доклада обстановки президенту был разработан специальный план работы всех правительственных органов и военных ведомств по оказанию помощи гарнизону Хост. Не все, конечно, что было запланировано, удалось осуществить, но по крайней мере после нашего отъезда Хост держался около года. И, видимо, мог бы еще держаться. Хост пал в марте 1991 года. Меня в Афганистане уже не было и поэтому мне трудно судить, почему произошла сдача Хоста. По сообщениям печати после сдачи Хоста основные руководители этого гарнизона целыми и невредимыми вернулись в Кабул через территорию Пакистана. Когда-нибудь историки прольют свет и на эту темную страницу истории Афганистана.

4. Противостояние в северных и западных районах страны

Как видно из предыдущего, наиболее напряженные военные действия происходили в районах Кабула, Джелалабада, Хоста, вдоль магистрали Кабул — Джелалабад, Кабул — Хайротон и, особенно, на подступах к перевалу Саланг и аэродрому Баграм. В частности, борьба за удержание коммуникаций носила острый характер. Отряды Ахмад-Шаха и Хекматьяра постоянно нападали на опорные пункты и посты, охранявшие дорогу, и им не раз удавалось на несколько дней или даже недель перехватить ее, закрыть движение автоколонн. Это ставило снабжение Кабула в весьма трудное положение и тем более если учесть, что через Кабул снабжались Хост, Джелалабад и другие города. Однажды в апреле 1989 г. моджахедам удалось переманить на свою сторону несколько подразделений, оборонявших перевал Саланг, и приблизиться к туннельным сооружениям. Но и эта вылазка была отбита. В целом в течение 1989–1990 гг. Саланг держался и моджахедам ни разу не удавалось им овладеть. Как и в других районах, дело нередко спасала авиация. Афганское командование стремилось следить за перемещением группировок моджахедов и наносить по ним упреждающие удары.

Наиболее прочно и на длительное время (в течение 15–18 суток) отрядам Ахмад-Шаха удалось перерезать и удерживать участок дороги севернее Джабаль-Уссорадж. По просьбе президента я вместе с командиром корпуса генералом Биги

выехал в этот район и побывал во всех частях 2-й пехотной дивизии, вытянутых вдоль дороги от Джабаль-Уссорадж до южных подступов Саланга. Генерал Биги по национальности был узбеком и большинство офицеров и солдат этой дивизии тоже были из северных районов страны и знали узбекский язык. Это облегчало мою задачу, поскольку без переводчика легче разговаривать и меньше уходит времени.

Наша задача состояла в том, чтобы организовать бой с целью разблокирования дороги. В начале мы попытались уточнить, где расположены огневые средства противника. У генерала Биги и его командиров точных данных об этом не было. Да и очень непросто было получить эти данные.

Моджахеды умело использовали местность. Они располагались в глубоких укрытиях, оборудованных в отвесных скатах гор и вели огонь, постоянно меняя свои позиции. Во 2-й пехотной дивизии, как и в других соединениях, по существу не было средств инструментальной разведки. Командиры и разведчики не умели по результатам наблюдения точно наносить на карту обнаруженные цели. Удары авиации и огонь артиллерии были неэффективными и не достигали цели. Больше того, еще не доезжая 1,5–2 км до переднего края, мы попадали под бомбежку своей авиации. Вот какая была неточность бомбометания, а кое-кто говорил, что эти бомбы для нас и предназначались. Все наши старания поточнее осуществить огневое поражение противника прежде чем его атаковать не дали должных результатов. Атаки с фронта против неподавленного противника были бессмысленными, а попытки обходными путями выйти на фланги и тыл моджахедам никак не удавались. Ибо все обходные пути они тоже держали под обстрелом. Иногда моджахеды пропускали вперед атакующие пехоту и танки, а затем огнем с флангов отсекали их. Несколько суток шли по существу бесплодные бои.

Я порекомендовал генералу Биги приостановить атаки. В течение 2–3 суток более тщательно разведать противника и подготовить более точное и надежное поражение огневых средств противника. Одновременно провести в тылу расположения своих войск тренировки с пехотными, танковыми и саперными подразделениями и подготовить их для проведения более организованной и стремительной атаки.

Но пока это происходило, в районе Саланга, севернее и южнее перекрытого моджахедами участка дороги, скапливались сотни и тысячи машин с идущими на север в Хайротон и возвращающимися с грузами в Кабул. Именно в такие периоды больше всего разграблялись, расхищались и без того скудные

материальные запасы.

На заседании Ставки ВГК, где рассматривался вопрос о восстановлении сообщения по дороге Кабул — Хайротон, мнения разделились. Мы вместе с президентом выступали за то, чтобы переключить для разблокирования дороги более крупные силы авиации, подтянуть туда дополнительное количество артиллерии, направить более подготовленные подразделения пехоты и через несколько суток продолжать боевые действия до восстановления занятого моджахедами участка дороги. Министр обороны и его главный военный советник предлагали вообще прекратить боевые действия в этом районе и заняться более длительной подготовкой к боевым действиям в районе севернее Джабаль-Уссорадж.

Некоторые политические деятели, участвовавшие в работе Ставки, говорили даже, что афганской армии все равно не удастся удержать дорогу Кабул — Хайротон. Поэтому не надо бесцельно тратить силы, средства, а лучше обратиться к Советскому Союзу об увеличении поставок продовольствия, горючего и боеприпасов по воздушному мосту. Поднимался и вопрос о том, чтобы добровольцы, нанятые в Советском Союзе, занимались сопровождением автоколонн. Получилось, что в этом случае и пробивать себе дорогу должны были советские добровольцы.

Мной последние предложения были решительно отведены, как попытки уйти от решения вопроса, а потом обвинить Советский Союз в том, что он не хочет помогать. Верховный Главнокомандующий Наджибулла занял в целом правильную позицию, решив предпринять более настойчивые усилия по деблокированию дороги. Хотя в конце добавил, что одновременно можно бы попросить Советский Союз об оказании помощи в доставке грузов. Было решено выделить для решения задачи деблокирования дороги дополнительные средства огневой поддержки и направить несколько подразделений гвардии во главе с командующим гвардии генералом С. Азамом. Через 2 суток подразделениями гвардии была предпринята атака и моджахеды были выбиты с занимаемых позиций, а участок дороги освобожден.

В других случаях, внезапно занятые моджахедами участки дороги сравнительно быстро и без больших усилий восстанавливались. Мы, конечно, не все знали, что делалось в Афганистане, особенно относительно взаимоотношений должностных лиц Республики Афганистан с лидерами и полевыми командирами моджахедов. Говорили о том, что в одних случаях моджахеды, набрав необходимое количество материальных средств, не считали нужным продолжать бои

и нести потери и по своей инициативе освобождали занятые участки дороги; в других случаях — якобы выплачивали полевым командирам оппозиции крупные суммы денег за их согласие покинуть занятые ими участки дороги. Мы видели: что-то похожее на все это действительно происходит. Но афганские лидеры в эти щепетильные дела нас не посвящали, а мы и не особенно стремились проникнуть в эти тайны.

Важную роль в охране и обороне участка дороги от Саланга до Ташкургана играла дивизия исмаилитов. Лидер исмаилитов Сайд Мансур, получив определенную автономию и льготы от афганского правительства, поддерживал Наджибуллу. Часто приезжал к нему в Кабул. Сын Сайд Мансура командовал дивизией, охранявшей дорогу. Частям этой дивизии не приходилось вести каких-либо крупных боев, связанных с охраной и обороной дороги. Сайд Мансур каким-то непостижимым для нас образом умел улаживать дела с полевыми командирами моджахедов, действовавших в контролируемой им территории. В целом, решение задачи по удержанию дорог и обеспечению их функционирования была одной из самых трудных и требовала постоянных больших усилий.

На северо-востоке страны больше всего боевых столкновений происходило в районе Файзабада, гарнизон которого, находясь в полном окружении сил Ахмад-Шаха, успешно удерживал город; Ишкашима, где моджахеды пытались взять под контроль участок афгано-таджикской границы в целях контрабанды и подготовки подрывных действий в Таджикистане; Кундуза, Баглана и Талакана, который несколько раз переходил то к одной, то к другой стороне. На боевые действия в этих районах существенный отпечаток накладывала ожесточенная борьба между отрядами Ахмад-Шаха и Хекматьяра. В ряде случаев им было не до правительственных войск, которые сидели в своих гарнизонах и никого не беспокоили. В то время как каждый из этих лидеров оппозиции активно стремился расширить зону своего влияния, создавая друг другу острые ситуации.

Северные провинции Мазари-Шариф, Балх, Джаузджан, Фарьяб жили сравнительно спокойно и в этих районах не было крупных боевых действий. Противостояние осуществлялось путем диверсий, периодических обстрелов Мазари-Шариф и других городов, мелких стычек между различными группами и отрядами, которые не всегда имели и определенную принадлежность к тем или иным оппозиционным группировкам.

Особой нашей заботой в этом регионе было обеспечение безопасности, надежной охраны и обороны перевалочных баз в Хайротоне (южнее Термеза) и Турагунди (южнее Кушки),

расположенные у самой границы с Советским Союзом. Скопившиеся боеприпасы и горючие материалы в Хайротоне (в случае взрыва) представляли серьезную опасность и для советского города Термез. Я несколько раз вместе с нашими и афганскими генералами и офицерами выезжал на эти базы хранения материально-технических средств и каждый раз приходил в ужас и крайне расстроенное состояние от неорганизованности, безответственности и беспорядка, которые там творились.

Прежде всего никто не мог точно сказать, сколько и каких материально-технических средств хранится на складах. Данные, которые нам давали соответствующие должностные лица в Кабуле, начальники баз и складов, совершенно не сходились с тем, что имелось в самом деле.

Например, в Кабуле министры военных ведомств нам каждый день твердили об отсутствии 152 мм и 122 мм артиллерийских снарядов или гранат к гранатометам, о необходимости срочно запросить в Советском Союзе, но они лежали на складах в Хайротоне и Турагунди. На складах было много неисправного вооружения, разукомплектованных автомобилей специального назначения, хранилось огромное количество сахара и других продуктов. Отсутствие строгого учета создавало условия для распродажи некоторых материальных средств и других злоупотреблений. Каких-либо серьезных противопожарных мер не было организовано. Весьма формально были решены вопросы охраны и обороны столь важных объектов. Пропускной режим по существу отсутствовал и кто угодно мог заезжать на территорию складов. Когда я через старшего афганского начальника дал учебную вводную о нападении противника большинство отделений базы и личного состава не были оповещены, не приведены в боевую готовность.

Некоторые военнослужащие не имели оружия и не знали в каких местах и с какими задачами занимать оборону.

С разрешения президента в Хайротон были вызваны министры военных ведомств с их заместителями по вооружению и тылу. В результате некоторые вопросы по наведению порядка частично были решены. Заменены некоторые крайне нерадивые лица на складах. Но и этот вопрос не удалось до конца уладить. Президент не соглашался с назначениями министра обороны, а последний с кандидатурами президентского окружения. Вообще моджахеды имели все возможности захватить и уничтожить эти базы. И, видимо, только близость советских пограничников и дивизий, дислоцированных в Термезе и Кушке, удерживало оппозиционные силы от таких акций. При приезде в Хайротон

и Турагунди с генералами Рафи, Танаем, Ватанджаром мы, как правило, посещали Термез и Кушку, где нас местные власти и командования советских дивизий очень хорошо принимали.

В целом в перечисленных выше провинциях и уездах шла упорная борьба между различными лидерами с целью установления контроля над определенными районами. Нередко они устанавливали этот контроль, опираясь на правительственную поддержку оружием и денежными средствами. Все это обеспечивало относительную стабильность в северных районах страны.

Более сложным было положение в Провинции Герат. В 1989 году в эту провинцию мы приезжали с генералом Танаем, а в 1990 году с генералом Ватанджаром, ставшим к этому времени министром обороны. Работали мы в различных частях, в том числе залетали в некоторые племенные полки, расположенные в глубинных районах провинции. В одном из таких полков генерала Таная встречали восторженно, называя его своим вождем. Чувствовалось, что он имел немало верных людей не только в Кабуле. Больше всего времени потребовалось для работы на авиабазе Шиндант, где накопилось много вопросов, связанных с обеспечением технической готовности авиации, жизнью и бытом летчиков. Да и с организацией охраны и обороны аэродрома было далеко не все в порядке.

Когда-то я несколько раз бывал в Шинданте и видел как были обустроены части советской 5-й мотострелковой дивизии. Был оборудован хороший учебный центр для боевой подготовки. Не прошло еще года как ушли советские части, а казармы, учебные и другие сооружения были разграблены и находились в полуразрушенном состоянии. Генерал Танай по этому поводу не без горечи сказал: «Да, мы афганцы». Делать с нашей стороны еще какие-то упреки было бесполезно.

В результате встреч с местными властями, командирами соединений и частей, личного изучения сложившейся ситуации напрашивались следующие выводы, которые были доложены в Москву и президенту Афганистана.

Если говорить в целом, то обстановка в западных районах Афганистана оставалась сложной, внутренне крайне запутанной и противоречивой, но с тенденцией к дальнейшей ее стабилизации. Оппозиция в принципе не отказалась от своих целей по захвату власти в Кандагаре, Герате и других районах запада страны. Однако в верхних эшелонах «альянсов семи и восьми» оставались серьезные разногласия, хотя те и другие заявляли о своей решимости до конца бороться против режима Республики Афганистан. Проиранские группировки мятежников

несколько снизили активность боевых действий. Не было единства действий между вооруженными формированиями ИПА и ИОА. Но каждая из этих группировок, особенно на уровне отрядов, продолжала наращивать силы, накапливать оружие, ставя своей первоочередной целью вывод из строя или овладение Гератским и Шиндантским аэродромами, блокирование коммуникаций, соединяющих Турагунди, Герат, Кандагар. Летом 1989 г. они вели боевые действия по расширению зон своего влияния, совершали нападения на колонны на этих коммуникациях, систематически обстреливали г. Герат, Шиндантский аэродром и другие населенные пункты. Ими были полностью блокированы дорога от Шинданта до Кандагара и все дороги, ведущие к иранской границе.

В своих действиях по овладению Гератом, Кандагаром и другими районами оппозиция основную ставку делала на внедрение своих сторонников в регулярные и особенно в племенные части, на подкуп и перетягивание на свою сторону личного состава наиболее важных постов, осуществляло другие подрывные действия. Большие надежды возлагались на переход на сторону мятежников некоторых племенных частей. В дни нашей работы в Шиндантском гарнизоне органами МГБ была арестована часть личного состава двух постов 21 пд, которые намеревались перейти на сторону мятежников вместе с танками и другим оружием.

Руководство оппозиции прилагало больше усилия для объединения сил различных группировок. Можно было предполагать, что с началом крупного наступления на Кандагар или Герат могут быть значительно активизированы боевые действия и в других районах и прежде всего в районе Шиндант.

Со стороны правительственных властей западных районов и командования войск 4-го армейского корпуса дислоцированного в Герате, наиболее гибко и последовательно проводилась на практике политика национального примирения. Войска Гератского и Шиндантского гарнизонов в основном надежно удерживали занимаемые позиции. Проводилась работа среди населения, мятежников и племенных частей. Мятежникам в Герате и Кандагаре было решено посещать свои семьи и родственников, проживающих в этих городах, оставляя оружие на контрольно-пропускном пункте. Отдельные отряды отказывались воевать за пределами своих кишлаков. В Герате, Кандагаре и других населенных пунктах активизировалась торговля, работали основные правительственные учреждения и предприятия, из некоторых прилегающих сельских районов осуществлялся подвоз продовольствия. Большим влиянием среди

различных слоев населения пользовался губернатор Герата Халекьяр (беспартийный). Руководство Герата и Кандагара проявляло определенную самостоятельность, полностью обеспечивало свои войска продовольствием.

Вместе с тем реализация политики национального примирения, оказывая благоприятное влияние на развитие обстановки в целом, на практике осуществлялась в ряде случаев без учета допустимых пределов, за которыми обстановка могла оказаться недостаточно контролируемой правительственными властями и командирами соединений. Прежде всего вызывала беспокойство недооценка возможностей и коварных планов противника. Командиры и штабы соединений очень плохо знали противника. Агентурные данные носили слишком общий и недостаточно достоверный характер. Систематическая войсковая разведка не велись. Поэтому планы командиров строились в отрыве от возможных действий противника.

Более 3/4 войск, обороняющих Герат и Шиндант, составляли племенные и территориальные части. В 17-й пехотной дивизии (Герат) 3400 чел. регулярных войск и 14 тыс. человек оперативно подчиненных им племенных частей; в 21 пехотной дивизии (Шиндант) всего 1645 чел. регулярных и 14 тыс. чел. племенных. Причем в той и другой дивизии было 500–700 чел. офицеров, 20–40 сержантов и от 1 до 2 тыс. солдат. Причем шло постепенное сокращение удельного веса регулярных войск. Ни один командир или начальник штаба не могли доложить сколько в действительности имеется личного состава и боевой техники. Интересно отметить, что в племенных частях постоянно жаловались на недостаток оружия, ввиду чего не все солдаты были вооружены.

Мы обнаружили на базе Хайротон 58 тыс. карабинов и наши специалисты предложили вооружить ими племенные части. Но это вызвало негодование командиров племенных частей. Даже президент считал, что это будет оскорблением. Так не бедно за счет Советского Союза начинали афганцы жить. Вокруг Герата формально было создано три пояса обороны, но в промежутках между этими поясами располагались многочисленные группы моджахедов, которые активно сотрудничали с племенными и регулярными частями правительственных войск.

В племенных частях систематически работали направляемые моджахедами медперсонал, священнослужители, торговцы. Они вели пропагандистскую и другую подрывную работу и ухитрялись собирать налоги с населения и дуканщиков не только на окраинах, но и внутри г. Герат. Командиры некоторых племенных частей получали деньги как от правительственных

органов, так и от оппозиции. Правительственные войска вели себя пассивно, отвечая артиллерийским огнем лишь на обстрелы противника. Разведывательно-диверсионные и засадные действия осуществлялись редко. Разгром или вытеснение отдельных группировок противника даже в тылу своих войск не предусматривался. Причем многих командиров устраивала такая тактика взаимного сосуществования.

Таким образом обстановка в западных районах Афганистана, хотя и оставалась в основном устойчивой, но она была чревата самыми неожиданными изменениями, особенно если оппозиции удалось бы в решающий момент перетянуть на свою сторону племенные части. Было ясно, что в конечном счете развитие обстановки в военном отношении будет определяться именно степенью надежности племенных и территориальных войск. Последние больше всего считались с тем, на чьей стороне сила и были весьма чувствительны к любым успешным или неудачным действиям правительственных войск, даже когда это происходило под Джелалабадом, Хостом или других удаленных от них районах. Поэтому можно было предполагать, что при устойчивом положении в основных районах Республики Афганистан будет сохраняться стабильность и на Западе. При серьезных неудачах племенные части могли изменить свою позицию и обстановка на Герат-ско-Кандагарском направлении могла в короткие сроки обостриться. Так, собственно, это и произошло не только в западных, но и северных районах страны, когда зашатался режим Наджибуллы.

Но тогда с учетом увиденного афганскому руководству нами было рекомендовано в дальнейшем не увеличивать количество племенных частей и более активно и предметно работать с ними. На направлениях обороны племенных частей иметь хотя бы небольшие резервы регулярных войск, чтобы не допустить открытия для противника целых участков фронта. Принять срочные меры для улучшения призыва и пополнения частей регулярных войск, в том числе и за счет населения племен. Было предложено также улучшить разведку и активизировать действия правительственных войск.

Своеобразной формой выполнения боевых задач была проводка колонн в блокированные города. Решение этой задачи было связано не только с охраной колонн, но и ведением активных действий с целью разгрома противостоящих сил оппозиции, блокирующих дороги и обеспечения прохода колонн.

Проводка колонны из Турагунди в Кандагар. Одной из таких задач была проводка колонны с боевой техникой, боеприпасами и другими материальными средствами из Турагунди в Кандагар.

Обеспечение боеприпасами, горючим и другими техническими средствами гарнизонов Шиндант, Фарах, Гиришк, Лашкаргах, Кандагар и другие осуществлялось в основном по воздуху. Это требовало большого расхода транспортной авиации, авиационного горючего и главное — перевозки по воздуху обеспечивали лишь минимальные потребности войск в боеприпасах. Поэтому войска в этих гарнизонах постоянно испытывали голод в боеприпасах и некоторых материальных средствах.

С учетом этого летом 1989 г. руководством Республики Афганистан было принято решение о формировании колонны и проводки ее для обеспечения этого региона материальными средствами наземным транспортом из Турагунди до Кандагара.

Для вызова материальных запасов (в первую очередь боеприпасов горюче-смазочных материалов), кроме войскового автотранспорта, были использованы машины транспортных управлений Герата, Шинданта, Лашкаргаха, Кандагара, а также управлений МГБ, МВД этих провинций.

Для проводки бронетанковой техники привлекались экипажи, переброшенные из Кандагара. С определенным риском часть членов экипажей пришлось взять из танков и боевых машин пехоты, находящихся на постах вокруг Кандагара.

В целом (с учетом частей привлекавшихся для охраны, тылового и технического обеспечения) колонна составила 1367 единиц техники, в том числе свыше 100 единиц бронетанковой техники, 3250 тонн боеприпасов, 750 тонн горючего, 600 тонн других материальных средств.

Проводка колонны осуществлялась в два этапа.

На первом этапе (с 28.08 по 06.09.89 г.) были осуществлены формирование колонны, загрузка материальных средств, разбивка на подразделения, боевое слаживание и совершение марша от Турагунди до Шинданта. Руководство на этом этапе осуществлялось Министром обороны в период нашего совместного с ним выезда в Турагунди, Герат и Шиндант в августе 1989 г. Перед началом и в ходе марша по основным группировкам противника наносились бомбо-штурмовые удары. Поэтому совершение марша на участке Турагунди — Шиндант прошло без серьезного сопротивления со стороны противника.

На втором этапе (до 15.09.89 г.) от Шинданта до Кандагара. Общее руководство на этом этапе осуществлял начальник Генерального штаба генерал-полковник Делавар. Ответственность за организацию боевых действий и безопасность проводки колонны от Шинданта до Гиришка возлагалась на командира 4-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Дауда, от Гиришка

до Кандагара на командира 2-го армейского корпуса генерал-полковника Олюми. От нашей оперативной группы работала группа офицеров под руководством генерал-майора Ю. М. Никитина.

На втором этапе противник предпринимал наиболее решительные и активные меры к уничтожению колонны. С этой целью моджахеды сосредоточили крупные силы общей численностью 4,5 тыс. человек с тяжелым оружием и противотанковыми средствами. В шести районах были организованы засады. С целью психологического давления в оппозиционной, пакистанской и западной печати распространялись материалы о том, что за последние годы ни одна колонна в Кандагар не проходила и не пройдет.

Были неоднократные сообщения в печати о полном уничтожении колонны. Мятежники широко применяли минирование дорог и обходных маршрутов. Может быть здесь не все было точно, но так писала пресса. Афганским командованием были приняты необходимые меры по обеспечению безопасности проводки колонны. Перед прохождением колонной очередного суточного участка маршрута (50–60 км) выставлялись усиленные посты, которые приходилось занимать в ряде случаев после ожесточенных боевых действий. По группировкам противника наносились удары авиации. Осуществлялись непрерывная поддержка и прикрытие боевых подразделений и колонн машин, вертолетами. Для решения этих задач использовалась авиация с аэродромов Шиндант и Кандагар. Часть авиации была перебазирована с аэродрома Мазари-Шариф на Шиндант. С помощью авиации осуществлялись также воздушная разведка, доставка боеприпасов, горючего, воды, эвакуация раненых и убитых.

Основные усилия (до 3,5 тыс. человек) противник сосредоточил вдоль основной дороги на Кандагар, окруженной зеленой зоной, рассчитывая, что в обход города с севера и юга колонна не сможет пройти, так как по этим маршрутам колонны никогда не ходили.

В ходе переговоров с душманами (за соответствующую оплату и выделение продуктов) удалось 247 гражданских машин с продовольствием доставить по основной дороге на Кандагар. Остальную колонну было решено повернуть на юг и повести по пустынной полевой дороге. Несмотря на труднопроходимость этого маршрута, движение по нему давало определенные выгоды, ибо местность в зоне этой дороги, будучи открытой, затрудняла действия противника и создавала благоприятные условия для нашей авиации. Этот участок маршрута (100 км) был пройден

за 7 суток. Колонный путь прокладывал отряд обеспечения движения (инженерные машины под прикрытием боевого охранения). Всего к 15.09.89 г. в Кандагар прибыло 647 единиц техники, доставлено около 1000 тонн боеприпасов и других материальных средств.

В целом на втором этапе, марш протяженностью 540 км, сопровождавшийся напряженными боевыми действиями, был совершен за 17 суток. Марш и боевые действия осуществлялись в основном организованно. Президент Наджибулла назвал это предприятие «настоящей наступательной операцией». С точки зрения военной прибытие в Кандагар свыше 100 единиц бронетанковой техники, доставка боеприпасов и других грузов существенно повысила боеспособность войск Кандагарского гарнизона.

Прорыв колонны в Кандагар, срыв отчаянных усилий моджахедов по ее уничтожению имело, безусловно, и большое политическое значение. Население встретило головную часть колонны с ликованием. По указанию Президента республики прибытие колонны в Кандагар широко освещалось в печати, по телевидению и других средствах массовой информации.

Таким образом только на фоне активных крупномасштабных боевых действий вокруг Кабула, Джелалабада, Хоста, вдоль магистрали Кабул — Хайротон остальные районы страны выглядели относительно спокойными. В действительности же острое противоборство правительственных сил и вооруженной оппозиции происходило по всей стране. Но формы его проявления, способы борьбы были различными.

Глава VI
Афганцы и мы

1. Организация военного управления и высшее афганское военное руководство

Для мобилизации всех сил и ресурсов страны в интересах обороны и руководства всеми государственными органами, занимающимися оборонными вопросами, в Республике Афганистан до мая 1990 г. существовал Высший Совет обороны Родины.

В Совет обороны входили: Наджибулла (председатель, президент), Абдул Рахим Хатеф (первый заместитель), Султан Али Кештманд (заместитель, премьер-министр); члены Совета: Шах Наваз Танай (министр обороны), Мухаммед Аслам Ватанджар (министр внутренних дел), Гулям Фарук Якуби (министр государственной безопасности), Мухаммед Рафи (вице-президент), Абдул Вакиль (министр иностранных дел), Ниаз Мухаммед Моманд (секретарь ЦК НДПА), Наджимуддин Кавьяни (госсекретарь), Мир Сахеб Карваль (секретарь ЦК НДПА), Мухаммед Асеф Делавар (начальник генерального штаба), Хабдар Масуд (госсекретарь), Фарид Маздак (секретарь ЦК НДПА), А. Лудин (командующий обороной Кабула), Кадыр Ака (командующий ВВС), Назар Мухаммед (госсекретарь по делам призыва), Сулейман Лаек (министр племен), Дауд Размьяр (первый секретарь Кабульского обкома НДПА), И. Тухи (помощник президента), Абдул Хак Олюми (секретарь Совета обороны).

В последующем предусматривалось, что важнейшие оборонные вопросы должны решаться Лойя Джиргой (Высшим Советом авторитетов). Но все эти органы существовали лишь формально и собирались периодически.

В действительности решения по наиболее важным военно-политическим вопросам принимались на Политическом бюро ЦК НДПА и на пленумах ЦК НДПА. Практически, повседневные вопросы руководства оборонными делами и вооруженными силами решались Ставкой Верховного Главного командования вооруженными силами Республики Афганистан. Председателем Ставки и Верховным Главнокомандующим вооруженными силами был Наджибулла.

В состав Ставки Верховного Главнокомандования, кроме

председателя, входили: первый заместитель Мухаммед Рафи, министр обороны Шах Наваз Танай, министр внутренних дел Мухаммед Аслам Ватанджар, министр госбезопасности Гулям Фарук Якуби, секретарь ЦК НДПА, госсекретарь Мир Сахеб Карваль, начальнлк Генерального штаба Мухаммед Асаф Делавар, командующий обороны Кабула А. Лудин (в 1990 г. — генерал Азими), командующий ВВС и ПВО генерал Кадыр Ака, заведующий военным отделом ЦК НДПА Абдул Хак Олюми.

Кроме того, на заседания Ставки приглашались другие должностные лица, необходимые для обсуждения вопросов, выносимых на заседание Ставки.

С Советской стороны обычно присутствовали советник президента Верховного Главнокомандующего по военным вопросам, главный военный советник, работавший при Министерстве обороны, советники при МГБ и МВД.

На заседаниях Ставки обсуждались в основном текущие оперативные вопросы и периодически коренные проблемы военного строительства и боевого применения вооруженных сил. С тем, чтобы фундаментальные вопросы военного строительства заблаговременно с предвидением разрабатывались, а не рассматривались лишь тогда, когда уже они подпирают, мы предложили президенту составить перспективный план рассмотрения наиболее важных вопросов (организация призыва, организационно-штатных вопросов, создания резервных формирований, идеологической работы в вооруженных силах и др.). Наджибулла в принципе согласился. Проект такого плана был подготовлен, но реализовать его в полной мере не удавалось. То оказывалось, что соответствующий вопрос не проработан и не согласован между различными ведомствами, то президенту он представлялся недостаточно срочным и назревшим. В последующем это приводило к тому, что эти вопросы все равно приходилось рассматривать, но с опозданием и в недостаточно подготовленном виде. Жизнь еще раз подтверждала истину: кто берется решать частные вопросы, не решив общих, тот затем вынужден на каждом шагу спотыкаться об эти общие вопросы.

В 1989 г. заседания Ставки проводились ежедневно и начинались в 8 часов утра продолжительностью 1–1,5 часа, иногда больше. Заседание начиналось с доклада начальника Генштаба или его заместителя — начальника оперативного управления. Он обычно докладывал изменения в оперативной обстановке за истекшие сроки, об итогах проведенных боевых действий, подвозе грузов с материальными средствами и ходе призыва. Доклады эти, как правило, слабо отражали реальное положение дел, были расплывчатыми и не содержали какого-либо

анализа и выводов из сложившейся обстановки. Более собранными и четкими были доклады, когда их делал заместитель начальника оперативного управления генерал Исмаил. Доклады Генерального штаба в основном отражали положение дел в армии, т. е. в войсках Министерства обороны. Поэтому после первого сообщения заслушивались доклады министров госбезопасности, внутренних дел, напильника Кабульского гарнизона и по мере необходимости других должностных лиц. Иногда на заседания Ставки вызывались и заслушивались командиры корпусов из Кандагара, Джелалабада, Мазари-Шарифа и командиры из других районов. Частенько бывал командир 53 пехотной дивизии Дустум.

В конце заседания предложения по решению Ставки по действиям на следующие сутки докладывал министр обороны. После этого со своими предложениями выступали Главный советник при Министерстве обороны и советник президента — Верховного Главнокомандующего по военным вопросам. В заключение давал указания Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Наджибулла. В прежние времена, как мне рассказывали афганские товарищи, главным было выступление старшего из советских военных представителей, который излагал и свою оценку обстановки и вытекающие из нее решения. Президент все сказанное им утверждал и делал некоторые дополнительные комментарии.

Мы с президентом Наджибуллой договорились изменить такой порядок работы. Теперь, когда республика Афганистан должна была самостоятельно противостоять вооруженной оппозиции, нужно было менять и методы работы. И в первую очередь укреплять самостоятельность и ответственность афганских должностных лиц. Поэтому предстоящие указания президента мы обсуждали с ним накануне вечером (или рано утром до заседания Ставки). Обычно я ему подготавливал в письменном виде с приложением карты основные вопросы, по которым он должен был давать указания. С учетом этого мои выступления на заседаниях Ставки сводились к тому, чтобы выразить свое отношение к докладам, сделанным Генштабом, министрами и направить их в русло предстоящих указаний президента.

К сожалению, в ряде случаев приходилось поправлять не только афганских участников заседания, но и своих, советских. Мы не раз договаривались в своем кругу, что прежде чем выходить с предложениями по существенным вопросам на совместных с афганцами совещаниях, надо до этого согласовывать их друг с другом. И все же иногда кто-то из наших

начинал делать недостаточно проработанные и не согласованные предложения, которые противоречили тому, что до этого обговаривалось с президентом. Главный советник при министре обороны считал нужным обязательно поддержать своего Министра обороны. Конечно, было не очень хорошо, когда к противоречиям среди афганцев добавлялась полемика между советскими представителями. Но оставлять без замечаний явно не состоятельные предложения и высказывания было нельзя.

Среди афганских участников заседания чаще всего возникали разногласия и начинались острые споры, а нередко резкие личные выпады, когда дело доходило до каких-либо кадровых перемещений или когда речь шла о выделении сил и средств для решения задач в том или ином районе. К примеру, никто не возражал, что в Хост, Джелалабад или в район Саланга нужно направить усиление или пополнение. Но все считали, что это должно делать какое угодно ведомство и только не его. И если даже решение принималось и президент Наджибулла давал указания кому и к какому сроку их исполнить, то, как правило, выполнение их затягивалось, всячески тормозилось, приводились нескончаемые оправдания невозможности выполнить принятые решения. Вследствие этого к ряду вопросов приходилось возвращаться многократно. В условиях всеобщей неисполнительности и плохого контроля за выполнением отданных распоряжений часто оказывались не исполненными решения и распоряжения, отданные самими министрами военных ведомств.

Так, скажем, Ставкой принимается решение о выделении по 100–200 автомашин для направления на базу снабжения Хайротон для вывоза боеприпасов. Все министры докладывают о выполнении этого решения. Посылаю своих офицеров вместе с представителями президента на контрольно-пропускной пункт на северной окраине Кабула, через который все машины должны проходить и выясняется, что машин выделено в 2–3 раза меньше чем докладывалось, или выделены неисправные машины. Бывали и такие случаи, что к моменту начала марша мобилизованные водители машин разбегалась и приходилось наспех вылавливать и назначать других. Не говоря уже о том, что и с трудом собранные колонны почти никогда в полном составе к месту назначения не прибывали. С большими потугами решались и многие другие вопросы.

Мне становилось известным и то, что президент и министры военных ведомств некоторые вопросы стремились решать в рабочем порядке между собой, не вынося их на заседания Ставки, где присутствовали советские представители. Нередко в ходе

таких частных встреч министры добивались от президента отмены или изменения тех решений, которые были приняты на заседаниях Ставки.

В результате никогда не было уверенности в том, будет ли выполняться то или иное решение.

Вполне понятно, что подготовка и принятие решений, определение задач по их исполнению — это только начальный этап любой практической деятельности. Главное после этого проверка уяснения поставленных задач подчиненными, организаторская работа по их выполнению. В чрезвычайно сложной обстановке того времени, неустойчивости положения и неуверенности людей исключительно большое значение приобретало личное общение президента и других руководителей с командирами и с личным составом соединений и частей, а также с населением.

Как показывает опыт, это важно не только с точки зрения воздействия на людей, но и для того, чтобы лучше понять их настроения, оценить жизненность своих решений и распоряжений, почувствовать все нюансы и сложности складывающейся обстановки.

В этом была сила таких руководителей как У. Черчилль или маршал Жуков, которые всегда были тесно связаны с живой действительностью, близко стояли к войскам и, как правило, считали нужным лично самим побывать на местах происходящих событий прежде чем принимать решения. Известно также, как страдало дело из-за того, что Сталин не считал нужным бывать на фронтах.

Исходя из этих соображений, я с первых дней знакомства стремился к тому, чтобы убедить президента Наджибуллу чаще бывать в различных городах и гарнизонах страны, в войсках, обороняющих Кабул. В пределах Кабула нам это удавалось осуществить. Президент несколько раз проводил строевые смотры готовности к выполнению боевых задач частей, отправляемых в Джелалабад, Хост и в другие районы. Эти смотры длились по 4–5 часов. В ходе них президент считал нужным поговорить с каждым офицером и солдатом, подбодрить и дать им напутствие. После этото он выступал перед ними на митинге. Надо сказать, что выступал он без всяких заготовленных текстов. Но хорошо обдумывал то, что надо сказать, с учетом особенностей аудитории, контингента военнослужащих. Его речи были содержательными, эмоциональными и убедительными. Несколько отвлекаясь, хочу сказать, что вообще афганцы любят и умеют говорить, особенно, когда надо высказаться и порассуждать в общем плане.

Самый, казалось бы, непривлекательный, робкий на вид, задавленный тяжестью окопной жизни, внешне опустившийся офицер или солдат буквально преображался, когда надо было выступить на митинге, перед строем товарищей или дать интервью корреспонденту радио и телевидения. Давали о себе знать и плоды десятилетнего нашего воспитания. По глазам и по всему облику выступающего было видно, что он считает нужным говорить о чем угодно, но только не о том, о чем он думает.

Вместе с президентом мы выезжали в некоторые воинские части, расположенные на окраинах Кабула. В учебном центре, расположенном вблизи военного училища «Пухантун», во время смотра одного из подразделений несколько солдат пожаловались президенту, что командир взвода младший лейтенант избивает их, забирает себе часть их денежного жалования. Наджибулла схватил этого командира взвода за шиворот и стал в присутствии солдат тыкать ему кулаком в лицо, выговаривая самые грубые слова. Я пытался отвлечь внимание Наджибуллы на другие дела и увести от этого неприглядного инцидента. Но президент уже не мог себя сдержать и продолжал в резкой форме допрашивать офицера. Правда, уже без рукоприкладства. Мне, чтобы не оставаться и дальше свидетелем этого досадного эпизода, пришлось отойти в сторону и беседовать с другой группой офицеров. При возвращении в Кабул в одной машине с президентом я пытался ему объяснить, что армия перестает быть армией, если в присутствии солдат принижают достоинство офицера, что лучше было бы (пусть в самой резкой форме) спрашивать с офицера в офицерском кругу, а не в общем солдатском строю. На это он мне сказал: «Вы поймите: афганская армия имеет свои хорошие и плохие традиции и последние сразу не изживешь. Афганец он другого языка не понимает».

В 1989 и 1990 годах мы с Наджибуллой побывали несколько раз на командном пункте войск гарнизона, пунктах управления министерств обороны, МВД и МГБ. Было проведено также несколько командно-штабных тренировок по управлению силами и средствами ПВО с реальным обозначением воздушных целей противника. Во время этих тренировок мы с Наджибуллой выезжали на командный пункт ВВС и ПВО. Причем при каждом нашем прибытии на этот командный пункт начинался интенсивный обстрел моджахедами этого района. Это свидетельствовало о том, что среди личного состава авиации и ПВО немало осведомителей афганской оппозиции.

Были и некоторые другие совместные с президентом выезды на пункты управления и войска Кабульского гарнизона. Но мне ни разу не удалось вытащить президента для поездки в

Джелалабад, Хост, Кандагар и в гарнизоны в северных районах страны. В поездки за пределами Кабула приходилось отправляться с другими военными руководителями. Наджибулла каждый раз говорил, что та или иная поездка нужна. Но разговор об этом кончался обычно ссылками на занятость другими делами (а их всегда было с избытком), или в лучшем случае обещанием обдумать очередное предложение о совместном выезде в другие гарнизоны. Или вдруг я внезапно узнавал, что президент в сопровождении представителей КГБ ночью на несколько часов вылетал в Джелалабад или в другой город. Но такие мимолетные вылеты носили, конечно, не деловой характер и были больше нужны для сообщений по радио и телевидению. Поначалу мне трудно было понять причины этого. Тем более, что при совместных поездках в пределах Кабульского гарнизона и попадая под обстрелы, я мог убедиться, что Наджибулла обладает недюжинным личным мужеством и довольно выдержанно реагирует на опасности и обстрелы.

Но постепенно дело с «нежеланием» президента выезжать в другие гарнизоны стало для меня проясняться. После одного из наших выездов на командный пункт ВВС и ПВО, где мы угодили под сильный обстрел реактивными снарядами, ко мне зашел представитель нашего КГБ генерал В. А. Ревин и выразил свое неудовольствие по поводу того, что мы без ведома органов безопасности пригласили президента на такую поездку. Оказалось, что глава афганского государства не всегда сам мог решить можно ему совершать ту или иную поездку или нет. Складывалось впечатление, что о таких выездах наши представители каждый раз докладывали в Москву, спрашивая разрешение на это. Несколько позднее от доверенных президенту лиц я узнал, что и по некоторым военным вопросам Наджибулла после беседы со мной согласовывал некоторые из них с представителями нашего КГБ. Вообще, Наджибулла, будучи близко связанным с КГБ, во многом был зависим от них. Они же руководили его охраной и материальным обеспечением его семьи. Наджибулла мог не найти времени для встречи с прибывшим в Кабул начальником главного штаба советских сухопутных войск, но вместе с тем по несколько суток общаться с десятистепенными лицами, прибывшими по линии КГБ.

Можно было понять особую ответственность представителей КГБ за безопасность, но ее, как и любое другое нужное дело, нельзя было превращать в самоцель. В интересах того, чтобы республика держалась, президенту следовало, когда надо, идти и на определенный риск, ибо главное — это интересы дела, обспечение эффективного руководства. Без этого и сама

безопасность теряла смысл. Не случайно, когда рухнула Республика Афганистан, представители госбезопасности и не вспомнили об этой безопасности и сразу отвернулись от президента.

В любой отрасли деятельности самое гиблое дело — это когда около большого руководителя крутятся представители нескольких ведомств и каждое из них заботится лишь о своем участке работы. А в военное время все должно быть подчинено интересам фронта, целям выполнения военных задач, поскольку от этого зависит судьба государства. Если этого нет, если людям, отвечающим не за дело в целом, а за какой-то частный (пусть даже очень важный) участок работы принадлежит последнее слово в определении линии поведения главы государства, главнокомандующего вооруженными силами, то в его деятельности неизбежно образуются трудно поправимые изъяны.

С точки зрения приспособленности к нуждам военного управления из всех военных ведомств более или менее рациональную организацию имело министерство обороны. В его состав входил Генштаб со всеми необходимыми управлениями (оперативное, разведывательное, организационно-мобилизационное, связи и др.), командования родов войск ВВС и ПВО, артиллерии, инженерных войск, органы тыла, технического обеспечения и др. Но президент считал нужным в должностях начальника Генштаба, начальников оперативного и некоторых других управлений иметь своих представителей (парчамистов), которым министр обороны не доверял. Поэтому наиболее важные дела Танай стремился решать через особую группу доверенных лиц, что создавало постоянное напряжение внутри министерства обороны.

Что касается МГБ и МВД, то организационная структура этих ведомств была приспособлена для решения специфических задач, свойственных этим государственным структурам. В их составе не было специальных органов, обеспечивающих управление войсками, входящими в эти ведомства. Поэтому, если в армии и в управлении войсками было много серьезных изъянов, то в МГБ и МВД квалифицированного руководства подготовкой и ведением боевых действий вообще не было. В системе МГБ несколько лучше осуществлялось управление частями ГОН (гвардии особого назначения). Но постепенно и части гвардии оказались разбросанными по различным районам страны и командование гвардии не имело возможности повседневно управлять ими.

В рамках министерств обороны, внутренних дел и госбезопасности существовали еще главное политическое управление (в министерстве обороны) и политические

управления в МГБ и МВД, призванные проводить в своих ведомствах политику правящей партии (НДПА) и заниматься идеологическим воспитанием личного состава. Если вообще в военно-административном плане афганская военная организация копировала советскую систему, слепо перенимая и положительное и негативное, то в области партийно-политической работы афганские политорганы и партийные организации НДПА каким-то образом ухитрились перенять практически все худшее, что было в советских политорганах, да еще добавить доведенный до самых уродливых проявлений формализм, догматизм, полную оторванность содержания и методов воспитательной работы от конкретной афганской действительности и задач, которые решали вооруженные силы.

Леонид Владимирович Шебаршин в своих воспоминаниях задается вопросом: «Как случилось, что две тысячи советников — полковников и генералов (имеется в виду период до вывода из Афганистана советских войск — М. Г.) не сумели создать в составе афганской армии ни одного полностью боеспособного и надежного подразделения? Как случилось, что тактика действий афганской армии основывается не на современных реалиях, а на безнадежно устаревшем опыте войны на российских просторах? Как случилось, что структура афганских вооруженных сил создана точно по нашему образцу и практика девятилетней войны не привела ни к каким изменениям в этой структуре?

Мы чему-то учили афганцев, сомнений нет. Но главным образом, мы распоряжались и командовали, «пристегивали» к своим операциям, навязывали свои решения, громко при этом крича о слабой боеспособности союзника и ища корень зла в политике…»[72].

В том, что весь корень зла был в политике, сомневаться не приходится. Этот «политический корень» предопределил недостаточную эффективность действий и 40-й армии, и афганских вооруженных сил, и органов государственной безопасности. Что касается «недоверия к союзнику», особенно к афганской армии, то это недоверие больше подогревали именно наши органы госбезопасности. Обо всем это уже говорилось в предыдущих главах.

А насколько обоснованны приведенные выше выводы шефа советской разведки, одного из руководителей хорошо знавших Афганистан, с точки зрения военной? Доля справедливости в его замечаниях, безусловно, есть. Но все же не все здесь объективно. Слишком однозначные и прямолинейные суждения автора внешне хотя и выглядят правдоподобно, но не отражают всех сложностей того, что действительно происходило.

Справедливости ради надо было бы сказать и о том, насколько эффективно действовали афганские органы государственной безопасности и их советники, многие спецподразделения, направленные в Афганистан по линии КГБ.

Что касается организационной структуры афганской армии, то она была примерно такой же, как и в пакистанской, индийской, иранской, китайской и любой другой современной армии. Дело другое, что она, как и организация соединений 40-й армии, была приспособлена больше для действий против регулярных войск противника и мало учитывала особенности борьбы с партизанским движением моджахедов. Поэтому, как уже говорилось, для выполнения боевых задач в советских соединениях, создавались сводные отряды.

О несоответствующей афганским условиям оргструктуре советских войск пишут и авторы книги «Вторжение». В частности, они ссылаются на упомянутую выше книгу Марка Урбана, где он не без ехидства замечает, что вообще-то, кроме дегазирующих машин, Советская Армия прихватила с собой на войну еще много другого совершенно ненужного боевого снаряжения, к примеру ракеты ПВО, хотя всем было известно, что у повстанцев нет авиации[73]. Но если бы авиация со стороны моджахедов или пакистанцев (последние не раз вторгались в воздушное пространство Афганистана) была применена против наших войск, можно представить себе с каким гневом писали бы журналисты о безответственности и преступности действий советского командования. Поэтому их позиция «безошибочна» и всегда есть над чем потешаться: взяли с собой средства ПВО глупо; не взяли (случись что) — преступно.

Затевать коренную перестройку организации афганской армии и тем более после ухода советских войск, практически было невозможно. Дело в том, что после ухода советских войск афганской армии пришлось иметь дело не только с партизанами, но и участвовать в ряде крупных сражений, где и моджахеды начинали приближать свою военную организацию к регулярным основам. Имело также место вмешательство пакистанской армии в военные действия под Джелалабадом и Хостом и не было никакой гарантии, что Пакистан не предпримет более крупно-масштабных военных действий против Республики Афганистан. Вообще, если бы не основной — политический «корень зла», можно было бы и при существовавшей тогда военной организации более успешно решать военные задачи.

А привившаяся в течение десятилетия привычка во всем оглядываться на советских командиров и советников, конечно, давала о себе знать, но она стала постепенно исчезать как только

не стало в Афганистане советских войск и советников в соединениях и частях. Когда не на кого стало оглядываться, сама жизнь начала вынуждать действовать более самостоятельно.

Многое зависело от конкретных личностей, их характера, способностей, подготовки и опыта. Поэтому коротко рассмотрим, что представляли собой основные афганские руководители, непосредственно занимавшиеся военными вопросами.

Наджибулла

Наджиб родился в 1947 г. и происходил из состоятельной пуштунской семьи. Как говорили, женат он на внучке бывшего афганского короля. На Востоке не принято делать комплименты и даже передавать приветы женам. Но все же по-нашенски, не могу не отметить, что супруга Наджиба — на редкость красивая, обаятельная и образованная женщина, довольно прилично знавшая и английский язык.

Наджиб окончил медицинский факультет Кабульского университета и еще совсем молодым человеком примкнул к революционному движению. Вступив в НДПА и поддерживая ее парчамистское крыло, принял активное участие в Апрельской революции 1978 г. После свержения Амина он возглавил органы государственной безопасности.

В 1983 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. Будучи министром госбезопасности, он многое сделал для пресечения проникновения в партийные, государственные органы и вооруженные силы ставленников оппозиции. Но вместе с тем, многие советские и афганские руководители считают, что он приложил руку как к вынужденным, так и к многим неоправданным репрессиям в стране, используя иногда борьбу против явных противников и для расправы с политическими оппонентами в рядах НДПА и в целом в государстве.

С 1986 г. он становится генеральным секретарем ЦК НДПА. С 1987 г. — президент Республики Афганистан, председатель Совета обороны и Верховный Главнокомандующий вооруженными силами.

Наджибулла человек высокого роста, плотного и несколько полноватого телосложения, с открытым и привлекательным лицом. Он был молод, властолюбив и полон жизненной энергии. Наджиб обладал широкой культурой и политической эрудицией. Безусловно, среди афганских руководителей он отличался умом, высокой работоспособностью и умением быстро схватывать

особенности сложной обстановки и делать обоснованные выводы. Он был также довольно творческим человеком и легко отходил от сложившихся стереотипов и предрассудков.

Несмотря на внешнее спокойствие, самообладание в сложных условиях обстановки, он мог быть очень резким и эмоциональным, когда к этому вынуждали обстоятельства.

Хорошо зная историю и обладая чувством юмора, он слыл хорошим рассказчиком. На встречах и вечерах произносил продолжительные и довольно интересные речи.

Как всякий афганец, Наджиб человек очень хитрый и способный на неожиданные, неординарные ходы. Во многом по его инициативе была провозглашена политика национального примирения, означавшая крутой поворот во внутренней политики Афганистана. В 1991 г. он неожиданно возвратил в страну Бабрака Кармаля. Да и к тому, как он быстро покинул свой пост, не были готовы даже многие его соратники.

Военной подготовки Наджибулла не имел, в армии не служил. Но будучи министром госбезопасности, он много соприкасался с решением военных вопросов в высших кругах. Поэтому, став главой государства и вооруженных сил, Наджибулла уже неплохо разбирался в военно-политических вопросах, был знаком с боевыми возможностями оружия и военной техники основных родов войск. Наиболее основательно он стремился вникнуть в вопросы боевого применения авиации. Каждый раз, когда я приходил к нему с очередной оценкой обстановки и предложениями по предстоящим решениям, он внимательно выслушивал, задавал довольно конкретные вопросы и старался основательно вникнуть в суть рассматриваемых вопросов.

Наджибулла внимательно относился к советским представителям. Во время советских праздников (в годовщины Октябрьской революции, дни Советской Армии и другие) он со всем высшим руководством Афганистана приезжал в советское посольство, вел себя непринужденно и рассказывал много интересных эпизодов из афганской жизни и истории.

В целом Наджибулла довольно уверенно осуществлял руководство страной и вооруженными силами. Но все же ему не удавалось сплотить вокруг себя высшее политическое и военное руководство Афганистана. Он с трудом сдерживал свою неприязнь к халькистам, а последние платили ему такой же взаимностью. Был крайне подозрителен к любому, кто не входил в близкое к нему окружение и имел излишнюю слабость к своим старым друзьям. Это приводило к большим ошибкам в кадровой политике. Например, мало кто столько делал для дискредитации

президента своим неуместными действиями, как его самый старательный помощник генерал Баки, по своим замашкам во многом напоминавший нашего Л. Мехлиса. Его многие просто ненавидели, но президент не хотел с ним расставаться.

Весьма своенравным человеком был генерал Манукай Мангал, ставший в 1990 г. начальником главного политического управления Министерства обороны. В самом спокойном гарнизоне после его посещения начинались ссоры и противоречия. После его поездок в Мазари-Шариф и Балх в 1991 г. начали отходить от Наджибуллы северные районы страны. Во время моей первой поездки в Джелалабад со мной находился заместитель начальника оперативного управления генерал Исмаил (халькист), близко стоявший к министру обороны Танаю. С точки зрения профессиональной это был один из самых подготовленных и способных афганских генералов, отличавшихся исключительностью, самоотверженностью в работе. Свободно владел русским языком и это облегчало общение с ним советников. Работая в штабе Джелалабадского фронта, он позволил себе сделать несколько нелестных, но справедливых замечаний о нерациональном использовании сил и средств, направляемых в район Джелалабада. Об этом было немедленно доложено генералу Мангалу, являвшемуся генерал-губернатором провинции Нангархар, представителем президента в Джелалабаде и чем-то вроде политического комиссара при генерале Делаваре. Уже после возвращения в Кабул я узнал от других лиц, что ночью перед нашим отъездом генерал Мангал направил в комнату, где находился генерал Исмаил, нескольких солдат, которые стали его душить и избивать.

Только появление генерала Делавара в связи с поднятым шумом предотвратило расправу. К сожалению, во время пребывания в Джелалабаде мне Исмаил ничего об этом не сказал. В Кабуле свое умолчание об инциденте он мне объяснил опасением того, что чрезмерно резкая реакция с моей стороны могла бы по его мнению поставить под угрозу всю нашу группу. «Они могли бы, — говорил он, — найти много разных способов, чтобы мы не смогли благополучно вернуться в Кабул».

Я на следующий же день рассказал об этом президенту Наджибулле и выразил возмущение по поводу такого бесцеремонного обращения с генералом, который по поручению президента вместе со мной выезжал в Джелалабад. Мной было подчеркнуто, что таким путем наносится оскорбление и президенту и представителю Советского Союза. Характерно, что сам этот безобразный факт не вызвал особо острой реакции президента. Он пообещал разобраться и принять меры. Как потом

стало известно, Наджибулла сделал лишь устное замечание генералу Мангалу. А вскоре последний был назначен начальником Главного политического управления министерства обороны.

Этот факт лишний раз свидетельствовал о том, насколько большой была неприязнь между халькистами и парчамистами. Вспоминая и другие подобные случаи и узнав в 1991 г. (уже будучи в Москве), что руководители, допустившие падение Хоста, вернувшись в Кабул через пакистанскую территорию, не понесли по существу никакого наказания, я думал о том, что, видимо, положение Наджибуллы среди его окружения было значительно сложнее, чем мы предполагали. Во всяком случае он, видимо, не все был волен делать по своему усмотрению.

Все Афганские руководители, начиная от Тараки и Амина и кончая Кармалем и Наджибуллой, хорошо усвоили, что самым безнадежным и трудным является возможность оказать давление и чего-либо добиться внутри Афганистана от своих государственных и военных структур и вместе с тем было значительно легче что-либо выбить за счет Советского Союза. Некоторые афганские руководители почему-то были уверены, что Афганистан нужен Советскому Союзу больше, чем им самим. Поэтому, — полагали они, — самое главное — это уметь нажать на советских рукодителей, у которых по их мнению не было другого выхода, как помогать Афганистану. Особенно усердствовал в этом отношении Наджибулла после вывода советских войск. Я ему много раз говорил, что нужно провести тщательную инвентаризацию всего военного имущества и техники, имеющихся в Афганистане, и в первую очередь, разобраться с имеющимися запасами на перевалочных базах в Хайротоне и Турагунде с тем, чтобы полнее использовать имеющиеся ресурсы. Предлагал президенту съездить вместе на эти базы. Но на каждом заседании Ставки ВГК, при каждом посещении Кабула высокопоставленными советскими руководителями Наджибулла выдвигал все новые и новые просьбы о выделении дополнительного количества оружия, боеприпасов и других материальных средств. Летом 1990 г. на одном заседании Ставки, когда я уже собирался покидать Афганистан и вместе со мной присутствовал прибывший на мое место генерал Н. Ф. Грачев, Наджибулла в небывалой до этого резкой форме высказался насчет того, что Советский Союз не выполняет свои обязательства о поставках новых самолетов, парашютных систем, необходимых для доставки грузов в Хост, и некоторых других видов военной техники. Я ему сказал, что мы собрались на заседание Ставки для того, чтобы думать и

вырабатывать решения как лучше использовать имеющиеся средства, а не для того, чтобы оказывать нажим на советскую сторону. А вопрос о советских поставках мы могли бы рассмотреть отдельно с участием посла и других представителей.

После этого заседания, зайдя в кабинет Наджибуллы, я заявил ему, что сводя всю работу Ставки к вопросу о поставках, Вы демобилизуете своих подчиненных, отвлекаете их внимание от вопросов, которые они могут и должны решать имеющимися средствами. Наджибулла извинился за резкий тон, допущенный с его стороны, и сказал, что к разговору, который он вел на заседании Ставки, его вынудили некоторые обстоятельства. При уходе от президента один из его помощников доверительно сказал, что до заседания Ставки у президента были некоторые близкие к нему люди, министры и тоже оказывали на него давление. Как сказал помощник, Наджибулле надо было показать его твердость перед Советским Союзом. Если СССР не будет оказывать помощи, Наджибулла будет искать другие пути решения афганской проблемы. Тогда еще многое было не ясно. Но у меня возникало предчувствие, что Наджибулла начинает перебирать и теряет чувство реальности. Не видит тех крутых перемен, которые назревали в Советском Союзе и в целом в международной обстановке.

Несмотря на все то, что произошло, Наджибулла остается одним из самых талантливых политических деятелей Афганистана и если будут учтены ошибки прошлого, он еще может сослужить хорошую службу своему народу.

Когда летом 1991 г. с официальным визитом был в Афганистане О. Д. Бакланов, Наджибулла к нему обратился с просьбой о моем возвращении в Афганистан хотя бы на короткое время. Но события августа 1991 г. сделали все это не нужным.

Мухамед Рафи

Подполковник Мухаммед Рафи был назначен министром обороны сразу после свержения Амина в январе 1980 г. Затем, побывав на разных государственных постах, в декабре 1986 г. он снова вернулся к этой должности и был министром обороны до 1988 г., когда в августе 1988 г. на его место заступил Ш. Танай. В 1989 г. Рафи был генерал-лейтенантом, вице-президентом и первым заместителем Верховного Главнокомандующего вооруженнными силами Республики Афганистан. Вскоре, с присвоением очередных воинских званий «генерал-полковник» и «генерал армии» министрам военных

ведомств, такие же воинские звания присваивались и Рафи. Присвоение этих воинских званий происходило не по военным заслугам или выслуге лет, а исключительно по конъюнктурным политическим соображениям. В афганской армии, где на волне революции некоторые офицеры за короткий срок сделали головокружительную карьеру, почти каждый офицер считал, что он достоин любого воинского звания и очередное присвоение воинских званий вызывало у всех, кто его не получил, крайне негативную реакцию. Поэтому нередко привоение воинских званий производилось целыми кампаниями.

В отличие от многих других офицеров, генерал Рафи был исключительно скромным человеком и не переоценивал своих возможностей. Президента Наджибуллу он больше устраивал именно тем, что строго и добросовестно выполнял данные ему поручения, не претендуя ни на какие самостоятельные роли и не вмешиваясь в какие-либо другие дела. Он был очень доступным, охотно принимал всех афганских должностных лиц и прибывающих в Кабул гостей. Всегда всех внимательно слушал.

Не в пример многим афганским руководителям, совещания он проводил сравнительно коротко и его выступления, указания были, как правило, лаконичными. Живя и работая в стране более 10 лет находящейся на военном положении и пройдя некоторый курс военного обучения в СССР, он неплохо изучил основные военные проблемы, знал боевые возможности вооружения и техники. Вообще генерал Рафи обаятельный и подчеркнуто вежливый человек. Он никогда не повышал голоса. Самые страшные безобразия и непорядки, с которыми приходилось встречаться в войсках, его из равновесия не выводили. Некоторые афганцы и советники воспринимали эту черту характера М. Рафи, как проявление пассивности и безразличия.

При первых встречах, побывавшие у него люди, покидали кабинет М. Рафи удовлетворенными согласием вице-президента с доложенными и принятыми решениями по рассмотренному вопросу. Но постепенно наступило разочарование, ибо обычно со стороны генерала Рафи практически ничего не предпринималось, чтобы провести в жизнь принятые предложения и решения, добиться их выполнения. Отсутствие самостоятельности, инициативы и твердости характера в сочетании со слабыми организаторскими качествами снижали многие потенциально положительные качества этого политического и военного деятеля.

Шах Наваз Танай

О Шах Навазе Танае, как Министре обороны, ранее уже было сказано. Можно лишь еще подчеркнуть, что это очень энергичный, подвижный человек с хорошими волевыми, организаторскими и другими военно-професиональными качествами. Он небольшого роста, но физически крепкий и выносливый человек, обладавший и хорошей практической сообразительностью. Но должность Министра обороны неизбежно связана и с участием в решении военно-политических вопросов. Но его амбиции далеко не соответствовали уровню его политического развития и мышления. Гибкости и зрелости в политических вопросах ему явно недоставало.

Многие его действия в 1989–1990 гг. были настолько противоречивыми, что до сих пор остались для меня непонятными цели и мотивы, из которых он исходил.

После неудавшегося мятежа в марте 1990 г. Танай с группой своих сподвижников перелетел в Пакистан и присоединился к Г. Хекматьяру. Видимо, он рассчитывал, что в лагере оппозиции ему предоставят достойную его положения должность и более активно используют его в борьбе против режима Наджибуллы. Но, судя по всему, эти его надежды не оправдались.

Мухамед Аслан Ватанджар

М. А. Ватанджар родился в 1946 г. в провинции Пактика в крестьянской семье. По национальности — пуштун. Окончил военное училище, служил в 4-й бронетанковой бригаде. Участвовал в движении М. Дауда и свержении королевского режима в 1973 г. Однако вскоре был отстранен М. Даудом от активной деятельности.

М. А. Ватанджар один из молодых офицеров-халькистов, принимавших активное участие в совершении военного переворота во время Апрельской революции 1978 г. Он одним из первых прибыл на своем танке к дворцу Дауда и первым произвел выстрел по нему. И в целом, во время апрельских событий показал себя очень решительным и мужественным человеком.

Он по праву считался одним из героев Апрельской революции. И в память об этих событиях именно его танк был установлен на центральной площади Кабула. В марте 1979 г. Ватанджар был назначен министром обороны. Но за критику произвола и массовых репрессий, практиковавшихся Амином, был отстранен от должности. Он наверняка был бы арестован и расстрелян. Но его вместе с некоторыми другими афганскими деятелями тайно вывезли в СССР советские сотрудники. После

свержения Амина Ватанджар снова вошел в состав правительства и занимал пост министра связи. В доверительных беседах он рассказывал мне, что период работы министром связи был для него самым желанным временем. Я как мог, делал свое дело — говорил он, — никто меня особенно не беспокоил, часто ездил за рубеж и впервые в жизни так много увидел.

В 1989 г. генерал Ватанджар был министром внутренних дел и довольно неплохо справлялся со своими обязанностями. После провала мартовского мятежа в 1990 г. и бегства Таная Ватанджар был назначен министром обороны. Конечно, это была не его должность и он сам ею несколько тяготился. Но Наджибулла пошел на это назначение, чтобы хоть в какой-то степени успокоить халькистов. Вместо него министром внутренних дел был также назначен халькист — Пактин.

Ватанджар и Пактин представляли ту часть халькистов, которые будучи патриотами и преданными Республике Афганистан, считали нужным находить общий язык с парчамистами, другими политическими движениями и не участвовали во внутрипартийной конфронтации. На любом посту, куда их назначали, стремились в меру своих возможностей честно выполнять свой долг. Кроме того, Ватанджара отличали исключительная порядочность, скромность, внимательность к людям независимо от рангов и занимаемых положений. Где бы он не работал, большинство людей его уважало, он пользовался большим авторитетом и в народе. Будучи человеком простым, общительным, он располагал к дружбе, доверительному разговору. Скажу прямо: лично я всегда откровенно симпатизировал ему и с удовлетворением сотрудничал с ним.

Как у всякого человека у Ватанджара отмечались и некоторые слабости. Причем чаще всего некоторые его хорошие качества превращались в свою противоположность. Основным недостатком Ватанджара было то, что его душевность, чрезмерно мягкий характер и доброта мешали ему в полной мере употребить власть, практически организовать и потребовать выполнения решения поставленных задач. В условиях существовавших в Афганистане низкой организованности и беспорядка, эти изъяны в характере и методах работы Ватанджара ослабляли управление подчиненными ведомствами и войсками.

Ролям Фарук Якуби

Ролям Фарук Якуби, сын Хана-Мохаммада, родился в 1938 году в г. Кабуле. По национальности таджик. Обучался в лицее Неджат и Академии Царандоя (МВД), диплом об окончании которой получил в 1961 г. Затем был направлен для продолжения учебы в ФРГ. Получил степень магистра. По возвращении на родину преподавал в Академии Царандоя, работал в оперативном отделе МВД, назначался начальником уголовного розыска МВД, начальником Царандоя провинции Кабул.

В 1979 году получил должность заместителя начальника управления государственной информации. Впоследствии назначен заместителем министра государственной безопасности РА. После избрания Наджиба генсеком НДПА стал министром государственной безопасности.

В его специальную работу я, разумеется, не вникал и вообще недостаточно знал его. Но по тому, как мы общались с ним на заседаниях Ставки и при личных встречах по делам военных действий, в которых участвовали войска МГБ, можно было судить, что это эрудированный, умный, но очень скрытный и хитрый человек. Разговаривал он с советниками благожелательно и оперативно решал вопросы, которые перед ним ставились. Но в дела боевого применения своих войск он мало вникал, хотя их снабжению и обеспечению уделял должное внимание.

Раз Мохаммед Пактин

Родился в 1938 году в провинции Пактия в бедной крестьянской семье. По национальности — пуштун. В 1959 году окончил высшее педагогическое училище в Кабуле. В 1961–1969 гг. учился в СССР, где окончил Московский энергетический институт. Хорошо знает русский язык.

В 1969–1973 гг. работал преподавателем в Кабульском политехническом институте.

В 1973 г. вновь был направлен в СССР, где в 1977 году окончил аспирантуру в Московском энергетическом институте и получил степень кандидата технических наук. По возвращении работал преподавателем пединститута.

Принимал активное участие в Апрельской революции, после победы которой с мая по июль 1978 года был заместителем министра водного хозяйства и энергетики.

В июле 1978 года назначен Послом Афганистана в СССР.

После свержения режима Х. Амина стал министром водных ресурсов и энергетики, затем министром энергетики.

В июле 1988 года назначен министром водных ресурсов и энергетики, а в марте 1990 года — министром внутренних дел РА.

Пактин — человек образованный и умный. Конечно, в вопросах боевого применения внутренних войск он разбирался слабо, но обладая хорошей памятью, организаторской хваткой, он начал основательно вникать в дела министерства внутренних дел.

Абдул Вакиль

Министр иностранных дел Абдул Вакиль родился в 1945 г. в уезде Баграми (провинция Кабул). Член НДПА с 1965 г., группа «Парчам». Состоял членом революционного совета. В 1971 г. окончил экономический факультет Кабульского университета. В 1973–1974 гг. проходил службу в армии. Прилично знает английский язык.

Принимал активное участие в Апрельской революции, после победы которой избран членом Революционного совета и назначен Генеральным секретарем МИД республики. В 1979 г. отправлен послом в Лондон.

После свержения режима Х. Амина с 27 декабря 1979 г. по 6 июля 1984 г. находился на посту министра финансов.

После непродолжительного перерыва в работе выполнял обязанности посла во Вьетнаме, а затем в Чехословакии.

В 1986 г. стал министром иностранных дел Республики Афганистан. Как дипломат он был добросовестным исполнителем решений президента в области внешней политики и мало проявлял самостоятельных крупных инициатив. Особенно слабым было его влияние на переговорный процесс с лидерами оппозиции и вообще на создание благоприятных внешнеполитических условий для решения военных задач. А. Вакиль был одним из самых приближенных людей к Наджибулле.

Мухаммед Асеф Делавар

Генерал Делавар — профессиональный военный. Он прошел все ступеньки военной службы. Командовал дивизией, затем

армейским корпусом. Он пользовался большим доверием Наджибуллы и не только потому, что примыкал к парчамисткому крылу. Кроме всего остального, он вообще был очень надежным человеком.

В 1989–1990 гг. Делавар был на должности начальника Генерального штаба Министерства обороны. Поскольку Министр обороны Танай, как и всем людям президента — парчамистам не доверял, его положение в министерстве обороны было довольно сложным. Часто президент по оперативным вопросам звонил не министру, а начальнику Генштаба, что вызывало раздражение генерала Таная. Начальники управлений Генштаба и начальники родов войск, получив то или иное указание Генштаба, обычно докладывали об этом министру обороны и только после получения его согласия приступали к выполнению.

Несмотря на все это, генерал Делавар, стойко и самоотверженно трудился, стараясь не влезать ни в какие политические дела.

Асеф Делавар, как человек много командовавший войсками и имеющий большой боевой опыт, как никто другой глубоко понимал психологию афганского офицера и солдата, хорошо знал, что от них можно требовать и чего нельзя. Как уже отмечалось, большую часть времени он проводил на фронтах, в районах боевых действий, куда его посылал президент, когда где-либо трудно складывалась обстановка.

В самой сложной обстановке, в минуту большой опасности он оставался совершенно невозмутимым, спокойным и хладнокровным. Десятилетняя война изнурила его до предела. У него опухали и сильно болели ноги. Но он ни разу не пожаловался ни президенту, ни министру на усталость или болезни и продолжал безропотно трудиться.

Некоторые афганские генералы (например, генералы Рафи, Азими, Лудин и др.) ухитрялись периодически выезжать на лечение в Советский Союз. Но А. Делавэру, больше всего в этом нуждавшемуся, это ни разу не удавалось.

Вместе с тем генерал Делавар был типичный афганский военачальник, который старался добросовестно выполнять свои обязанности и не проявлял особой инициативы в принятии самостоятельных решений.

Он недостаточно активно вмешивался в ход боевых действий. Не любил отдавать подробных указаний, а иногда вообще не отдавал никаких распоряжений, ссылаясь на то, что каждый командир должен сам сознавать, что ему делать. Не только у Делавара, но и у некоторых других в целом толковых афганских генералов было заметно стремление к общему руководству и как-

то неохотно они вникали в тонкости, детали решаемых вопросов, что в военном деле иногда очень важно. В начале мая 1989 г. мы с генералом Делаваром прибыли в расположение 15 танковой бригады, где должны были провести смотр готовности вновь сформированного танкового батальона для отправки в Джелалабад.

Он обошел расположение батальона, подошел к строю личного состава и начал произносить обычную речь об обстановке в стране, о положении дел в Джелалабаде, о той роли, которую должен сыграть личный состав батальона в Джелалабаде. Я ожидал, что он хоть после этого начнет более тщательно знакомиться с состоянием техники и качеством комплектования батальона личным составом.

Но пока я осматривал технику, он принялся уже прощаться с командованием бригады и батальона. Тогда я был вынужден обратить его внимание на то, что в составе некоторых экипажей есть люди, которые нигде не обучались на танкистов, механиком-водителем одного из танков был назначен водитель автомашины, который до этого не водил танк. В некоторых экипажах было по два механика-водителя и ни одного наводчика. В нескольких танках наши офицеры не нашли и половины положенного боезапаса. Много было и других недостатков в состоянии техники и экипировки личного состава. Генерала Делавара все это не смутило и он спокойно посоветовал командирам бригады и батальона обратить внимание на эти упущения. В беседе с Делаваром при возвращении в Кабул я выразил свою озабоченность недостаточной боеготовностью батальона. Он понимающе все это выслушал и сокрушенно сказал: «Никто сейчас не может сказать, кто из этих людей действительно доберется до Джелалабада. А из тех, кто останется в батальоне и за счет Джелалабадских танкистов, потерявших в боях свои танки, все равно придется формировать новый батальон».

Такое восприятие происшедшего я расценивал тогда как смесь мудрости, основанной на более глубоком знании афганской жизни и фатальной веры в то, что с помощью Аллаха все как-нибудь уладится.

Конечно, все это никак не согласовывалось с принципами, свойственными моей натуре, которые не позволяли ни при каких обстоятельствах мириться с тем, что происходит и понуждали до конца биться над тем, чтобы изменить обстоятельства и добиться выполнения поставленной задачи. Но в Афганистане веками выработались свои понятия, привычки и традиции, которые даже после многих пудов съеденной соли остались для нас не до конца разгаданными загадками.

На ведущих должностях в Генштабе были начальник оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Мухаммед Анвар, уже упоминавшийся его заместитель генерал-майор Исмаил, отличавшиеся хорошей оперативной подготовкой и добросовестностью в работе. Начальником разведывательного управления был генерал-лейтенант Абдулхак Самади. Он занимался в основном агентурной разведкой и совершенно недостаточно уделял внимание вопросам войсковой разведки.

Большим злом в работе сотрудников генштаба, а также войсковых командиров и штабов было многословие при докладах обстановки и вообще при переговорах офицеров по телефону и радио. При разговорах по радио, когда может говорить лишь один из абонентов, попытка выяснить обстановку превращалась в мучительный процесс.

Иногда, скажем, хочешь услышать всего несколько слов: овладели ли какими-то населенными пунктами или удерживается ли та или иная высота. Вместо ответа обычно начинался подробный рассказ, что было до этого, какие трудности командир испытывает, в чем нуждается и т. д.

Это не только приводило к бесцельной трате времени, нэ и не давало возможности своевременно реагировать на изменения обстановки и принимать необходимые меры. Мы провели несколько занятий по правилам пользования средствами связи, методам переговоров, докладов обстановки по картам. Но до конца отучить от длительных, многословных докладов было невозможно.

В Министерстве обороны можно было бы отметить еще командующего артиллерией генерал-лейтенанта Мухаммеда Фарука, заместителя Министра по вооружению генерала Мухаммед Садых Захина, начальника тыла генерал-майора Фатех Мухаммеда, начальника инженерных войск генерала Аюба. Надо сказать, что все они, как это было возможно в их положении, довольно старательно выполняли свои обязанности. Но в условиях афганской специфики эти должностные лица, как и другие начальники родов войск и служб, были по существу бесправными. Ибо никакие их распоряжения и указания в войсках не выполнялись. Поэтому они в лучшем случае выступали как консультанты по своим родам войск.

Когда во время одного из выездов в расположение войск я показал Наджибулле насколько плохо идет инженерное оборудование местности, он на следующем заседании Ставки сделал резкие замечания и объявил о разжаловании генерала Аюба до рядового. Одновременно предупредил его, что если через

две недели положение дел с инженерным оборудованием обороны Кабула не будет улучшено, то он будет отдан под суд и расстрелян. И вот генерал Аюб теперь в качестве рядового должен был сделать то, что ему не удалось будучи генералом. После заседания он потрясенный подошел ко мне и просил спасти его. Вечером в более спокойной обстановке я объяснил президенту, что нужно обязать министров военных ведомств заняться инженерным оборудованием местности, выделить инженерную технику, дополнительное количество личного состава за счет вспомогательных частей, военных учреждений и учебных заведений. Обязать и личный состав обороняющихся подразделений выполнять простейшие инженерные работы. Как ни странно, но сами афганские войска, особенно офицеры считали, что оборудование окопов и блиндажей — это не их дело. В связи с этим вспомнился эпизод из Севастопольских рассказов Л. Толстого: пробежавшая по расположению артиллерийской батареи коза, разрушила бруствер и командир батареи написал заявку, чтобы прислали сапер для исправления бруствера. Эти пережитки XIX в. в отношении инженерного оборудования местности продолжали жить в афганской армии. Я рассказал также Наджибулле как прибывший в Египет (в район Суэцкого канала) Кувейтский батальон прежде, чем занять назначенный участок обороны, нанял египетских рабочих для оборудования окопов и блиндажей. Напомнил также, что во время первой и второй мировых войн первоочередные инженерные работы выполняли обычно сами обороняющиеся войска и только для оборудования тыловых рубежей привлекались строительные организации и население.

После нашей беседы президент Наджибулла распорядился, чтобы была подготовлена специальная директива Ставки о порядке инженерного оборудования оборонительных позиций. Кстати, по этому вопросу много пришлось «воевать» с министрами, командирами соединений, но директива Верховного Главнокомандующего должным образом не выполнялась.

Относительно Аюба президент сказал, что он вместо дела занимается ненужными разговорами. Тогда я понял, что главной причиной гнева президента были не инженерные дела. Месяца через 2–3 после неоднократных напоминаний президент восстановил Аюба в генеральском звании, хотя состояние инженерного оборудования оборонительных позиций мало изменилось.

Надо сказать также, что много неприятностей возникало из-за беспорядочной установки мин, которые не всегда точно фиксировались и учитывались. Поэтому немало было случаев,

когда подразделения подрывались на своих же минных полях. В последующем и за это не раз перепадало генералу Аюбу.

Из командующих (начальников) родов войск наиболее самостоятельное положение занимал командующий ВВС и ПВО генерал Абдул Кадыр Ака. На вид это был очень симпатичный, рослый человек. Начинал он службу офицером автомобильной службы в авиационных частях. Летно-технической подготовки не имел, но много лет работая в системе авиации и войск ПВО, ознакомился и знал основы боевого применения и управления этими родами войск. Он пользовался определенным доверием у президента, часто непосредственно от него получал задачи. Но будучи халькистом и очень гибким, хитрым человеком, одновременно оставался близким человеком по отношению к Министру обороны. В конечном счете он участвовал в мятеже 1990 г. и вместе с Танаем перелетел в Пакистан.

Среди других должностных лиц, с которыми приходилось больше всего сотрудничать, хочу вспомнить генерала Назара Мухаммеда, который с 1984 по 1986 гг. был Министром обороны, а в 1989–1990 гг. (во время моей работы в Афганистане) занимал должность председателя Чрезвычайной комиссии по призыву. Назар Мухаммед производил впечатление человека мудрого и уравновешенного. Он внимательно следил за ходом призыва, имел обычно подробные данные о состоянии дел. Готовил в основном обоснованные предложения, указы президента и постановления правительства о призыве и увольнении военнослужащих всех ведомств.

Но серьезного влияния на эти процессы он оказывать не мог. Он иногда по полгода не мог попасть на доклад к президенту. Помощники президента его отправляли к вице-президенту Рафи, который охотно, вежливо принимал его, но многих вопросов решить не мог. Мне с большим трудом удалось добиться, чтобы Назар Мухаммед был несколько раз заслушан на заседаниях Ставки ВГК. Решения, принятые Ставкой сводились к общим требованиям по улучшению призыва, а порочная система призыва оставалась неизменной. К тому лее у председателя Чрезвычайной комиссии по призыву не было никаких властных полномочий, он не мог проконтролировать и что-либо потребовать от министров военных ведомств.

Поэтому, несмотря на формально старательную работу генерала Назара Мухаммеда, дела на его участке работы решались плохо. Да и сам он особой настойчивости в этой области не проявлял.

Заметную роль в Кабуле играл 1-й секретарь Кабульского горкома Дауд Размьяр. Он запомнился как очень умный и

деятельный человек, всегда очень ярко и убедительно выступал. Я его в шутку звал «Робеспьером», но он сказал, что не хотел бы, чтобы его постигла участь Робеспьера. Мы вместе с ним несколько раз проводили совещания с руководителями районов, наиболее крупных предприятий, учебных заведений по вопросу оказания помощи в обороне города.

Я им рассказал, как это делалось при обороне Москвы, Одессы, Сталинграда. После этого они закрепили районы, предприятия и учебные заведения за определенными частями, находящимися на передовых позициях. Обязали их посылать туда своих представителей для моральной поддержки, помогать их семьям, посылать личному составу теплые вещи, некоторые продукты, проводить для них концерты. Все руководители проявили немалый энтузиазм, провели в своих районах митинги, начали создавать ополчение. Для этого ополчения Московский горком послал обмундирование, медицинское имущество, средства связи. Но первоначальный энтузиазм партийного актива быстро остывал, особенно, когда представители районов несколько раз попали под обстрелы и понесли потери. Немалое сдерживающее воздействие на них оказывали и угрозы моджахедов.

Вместе с Размьяром мы встретились и с лидерами религиозных общин. Просили их бывать в войсках и настроить их на стойкую оборону.

Последний раз мы виделись с Размьяром в Москве, где он был послом Афганистана.

Из командиров корпусов особо хотел бы отметить генерала Нурульхака Олюми — командира 2 армейского корпуса, расположенного в районе Кандагара. Он отличался прежде всего умелой работой среди населения и полевых командиров оппозиционных сил. Хорошо вел агентурную разведку. Как только становились известными намерения моджахедов об очередной вылазке против Кандагара, по совету генерала Олюми или по своей инициативе целые группы родственников и знакомых из Кандагара отправлялись к полевым командирам оппозиции и уговаривали их не предпринимать обстрелы и нападения. Были данные и о том, что в ряде случаев моджахедам за отказ от нападения платили деньги, давали продовольствие и даже боеприпасы.

Как и в Герате, в Кандагаре моджахедам разрешалось приходить в город к своим родственникам, оставляя оружие на контрольно-пропускных постах.

Генерал Олюми всемерно содействовал торговле, уделял большое внимание восстановлению и ремонту мечетей, школ,

больниц, дорог внутри города, проводил благотворительные мероприятия для малоимущих. Вообще среди населения и в войсках Олюми пользовался большим авторитетом.

Благодаря всем этим мерам Кандагар и его окрестности в 1989–1990 гг. жили спокойнее, чем в других городах. Генерал Олюми не получал от правительства даже продовольствия и закупал его на месте. Организовал фабрику по изготовлению военного обмундирования и обуви.

Вместе с тем были и периодические обстрелы Кандагара и особенно интенсивные обстрелы аэродрома, расположенного в 12 км южнее Кандагара. Моджахеды прочно блокировали дороги и не пропускали машины по дороге на Герат и Турагунди.

Проводились активные действия по удержанию Кандагарского аэродрома, расширению контролируемой зоны вокруг города, разблокированию дороги на север, прокладке обходной полевой дороги северо-западнее города. Но в целом войска 2-го армейского корпуса решали главным образом оборонительные задачи по удержанию занимаемых позиций и вели себя довольно пассивно. В этом регионе действовал принцип: «Нас не трогай, мы не тронем».

Тесные связи генерала Олюми с оппозицией вызывали у президента Наджибуллы определенные подозрения и он опасался, что в сложной переменчивой обстановке Олюми может вообще переметнуться на сторону оппозиции. Президент периодически менял Олюми на посту командира 2 корпуса, отправлял его на учебу в СССР. Но после замены другие командиры корпусов трудно приживались в Кандагаре, обстановка там осложнялась и президент был вынужден снова возвращать Олюми на свое место, где он обеспечивал определенную устойчивость и стабильность.

Мне много раз приходилось встречаться и беседовать с генералом Олюми. В целом его суждения по оценке обстановки были здравыми. Но в разговоре он почти никогда не поднимал оперативно-тактических вопросов, проблем боевого применения войск и управления. Все его разговоры сводились обычно к вопросам присвоения генеральских и полковничьих званий, награждения и назначения на должность нужных ему людей, недостаточного обеспечения его войск оружием, военной техникой и боеприпасами, жаловался на недооценку его заслуг, давая понять, что он мог бы работать и в более крупной должности в Кабуле.

В этих делах ему не мог помочь даже родной брат, работавший помощником у Наджибуллы. Нурульхан Олюми по своей инициативе ни разу не предпринял хорошо подготовленных наступательных действий с целью разблокирования дороги,

ведущей на Север и доставки в Кандагар оружия, техники, боеприпасов и горючего из Турагунди. Президенту пришлось организовывать специальную операцию за счет войск Герата и Шиндантского гарнизонов, чтобы пробиться с грузами в Кандагар. Интересно отметить, что некоторые соединения и части, входящие во 2-й армейский корпус, располагались не только в Кандагаре, но и в других гарнизонах (например, Лашкаргахе, Калате и др.), но Олюми за редким исключением из Кандагара никуда не выезжал и в подчиненных войсках не бывал. В частности, президент почти ежедневно интересовался обороной окруженного Калата. И снабжение этого гарнизона шло исключительно из Кабула, а командир 2-го корпуса никаких усилий для этого не предпринимал, хотя в Калате располагались подчиненные ему войска.

Генерал Олюми проходил курс военного обучения в Советском Союзе. Журналисты часто пишут, что он хорошо знал русский язык, но это не соответствовало действительности, знал он его очень слабо.

Генерал Олюми был человеком большого роста, с хорошей представительной осанкой и благородными манерами. В целом он был одним из видных, колоритных афганских военачальников, успешно выполнявших возложенные на него задачи. Слабые места и противоречивый характер его деятельности во многом определялись не только его личными качествами, но и особенностями военно-политической обстановки в юго-западной части Афганистана и спецификой афганского менталитета. Командиром 1-го армейского корпуса в Джелалабаде был генерал Фазыл Ахмад. Поскольку в Джелалабаде почти не отлучно находились представители Ставки (генералы Делавар, затем Лудин) и там, кроме 1-го корпуса, выполняли задачи войска МГБ, МВД, то командир корпуса всей обороной Джелалабада не руководил. Но его соединения и части составляли основу обороны Джелалабада.

Генерал Фазыл Ахмад был хорошо подготовлен в оперативно-тактическом отношении. Мне приходилось видеть его на наблюдательном пункте в непосредственной близости от переднего края. Вел он себя в боевой обстановке довольно спокойно и мужественно. Однако особой инициативы и активности боевых действий не проявлял. Да и трудно это было делать в условиях очень запутанной обстановки, когда в полосах его соединений вперемежку действовали части других военных ведомств, которые ему не подчинялись.

Однажды с целью упорядочения расположения войск он

решил провести перегруппировку частей, но это кончилось тем, что сменяемые части преждевременно отошли, а их место другие части не прибыли. После этого такие попытки больше не предпринимались.

3-м армейским корпусом, действовавшим в районе Гардеза, командовал генерал-лейтенант Джанбаз, которому, кстати, подчинялась 25-я пехотная дивизия, оборонявшая Хост. Но он, как и командир 2-го армейского корпуса, вел себя по отношению к этой дивизии так, как будто эта дивизия никакого отношения не имеет. Примечательно, что старшие начальники за эти соединения с них и не спрашивали.

Оборону района Баграма, Джабаль-Уссораджа и дороги до Саланга осуществляли войска 5-го армейского корпуса — командир корпуса генерал Абдул Рауф Биги. В районе Герата располагались соединения 4-го армейского корпуса — командир генерал-лейтенант Мухаммед Дауд.

На севере (в Мазари-Шариф) оперативная группа «Север» во главе с очень энергичным генералом Джума Ацаком.

Об особенностях действий командиров и войск в этих районах ранее (в 5-й главе) было уже сказано. Хотелось бы лишь коротко сказать о командире 53-й пехотной дивизии Абдул Рашиде Дустуме. Эта дивизия, укомплектованная в основном узбеками, входила в состав оперативной группы «Север». Но была очень боевой, мобильной и президент Наджибулла использовал ее как своего рода резерв Верховного Главнокомандования. Как только где-то возникала серьезная опасность, туда направлялись подразделения этой дивизии. Они воевали и в районе Пагмана под Кабулом и в Джелалабаде, и в Хосте, и в районе перевала Саланг. Однако основная база дивизии постоянно находилась на Севере. При встречах в Ставке или районах боевых действий мы с ним обычно разговаривали по-узбекски. При первой встрече зимой 1989 г. он был еще полковником. Как-то, как бы случайно я спросил президента, почему такой боевой командир ходит в полковниках? Президент, улыбаясь ответил: «Видите, как вы о своих узбеках заботитесь». Через некоторое время я увидел Дустума в чине генерала и тепло его поздравил. Личный состав 53-й дивизии не отличался дисциплинированностью, но был хорошо закален в боевых действиях. Офицеры и солдаты Дустума очень не любили длительные позиционные действия и предпочитали кратковременные решительные действия. Сам Дустум человек очень горячий и решительный, во время боевых действий никогда не командовал издалека, а был непосредственно в боевых порядках своих подразделений. За горячность и некоторую экстравагантность поведения его

называли «афганским чапаем».

В такой вот непростой обстановке и с учетом изложенных выше специфических особенностей, афганских традиций, личного характера, уровня подготовки афганских военных деятелей приходилось нам сотрудничать с ними и решать возложенные на нас задачи.

2. Советская военная помощь Афганистану

Как уже отмечалось, после Апрельской революции 1978 г. существовавшие до этого вооруженные силы практически распались, расслоились. И для Демократической Республики Афганистан предстояло заново создавать свои вооруженные силы, что было возможно только с помощью Советского Союза. В первую очередь требовались помощь в подготовке военных кадров и обеспечении военной техникой. И поставки оружия и военного имущества шли непрерывным потоком. Часто это делалось за счет ущемления нужд Советской Армии.

В связи с тем, что после подписания Женевских соглашений США, Пакистан и другие страны не прекратили поставки оружия моджахедам, особенно остро встал вопрос об увеличении военной помощи Республике Афганистан, чтобы как-то компенсировать отсутствие советских войск.

Вообще запросы и просьбы афганского руководства о военных поставках всегда были значительно большими, чем это мог сделать и практически делал Советскими Союз. Но в целом советская военная помощь была значительной. В денежном выражении объемы поставок по годам выглядят следующим образом (млн. рублей).

1980 г. — 267,6;
1981 г. — 231,5;
1982 г. — 277,9;
1983 г. — 221,4;
1984 г. — 366,3;
1985 г. — 516,3;
1986 г. — 579,1;
1987 г. — 1063,4;
1988 г. — 1629,0;
1989 г. — 3972,0.

Таким образом за 1980–1989 гг. Афганистану поставлено специмущества на сумму около 9,1 млрд. рублей, при этом в 1989 году — почти на 4 млрд. рублей (ежедневно на 10,9 млн.

руб. с учетом вооружения, военной техники и боеприпасов, переданных из 40-й армии), в том числе: ракетных комплексов Р-300 (СКАД) — 14, «Луна-М» — 10, танков — 767, боевых машин — 491, бронетранспортеров — 1338, реактивных систем — 116, орудий и минометов — 1212, гранатометов — 3804, огнеметов — 5680, зенитных комплексов «Стрела-10» — 16, стрелкового оружия — 119 тыс., зенитных пушек и установок — 700, самолетов — 76, вертолетов — 36, артиллерийских боеприпасов и мин — 4897 тыс., авиабомб — 112 тыс.

На 1990 г. афганская сторона запросила поставок военного имущества на сумму 6,4 млрд. рублей. Было выделено 1,8 млрд. рублей (в том числе на 500 млн. военного имущества, подлежащего уничтожению и списанию — танки, орудия, самолеты и др.).

Содержание 40-й армии ежегодно обходилось около 7,5 млрд. рублей (ежедневно 20,5 млн. рублей), что в два раза больше, чем оказана помощь Афганистану в 1989 г. при сохранении наших позиций в этой стране.

В 1990 году предусматривалось поставить: военного имущества на сумму 2,2 млрд. рублей (6 млн. ежедневно), в том числе: ракетных комплексов «Луна-М» — 2, танков — 380, боевых машин пехоты — 211, бронетранспортеров — 651, реактивных систем — 50, орудий и минометов — 114, гранатометов — 820, огнеметов — 1000, стрелкового оружия — 95,4 тыс., зенитных пушек и установок — 680, самолетов — 66, вертолетов — 37, артиллерийских боеприпасов и мин — 1938 тыс., авиабомб — 82,3 тыс. Фактически было поставлено на сумму около 1 млрд. рублей. Затраты советской стороны составили 1,75 млрд. рублей (2,3–0,55), что во внутренних ценах составило — 583 млн. рублей. Подлежащее списанию специмущество по отношению к выделенному составило примерно 25 %.

Эти поставки были рассчитаны главным образом на то, чтобы восполнить боевые и технические (износ) потери военной техники, а также расход боеприпасов. При посещении Кабула в июне 1990 г. заместителем председателя Совета Министров СССР И. С. Белоусовым президент Наджибулда еще раз обратился к нему со следующими просьбами.

Самый главный и острый вопрос, — говорил он, — это принятие решений и утверждение плана поставок в Республику Афганистан на 1990 г. (такого пока решения нет). При этом, учитывая, что решающие события, наиболее активные боевые действия ожидаются весной и в начале лета этого года, целесообразно не менее 70 % всех запланированных поставок выполнить в 3-м квартале 1990 г.

Дополнительная поставка ракет Р-300 (СКАД) с компонентами (желательно миниум 200–300 ракет с боеголовками и другими компонентами).

Ускорение передачи 30–40 боевых самолетов. Ускорение запланированных поставок бронетанковой, артиллерийской техники и боеприпасов. Поставка более совершенных средств воздушной и наземной разведки, особенно для засечки реактивных снарядов. Продолжить функционирование воздушного моста с интенсивностью 25–30 самолетов в сутки (на основании письма М. С. Горбачева). Поставка запасных частей и оказание помощи в ремонте (до 40 % техники неисправно), бронетанковой, автомобильной, артиллерийской, инженерной техники и средств связи. Эти просьбы не были в полной мере удовлетворены.

По вопросам военных поставок Афганистану шла постоянная борьба, как и в Афганистане, так и в Москве. Афганские министры военных ведомств, начальники родов войск нажимали во всю на президента, требуя добиваться увеличения поставок из СССР. Последний со своими министрами оказывал постоянное давление на советников и других советских представителей и посольских работников. В ряде случаев президент прямо выходил на высших советских руководителей.

Наша оперативная группа, как могла, стремилась сдерживать аппетиты афганской стороны, делая главный упор на то, что надо более рационально использовать имеющиеся средства. И немало помогали в этом отношении практически. Несмотря на это, мы постоянно получали упреки от Министерства обороны и Генерального штаба по поводу того, что мы якобы идем на поводу у «афганских товарищей». Некоторые руководители советского Генштаба без конца твердили нам, что надо соизмерять просьбы о поставках в Афганистан с экономическими возможностями нашей страны.

Формально все это было правильно. Но о политических и экономических возможностях надо думать прежде чем что-либо серьезное предпринимать. Но в обстановке, которая сложилась к 1989 г. верно было и то, что Республика Афганистан могла держаться лишь при определенном уровне военной помощи. В сложившейся обстановке политическое руководство должно было все взвесить и решить: нужно ли и дальше держаться за Афганистан или нет. Если да, то каким путем: политическим, дипломатическим или военным (в т. ч. и при сочетании этих средств). Действенных политических шагов с нашей стороны не просматривалось. Тогда оставался военный путь с оказанием минимально необходимой помощи правительству Наджибуллы.

Если этот путь полически и экономически неприемлим, тогда ничего другого не оставалось, как отвернуться от режима и людей, которых мы сами поставили и вынудили их капитулировать перед вооруженной оппозицией, как потом и было сделано. А установка на то, чтобы и держаться за Афганистан и вместе с тем довольствоваться только тем, что могут дать чиновники, была еще более худшим вариантом, ибо в этом случае и средства расходовались и цель в конечном счете не достигалась. Для решения военных задач существуют определенные потребности и без их удовлетворения бессмысленно браться их решать. Надо понять и наше положение в Кабуле. Меня с оперативной группой направили для того, чтобы отстоять Республику Афганистан и мы были обязаны думать прежде всего об этом. И мы стремились отстаивать только те афганские просьбы, которые по нашим расчетам действительно были нужны для надежного противостояния вооруженной оппозиции.

В частности, от нас справедливо требовали добиться надежного подавления огневых средств противника вокруг Кабула и не допускать его обстрелов. И нам не очень хотелось, чтобы нас непрырывно обстреливали. Причем прекращение обстрелов было непростым делом. На всем Среднем и Ближнем Востоке шел набор наемников для обстрела Кабула. За доставку каждой ракеты в окрестности Кабула исполнителям выплачивались от 1000 до 2000 долларов. Ракеты оснащались автоматическими пускателями, которые срабатывали через 8–12 часов. Отсутствие людей около ракет затрудняло их обнаружение. С учетом всего этого было решено провести огневые операции силами авиации, ракетных войск и артиллерии с целью уничтожения и подавления огневых средств противника.

В ответ мы получаем из Генштаба следующее указание: «Ваше предложение о проведении многократных воздушных и ракетно-артиллерийских операций в зоне Кабула, а также об использовании самолетов АН-12 для ночного бомбометания вызывает сомнение в возможности их обеспечения поставками боеприпасов из Советского Союза. Сообщаю для вашей личной ориентировки, что министерством обороны СССР и МВЭСом СССР[74] на второе полугодие сего года изыскана возможность выделить для поставки РА только 937 тысяч артиллерийских боеприпасов и 32 тысячи авиабомб, всего на сумму около 400 млн. рублей, при этом выделить соответствующие средства для оплаты указанной поставки оказалось возможным лишь за счет сокращения военной помощи другим странам. С учетом имеющихся трудностей в экономике страны и практически

полным израсходованием валютно-финансовых ресурсов МВЭСа в текущем году, будет чрезвычайно трудно изыскать кредитные средства сверх указанных 400 млн. рублей в случае резкого ухудшения обстановки в РА и необходимости экстренной дополнительной помощи. В связи с этим целесообразно в ходе летней компании ограничиться проведением оправдавших себя раздельных ракетных, артиллерийских и авиационных упреждающих ударов только по достоверно разведанным целям. Еще раз обратите внимание афганской стороны на целесообразность создания неприкосновенных запасов (не ниже 2–3 месячных) ракет, артиллерийских и авиационных боеприпасов за счет текущих поставок, исходя из среднемесячного их расхода. М. Моисеев»

Через некоторое время позвонил мне Министр обороны генерал армии Д. Т. Язов и поручил еще раз переговорить с президентом Наджибуллой о более экономном расходе боеприпасов. После беседы я послал Министру обороны следующий доклад о ее результатах.

«В соответствиии с Вашим указанием посетил президента Республики Афганистан и изложил ему устное послание Министра обороны СССР.

С моей стороны президенту еще раз были доложены советы и рекомендации об улучшении разведки, необходимости нанесения ударов авиацией и артиллерией по точно разведанным целям, установлении норм расхода боеприпасов и др.

В принципе со всем этим он согласился и заверил, что примет соответствующие меры. Вместе с тем он заметил, что афганская армия в течение многих лет пользовалась в основном разведкой 40-й армии и с ее уходом осталась практически без современных средств разведки (кроме некоторого количества средств радиоразведки). Он вспомнил, что советская авиация, имевшая лучшие средства разведки и летный состав, нанесла по группировкам Ахмат Шаха сотни массированных авиационных ударов и от этого эти группировки, как и другие, не перестали существовать и сохранили свою боеспособность. Это не оправдывает недостаточную эффективность действий афганских ВВС, но говорит об исключительной сложности решения этой задачи.

«Мы, — сказал далее президент, — вместе с вами будем принимать меры для повышения эффективности применения авиации. Но не требуйте от нас невозможного, тем более, что в ВВС в настоящее время очень сложная обстановка и не все сразу я от них могу потребовать. Я понимаю, что у советского военного руководства без нас хватает забот. Но я прошу учитывать, что

в Афганистане (особенно в районе Джелалабада, Хоста и других районах) бывают моменты, если немедленно не нанести ударов авиацией и не продолжать их поддерживать, то они не выдержат и эти важные пункты будут сданы. А нам надо любой ценой продержаться. И это часто приходится делать независимо от наших планов и установленных норм». В последующем президент довольно подробно говорил о том, что в важнейших районах боевых действий мятежники применяют в 5–6 раз больше артиллерийских снарядов, чем правительственные войска и что в этих условиях трудно заставить войска не отвечать противнику и придерживаться только установленных норм.

Мною были приведены примеры из опыта войны как строго лимитировались подача и расход боеприпасов и ни в одной армии не существовало и не может существовать практики неограниченного применения боеприпасов. Президент в принципе согласился, что нормы надо установить и строже спрашивать за их соблюдение.

В заключение тов. Наджибулла еще раз выразил благодарность Вам и всему советскому руководству за огромную помощь вооруженным силам Республики Афганистан и просилх передать большой привет и пожелания успехов в повышении боеспособности Советских Вооруженных Сил, являющихся — как он выразился — важнейшим гарантом мира и поддержки народов, которые борются и всегда будут бороться за свою свободу и независимость. С моей стороны было сказано, что все это будет доложено Министру обороны СССР.»

М. Гареев,
21.07.89 г.

Но как бы то ни было, наше военное руководство тоже понимало, что Республике Афганистан надо помогать, иначе пойдет насмарку все, что было вложено в эту страну и старалось помощь эту оказывать. Мы тоже отдавали себе отчет в том, что обстановка в СССР коренным образом менялась и нашему Министру обороны и Генштабу не так-то просто было противостоять нажиму со стороны депутатов Верховного Совета и общественных сил, негативно относящихся ко всему, что делалось в Афганистане. Да и среди высших военных руководителей не было единого мнения.

Большую роль в снабжениии Кабула, а через него и других гарнизонов играл «воздушный мост», связанный с доставкой грузов транспортными самолетами гражданской авиации и военно-воздушных сил. Перевозились по воздуху в первую

очередь самые необходимые артиллерийские и авиационные боеприпасы, продовольствие и другие материальные средства. «Воздушный мост» начал функционировать с 12 марта 1989 года. В 1989 году выполнено 7047 рейсов, в том числе военно-транспортной авиацией — 2220 и ВВС — 4827. В среднем ежедневно прибывало по 24–25 рейсов.

За шесть мегяцев 1990 года было выполнено — 2647 рейсов, в том числе ВВС — 1560 и МГА — 1087 рейсов. В среднем ежедневно прибывало 14–15 рейсов. Поддержание этого воздушного моста доставляло много хлопот и требовало больших усилий, чтобы не допустить обстрелов аэродрома и транспортных самолетов в воздухе. С этой целью проводился целый комплекс различных мероприятий. Основными из них были:

Ведение разведки с целью своевременного выявления маршрутов доставки и мест хранения переносных зенитно-ракетных комплексов как в Кабуле, так и в районах, контролируемых моджахедами. Проведение чисток и других внезапных профилактических мероприятий в районах, прилегающих к аэропорту. Создание в гарнизоне мобильной группы для блокирования районов пусков мятежниками ракет и захвата расчетов зенитно-ракетных комплексов. Подготовка группы радиоперехвата переговоров мятежников о пусках зенитных ракет. Усиление работы по закупке у мятежников ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп». Нанесение ударов авиации и артиллерии по огневым средствам противника. Тщательный досмотр автомобильного и другого транспорта при въезде в зону обороны Кабула и в город. Организация в районе аэропорта воздушного патрулирования двумя вертолетами в период посадки и взлета транспортных самолетов. Строительство укрытий для самолетов на аэродроме в соответствии с ранее намеченными планами. Усиление режима охраны и обороны аэродрома, воспрещение проникновения посторонних лиц. Проведение с экипажами самолетов инструктивных занятий по выполнению отстрелов пиропатронов на высотах менее 600 м и применение системы «Аварийный отстрел», порядку уборки механизации крыла после взлета, ведению наблюдения в воздухе с учетом особенностей посадки в Кабульском аэропорту. Объявлением по радио и телевидению о возможных последствиях обстрела самолета над густонаселенными районами города. Показ фильма о возможных последствиях падения самолета на город. Проведение разъяснительной работы с населением по выявлению лиц, намеревающихся проводить диверсии и обстрелы и др. Надо сказать, что все эти меры позволили обеспечить в основном безопасное функционирование воздушного моста. Было потеряно

два транспортных самолета. Но прямых доказательств, что они были сбиты противником, не было.

3. Как строилась работа советской стороны

Несмотря на крупнейшие события, происходившие в 1989–1990 гг. на международной арене и внутри Советского Союза, афганская проблема оставалась одной из наиболее важных и острых. Она неоднократно рассматривалась на заседаниях Политбюро и секретариате ЦК КПСС. Учитывая исключительную важность афганского вопроса, казалось бы, решение его должно происходить под непосредственным руководством Генерального секретаря КПСС, председателя Верховного Совета, а позже президента государства М. С. Горбачева. Но практически вопросы, связанные с Афганистаном, каждым ведомством (МИД, Министерством обороны, Комитетом Государственной безопасности, Министерством внутренних дел, Комитетом по внешне-экономическим связям) решались, исходя из своих подходов. Хорошо продуманной, долгосрочной политики по отношению к Афганистану не было выработано.

Для координации усилий различных ведомств, как всегда, была создана межведомственная комиссия. Но жизнь давно показала, что на заседаниях комиссий, президентских и других советов никаких путных, перспективных решений выработать невозможно, ибо каждая сторона приходит на совещание с выводами и предложениями, выработанными с точки зрения узковедомственных позиций, без учета всех сторон рассматриваемого вопроса.

Любой совет, комиссия могут плодотворно обсуждать какой-нибудь вопрос, если он до этого объективно проработан авторитетным мозговым центром и выработаны предложения с альтернативными вариантами решений. Но ничего этого не было.

На совещаниях же афганской комиссии руководители ведомств говорили одно, а своим подчиненным в Кабуле давали совсем другие рекомендации. Все это отрицательно сказывалось и на нашей работе в Афганистане.

М. С. Горбачев с советскими представителями, работающими в Афганистане, вообще не общался. Сталин во время войны при всем его узурпаторстве систематически лично разговаривал по телефону и телеграфу с командующими войсками фронтов, командармами и даже с отдельными командирами дивизий. Он нередко приглашал их к себе перед принятием важных решений. Я был назначен главным военным представителем в Афганистане

и за время пребывания там было два звонка от М. С. Горбачева. Первый раз в апреле 1989 г. во время Джелалабадских событий. Раздался звонок по «ВЧ» (правительственной связи), кто-то из помощников сказал: «Не отходите от телефона, будете говорить с М. С. Горбачевым»… Минут через 15–20 уже другой голос попросил доложить обстановку для Михаила Сергеевича, который, как мне объяснили, собирался со мной говорить, но времени для этого не оказалось.

Второй звонок был в начале ноября 1989 г., когда меня предварительно предупредили, что предстоит разговор с Михаилом Сергеевичем. Через несколько минут я услышал его голос. Он поздравил меня с присвоением воинского звания «генерал армии», поблагодарил за службу и пожелал успехов. В ответ, как положено, я тоже выразил признательность за доверие и заверил, что будем держаться до конца. Еще я успел его попросить прочитать мое последнее донесение с оценкой обстановки в Афганистане. Михаил Сергевич сказал: «Хорошо, прочитаю». Но как потом я узнал, это донесение до него так и не дошло.

Из других советских руководителей мне чаще приходилось встречаться и общаться по телефону с Э. А. Шеварднадзе и В. А. Крючковым. Они несколько раз прилетали в Кабул. Правда, и здесь они больше общались с президентом и представителями своих ведомств. Для разговора с военными советниками времени почти не оставалось. Изредка были телефонные разговоры с Л. Н. Зайковым, который курировал вопросы поставок военной техники в Афганистан. Надо сказать, что Э. А. Шеварднадзе и В. А. Крючков всегда доброжелательно выслушивали наши просьбы, предложения и, как правило, активно поддерживали их.

До 1989 г. оперативные группы Министерства обороны СССР располагались в отдельно расположенных дворце, особняках, оснащенных хорошей связью. В материально-техническом отношении опирались на тыловые структуры 40-й армии (питание, медицинское обеспечение, военная торговля и др.). Но с уходом советских войск все это было свернуто. Нас поселили при посольстве в крайне стесненных условиях и на правах бедных родственников. Это порождало многие неудобства в работе.

В 1988–1989 гг. советским послом в Афганистане был Юлий Михайлович Воронцов, который одновременно являлся первым заместителем Министра иностранных дел. Юлий Михайлович — профессиональный дипломат, один из наших видных и талантливых внешнеполитических деятелей. Родился он в 1929 г.

Получив дипломатическое образование с 1952 г. работал в аппарате МИД СССР, затем в советском представительстве при ООН. С 1966 г. советник-посланник посольства СССР в США. С 1977 г. посол СССР в Индии, с 1983 г. во Франции. В 1986 г. стал первым заместителем Министра иностранных дел. В качестве посла в Афганистане он работал уверенно и солидно. Его положение первого заместителя Министра иностранных дел придавало ему политический и дипломатический вес в Афганистане и среди дипломатических представительств других стран в Кабуле, демонстрировало наше особое отношение к Республике Афганистан. Одновременно позволяло более весомо иметь дело с московскими ведомствами и оперативно решать многие вопросы межгосударственных отношений. Вместе с тем чувствовалось, что Э. А. Шеварднадзе и пришедшие с ним в МИД люди были настроены не очень благожелательно к Ю. М. Воронцову. Возможно, одной из причин отправки его в Афганистан было то, что он своей «излишней» компетентностью и самостоятельностью суждений портил картину в тогдашнем МИДе, где в то время в ходу были слова: «Мы наш, мы новый МИД построим — кто был ничем, тот станет всем».

По работе в Москве с Юлием Михайловичем мне приходилось встречаться и ранее. Он всегда производил впечатление основательного, знающего свое дело, высокообразованного и эрудированного человека.

Многие современные, так называемые «карьерные дипломаты», особенно вышедшие из среды переводчиков, не понимают и никогда, видимо, не поймут, что самое главное для посла и вообще крупного дипломата — это прежде всего глубокий аналитический ум, хорошее знание жизни, основательная эрудированность в социально-политических, экономических и общекультурных вопросах. Надо, видимо, хоть немного разбираться и в военных вопросах, поскольку они в наше время занимают немалое место в международных делах. Мне всегда было как-то стыдно и просто коробило, когда какой-нибудь мидовский, посольский работник или журналист начинал с большой легкостью судить о военных вопросах, в которых он совершенно ничего не смыслит.

Кроме этого, как мне представляется, посол, крупный дипломат, чтобы он действительно состоялся в таком качестве, должен быть сложившейся личностью со своей заметной биографией, достойной прожитой жизнью и службою Отечеству. Желательно также, чтобы он имел какой-то опыт управления коллективами людей. Работая всю жизнь «заведующим своим телом» и бегая с папкой по коридорам, невозможно стать

полноценным руководителем.

Категория же дипломатов, лишенных всего этого (пусть иногда и способных), обычно на первый план выдвигает схематизированный дипломатический этикет, протольные формальности, бравирование знанием иностранного языка. Порою создается впечатление, что для них уйти от существа вопроса и отделаться ничего не значащими общими фразами, улыбаться и говорить на иностранный лад или заложить ноги по-американски — важнее, чем высказать убедительные доводы и отстоять интересы своей страны.

Нет сомнения и дипломатический этикет и протокольные нормы важны, но они не должны превращаться в самоцель.

В свете сказанного, Ю. М. Воронцов виделся всем нам, работавшим с ним в Афганистане, олицетворением многих хороших политических, дипломатических и просто человеческих качеств. В нем органически слиты и глубокое знание дела, умение поставить во главу угла суть дела и подчиненный именно интересам дела (а не отделенный от него) естественно проявляемый дипломатический этикет. Как всякий мудрый, много знающий человек, он каждого человека умел слушать с таким вниманием и заинтересованностью, как будто он впервые познает все, что ему говорят. Своим личным обаянием, доброжелательностью, доступностью он как-то притягивал к себе людей и пользовался большим авторитетом и среди советских сотрудников и афганцев и иностранных представительств других стран. Правда, он не очень вникал во внутрипосольские хозяйственные дела. Как первому заместителю Министра иностранных дел ему частенько приходилось отлучаться в Москву.

Но свои профессиональные задачи он решал успешно. Он оказывал большое влияние на президента, других афганских политических деятелей и в самое трудное переломное время после ухода советских войск многое сделал для того, чтобы вселить уверенность афганскому руководству в возможности противостоять вооруженной оппозиции и в практическом осуществлении политики национального примирения.

В условиях, когда лидеры оппозиции не хотели идти на непосредственные контакты с Наджибуллой и его окружением, большая заслуга Ю. М. Воронцова состояла в том, что он очень активно работал с афганской оппозицией, выполнял посреднические функции между афганским правительством и лидерами моджахедов. Он переписывался с ними, обстоятельно разъяснял советскую позицию и взгляды афганского правительства по прекращению войны и полному выполнению

Женевских соглашений. Много работал с представителями МИД Пакистана, Ирана, Индии. Для встречи с ними и лидерами афганской оппозиции неоднократно выезжал в Пешавар, Тегеран, Дели и в другие страны. Благодаря усилиям Ю. М. Воронцова, намечались уже видимые сдвиги в поиске сближения позиций сторон. Но, к сожалению, в последующем наш МИД недостаточно активно действовал в этом направлении.

Ю. М. Воронцов основательно вникал и в военные вопросы, поддерживал нас во многих делах и мы с ним очень дружно и согласованно работали.

В 1990 г. послом СССР в Афганистан прибыл Б. Н. Пастухов. Борис Николаевич родился в 1933 г. и известен как один из видных советских политических деятелей. Длительное время он возглавлял молодежное движение, был избран первым секретарем Центрального Комитета Коммунистичекого Союза молодежи. В 1982 г. стал председателем государственного комитета издательства. С 1986 г. перешел на дипломатическую работу, в частности, был послом СССР в Дании. После убытия Ю. М. Воронцова прибыл послом в Афганистан.

Если бы попытаться в нескольких словах охарактеризовать главную суть натуры Бориса Николаевича, то можно было сказать — это сгусток спресованной неиссякаемой энергии. Как всякий умный и образованный человек, он точно схватывал особенности дипломатической службы, протокольные нормы. Вместе с тем, как опытный политический деятель, хорошо понимал социально-политические и экономические проблемы Афганистана. С самого начала главное внимание уделял оказанию помощи афганскому руководству в мобилизации внутренних ресурсов Афганистана для восстановления экономики, обеспечения населения продовольствием и топливом. Именно он стимулировал и всячески подталкивал оказание непосредственной помощи населению Кабула со стороны Московских партийных и общественных организаций. Неоднократно выезжал в северные районы страны и вместе с сотрудниками торгового представительства добивался возобновления добычи нефти, газа, поставок их в СССР, оживления торговли между СССР и Афганистаном. Благодаря его усилиям вернулась в Афганистан часть советских гражданских специалистов.

Много усилий приложил Б. Н. Пастухов нейтрализации противоречий в афганском руководстве. С целью более глубокого ознакомления с обстановкой он помногу часов один на один беседовал с афганскими политическими и военными деятелями. В феврале 1990 г., когда особенно обострились отношения между группировкой Наджибуллы и халькистским руководством

(Танаем, Карвалем, Гулябзоем), Борис Николаевич пытался предотвратить открытое выступление халькистов, но тогда это не удавалось по изложенным выше причинам. Кстати, Министра обороны генерала Таная он вместе с его советником генералом Б. П. Шейным пригласил к себе в гости и после обильного потчевания стремился его убедить в необходимости налаживания отношений с Наджибуллой. В ответ генерал Танай вытащил пистолет и предлагал послу застрелить его, если он не прав или, если посол хочет, то он сам застрелится. Генерал Б. Шеин, будучи человеком физически крепким, отнял у него пистолет. Когда на следующий день Танаю возвращали его пистолет, он удивленно спросил: «Как мой пистолет попал к вам?» Ему было сказано: «Вы его вчера забыли в посольстве».

Б. Н. Пастухов прилагал большие усилия для вывоза и доставки в Кабул материальных запасов из Хайротона. Непосредственно участвовал в формировании транспортных колонн. Часто выезжал на Кабульский хлебозавод, через афганских представителей следил за тем, чтобы хлеб попадал во все районы Кабула и в первую очередь к наиболее бедным слоям и беженцам.

Одновременно он активно вникал в военные вопросы, настойчиво добивался, чтобы в минимально необходимых размерах продолжалось оказание военной помощи Афганистану. Писал телеграммы, многократно разговаривал с самыми разными должностными лицами в Москве, использовал старые знакомства и все другие пути, чтобы содействовать укреплению позиций Республики Афганистан.

Борис Николаевич, будучи прирожденным вожаком, лидером, знал буквально каждого человека не только в аппарате посольства, но и среди коллективов других ведомств. Живо интересовался вопросами быта, снабжения, культурного досуга, обеспечения безопасности советского персонала. В этих делах были большие трудности, ибо многие обеспечивающие и торговые организации после вывода войск отвернулись от тех, кто остался в Афганистане. Но несмотря на все сложности, наш посол как-то ухитрялся удовлетворять наши первоочередные потребности. Несмотря на обстрелы территории посольства и многие другие суровые условия в нашей жизни, посол, со свойственным ему молодежным задором, умел организовать и вечера отдыха, ухитрялся вытащить из Москвы в Кабул артистов, делал и много другого, чтобы по возможности украсить и облегчить жизнь наших людей.

Из истории известно религиозное движение «Пастухова согласие». Между различными ведомствами и отдельными

людьми были, конечно, и разногласия и противоречия и интриги, но все же Борису Николаевичу удавалось сохранять в коллективе, насчитывавшем около 300 человек, «Пастухова согласие». Правда, религиозные последователи «Пастухова согласия» осуждали пользование деньгами, выступали за нерасторжимость браков, отвергали самосожжение. Борис Николаевич деньги совсем не отвергал, но был готов последним поделиться с каждым нуждающимся. Нерасторжимость брака гарантировалась его очаровательной, милой и очень общительной супругой Жанной Павловной. Самосожжение как обряд для его жизнерадостной натуры было противоестественно. Но он не считался с собой, когда речь шла об обеспечении жизни других людей. В частности, Борис Николаевич, вел себя очень мужественно во время мартовского мятежа 1990 г. Под интенсивным обстрелом обошел все помещения, территорию посольства, пока не убедился, что все люди надежно укрыты.

На протяжении всей нашей работы у нас с Борисом Николаевичем было полное согласие и сотрудничество с ним доставляло большое удовлетворение.

В жизнеобеспечении Кабула и в целом Афганистана большую роль играло наше торговое представительство, которое возглавлялось очень талантливым организатором, замечательным человеком Романом Иосифовичем Купревичем. Он хорошо знал народное хозяйство Афганистана, его ведущие предприятия, руководителей экономических ведомств, предпринимателей, был очень активным, деятельным человеком. Роман Иосифович не только способствовал поддержанию торговых и других экономических советско-афганских отношений, но и возобновлению работы многих ранее остановленных промышленных предприятий, доставке в Кабул продовольствия из других районов страны.

Вообще Р. И. Купревич запомнился не только как хороший работник, но и очень порядочный человек, который много помогал и в решении военно-экономических вопросов. Конечно, в аппарате посольства были разные люди, в том числе и заведомые пьяницы. Но большинство сотрудников честно выполняли свои обязанности.

В решении военных вопросов наиболее тесное и повседневное сотрудничество наша оперативная группа осуществляла с представителями Комитета госбезопасности и внутренних дел. Необходимость взаимодействия с ними диктовалась прежде всего тем, что соответствующие афганские ведомства имели свои войска, которые вместе с афганской армией вели военные действия. Интересы дела требовали обеспечения единства

руководства и согласованности действий вооруженных сил, состоящих из различных ведомств. По существу, кроме самого Верховного Главнокомандующего Наджибуллы и его личного секретариата не было органа, который бы объединял все эти ведомства в военном отношении. В связи с этим были особенно важными единство и согласованность действий со стороны представителей всех советских ведомств. Тем более, наши представители КГБ и МВД были хорошими специалистами в своей области деятельности, но не имели необходимой военной подготовки для того, чтобы квалифицированно направлять действия войск, выполняющих боевые задачи. Видит Бог, что лично я и работавшие вместе со мной генералы и офицеры Министерства обороны прилагали все усилия к тому, чтобы обеспечить тесное сотрудничество и согласованную работу. Но дело прошлое и надо честно сказать, что полное взаимопонимание в этом деле не всегда достигалось.

Легче решались вопросы совместной работы с представителями Министерства внутренних дел. Министр В. Бакатин еще при встрече в Москве прямо и определенно сказал мне, что в вопросах боевого применения войск, в том числе МВД, Вы в Афганистане наш главный представитель и все наши представители в этой отрасли деятельности будут работать под вашим руководством. Заинтересованность в такой согласованной работе проявил и представитель советского МВД генерал Г. А. Алексеев. Больше того, как всякий умный человек, заинтересованный в квалифицированном решении военных задач подведомственными ему войсками, он информировал меня о положении дел, советовался по основным вопросам организации войск, их боевого применения и управления ими. По этому в работе по линии МВД каких-либо затруднений в наших отношениях не возникало.

Труднее складывались вопросы нашего сотрудничества с представителями Комитета государственной безопасности.

В 1989 г. главным представителем по линии КГБ был генерал Владимир Павлович Зайцев. Он хорошо знал Афганистан и свое дело. Был очень прост в общении и обладал большой оперативностью в работе. Он принял меня с большой доброжелательностью и на первых порах помог наладить хорошие отношения лично с Наджибуллой. Занимал правильные позиции по вопросам обороны Кабула, Джалалабада и именно благодаря его поддержке удалось осуществить намеченные мероприятия.

После его отъезда главным представителем КГБ стал генерал Ревин Валентин Алексеевич, очень умный и эрудированный человек. Он был большим знатоком Афганистана. В свое время,

выполняя спецзадания, обходил и объездил полстраны. В период, когда он был заместителем В. П. Зайцева, участвовал во всех заседаниях Ставки ВГК. Но после отъезда В. П. Зайцева, став главным представителем, он несколько изменил стиль своего поведения.

В целом сотрудничество и взаимодействие с представителями КГБ, конечно, было. Сама жизнь вынуждала идти на это. Да и внешне все выглядело довольно респектабельно. Я поддерживал постоянные связи по телефону с генералом Л. Шебаршиным в Москве, имел основательные беседы с ним во время его приездов в Кабул. Собственно, с ним и его представителями у нас не было особых расхождений в оценке военно-политической обстановки, в Афганистане.

Откровенно говоря, за высокий профессионализм, я даже как-то симпатизировал Леониду Владимировичу. По многим вопросам мы выступали с единых позиций.

Но то обстоятельство, что КГБ в Советском Союзе превратилось в своего рода государство в государстве, давало о себе знать и в наших зарубежных представительствах. С этим мне пришлось столкнуться и во время работы в Египте в 1970–1971 гг. Скажу сразу: в ряде возникавших сложностей и противоречий в работе я не видел и не вижу злонамеренных козней со стороны представителей КГБ по отношению ко мне или моим товарищам по оперативной группе. Думаю, что само положение органов КГБ и сложившаяся система их работы вынуждали даже их лучших представителей действовать теми методами, которые затрудняли работу, вызывали глухой протест многих советских людей, работающих за рубежом.

Даже послы, казалось бы главные представители государства, ничего с этим не могли поделать. И они прямо об этом признавались.

Во-первых, больше всего нездоровых явлений и справедливых возмущений вызывали недоверие к своим же людям, доведенная до абсурда подозрительность и всеобщая слежка за людьми. Причем, и в ЦК КПСС, и государственных органах, и особенно в Министерстве обороны и главном политическом управлении любой сигнал по линии КГБ принимался на веру, никто даже не пытался его проверять. Были, конечно, и правильные сообщения о недостойном, неблаговидном поведении отдельных сотрудников. Но немало было искалечено людских судеб и в результате совершенно несправедливых, необоснованных доносов.

В конце 1989 г. из Москвы последовало требование дать объяснение о недостойном поведении одного нашего генерала. Оказалось, что шофер посольской машины донес, что видел этого

генерала в пьяном виде около гаража. Соответствующие органы, ни у кого ничего не спросив и даже не переговорив с «виновником» послали сообщение в Москву, которое сразу же получило распространение в различных инстанциях. На второй день выяснилось, что шофер перепутал и видел совсем другого человека. Но никакими телеграммами и устными докладами отменить ранее посланный органами «сигнал» и реабилитировать оклеветанного человека было невозможно. Первый «сигнал» вверх уже прошел и другие сообщения, если они даже были более точными, до высших инстанций уже не пропускались. Объяснения генерала после возвращения в Москву воспринимались сообразно известного анекдота: «Говорят что-то с ним было — он украл шубу или у него украли шубу».

В период, когда в Советском Союзе так много было уже эйфории по поводу гласности и прав человека, за оскорбление конкретного человека никто никакой ответственности не понес.

Во-вторых, не способствовала хорошему взаимодействию излишняя, не всегда оправданная закрытость и изолированность в работе представителей КГБ. Например, трудно было получить необходимые данные о состоянии войск афганского МГБ. Их надо было согласовывать с представителями нашего КГБ, на что уходило много времени. Или, например, первоначально ракетный дивизион Р-300 («СКАД») передали в состав войск МГБ. Иногда ночью звонят от президента или Генштаба и предлагают нанести ракетный удар по скоплению противника на подступах к Джелалабаду или Хосту, но без разрешения главного представителя нашего КГБ команда в ракетный дивизион не могла быть передана. На заседаниях Ставки ВГК или совещаниях советских военных представителей главный рукодитель от КГБ не появлялся. В лучшем случае мог присутствовать его заместитель. И в ряде других вопросов представители КГБ считали нужным держать себя на особом положении.

Дело доходила до абсурда. В ракетных дивизионах и других частях гвардии, входящих в состав МГБ, специалистами назначались офицеры Советской Армии. Но они получали значительно большее денежное содержание, чем специалисты, назначенные в такие же части в афганской армии. В инвалюте майор-специалист в войсках МГБ получал больше главного военного советника при Министерстве обороны. Дело было не только в деньгах, а принципе: почему специалисты, работающие в двух рядом расположенных дивизионах, оплачивались по-разному. Поэтому мы обращались и в Генштаб и к нашему Министру обороны, посол подписал телеграмму в ЦК КПСС и в правительство с просьбой упорядочить этот вопрос. Я написал

письмо Министру финансов СССР В. С. Павлову с просьбой пересмотреть соответствующее постановление правительства о выплате денежного содержания специалистам, работающим в Афганистане. Министр финансов дал классический для бюрократамесой системы ответ: уровень окладов «предусмотрен схемой окладов, утвержденной постановлением Совета Министров СССР от 10.09.1973 г. № 662–208».

Это казалось бы ничтожный пример. Но как учит история, когда таких примеров и фактов накапливается много и одно ведомство может вырывать из казны больше, чем другое, это начинает свидетельствовать о том, что в стране нет хозяина и нет элементарного порядка. В-третьих, разобщенность представителей различных ведомств не давала возможности доводить до руководства в Москве объективную информацию об обстановке.

Обычно в неделю раз, а при крупных изменениях обстановки немедленно, в Министерство иностранных дел посылались донесения за подписью трех лиц: посла, представителя КГБ и моей (как главного военного советника при президенте). Первоначально проект донесения (доклада) готовил один из посольских работников, затем оно представлялось для согласования и подписи нам. Как правило, эти проекты донесений носили общий, обтекаемый характер и далеко не в полной мере отражали действительную обстановку, особенно в военном отношении. Раза два я пытался внести свои существенные коррективы в проекты донесений, но они вызывали возражения у других представителей, много уходило время на объяснения и споры. Поэтому в последующем я стал без особых возражений подписывать эти донесения, внося поправки только в места, где допускались явные неточности.

Кроме того, главный военный советник при Министерстве обороны ежедневно представлял донесение Министру обороны о ходе боевых действий, которое я обычно только визировал.

Мне было предписано представлять донесения ежемесячно и при серьезных изменениях в обстановке.

В Москве донесения, идущие по линии МИДа, расписывались для ознакомления всем членам Политбюро ЦК КПСС и некоторым другим ответственным лицам. Мои донесения, которые я адресовал Министру обороны и начальнику Генерального штаба, доводились, как правило, до соответствующих должностных лиц только в пределах Министерства обороны.

Не только мои, но и донесения, поступающие по линии МИД, практически до высших должностных лиц не доходили. М. С. Горбачев много раз заявлял, что он владеет всей

информацией. Но это ему так казалось. В действительности, он пользовался в основном короткими справками и докладами, подготовленными по линии КГБ и больше всего им и доверял.

К чему это приводило можно судить по следующему примеру. Как уже говорилось в предыдущих главах книги, после проведения тренировки и практической проверки обороны Кабула, я написал доклад Министру обороны о состоянии дел, в том числе изложил меры, которые принимаются для устранения выявленных слабых мест. Начальник Генштаба генерал армии М. А. Моисеев в разговоре по телефону выразил удовлетворение этим нашим мероприятием, проведенном в Кабуле. Но мое донесение осталось в Генштабе, его, конечно, высшему политическому руководству не показали. А по линии КГБ М. С. Горбачеву поступила короткая справка о том, что вокруг Кабула надежной обороны нет. В этой справке, разумеется, ничего не говорилось: почему и по-чьему настоянию были выведены из Кабула армейские части, о недостатке сил в связи с уходом советских войск и намечаемых мерах по усилению обороны Кабула. М. С. Горбачев на заседании Политбюро сказал только, что с обороной Кабула плохо и потребовал посылки туда ответственных представителей Министерства обороны для принятия мер и оказании помощи нам — вроде бы беспомощным советникам, которые там, видимо, даже не знают в каком состоянии находится оборона Кабула.

Из Министерства обороны и Генштаба посыпались упреки, зачем мы докладываем в Москву о недостатках обороны Кабула, почему посвящаем в эти дела посольство и представителей КГБ.

Министр обороны Д. Т. Язов не счел нужным объяснить М. С. Горбачеву откуда все это пошло и что делается по этому вопросу. И отправил в Кабул группу офицеров во главе с начальником Главного оперативного управления Генштаба генералом В. Г. Денисовым.

Получилось, что все усилия, которые я предпринимал по организации обороны Кабула, обернулись против меня же. Я оказался виновным в том, что вскрыл слабые места и начал принимать меры. Оказалось, что я офицер, прошедший несколько войн, не в состоянии сделать, то что теперь должен помочь сделать молодой генерал, который имел представление о войне только по книгам и кинофильмам. Когда на второй день генерал Денисов с прибытием в Кабул начал докладывать обстановку Д. Т. Язову, последний, по словам Денисова, сказал ему: «Чего вы сидите в кабинете? Там оперативная группа ничего не делает и вы приехали помогать бездельничать. Езжайте в окрестности

Кабула, в Джелалабад и организуйте оборону». О поездке в Джелалабад не могло быть и речи, дорога между Кабулом и Джелалабадом к тому времени была перехвачена противником. Поездили мы с группой генерала Денисова вокруг Кабула, потеряли несколько дней невосполнимого времени и пришли к выводу, что нужно делать то, что уже намечалось. Ничего другого и не оставалось. Все это меня очень обидело. И я подумывал о том, чтобы подать рапорт и уехать из Кабула, но меня отговорил от этого Ю. М. Воронцов.

Пока была в Кабуле московская группа, я принципиально не подходил к телефону, даже, когда вызывали, предоставляя докладывать обстановку приехавшей комиссии. После отъезда генерала Денисова позвонил генералу Д. Т. Язову и сказал ему: «Если нет ко мне доверия, прошу отозвать меня из Афганистана. Но если будут наезжать такие комиссии, то дела будут обстоять еще хуже». Д. Т. Язов ответил: «Что я могу сделать, если мне высшее руководство приказывает направить комиссию в Кабул?» И посоветовал продолжать спокойно работать.

Нежелание перечить политическому руководству, постоять за свои дела и в последующем не раз подводило наше родное военное руководство. Пользуясь этим, определяющее влияние на решения по Афганистану оказывали совсем другие ведомства.

После этого очень неприятного для меня случая я стал сознательно показывать посылаемые мной донесения представителям КГБ. Поскольку это ведомство формировало основное мнение в Москве, для меня было важно, чтобы мои доклады доходили туда в подлинном, а не в искаженном и препарированном виде. К тому же через шифровальщиков представители КГБ обо всех наших донесениях все равно узнавали. Из сказанного выше может сложиться впечатление, что может быть лично мне не удалось установить доверительные отношения с представителями КГБ. Но, к сожалению, излишняя не всегда оправданная изолированность в работе представителей КГБ давала о себе знать и в прежние годы.

Например, как мне рассказывал бывший главный военный советник в Афганистане генерал-полковник С. К. Магометов, в декабре 1979 г. накануне штурма Дворца Х. Амина Даруль-Аман ему позвонил Министр обороны Д. Ф. Устинов и спросил о готовности к операции «Шторм-333». Салтан Кизекивич с удивлением ответил Министру, что он ничего об этом не знает. Д. Ф. Устинов порекомендовал ему получить информацию от представителя КГБ в Кабуле Б. С. Иванова. Последний и после этого ограничился лишь намеками и не дал нужную информацию. При этом не учитывалось, что главный военный советник, будучи

не посвященным в предстоящие военные акции, не только не может чем-то помочь в ее осуществлении, но может предпринять и действия, не способствующие этому.

И во время уже описанного мартовского мятежа 1990 г., как я потом понял, представитель нашего КГБ знал о многих приготовлениях президентской стороны, но, видимо, его московские начальники не разрешили посвящать нас в эти дела. Не были поставлены в известность об этом наши Министр обороны и Генштаб в Москве.

Если бы накануне были согласованы с нами (хотя бы в минимально необходимом объеме) военные аспекты действий президентской стороны, то во всяком случае разрушения Баграмского аэродрома и уничтожения своей авиации можно было бы наверняка избежать. А восстанавливать боеспособность афганской авиации все равно пришлось Советскому Союзу.

Вот какими издержками для государства оборачивалось иногда стремление некоторых ведомств к самоизоляции. Тем более, что в ходе подавления мятежа нам все равно пришлось работать вместе с представителями КГБ, МВД и действовать в целом согласованно, но было бы меньше издержек, а результаты были бы еще более оптимальны, если бы определенная скоординированность действий была и накануне этих драматических событий.

Конечно, сложившаяся система в том или ином ведомстве во многом диктует свои правила и через них нелегко переступить. Но многое зависит и от конкретных людей. Замечательный пример в этом отношении являл генерал армии В. А. Матросов, около 20 лет командовавший пограничными войсками. Он живо откликался на все предложения Генштаба, военных округов, флотов по совместному проведению учений и сам в них активно участвовал. Большую работу провел в Афганистане, где пограничники показали себя с хорошей стороны. Особенно активно и самоотверженно действовал в Афганистане его заместитель генерал И. П. Вертелко. И после вывода советских войск из Афганистана В. А. Матросов очень многое делал для того, чтобы афгано-советская граница не только разделяла наши страны, но и всячески помогала сотрудничеству.

Работа пашей оперативной группы в Афганистане проходила под непосредственным руководством Министра обороны генерала армии (в последующем Маршала Советского Союза) Д. Т. Язова и начальника Генерального штаба генерала армии М. А. Моисеева.

Д. Т. Язов родился в 1923 г. в Сибири. После окончания в 1942 г. Московского пехотного училища воевал на Волховском и Ленинградском фронтах в должности командира взвода и

заместителя командира роты. Дважды ранен и контужен. В послевоенные годы закончил академию им. Фрунзе и академию Генштаба, командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, армейским корпусом, армией, войсками Центральной группы войск, Среднеазиатского и Дальневосточного военных округов. В январе 1987 г. был назначен начальником Главного управления кадров — заместителем Министра обороны. С мая 1987 г. стал Министром обороны СССР. Он хорошо знал жизнь войск, воинские уставы и вопросы боевой подготовки. И в целом, Д. Т. Язов был одним из наиболее опытных и подготовленных военачальников Советской Армии. Это способствовало правильному решению и основных вопросов по Афганистану. Я был благодарен Д. Т. Язову за представление к очередному воинскому званию.

Вместе с тем, он человек и начальник своеобразный, перенявший, как все мы, у прежнего поколения военачальников не только богатейший опыт войны, но и некоторые их методы обращения с подчиненными. Для меня, например, ежедневные доклады ему по телефону обстановки по Афганистану были одним из самых непрятных моментов.

Например, у военных принято начинать докладывать, что противник за истекшие сутки предпринял такие-то атаки, произвел обстрелы Кабула или других пунктов, Министр сразу же тебя перебивает и начинает отчитывать: «Зачем вы противнику даете стрелять, я вас послал туда не для того, чтобы вы рассказывали про его стрельбу, а уничтожили противника…». И в таком духе по любому поводу. После такой реакции старшего начальника другие более важные вопросы становилось уже невозможным докладывать. После такого «вдохновляющего» разговора я иногда несколько минут вообще не мог что-нибудь делать. Дмитрий Тимофеевич в душе не был вредным человеком, но, видимо, полагал, что таким «требовательным» и придирчивым разговором он стимулирует работу подчиненного.

В связи с убытием из Афганистана генерала М. М. Соцкова в Москве рассматривался вопрос об его преемнике. Я высказал Министру обороны свое предложение и назвал кандидатуру. Это почему-то вызвало раздражение и генерал Д. Т. Язов с упреком спросил меня:. «Зачем вы вмешиваетесь в кадровую политику?» Я был старшим военным представителем в Афганистане и мне было небезразлично с кем работать.

И, видимо, имел право высказать свое мнение, если, конечно, «кадровая политика» состоит не только в том, чтобы расставить везде своих людей, не думая о том, как это скажется на деле. Вполне допускаю и свою неправоту в чем-то, но все эти, так

называемые, «мелочи», мелкие уколы не очень помогали в работе.

В таком духе нередко происходил разговор и с начальниками рангом пониже. Вот некоторые из сохранившихся записей в блокноте:

Докладываешь, что танковая бригада из Хайротона прибыла в Кабул, 19 танков отстало. На это следует вопрос-замечание: почему танки отстали, что же у вас там происходит? Некоторым их этих начальников приходилось напоминать, что всего 1–2 года назад в дивизии вашего округа и при более ограниченном марше отстало в два раза больше техники. На доклад о том, что противник из района Тани атакует Хост, следует ответ: никакой атаки там, наверно, нет. Выдумывают, чтобы еще просить оружие. После сообщения о том, что южнее Саланга противник перерезал дорогу, начинается внушение: опять проспали, почему даете противнику захватывать дорогу? Именно в эти дни поступали сообщения, что на Северном Кавказе подорваны или блокированы дороги на Баку, Тбилиси, Ереван и другие города. Как-то один из начальников после доклада ему об обстановке с возмущением говорил, что он видел по телевидению как стреляет 76-мм орудие, на котором не установлены даже прицельные приспособления. Я поинтересовался на этот счет у тех, кто лично имеет возможность смотреть телевизор. Мне сказали, что это орудие уже несколько раз показывали, то в Карабахе, то в Афганистане. Потом выяснилось, что в Афганистане телеоператоры нашли неисправное орудие в Кабульской крепости и попросили несколько раз выстрелить из него холостыми снарядами. Сталина обвиняли в том, что он управлял войсками по глобусу, а новое поколение начальников, пыталось это делать по телевизору. В сентябре 1989 г. часть парашютов, сбрасываемых с грузами в районе Хоста, не раскрылась. В связи с этим обращаюсь с просьбой прислать специалистов по парашютам. На это следует ответ: а если убьют этих специалистов, то кто будет отвечать? Пытаюсь объяснить, что мы тоже советские офицеры и уже находимся в Афганистане, нас тоже могут убить и вопрос об ответственности один и тот же. Но всякий бюрократ и чиновник он тем и опасен, что формально всегда прав. У него есть ответ на любой вопрос: вы уже утверждены в ЦК КПСС, а тех, кого Вы просите срочно прислать мы утвердить в ЦК не успеем. Оказывается и смерть не смерть, если это утверждено ЦК КПСС. Мне самому неприятно все это вспоминать и ворошить. И делаю я это не для упрека в чей-то адрес. Это уже бесполезно. Главная забота сейчас в том, чтобы молодое поколение офицеров извлекло уроки из того, что было и не повторяло наших ошибок. Нельзя, чтобы человек став большим начальником, сразу

отрешился от реальной жизни, от того, что он сам уже пережил, будучи в гуще войсковой жизни или в боевой действительности.

Или еще один пример. Я был послан в Афганистан с должности Заместителя начальника генерального штаба. Работавшие до этого в Афганистане заместители министра обороны, начальника генерального штаба до возвращения (по нескольку лет) оставались на своих должностях. Соответствующее должностное положение давало возможность более оперативно решать назревшие вопросы с различными управлениями Министерства обороны. Вдруг в 1990 г. случайно узнаю, что я уже не являюсь заместителем начальника Генерального штаба и на мое место назначен другой человек. Известно, что прежде чем любого офицера куда-либо переместить, с ним беседуют или по крайней мере ставят его в известность об этом. Но мне никто, ничего не сообщил. Я написал Министру обороны письмо по этому поводу с просьбой объяснить, почему я освобожден от своей должности и пожеланием ускорения моей замены и возвращения из Афганистана. В ответ получил следующий документ.

«Товарищу Гарееву М. А. Республика Афганистан, г. Кабул, посольство СССР.

Уважаемый Махмут Ахметович!

Ваше письмо получил. Во-первых, хочу выразить Вам искреннюю благодарность за ту большую работу, которую проделали за период пребывания в Республике Афганистан. Ваш труд высоко оценен Советским Правительством. Руководство Министерства обороны СССР считает, что Вы правильно построили свою работу и это дает основание полагать о необходимости Вашего присутствия там.

Что касается Вашей замены, то точно определить срок в настоящее время не представляется возможным. С прибытием к Вам заместителя, его надо ввести в обстановку. Кандидат, способный заменить Вас и возглавить этот ответственный пост, подбирается.

Махмут Ахметович! В Республику Афганистан Вас направили не с понижением, как Вы пишете, а для весьма ответственной задачи.

Должность, которую Вы занимаете в настоящее время, по некоторым соображениям политического характера, вцдимо, и Вам известным, нецелесообразно совмещать со штатной должностью в Вооруженных Силах СССР.

По возвращению в Советский Союз с учетом Вашего воинского звания и возраста Вы будете назначены, на соответствующую должность.

Искренне желаю Вам крепкого здоровья и успехов в Вашем нелегком благородном труде.

Генерал армии Д. Язов 06.04.1990 г.»

Но после моего возвращения из Афганистана был совсем другой разговор. Начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев был одним из военачальников молодого поколения, не имеющих опыта войны и быстро выдвинувшихся в послевоенные годы. Он успешно прошел все положенные ступени военной службы от командира взвода до начальника Генерального штаба. Окончил академию им. Фрунзе и академию Генерального штаба. Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку, человек очень энергичный. Он проявил большое мужество и принципиальность, выступая против капитулянтской позиции политического руководства по вопросам сокращения вооружений. Но как показывает опыт, очень трудно с должности командующего войсками округа сразу вступать в должность начальника Генерального штаба. Было бы полезнее, конечно, для лучшего вхождения в должность в начале поработать одним из заместителей начальника Генерального штаба. Отсутствие опыта работы в Центральном аппарате и невозможность в короткие сроки овладеть всеми сложнейшими военно-дипломатическими, военно-экономическими, оперативно-стратегическими, военно-политическими и многими другими проблемами обычно приводит к тому, что начальник Генштаба не всегда бывает в состоянии выработать по ним свою позицию и вынужден идти на поводу начальников управлений. Это сказывалось и на работе по афганским делам.

Несмотря на определенные трудности, в целом руководящий состав Министерства обороны, лично Министр обороны, руководство Генштаба, сухопутных войск, военно-воздушных сил, тыла вооруженных сил постоянно следили за обстановкой, активно участвовали в оказании помощи Афганистану и много помогали нам в решении возложенных на нас задач.

Некоторые авторы воспоминаний пишут, что представители МИД или КГБ охотнее откликались на просьбы афганского руководства, чем представители Министерства обороны. Но поддерживать просьбы и предложения, которые самому не придется выполнять всегда проще и легче. А Министерству обороны надо было изыскать оружие, военную технику и другие материальные средства за счет своих войск и запасов, что в ряде случаев было связано с большими затруднениями.

Многие важные вопросы по Афганистану мы решали через генерала армии В. И. Варенникова. Валентин Иванович — один из много и хорошо воевавших молодых артиллерийских офицеров в

период Великой Отечественной войны. После войны прошел все ступени командной службы, окончил академию им. Фрунзе и академию Генерального штаба. Успешно командовал Прикарпатским военным округом. В 1979–1984 гг. был начальником главного оперативного управления Генштаба и под руководством маршала Н. В. Огаркова активно участвовал в проведении предпринятых в те годы важных преобразований в вооруженных силах. Будучи в 1984–1985 гг. первым заместителем начальника Генерального штаба, почти все время находился в Афганистане. После вывода советских войск из этой страны был назначен главнокомандующим сухопутными войсками. Зная хорошо обстановку в Афганистане и нужды афганской армии, он, его Главный штаб во главе с генерал-полковником Д. А. Гринкевичем и заступившим на его место генерал-полковником М. П. Колесниковым, командующий артиллерией маршал В. М. Михалкин и другие начальники родов войск оперативно решали основные вопросы оказания военной помощи Афганистану и много нам помогали. Генерал Варенников в 1989 г. еще раз приезжал в Кабул, и посетил ряд частей, оборонявших Кабул, побывал в Кандагаре.

Вместе с тем, он несколько ревниво относился к нашей деятельности в Афганистане. В нашей армии была категория военачальников, которые всегда считали, что после них дела в соединении или объединении, которые они покинули, обязательно должны идти хуже, чем до этого. Валентин Иванович придерживался несколько иной позиции. Он, как мне казалось, полагал, что оставляет, в том числе и в Афганистане, такой фундамент, который, если немного утрировать, будет незыблемо стоять, если даже в последующем ничего не делать.

Но вот генерал Б. Громов признает, что «Никакие самостоятельные действия афганская армия не вела, А если и вела, то можно было не сомневаться, что толку от них будет мало…».[75] Как же теперь без советских войск такая армия должна держаться против вооруженной оппозиции? Слов нет, несмотря на все недостатки, с помощью Советского Союза и при активном участии советских генералов и офицеров была проведена огромная работа по организации, техническому оснащению и становлению афганской армии. Я никогда не разделял позиции тех, кто только с негативной стороны оценивал афганские вооруженные силы. Но даже в советских хорошо слаженных и подготовленных войсках, если командиры постоянно не работают и не наращивают достигнутое, все достигнутое может быть потеряно. Тем более требовались большие усилия для поддержания боеспособности афганской

армии, которая имела очень много слабых мест. Некоторые негативные моменты и нерешенные вопросы, например, по обороне Кабула и других районов, приходилось объективно вскрывать, исходя из принципа: какая оценка обстановки — таковы решения и практические действия. Но упоминание о нерешенных вопросах отдельными военачальниками воспринималось как критика и охаивание оставленного нам наследства.

Так после проведения боевых действий на Кандагарском направлении и прорыва автоколонны с материальными запасами в Кандагар, мной был представлен доклад в Москву по итогам этой операции, где наряду с другими фактическими данными было сказано, что таким образом удалось решить задачу, которую в 1988 г. не удалось решить афганским и советским войскам.

Генерал В. И. Варенников в ответ на это прислал гневную телеграмму. В частности, он писал: «Что касается 5-й мотострелковой дивизии, которая действовала в декабре 1988 г. тремя батальонами в этом районе, то она имела задачу блокировать дорогу от Шинданта до Майванда включительно, а остальные 20–25 км до Кандагара *афганские части обязаны были преодолеть своими силами. Однако такую задачу они не выполнили*».[76] Таким образом Валентин Иванович подтвердил, что в 1988 г. задача была не выполнена (другой вопрос, кто ее не выполнил), а мы докладывали, что в 1989 г. афганская армия эту задачу выполнила и это было действительно так.

В заключение в телеграмме генерала армии Варенникова говорилось: «Прошу Вас учесть, что и в некоторых предыдущих докладах иногда проходили теневые оценки действий в прошлом, хотя всем понятно, что главным итогом прошедших лет является создание дееспособных ВС Афганистана, которые хотя и с большим трудом, но благодаря помощи Советского Союза продолжают выполнять задачи своего правительства».

Но поскольку говорилось о помощи Советского Союза, а мы как никак тоже оставались частичкой Советского Союза, то нам не оставалось ничего другого, как «с большим трудом» продолжать выполнять поставленные задачи.

Отличие нашего положения от прошлого состояло лишь в том, что в те времена было на кого свалить невыполнение задач, (всегда были виноваты афганцы), а у нас такой возможности не было. При моем глубоком уважении к генералу В. И. Варенникову и если бы это касалось только меня, об этом эпизоде можно было бы и не вспоминать. Но речь идет о целом коллективе генералов и офицеров, которые тоже трудились в Афганистане. И когда один военачальник пишет, что через две-три недели после вывода

советских войск Республика Афганистан рухнула, другой в какой-то степени ставит под сомнение то, что сделано в Афганистане после вывода советских войск, это не справедливо и только поэтому об этом приходится сказать.

В делах Афганистана участвовали и многие другие ведомства. Но при всех обстоятельствах важнейшие вопросы по Афганистану решались генеральным штабом, который координировал деятельность всех видов вооруженных сил, родов войск и служб по поставкам военной техники, направлению личного состава и другим делам Генеральный штаб (в частности Главное оперативное управление, Главное организационно-мобилизационное управление, 10-е Главное управление) обеспечивали взаимодействие с внешне-политическими, внешне-экономическими и другими ведомствами. Главное разведывательное управленение обеспечивало нас некоторыми важными сведениями о вооруженной оппозиции. Очень оперативно решал свои вопросы начальник войск связи генерал-полковник К. И. Кобец.

В сентябре 1989 г. группа генералов и офицеров во главе с начальником Генерального штаба генералом армии М. А. Моисеевым в течение одних суток побывала в Кабуле. Начальник Генштаба за короткий срок встретился с президентом Наджибуллой, министрами военных ведомств и на месте решил ряд важных вопросов. Даже короткое ознакомление с обстановкой на месте позволило в последующем добиться хорошего взаимопонимания нужд афганских вооруженных сил.

Правда, когда генерал Моисеев собрал на совещание нас и прибывших с ним генералов, последние и докладывали по всем вопросам о положении дел в Афганистане, а никому из нас «сидящим» в Афганистане, ни о чем говорить не пришлось. Даже, когда меня спросили о здоровье, за меня ответил один из прибывших из Москвы офицеров. Начальник Генштаба с трудом их остановил.

Так, между прочим, бывало и при приезде других комиссий. Иногда складывалось впечатление, что люди приезжали в Кабул не для того, чтобы лучше узнать обстановку в Афганистане, а дать линию, как ее надо понимать, независимо от того, что делается в этой стране.

Наряду с большой оказываемой нам помощью, было немало проволочек и неоперативности в выполнении уже принятых решений. С приходом в Генеральный штаб ряда новых людей все труднее становилось решать вопросы со своим родным ведомством. Свойственная в бытность маршалов Н. В. Огаркова и С. Ф. Ахромеева основательность в работе, с заблаговременной

детальной проработкой назревавших проблем, стала подменяться примитивизмом, поверхностным рассмотрением и искусственным упрощением сложных вопросов.

Перед отъездом в Джелалабад, как положено, я доложил об этом руководству Генштаба. Мне было сказано: «Смотрите, чтобы там в каждом обороняющемся отделении были стрелковые карточки».[77] Такие карточки во время войны и в Советской Армии изготовлялись лишь при заблаговременном переходе к обороне и с трудом внедрялись в войсках, поскольку в масштабе отделения и взвода были вполне достаточными устная постановка задач и указание направлений огня стрелкового оружия на местности. Трудно было представить себе, что-либо подобное в афганских войсках.

В Джелалабаде мы увидели перемешанные боевые порядки различных частей и подразделений, отошедших под ударами противника на новые позиции и наспех переброшенных из Кабула и других участков. Распределение личного состава и то весьма условно можно было более или менее различить лишь поротно или побатальонно. Никаких отделений и взводов не существовало. Каждую ночь часть личного состава дезертировала. В тылу обороняющихся частей появились заградгруппы по линии МГБ. На новых позициях, где закреплялись отошедшие части, не были оборудованы даже простейшие окопы. Все это производило тяжелое впечатление. Но, как не странно, чем более тягостные эпизоды я видел, тем чаще вспоминал об этих «стрелковых карточках» и мучительно думал о том, почему, дав общее, схематичное образование новому поколению генералов и офицеров, нам не удалось на занятиях и учениях дать им хотя бы приблизительное представление о реальной боевой действительности.

В начале мая 1990 г. я был вызван в Москву в связи с предстоящим вручением в Кремле «маршальской звезды», положенной в соответствии с новым воинским званием. Пользуясь случаем, решил побывать в некоторых управлениях и решить вопросы по Афганистану. По ходу дела надо было отпечатать документ на 1–2 страницах, о чем я попросил знакомого офицера из Главного оперативного управления Генштаба. Но он через некоторое время с большим смущением объяснил мне, что отпечатать документ не удается. Был, оказывается, установлен порядок, когда без «визы» начальника управления, машинописное бюро ничего не имеет право печатать, а начальника на месте не оказалось. Меня это поразило. Почему вдруг у начальников управлений Генштаба появилось время заниматься выдачей «виз»? Это стало возможным только потому,

что эти начальники перестали заниматься серьезным делом. Если бы они с головой были поглощены крупными вопросами, как это когда-то было, то они не имели бы возможности терять времени на такую ерунду.

Да и будучи в Афганистане, иногда самые простые вопросы нельзя было решить с начальниками главных управлений и даже с заместителями начальника Генерального штаба. Звонишь, скажем, генералам В. Г. Денисову или А. Н. Клейменову. Ответ почти всегда один. «Доложу начальнику Генерального штаба». Начинаешь объяснять, что я и сам могу позвонить начальнику Генштаба, а вышел на вас, чтобы не отнимать время у старшего начальника. Мне трудно было понять: зачем нужны любому начальнику заместители, которые ничего не решают, а только ходят докладывать своему шефу, кто и о чем им звонил.

Были начальники, которые прямо гордились тем, что он, видите ли, все решает лично сам, а все остальные должностные лица смотрят только ему в рот. Но любой управленческий процесс может быть эффективным, когда он развивается не только по вертикали, но и по горизонтали, активно включая в работу всех должностных лиц и создавая широкий фронт творчества.

В апреле 1990 г. был случай, когда наш офицер вместе с афганскими товарищами выезжал в район Ишкашима, расположенной у самой афгано-советской границы. Группа эта была обстреляна из засады, двое афганцев ранены. Для их срочного спасения нужно было подать вертолет с советской территории.

Как на грех, был воскресный день. Я позвонил на центральный командный пункт Генштаба, на квартиру двух заместителей начальника Генштаба, но никто из них никаких решений принять не мог. Тогда вышел на оперативного дежурного пограничных войск в Москве и этот дежурный за несколько минут решил этот вопрос. На следующий день мне из Генштаба передали, что высшее руководство осталось недовольным тем, что я обращаясь в другое ведомство (к пограничникам) без ведома и согласования с Министерством обороны.

И такая вот система работы начала порождаться во всех звеньях. Вскоре по прибытии в Кабул в начале 1989 г. вместе с представителями посольства и КГБ пошли изучать организацию охраны посольства и порядок эвакуации нашего персонала на случай чрезвычайных обстоятельств. Внутрення охрана осуществлялась сотрудниками КГБ (силами группы пограничников) и организована была достаточно четко и

надежно. Наружную охрану посольского городка должен был нести афганский батальон войск МВД. Но из этой охраны мы почти никого не нашли. Нам объяснили, что личному составу батальона не дали продуктов и он большей частью убыл добывать себе пропитание. Командир батальона просил дать хотя бы 30–40 мешков муки. Я в тот же вечер позвонил командующему войсками Туркестанского военного округа генерал-полковнику И. В. Фуженко, объяснил опасность складывающейся обстановки с охраной посольства и просил очередным самолетом, следующим в Кабул, направить нам немного муки.

Иван Васильевич отказался помочь и сказал, что на это надо распоряжение Министра обороны СССР. Последний после моего обращения к нему сказал мне: «Скажите Фуженко от моего имени, пусть выделит». Снова обращаюсь к командующему войсками ТуркВО, передаю ему устное распоряжение Министра обороны, но ответ тот же: «Пусть дадут мне письменное распоряжение, тогда я выполню». Пытаюсь объяснить, что наша оперативная группа находится в полосе ответственности Туркестанского военного округа, в случае серьезной угрозы все равно вам придется спасать посольство и нашу группу и лучше нам совместно заранее принять меры по усилению охраны посольства, чем потом прибегать к крайним мерам. Но никакие мои доводы не поколебали командующего.

Через несколько дней наши офицеры тыла нашли брошенный склад хлебопродуктов в одном из помещений аэродрома и передали его афганскому батальону, охраняющему посольство. Забегая вперед, для полноты картины скажу еще немного о том, с какими мытарствами возвращался из Афганистана в Москву.

С прибытием на мое место генерал-полковника Н. Ф. Грачева и, проработав с ним некоторое время, на попутном грузовом самолете перелетел в Ташкент.

На следующий день из Ташкента должен был улететь самолет в Москву с командой призывников. Мы договорились с начальником штаба округа и командующим ВВС, что я с переводчиком и адъютантом полечу на этом же самолете. Перед вылетом командир экипажа заявляет, что теперь заведен такой порядок, когда только Генштаб может дать разрешение взять кого-либо на борт самолета. Выхожу на центральный командный пункт Генштаба, заместителей начальника Генштаба, начальника Главного штаба ВВС — никто не берет на себя ответственность дать разрешение генералу армии вместе с молодыми солдатами долететь до Москвы. Позвонил на квартиру первому заместителю начальника Генштаба генерал-полковнику Б. А. Омеличеву, который обещал дать команду. Примерно через 2,5 часа команда,

отданная им, дошла до Ташкента.

Адъютант предлагал взять билеты на рейсовый самолет и улететь. Но мы везли с собой секретные документы, оружие, которое мы брали с собой в Афганистан, и поэтому по установленным правилам не имели права лететь на гражданском самолете.

Читатель может подумать, что все это было связано с тем, что вдруг новое военное руководство начало устанавливать более жесткий порядок в армии. Ничего этого и в помине не было. Тбилисские и некоторые другие события, антиармейская кампания в печати, крикливые выступления некоторых демагогически настроенных депутатов Верховного Совета СССР до того запугали некоторых военных руководителей, что они, как говорят в народе, обжегшись на молоке, начали дуть на воду. Не говорю уже об элементарной культуре и порядочности. В очень трудное время отправили человека из Генштаба в Афганистан, объясняли важность задачи. Теперь, когда состоялось возвращение, никто не хотел позаботиться о перелете и т. п. И так обращались не только со мной. Так было заведено: когда отправляли офицера в зарубежную командировку, ему так объясняли задачу, будто от его миссии зависит судьба всего мирового социализма, а когда возвращался, смотрели на него так, будто он был в плену или в окружении.

И когда генерал Б. В. Громов с обидой пишет о том, что войска 40-й армии, которые по приказу правительства выполняли задачи в Афганистане, никто из политического и высшего военного руководства не встретил, его можно понять и посочувствовать. А ведь в данном случае принижали достоинство не 40-й армии, а достоинство своего государства и вооруженных сил в целом.

И когда в августе 1991 г., будучи в госпитале, я узнал о людях, которые составили ГКЧП, для меня, например, с самого начала было ясно, чем все это может кончиться. В данном случае я оставляю в стороне политическую сторону дела. (Это отдельный разговор). Рассуждаю просто с точки зрения военно-профессиональной.

Сейчас некоторые говорят, что одной из причин неудачных действий ГКЧП было то, что среди них не оказалось лидера. Но какого лидера, из какого склада надо было выписать для них? Когда отделение идет в атаку и выходит из строя командир, первый же инициативный солдат берет на себя командование. Но ничего нельзя путного сделать, если машинистка без генерала не может отпечатать лист бумаги, если командующий ВВС округа не может посадить генерала в самолет без команды из Москвы, если

командующий войсками округа не может решить вопрос с мешком муки, если все начальники оглядываются друг на друга и ничего не решают и не могут даже постоять за себя и своих подчиненных — в таком государстве и в такой армии не одно отделение с места не сдвинется, ибо все будут только поглядывать друг на друга. Но может быть еще для истории оставят «стрелковые карточки»…

Группа военных специалистов. В составе группы Главного военного советника при Министерстве обороны было 30 генералов и офицеров. В составе оперативной группы, работавшей под непосредственным моим руководством, 12 генералов и офицеров: генерал-майор Чумичев В. И., полковник Леньков В. Ф. (его сменил полковник Аринахин А. Ф.), генерал-майор Афанасьев В. И. (его сменил генерал-майор Колодий Г. В.), полковники Петров П. А., Рыженко П. П., Егоров В. Д., Котов В. Н., Коменденко В. Н., подполковник Клюкин Г. Н. (переводчик), адъютант майор Шишов В. М. (его сменил подполковник Борзосеков Д. И.). Позже появился генерал-майор Никитин Ю. М., имея задачу работать при командующим обороной г. Кабула.

Ряд наших офицеров по родам войск, числившихся при афганском Министерстве обороны, при Главном политическом управлении (генерал-майор Гнездилов В. И., сменивший его генерал-майор Тимин Л. В.) одновременно по своим вопросам обеспечивали работу оперативной группы при президенте. В большинстве своем генералы и офицеры работали сомоотверженно и квалифицированно выполняли свой долг.

Вместо М. М. Соцкова главным специалистом в Министерство обороны прибыл генерал Б. П. Шеин, который по ряду причин находился в Афганистане сравнительно немного, но показал себя хорошо подготовленным, энергичным и творчески работающим генералом.

С особой признательностью хотелось бы отметить инициативную и добросовестную работу В. Ф. Ленькова, А. Ф. Аринахина, Г. В. Колодия, Ю. М. Никитина, В. Н. Коменденко, П. А. Петрова, П. П. Рыженко, В. Д. Егорова, Г. Н. Клюкина, В. М. Шишова, Д. И. Борзосекова, В. В. Никулина, М. Н. Шестопалова, М. А. Цапенко, В. П. Козловского, К. А. Цынгуева, М. И. Табакова, В. П. Дудка, А. А. Рындина, Руденко, обеспечивавших нашу работу связистов и водителей Ю. Г. Стороженко, С. Н. Иванова, А. Е. Кириллова, Т. Х. Файзуллаева, А. Л. Беликова и Н. Хаджимова.

Хорошее взаимодействие у нас было с полковниками А. Е. Чижиковым, И. Г. Радченко, работавшим в Москве

полковником Н. Н. Григоруком, начальником аэрофлота в Ташкенте И. Рафиковым.

В обиходе афганцы нас продолжали называть военными советниками. Но по официальному статусу мы представляли собой группу советских военных специалистов, главными задачами которых были передача военной техники в соответствии с межгосударственными соглашениями и оказание помощи в освоении передаваемых образцов оружия и техники.

В целом работа группы военных специалистов шла согласованно и дружно. При выездах в районы боевых действий несколько человек было ранено и контужено. Но были и отдельные товарищи (например, первый из специалистов по ВВС), которые основную часть своей «работы» сводили к возмущениям и критике афганских недостатков. Мы им терпеливо объясняли, что нас сюда потому и прислали, что у афганцев не все пока получается. Но когда люди не могли перестроиться, приходилось их откомандировывать. Но таких было всего 3–4 человека. В процессе работы было, конечно, немало принципиальных разногласий и споров. Но мы их старались разрешать доводами, доказательствами, но там, где от отсутствия единства подхода начинало страдать дело, полагалось употреблять и власть.

Больше всего сложностей во взаимоотношениях у меня возникало с генерал-полковником М. М. Соцковым. Я знал его, как хорошего командующего армией в группе войск в Германии. Затем вместе с ним мы работали в Главном оперативном управлении. Михаил Михайлович отличался добротной оперативно-тактической подготовкой, хорошими организаторскими качествами. В Афганистане часто бывал в районах боевых действий и показал себя очень мужественным человеком. Он начал работать в Афганистане еще до вывода советских войск и основательно знал обстановку и особенности афганской армии. Но М. Соцков имел излишне капризный характер. Поскольку я тоже особенно мягким характером не отличался — это, видимо, было одной из причин некоторых трений. Но, на мой взгляд, главная ошибка М. Соцкова состояла в противостоянии (вместе с Министром обороны) линии президента Наджибуллы. А каждый из нас не мог выбирать себе власть в Афганистане. Мы должны были помогать той власти, которую официально поддерживает наше государство. Думаю, что, если бы у нас были данные о связях Таная с лидерами оппозиции, тогда было бы больше ясности и определенности и в линии нашего поведения.

Пресса

Работая в Афганистане, мы тесно сотрудничали с представителями прессы и других средств массовой информации. От встреч с иностранными корреспондентами по понятным причинам мы по возможности уклонялись. С нашими журналистами встречались довольно часто. Мы сами были заинтересованы в том, чтобы формировалась правдивая и объективная информация об обстановке в Афганистане. Правда, представители некоторых газет мало интересовались тем, что в действительности происходит и больше искали легковесных сенсаций. Но в целом до 1990 г. наша пресса еще в основном благожелательно освещала усилия Республики Афганистана по противодействию вооруженной оппозиции. Поскольку ко мне поступала обширная информация по Афганистану, я имел возможность ближе познакомиться и с сообщениями иностранной прессы. Скажу откровенно: за все время пребывания в Афганистане мне крайне редко приходилось встречаться с сообщениями западной печати, которые хотя бы приблизительно правильно отображали то, что делали афганские вооруженные силы. Оставалось только удивляться откуда и как придумывались всякие небылицы. Видимо, многие хозяева издательств, не говоря уже о читателях, до сих пор не ведают, какой дезинформацией их потчевовали. Причем, характерно, что и некоторые наши журналисты больше верили не тому, что они сами видели, а тому, что сообщали в иностранной печати. Это явление для меня так и осталось тайной за семью замками.

Как-то рано утром, перед отъездом на заседание Ставки подходит ко мне один из наших журналистов и с загадочным видом говорит, что вся западная печать пишет о нанесении правительственными войсками ракетных ударов по территории Пакистана и об имеющихся там массовых жертвах среди населения.

Я знал куда были нанесены удары (по району южнее Джелалабада) и был уверен, что на территорию Пакистана ракеты никак не могли попасть. Это был один из тех журналистов, который скорее себе глаза выколет, чем не поверит иностранной печати. Он был убежден в правдивости полученного им сообщения, ссылался на то, что оно подтверждается и афганской печатью, был до крайности возбужден.

Я невольно подумал не произошла ли грубая ошибка в наводке ракет. Проверили, ошибки не было. Но газеты продолжали шуметь и только через неделю лишь одна пешаварская газета сообщила о взрывах подложенных бомб в лагерях беженцев, а все остальные газеты промолчали. Больше не подходил ко мне и не извинился и наш журналист.

Известен случай, когда по всему миру прошло сообщение об обстреле ракетами «СКАД» Асадабада, контролируемого моджахедами. Писали, что ракета взорвалась на базаре, погибло 500 человек и т. д. Потом выяснилось, что там происходили стычки между группировками Хекматьяра и Саяфа и хекматьяровцы взорвали склады боеприпасов.

Подобные сообщения по тому или другому поводу появлились почти каждый день. Все это едва ли имело отношение к тому, что называется информацией. Шла обычная психологическая война, а представители прессы сознательно или невольно участвовали в ней, осложняя нашу работу в Афганистане. Республика Афганистан нуждалась не только в поддержке правительства, но и нашей общественности.

Афганское руководство и определенная часть общественности реагировали крайне болезненно, когда афганская проблема в советской печати освещалась не объективно, моджахеды отождествлялись со всем афганским народом, изображая дело так, что они во всем правы и только правительство Республики Афганистан препятствовало политическому урегулированию в Афганистане.[78] Хотя было хорошо известно, что именно вооруженная оппозиция отвергала все предложения по политическому примирению.

В упомянутой выше статье, как и в некоторых других, вопрос практически ставился так, что для решения афганской проблемы есть только один путь — это капитуляция существующего строя в Республике Афганистан. При этом не учитывалось, что в случае прихода к власти вооруженной оппозиции, раздираемой внутренними противоречиями, в Афганистане разразится еще более ожесточенная гражданская война с неизмеримо большими жертвами и потерями, чем это было, что никак не вязалось с принципами гуманности и общечеловеческих ценностей.

Вообще необъективность, стремление подыграть чьим-то политическим настроениям вводили в заблуждение не только общественность, но и оказывали плохую услугу и некоторым в целом-то хорошим, заслуженным людям. Вдруг оказывалось, что в 10-летней войне в Афганистане был лишь один командующий 40-й армией, других вообще не существовало. Или проход «последним» по мосту изображался как самое важное историческое событие. При этом журналисты, изображающие из себя «борцов за правду» не останавливались перед явной неправдой, «забывая» упомянуть, что за спиной последнего командарма оставалась еще прикрывающая его целая группа пограничников, которые тоже как-то должны числиться в людях.

Но эти и многие другие перекосы в информации не могут

бросить тень на многих замечательных журналистов, которые делали свое полезное дело.

Например, в Афганистане всеобщим уважением пользовался телевизионный репортер Александр Шкирандо. Его самая примечательная черта — это симоновское умение оказаться там, где происходят наиболее важные события и в самых, на первый взгляд, незначительных фактах, эпизодах и людях тонко подметить то, что является наиболее типичным, характерным для происходящих событий и отражающим действительные настроения людей.

Вторая его замечательная черта — отвага, личное мужество. Иначе было бы и невозможно быть там, где он часто оказывался.

Будучи в Афганистане, хорошее впечатление глубокого аналитика международных аспектов афганских событий оставил главный редактор журнала «Международная жизнь» Г. Д. Пядышев. Он не только задавал вопросы, изучал обстановку, но и нам, в том числе посольским работникам, помог дальше заглянуть в перспективы развития обстановки.

От «Московских новостей» приезжал Тимур Гайдар. Он, как всегда, показал «себя очень смелым человеком, побывал на передовых позициях (причем, по несколько суток жил там с солдатами) и написал затем ряд интересных статей.

Александр Проханов, один из писателей основательно знающих Афганистан, дважды приезжал в Кабул и проделал очень полезную подготовительную работу по освобождению нескольких наших военнопленных. По этим же вопросам приезжал в Кабул один из героев афганской войны генерал Валерий Очиров. Правдиво и очень остро писал А. Олейник, который раскрыл подвиг наших военнопленных в пакистанском лагере Бадабера.

Совсем еще молодой А. Гольц — наш корреспондент «Красной звезды» — удивил нас умением как-то по-особенному объемно с учетом не только военных, но социально-политических и психологических аспектов освещать военные действия в Афганистане. Правда, одна его статья о советниках Министерства обороны, якобы подготавливающих решения для президента, была негативно воспринята Наджибуллой, но это было связано с неосведомленностью корреспондента о некоторых внутриафганских интригах.

Запомнилась интересная беседа с очень пытливыми корреспондентами «Комсомольской правды». Тогда они выразили сомнение в некоторых моих прогнозах о развитии событий на юге нашей страны, полагая, что я преувеличиваю опасности. К сожалению, последующие события обернулись еще в более худшем виде, чем я предполагал.

Все эти беседы и встречи с журналистами, их острые, иногда провокационные вопросы нередко злили меня, но каждый раз давали и пищу для размышлений и заставляли еще и еще раз сверять свой компас с действительным развитием событий.

Глава VII
Уроки и выводы из Афганской войны

Покаяние нужно, но чтобы потом снова не каяться по этому поводу

Известный узбекский писатель Абдурашид Нурмурадов написал чудесную книгу о судьбах людей, прошедших через Афганистан[79]. В самом ее начале он напоминает слова из книги Э. Хемингуэя «Прощай оружие»: «…те, кто затевает, разжигает и ведет войны, — свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться». И далее пишет: «Сегодня нам известно, кто виноват в разжигании афганской войны. Но виноваты и мы все, читатель, потому что молчали, а значит, потворствовали»[80].

В конце книги А. Нурмурадов обращается с призывом: «Конечно, было бы хорошо, если обо всей этой политической, военной авантюре расскажут свидетели войны — крупные военачальники. Пусть они расскажут, во что обошлось слепое, бездумное выполнение тупых приказов. Почему они молчат? Подайте голос!»[81].

Не так-то просто подать этот голос, когда тебе заранее диктуют и его тональность. Но прятаться за спины других тоже нехорошо. Хотя я и не очень крупный военачальник и вроде бы непосредственно афганскую войну не затевал, но был свидетелем многих событий, как и многие другие «потворствовал» и «выполнял тупые приказы» и вот я решил подать свой голос.

Бывают периоды, когда в том или ином вопросе начинает господствовать идеологизированная, все подавляющая точка зрения, под которую все подгоняется и к ней присоединяются все голоса. В этих условиях, когда любое другое мнение, иное видение подвергается остракизму, самым легким делом было бы покаяться о содеянном за себя и других, осудить и объявить преступлением все, что делалось, изобразить всех, кто отдавал и выполнял «тупые приказы» идиотами. И во всем этом будет и доля правды, ибо каждому из нас есть в чем покаяться и признаться в ошибках. Но это будет еще не вся правда. От таких покаяний и все осуждающих обличений может быть у кого-то на душе станет легче. Только таким путем мы к истине все равно не

придем и не сможем сделать правильные выводы и извлечь должные уроки из прошлых событий. Больше того, пройдет совсем немного времени и нас снова постигнет разочарование, что может привести к тому, что люди уже ни во что верить не будут.

Вспомните, как изображался совсем недавно советско-германский договор о ненападении 1939 года. Стремление советского правительства оттянуть войну изображали «тягчайшим преступлением против человечества», сколько гнева по поводу тайных «протоколов». Высказать какое-то другое мнение было невозможно. Но жизнь идет и США уже после войны заключают секретные соглашения с Японией, Россия совсем недавно с Китаем и т. д. Оказывается это обычная международная практика. Уже творческая интеллигенция встречается с президентом РФ за закрытыми дверями, куда журналистов не пускают, а совсем недавно говорили: почему происходят закрытые заседания Политбюро ЦК КПСС или почему любой журналист не может свободно зайти на совещание руководящего состава вооруженных сил?

Больше всего возмущений было по поводу того, что решение по вводу войск в Афганистан принято в «узком кругу», без ведома Верховного Совета и т. д. А потом без Верховного и без ведома народов в еще более узком кругу распустили Советский Союз, вслед за которым последовало много других поразительных событий, в том числе последние события в Чечне.

Казалось бы трудно придумать более чудовищное преступление, чем сталинские репрессии и переселение целых народов. А сейчас чеченцы сами бегут из разрушенного Грозного и своих аулов и говорят: «Мы были бы счастливы, если бы нас снова как в сталинские времена посадили в товарные вагоны и отправили из этого ада куда угодно.»

Узнали ли вы, читатель, кто и как развязал войну в Карабахе или в Югославии? Никогда и не узнаете, если искать причины только в действиях сербов или боснийцев и не поинтересоваться, почему так поспешила Германия признать независимость Словении и Хорватии. Ничего нельзя толком понять, если будут одни обличения и не будет спокойного анализа всех обстоятельств, которые породили эти кровавые события. В последнее время много говорится о том, что России и другим странам СНГ никто не угрожает и все опасности для этих стран таятся только внутри них, но умалчивают о том, что и эти внутренние конфликты во многом подогреваются извне.

Всего несколько лет назад в Западной печати поднимался шум о якобы имевших место нарушениях шведских границ

советскими подводными лодками и сбитии шведского самолета в международном пространстве. Все, что говорилось на Западе настолько считалось правомерным, а осуждение Советского Союза по любому поводу настолько модным и единственно возможным «цивилизованным» подходом, что руководство СССР задним числом взвалило на себя ответственность за сбитый в июне 1952 г. шведский самолет-разведчик, хотя никаких доказательств не было. Теперь в той же Швеции выявляются документы, свидетельствующие о том, что все это не соответствовало действительности[82].

Таких лопнувших мифов было уже много. Когда немного улягутся страсти, не такими уж однозначными покажутся и многие доминирующие сегодня суждения по Афганистану. Вы можете обличать, шельмовать другие взгляды, но придет время и они тоже займут свое подобающее место в истории. И если мы хотим жить в мире реальной действительности, а не мифов и легенд, порождаемых конъюнктурно нагнетаемыми страстями, нужно кроме неизбежного вначале, самого понятного, острого и впечатлительного личностно-обыденного взгляда на события прошлого, находить и более широкий исторический взгляд, учитывающий все стороны и обстоятельства сложной противоречивой действительности.

Такой подход не избавит от горечи ошибок и неудач, боли утраты близких людей. Гибель ни одного человека никогда нельзя ничем оправдать. Но он позволит глубже понять то, что было и извлечь уроки на будущее.

Автор этих строк тоже не готов однозначно высказаться по всем вопросам. И в самом деле не все ясно и в полной мере осмыслено. Многие документы западных стран, Пакистана, Ирана, Китая остаются закрытыми. Но какие-то предварительные выводы об афганских событиях в целом, видимо, можно сделать.

Какими они видятся сегодня, из того что мы знаем?

Были ли неизбежными крупные волнения 1973 г., 1978 г. и другие бурные события в Афганистане? Все говорит о том, что рано или поздно они должны были произойти, как это было в Англии, во Франции, России, Индии и других странах. И народ Афганистана не мог вечно оставаться в средневековой отсталости. В книге «Кровавая пелена» автор приводит последние письма погибшего в Афганистане старшего лейтенанта Баходыра Наметова, напоминая древнюю мудрость: «Правда величественна своей правдивостью». Так среди ряда правдивых свидетельств Баходыр пишет своей сестре и о том, что «здесь (в Афганистане — М. Г.) много кишлаков. Однако ни в одном из них нет ни школы, ни электричества. Многие афганские дети и в холод, и в жару

ходят без обуви, ее просто нет»[83].

А я знаю, что еще в начале 30-х годов так было и в Узбекистане, и Таджикистане, и других Среднеазиатских республиках. Известно и сегодня, в какой страшной нищете живут в кишлаках, да и в городах в Афганистане, Пакистане, Иране и в той же Турции[84].

Люди не могут без конца так жить. Другое дело, что Афганистан не мог воспринять такую революцию, как Апрельская революция 1978 г. Нужны были более умеренные соответствующие условиям Афганистана, понятные народу, социально-политические и экономические преобразования. При поддержке их большинством народа не было бы и большой войны и не стоял бы вопрос о вводе советских войск в эту страну. А попытка навязать афганскому народу чуждый для него строй и режим привела к тягчайшей исторической трагедии. Но если мы хотим извлекать уроки из прошлого, то и сегодня неразумно для России, Узбекистана, Таджикистана и для других народов навязывать образ жизни других стран. Кстати, и трагедия Чечни началась еще в 1991 г., когда кое-кто пытался насадить в этой республике «демократию», устроенную на московский манер.

Некоторые политические деятели на свой лад (в основном ограниченностью демократии) объясняют существующую относительную стабильность обстановки в Узбекистане, Туркменистане и некоторых других бывших советских республиках. Но одна из причин относительной стабильности в этих республиках состоит в том, что народы Средней Азии по сравнению с некоторыми другими соседними странами, несмотря на все нерешенные проблемы, недостатки и известные ограничения свобод (и прежде, и теперь), в годы советской власти сделали огромный шаг вперед в своем социальном, экономическом и культурном развитии и живут лучше, чем в Пакистане, Иране или Афганистане. А люди никогда сами себе плохого не хотят. Да и не обязательно, видимо, чтобы процессы демократизации и реформ сопровождались всеобщей смутой, конфликтами, резким падением жизненного уровня населения, разгулом преступности и прочими неурядицами.

И дело здесь не в пережитках коммунистического тоталитаризма, как это иногда изображают. Надо учитывать и свойственную мусульманскому обществу традицию уважения верховного правителя. Но для Афганистана в конце 70-х в начале 80-х гг. беда усугублялась тем, что там подняли оружие не только те, кто выступал против нежизненной, «плохой революции», а в первую очередь силы, которые стремились задушить и сделать невозможными любые преобразования в стране, оставляя народ в

отсталости и угнетении. Эти люди и теперь не расстаются с оружием.

Главная цель последних состояла в том, чтобы расправиться с прогрессивными силами, стремящимися действительно изменить жизнь народа к лучшему. Конечно, это было внутренним делом Афганистана. Но для Советского Союза не только с точки зрения справедливости и солидарности, но и с позиций геополитических интересов было небезразлично какие силы победят в этой борьбе. Победа одних означали наличие дружественного государства, спокойствие и мир на наших южных границах, а победа других — возникновение серьезной угрозы.

Дело осложнялось вмешательством и стремлением к проникновению в этот регион других государств и прежде всего США. Это теперь подтверждено многочисленными документами и фактами. Вот совсем недавнее признание З. Бжезинского: «После поражения Советского Союза и в холодной войне и его последующего распада Соединенные Штаты впервые получили возможность внедрить свое политическое присутствие в новых постсоветских республиках Евразии до границ Китая, а также господствовать в регионе Персидского залива на южных окраинах Евразии»[85].

По сообщению «Независимой газеты» (11.06.94 г.) Бжезинский считает, что для США «…Главной целью реалистической и долгосрочной большой стратегии должна быть консолидация геополитического плюрализма в пределах бывшего Советского Союза». Понимая под этим множество самостоятельных и никак не интегрированных постсоветских государств на территории СНГ. Он же предлагает американскому правительству не допустить объединения с Россией Украины и Белоруссии, договориться с Китаем о разделе сфер влияния в Среднеазиатском регионе. Из этого следует, что американцы должны сделать все для того, чтобы ограничить влияние России в Среднеазиатском регионе и установить свое безраздельное влияние.

Влиятельные круги США теперь открыто провозглашают цели, которые они стремились еще как-то маскировать в конце 70-х в начале 80-х годов, больше разглагольствуя тогда о защите «свободы и прав человека» в Афганистане. Подобные цели подтверждаются и официальной стратегией национальной безопасности США. Пусть читатель сам решает кому верить: официально провозглашенной и практически осуществляемой политике США и других стран, расположенных на южных подступах бывшего СССР и теперь СНГ, или тем политическим деятелям и журналистам, которые говорили и продолжают

твердить, что никто нам на юге не угрожал, не угрожает и все разговоры об опасности просто придуманы.

Мог ли Советский Союз в этих условиях никак не реагировать на то, что происходило в Афганистане? Для любого, уважающего свои интересы государства, как и СССР, это было бы противоестественно и безответственно. Даже, если бы советское руководство отказалось от всякого вмешательства в афганские дела, в конечном счете все равно не удалось бы уклониться от опасности, назревавшей на юге страны. Во всяком случае потребовались бы крупные меры и большие дополнительные расходы для укрепления обороны на этом направлении, не говоря уже об угрозе дестабилизации внутренней обстановки в Среднеазиатских республиках.

Что бы там не говорили, но царская Россия и Советский Союз по существу не были империей в ее общепринятом классическом понимании. Были, конечно, и угнетение и притеснения, насильственное крещение и руссификация. Но многие народы действительно присоединились к России добровольно и они не только не были колониями, но по ряду вопросов находились в лучшем положении, чем население центральных районов России («метрополии»), а в рамках Советского Союза и в примерно одинаковом положении. Во всяком случае Россия не обращалась с другими народами в составе своей империи, как Англия, Франция или Бельгия со своими колониями. В отличие от индейцев в Америке, в России, а затем в СССР не один маленький народ не прекратил своего существования. Даже Россия не была сплошь унитарным государством. Бухара, Польша или Финляндия имели статус, существенно отличающийся от обычных губерний.

Если сейчас начинать осуждать присоединение Северного Кавказа, Сибири и других земель, то можно дойти до абсурда и отказываться от Тверского, Рязанского княжеств и вообще оставаться в одной лишь Московии, которую тоже начинают уже делить на зоны влияния. Но исторически на месте старой России сложилось и существовало Советское государство со своими государственными интересами. И независимо от того, являлся ли Советский Союз империей или нет, объективно существовали и существуют законы государственности и геополитической устойчивости великих держав.

Это геополитическое положение требуют достижения и закрепления на определенных естественных рубежах, предупреждения и снятия угроз и обеспечения безопасности государства. Если это не обеспечивается, крупное, многонациональное государство начинает терять свою устойчивость. Например, когда к началу XIX в. практически все

Закавказские страны присоединились к России, а Северный Кавказ оставался не покоренным, нужно было отказываться от всего Закавказья или присоединять и Северный Кавказ.

Как США не мыслят свое геополитическое положение без Панамского канала и Гавайских островов, так и Россия даже при более скромных потребностях не может существовать, как полноценная держава без выходов к Балтийскому и Черному морям. Несомненным является и то, что постсоветское пространство было и остается зоной жизненных российских интересов.

Можно о них умалчивать, маскировать более удобными и обтекаемыми выражениями. Но от этого они объективно не перестанут существовать, как и обратное геополитическое притяжение других республик к России, о чем постоянно и очень убедительно говорит президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. И президент Кыргызстана Аскар Акаев со всей определенностью заявил: «Мы сообщающиеся сосуды и настолько переплетены различными связями, что по-живому «не разрубишь». Кыргызстан обречен идти в фарватере России. Смотрите, ведь вся наша промышленность на 100 % зависит от России… Россия ледокол. Не пойдешь в ее фарватере, льды раздавят»[86].

Да, можно и нужно не забывать о правах других народов, о их справедливой борьбе. Но в истории и немало примеров, когда при более разумной политике общегосударственные интересы и интересы разных народов находили взаимоприемлемое сочетание в рамках больших государств. А страны, получившие независимость, все больше интегрируются (в первую очередь в экономическом отношении) и в Западной Европе, и Азиатско-Тихоокеанском регионе и Америке. Жизнь вынудит и страны СНГ идти по этому пути. И речь идет не о возрождении империи, а подлинного добровольного содружества заинтересованных в этом стран.

Для безопасности Советского Союза важное значение имело и положение в Афганистане. И судить сегодня о действиях Советского Союза по отношению к Афганистану в конце 70-х годов надо, исходя из тех конкретных исторических условий, а не придуманных позже, так называемых «общечеловеческих интересов», отвлеченных понятий и принципов. Тем более, что и в наши новейшие времена все ведущие государства предпочитают исходить не из отвлеченных, а прежде всего из своих национальных интересов.

Если подходить с таких позиций и с учетом всех условий обстановки, которая складывалась к тому времени, то становится совершенно очевидным, что Советский Союз не мог оставаться в

стороне от событий в Афганистане и как-то должен был реагировать. Но как?

С высоты сегодняшнего, зная лучше, чем в прошлом, все обстоятельства дела и замыслы сторон, можно со всей определенностью утверждать, что наиболее перспективным и рациональным был настойчивый поиск путей политического урегулирования внутренних и внешнеафганских проблем. Но не обычным декларированием предпочтительности такого подхода, как это, к сожалению, делалось и делается, а путем выработки жизненных, неординарных решений и выдвижения крупных убедительных внешнеполитических инициатив и предложений.

Если вспомнить историю присоединения Кавказа к России, то там ведь тоже не все сводилось к военным действиям. Они сочетались с хорошо продуманными политическими мероприятиями и дипломатическими шагами и не только по отношению к повстанцам, но и к другим государствам, которые их поддерживали. Особенно умело все это осуществлялось, когда во главе внешнеполитического ведомства России стал А. М. Горчаков. С Имамом Шамилем постоянно посредничал полковник Лазарев, обещая самые привилегированные условия его сдачи, которые, как известно, были до конца выполнены. В 1857 г. царь Александр II лично встретился с королем Франции Наполеоном III и, заключив франко-русский союз против Пруссии, добился от него прекращения помощи кавказским горцам. В 1858 г. Россия пошла на выгодный для Англии русско-британский торговый договор в обмен на ее отказ от прямого вмешательства в кавказские дела. Целый ряд акций по оказанию военного давления и дипломатических тагов с соответствующими уступками в других вопросах было предпринято по отношению Турции и Персии, чтобы вынудить их к отказу от претензий на Кавказ. Так было в свое время и в Средней Азии, Она была присоединена к России, но бухарский Эмир продолжал править в своих владениях. Царские власти стремились не ломать на свой лад внутреннюю жизнь в завоеванных землях. И при установлении Советской власти на Кавказе и Средней Азии не все решалось силой; важным средством была политическая работа по привлечению на свою сторону основной массы населения.

Но в афганских делах советская политика, пользуясь выражением Владлена Сироткина, «больше напоминала дубовый стиль Карла Нессельроде», чем гибкие и дальновидные действия А. Горчакова.

В начале 80-х годов в отношении к Афганистану наиболее реальным было не стремиться создавать себе подобное, послушное и обязательно социалистическое государство, а

поддерживать более умеренные силы, пользующиеся поддержкой основной части населения. С самого начала вести линию на примирение сторон.

С точки зрения отношений с США, Пакистаном и другими странами можно было отказаться от максималистических геостратегических целей и искать баланс военно-политических и экономических интересов с ними. В частности, были данные о том, что США в свое время были склонны согласиться с тем, чтобы Афганистан оставался нейтральным государством, поддерживая уравновешенные связи как с Советским Союзом, странами Варшавского Договора, так и с США и другими Западными странами.

Кстати, в области внешней политики были и некоторые другие пути нажима на США и уступок с нашей стороны, в других районах мира в расчете на ответные встречные шаги по Афганистану.

Но такой широты действий наша дипломатия не проявляла. У наших политических деятелей слишком однозначным и максималистским был и взгляд на Афганистан. В частности, попытки Дауда или позже Амина уравновесить свои отношения и расширить связи с Западом, встретили со стороны советского руководства жесткое противодействие. Это делало нашу политику прямолинейной, не гибкой, все больше подталкивая к военному вмешательству. Советскому руководству можно было найти и другие пути защиты своих национальных интересов на юге без прямого военного вмешательства.

Из этого должны быть сделаны выводы и для современных условий. Будущее России и ее безопасность во многом зависят от налаживания отношений с мусульманским миром. Вообще Ислам в XXI веке приобретает огромное значение и становится одним из решающих факторов, определяющих развитие международных отношений и прежде всего на евроазиатском материке. Но он неоднороден. В нем есть преобладающие умеренные силы и есть, как в любом движении, экстремистские элементы. И надо не пугать Исламом, изображая его сплошь враждебным, а сотрудничать с его здоровыми силами, налаживать взаимопонимание между народами. Особенно важно это для России, которая имеет многовековой уникальный опыт сожительства с мусульманскими народами. И это взаимодействие во многом будет зависеть от того, как будут строиться отношения между народами внутри России.

Несмотря на образовавшуюся огромную пропасть между нашими народами, надо настойчиво искать пути налаживания отношений и с Афганистаном, который определенные силы хотят

сделать враждебным по отношению к России и другим странам СНГ.

Афганскому народу, да и самим рядовым моджахедам, не умеющим теперь ничего делать, кроме как воевать, политический экстремизм тоже ни к чему (заняться есть чем, вся страна лежит в развале). Афганцы в большинстве своем не воспринимают экстремистский, политизированный ислам, они исповедывают терпимый ислам. Но в мире есть силы, которых не устраивает стабилизация обстановки в Афганистане, которые использовали и будут продолжать использовать воинственных моджахедов для своих далеко идущих целей.

В последнее время в Афганистане выступила новая сила — движение «Талибан» — вооруженные формирования, созданные из учеников и студентов исламских духовных учебных заведений. Наивно, конечно, полагать, что юные слуги Аллаха сами по себе собрались, взяли самодельные танки, орудия и пошли наводить порядок в стране. Отряды талибан готовились и вооружались на территории Пакистана при материальной поддержке США и некоторых арабских стран. Эта мера предпринята из-за непрекращающихся столкновений между различными группировками моджахедов и рассчитана на то, чтобы оказать давление на них, заставить пойти на примирение Хекматьяра, Раббани и других лидеров и, при необходимости, устранить некоторых из них и добиться создания единой исламской администрации на территории Афганистана.

Эти цели определяются не только политическими, но и немалыми экономическими интересами. В частности, Афганистан первый в мире (по масштабам) экспортер наркотиков. В условиях, когда Иран после исламской революции запретил производство, продажу и употребление наркотиков, а Пакистан, Турция установили более строгие ограничения, вершители наркобизнеса сделали основную ставку на Афганистан, как основную базу для производства и главные ворота для экспорта наркотиков через территорию стран СНГ. Здесь создана всемирная мафиозная сеть, которая ежегодно получает до 50 миллиардов долларов. Причем торговля наркотиками и оружием переплетается. Как отмечалось в зарубежной и российской печати, уже сегодня ведущие афганские лидеры и их союзники в Пакистане поддерживают исламские фундаменталистские движения от Боснии до Азербайджана и Чечни через Кашмир и Таджикистан, до Бирмы и Филиппин. И эта поддержка заключается в предоставлении денег, приобретении оружия и в посылке наемников.[87]

Состоявшаяся в конце 1994 г. Исламская конференция, с

одной стороны, осудила терроризм, с другой — выразила солидарность с Грозным. Это создает опасность международной поддержки сепаратистских движений на территории России и других стран СНГ.

В свете всего этого особенно опасно, когда под любыми, иногда внешне благовидными, предлогами одни культуры и конфессии пытаются изобразить «цивилизованными», а другие, подлежащими вымиранию или вытеснению, искусственно подогревая их противостояние. Если такой подход и политизация религий не будут преодолены, это может принести всем народам большие бедствия. Будущее человечества — в разнообразии и взаимодействии цивилизаций и культур.

Русский философ Вл. Соловьев писал: «Как отдельные человеческие личности, так и целые нации стоят перед задачей восполнить друг друга, не утрачивая своего оригинального своеобразия, а наоборот, выявляя его в предельной полноте. Истинное единство народов — есть не однородность, а всенародность, т. е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого».[88]

Только на такой долгосрочной основе можно обеспечить содружество народов внутри Российской Федерации и особенно безопасность России и других стран СНГ на юге.

Насколько был оправданным ввод советских войск в Афганистан и были ли другие варианты военного решения афганской проблемы?

В целом ввод советских войск на территорию Афганистана был крайне нецелесообразным. Как и следовало ожидать, этот шаг обострил социально-политические отношения внутри страны, осложнил внешнеполитическое и экономическое положение Советского Союза. Тем более, что, вопреки досужим домыслам, у Советского Союза не было каких-то целей, связанных с выходом к «теплым морям» и других подобных экспансионистских намерений. С точки зрения стратегической — это было бы и невыгодно для нашей страны и лишь ухудшало бы её геостратегическое положение. Ввод советских войск в том виде, как его осуществили, был действительно авантюрой. На худой конец, при всей политической, экономической и стратегической нецелесообразности, крайне нежелательную эту акцию можно было осуществить и по-другому, более рационально и с более эффективными результатами.

Во-первых, для полноценного выполнения задач в Афганистане требовались более крупные силы, обеспечивающие надежное закрытие границ с Пакистаном, Ираном, воспрещение прохода на территорию Афганистана вооруженных отрядов,

поставок оружия и обеспечения защиты (вместе с афганской армией), пришедших к власти новых государственных структур в районах, освобождаемых от вооруженной оппозиции.

Применение военной силы — это всегда крайняя и, как правило, вынужденная мера, к которой прибегают, когда нет других путей осуществления государственных интересов. Но если уже на это идут, то она должна применяться массированно и решительно, как это было при вводе войск в Чехословакию или в районе Персидского залива в 1991 году.

Как уже отмечалось, с точки зрения политического менталитета и международного резонанса не имеет существенного значения сколько вводится войск на территорию другого государства (несколько дивизий или армий).

В политике и в военной стратегии самые плохие решения и действия — это паллиативные, половинчатые, нерешительные, непоследовательные решения и действия.

Во-вторых, на эффективности действий войск в Афганистане сказалось и то обстоятельство, что советское политическое руководство вообще не имело четкой цели, определенного замысла действий. Поэтому, даже «ограниченному контингенту войск», направляемому в Афганистан не была поставлена конкретная задача: что делать и какие боевые задачи выполнять. А наивные разговоры насчет того, что мы собирались придти в Афганистан, стать гарнизонами и не ввязываться в военные действия, не выдерживают никакой критики. Без всякого «прогнозирования» и «моделирования» было ясно, что, придя в чужую страну, где идет гражданская война и для поддержки одной из сторон, избежать участия в боевых действиях невозможно.

А раз не было определенной военно-политической цели и конкретной задачи, то не удивительно, что при вводе войск и за десять лет пребывания советских войск в Афганистане и в Генеральном штабе не было разработано какого-либо стратегического плана, определяющего последовательность и способы действий войск по разгрому противостоящих сил противника. В лучшем случае были планы на определенный период, планы отдельных операций и боевых действий, которые проводились, когда их навязывал противник или когда уже не проводить их было нельзя. Могут сказать, что и во время Великой Отечественной войны не было стратегических планов, рассчитанных на всю войну, но были четкие военно-политические и стратегические цели, а в кампаниях 1943–1945 гг. конкретно определялись последовательность и способы достижения поставленных целей.

Война, смысл которой до конца не понимал не только солдат, но и Верховный Главнокомандующий, определила и все остальные неопределенности и неполадки, начиная с организационной структуры войск и кончая правовыми нормами, которые заставляли воевать, живя по бюрократическим законам мирного времени. А. Нурмурадов, в упомянутой книге, приводит пример, когда отрицательный ответ наградного отдела Верховного Совета СССР на представление Б. Наметова к званию Героя Советского Союза пришел через 7 лет после гибели этого доблестного офицера. Мне приходилось разговаривать с работниками аппарата ЦК КПСС и руководителями кадровых органов самого высокого ранга, которые были убеждены, что такая система правильна, если даже 7 лет издеваются над мертвым человеком. Эти люди и сейчас, где работали, там и работают. Ни один из них из «тарелки» не выпал.

Во всем этом мраке остается лишь светлый образ советского солдата и офицера, которые и в Афганистане, несмотря на все эти неопределенности и сложности своего положения, когда надо было иметь дело не с противником в открытом бою, а с моджахедом, который постоянно растворялся среди местного населения, несмотря на необычные климатические, географические и психологические условия, — самоотверженно выполняли, свой долг. Настоящий солдат ни при каких обстоятельствах иначе и поступать не может.

Чем кончилась война в Афганистане: нашей победой или поражением?

Чаще всего пишут и говорят о нашем поражении. Причем некоторые политики и журналисты говорят об этом с каким-то особым смаком и с нескрываемой радостью. Как-то я видел по телевидению известного идеолога, который с гордостью и апломбом заявил о поражении СССР в холодной войне, видимо, полагая, что он тоже приложил руку к этому поражению и зачисляет себя в лагерь победителей.

Если говорить об афганской войне в целом, то более уместным было бы вести речь о провале нашей политики. И не потому, что любая политика по отношению к Афганистану была обречена на неудачу. Выше уже говорилось, что была возможность принятия более рациональных решений. Но были приняты другие.

И несостоятельность принятых политических решений не в том, что они принимались в «узком» или «широком» кругу высших должностных лиц, а в не соответствии их сложившейся обстановке и долгосрочным интересам. Главная причина этого не только в некомпетентности тех или иных руководителей, а в

самой системе управления, когда высшее руководство было отгорожено от научной мысли, общественного мнения огромным партийным и государственным чиновничьим аппаратом, через который (при многочисленных согласованиях и притирках) ни одна смелая и по-настоящему умная мысль или радикальное, перспективное предложение никаким образом пробиться не могли.

Я не сторонник политических взглядов Г. Х. Попова. Но уважение к истине и к политическому оппоненту требует признания, что Гавриил Харитонович написал очень умную статью (рецензию) на книгу Александра Бека «Новое назначение», [89] где он метко подметил основные слабые места сложившейся в то время системе управления:

Внутреннее побуждение требует поступать так, а человек заставляет себя делать нечто противоположное, ибо этого требует логика существующей системы управления. Чрезмерная централизация, перегрузка Верха и бесправность и безынициативность Низа. Чем выше работник, тем тяжелее его ноша, тем труднее ему нести «шапку Мономаха». При таком подходе на многое руководителя не хватало и многое решалось просто в силу пределов физических возможностей человека (в сталинские времена) или в более позднее время руководитель обкладывал себя многочисленными секретариатами, помощниками, экспертами, советниками и попадал в полную зависимость от подготавливаемых ими обтекаемых справок, главная цель которых не решение вопроса, а стремление всеми путями уклониться от него. Вместе с тем, бездействовали или лишь имитировали работу созданные для этого министерства и соответствующие управления. Такая система управления определяет и суть кадровой политики. Циклы кадровых перемен в системе начинают все меньше учитывать дело и все больше личную преданность, исполнительность, покладистость. В итоге эта Система уже не может производить нужных себе руководителей. Она обречена на то, чтобы каждое новое назначение было хоть на вершок, но хуже предыдущего. Добавим к этому что постепенно вырабатывался руководитель типа начальника поезда, который в лучшем случае может быть добросовестным, активным и требовательным, наводить порядок в вагонах, гонять проводниц, но он не может повлиять на движение поезда и тем более изменить направление его движения. Поезд, если все будет нормально в пути, будет идти по проложенным рельсам…

Эти пороки в так называемой «кадровой политике» давали о себе знать в политике, экономике и оборонных делах. А на судьбе

вооруженных сил особенно пагубно сказывались просчеты в политике, ставя их в ряде случаев в крайне трудное положение.

В связи с этим можно не соглашаться, а в ряде случаев и осуждать эгоистичность и коварство политики западных стран, но надо отдать должное тому, что правители этих стран и во время второй мировой войны и в послевоенные годы умели, как правило, (за исключением Польши, Франции в 1939–1940 гг., США — войны во Вьетнаме) создавать максимально благоприятные условия для действий своих вооруженных сил и всесторонней подготовки операций, пренебрегая порою общесоюзническими интересами, и исходя исключительно из эгоистических национальных интересов. США вступили в первую мировую войну лишь в апреле 1917 г., когда исход войны был предопределен. Во вторую мировую войну они вступили в декабре 1941 г., после внезапного нападения Японии на Пёрл-Харбор. Наиболее крупные десантные операции в Африке в 1942 г., Сицилии в 1943 г., в Нормандии в 1944 г., были проведены после более, чем годичной подготовки каждой из них. Этим объясняются и сравнительно небольшие потери.

В США и сегодня часто ссылаются на так называемую «доктрину Уайенберга», означающую, что США могут и должны вступить в войну только в тот момент, когда создаются для этого благоприятные условия и после гарантированной всесторонней подготовки к ней. Поучительна в этом отношении внешнеполитическая подготовка США к военной операции в районе Персидского залива в 1991 г. Это и затеянная заблаговременно сложнейшая дипломатическая игра и политическая интрига со странами Ближнего Востока и с президентом Ирака по подталкиванию его к нападению на Кувейт, подготовка общественного мнения и обеспечение поддержки внутри страны и большинством других стран, включая СССР, проведение хорошо продуманной дезинформации и психологической операции с целью изнурения и подрыва морального духа иракских войск, получение от государств, предоставивших оружие Ираку, данных о частотах его радиоэлектронных средств, неоднократное откладывание срока нанесения удара по Ираку, и создание иллюзии политического разрешения конфликта, переход в наступление сухопутных войск коалиционных сил после проведения длительной массированной воздушной кампании и именно в тот момент, когда Ирак начал отводить войска из Кувейта и вывел их из подготовленных укрытий и оборонительных позиций на открытую местность. Короче говоря, было сделано все, чтобы войска могли без особого риска, напряжения и больших потерь выполнить поставленные им

задачи. Такому может позавидовать любая армия, любой солдат.

Многое предопределялось особым геополитическим положением США.

Советская же армия при нападении Гитлера на СССР в 1941 г. или в сражениях под Москвой, Сталинградом или Курском — не имела возможности выбора: подождать до полной подготовки или вступать в войну, начинать то или иное сражение или нет. Когда война уже навязана, сражения начались, можно лишь капитулировать или, независимо от степени подготовленности, вести эти разразившиеся сражения и операции. В этих условиях и усилия от вооруженных сил требуются совсем другие и вооруженная борьба приобретает совсем иной, более сложный и трудный характер, приходится нести и потери.

Когда страна попадает в трудное положение, армии ничего не остается, как не щадя себя, сражаться во имя защиты Отечества. Но самым трагичным и преступным было стремление политического руководства уйти от ответственности и переложить ее на военных людей, выполняющих приказ правительства.

Вот Сталин в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в директиве, подготовленной Генштабом об отражении агрессии, делает добавление: «Не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Из этой директивы трудно было понять, назревает война или ожидаются лишь провокационные действия. Если этот вопрос не могло решить высшее политическое руководство, владеющее всей стратегической обстановкой, как его можно решить командиру на поле боя, как можно отражать нападение противника, опасаясь как бы не вызвать «крупных осложнений?»

Расчет очень простой: в случае чего, найти виновников среди тех, кто выполняет боевую задачу, как отыгрались на генералах Павлове, Климовских, Григорьеве. Это ведь не только некомпетентность, безответственность, но и просто непорядочность, подлость по отношению к своей армии.

Не лучшим образом поставили задачи войскам, отправляемым в Афганистан: согласно директиве Министра обороны СССР от 24.12.1979 г. войска вводились в Афганистан для выполнения «интернационального долга». В чем он состоит — предстояло решать каждому командиру и солдату самому. А ведь были еще и Тбилиси, и Баку, и Вильнюс. Теперь вот в Чечне войскам ставится задача — разоружить бандформирования, но оружия против мирного населения не применять. Недопустимость применения оружия против мирного населения предусмотрено международными правовыми нормами, но как быть с «мирным

жителем», вооруженным автоматом или гранатометом? Ждать, когда он сделает выстрел?[90]

Ответственные политические руководители так поступать не могут. Много всяких спекуляций насчет того, что армия — вне политики. Но политики в чистом виде вообще не существует. Она жизненна лишь тогда, когда учитывают в совокупности политические, экономические и идеологические, и не в последнюю очередь и военные факторы. И в разработке военных аспектов политики должны активно участвовать и военное руководство и в первую очередь Генштаб. Но как в 1941 г., так и в 1979 г., с оценками и предложениями Генштаба не посчитались. Но если в политике хоть какой-то важный компонент не учитывается или игнорируется, она заведомо становится однобокой и неполноценной.

Другое дело, что армия, военные люди должны быть вне внутриполитической борьбы, не должны подчиняться интересам определенных политических сил и партий. Таковы политические аспекты итогов афганской войны. Если говорить о ее военных итогах, то можно было бы согласиться с выводами генерала Б. Громова: «…Не существует оснований для утверждения, что 40-я армия потерпела поражение, равно как и о том, что мы одержали военную победу в Афганистане… Перед ограниченным контингентом никто и никогда не ставил задачу одержать военную победе в Афганистане».[91]

Войска в Афганистане выполняли те задачи, которые им были поставлены. Они способствовали укреплению положения правительственных структур, становлению афганских вооруженных сил, осуществляли охрану и оборону важнейших государственных и военных объектов, предотвратили агрессии против Афганистана извне.

По приказу своего правительства советские войска организованно пришли и организованно ушли. Во всяком случае, уходили не так, как американцы из Вьетнама. Да, в этом десятилетнем походе были допущены и крупные недостатки в подготовке войск, их организации, материально-техническом обеспечении, управлении в ходе боевых действий. Из них тоже надо делать выводы, что, к сожалению, до конца еще не сделано.

Могла ли Республика Афганистан до конца выстоять в борьбе против вооруженной оппозиции после вывода советских войск?

Думаю, что при определенной помощи со стороны России и других стран СНГ (адекватной помощи извне, получаемой моджахедами) в военном отношении она могла бы еще долго держаться и сопротивляться. Но при сохранении в Республике Афганистан существовавшего социально-политического строя,

партийного и государственного режима одержать окончательную победу и установить свою власть во всем Афганистане она вряд ли могла. Даже при осуществлении намеченной Наджибуллой программы частичной либерализации и модернизации режима он не был бы принят и поддержан большинством народа. Это стало особенно очевидным в свете потрясений, постигших СССР и другие восточноевропейские страны.

С точки зрения долгосрочных интересов афганского народа, наиболее целесообразным было постепенное примирение сторон. Прежде всего требовалось прекратить огонь, как это постоянно предлагало правительство Республики Афганистан. При определенном политическом и экономическом воздействии на оппозицию со стороны США, Пакистана и других поддерживающих ее государств, рано или поздно она должна была пойти на эту меру. После этого мог идти постепенный переговорный процесс о проведении всеобщих выборов, создании коалиционного правительства и других мероприятий по налаживанию мирной жизни в Афганистане на основе национальных исламских традиций, но с одновременной реформацией общества и восприятием элементов светского образа жизни и ряда прогрессивных преобразований, происшедших в Республике Афганистан. Конечно, при существовавших острых противоречиях и непримиримых целях процесс этот мог оказаться длительным и трудным, но мог способствовать прекращению гражданской войны и началу восстановления разрушенной экономики. Например, на Корейском полуострове уже несколько десятилетий действует соглашение о перемирии, а корейский народ остается разделенным. Но главное нет войны, не гибнут люди и остается надежда, что две части Кореи договорятся между собой. В Афганистане обстановка была сложнее и не было единой линии фронта, разделявшей стороны, контролируемые территории и группировки расположен «в различных частях страны.

Но если бы обе стороны отказались от экстремистских, максималистских целей, то переговорный процесс под эгидой ООН мог вывести афганских народ из сложившегося тупика. Вообще, как показывает опыт, миротворческие усилия международного сообщества, не имеют шансов на успех, если миротворческие международные организации, вмешиваясь в гражданскую войну в той или иной стране, заведомо становятся на одну из конфликтующих сторон, пытаясь поддержать ее и подавить другую сторону. Главная цель миротворчества — способствование примирению сторон.

Относительно Афганистана на заседании Политбюро

ЦК КПСС 13.11.86 г. М. С. Горбачев заявил: «В октябре прошлого года мы… определили линию по урегулированию афганского вопроса. Цель, которую мы поставили, заключалась в том, чтобы ускорить вывод наших войск из Афганистана и в то же время обеспечить дружественный нам Афганистан».[92]

Это особенно важно было потому, что правительство Наджибуллы, контролируя основные районы страны, обеспечивало и безопасность нашей страны.

И действительно, государственные интересы России и других стран СНГ требовали проведения такой внешней политики, чтобы на территории Афганистана продолжало существовать, если не дружественное, то хотя бы не враждебное, нейтральное государство, чтобы обеспечивались безопасность и спокойствие южных границ. А этого можно было добиться за счет постепенного примирения сторон.

В свете всего этого было совершенно неоправданным, когда после распада СССР МИД России при поддержке вице-президента А. В. Руцкого полностью отвернулся от правительства Республики Афганистан и перешел по-существу на сторону моджахедов и, видимо, только потому, что их поддерживали западные страны. Но запад и представители ООН, которые непрестанно твердили, что надо только Наджибулле отказаться от власти и все в Афганистане уладится, не захотели умерить и сдержать экстремистские устремления оппозиции. Наджибуллу, которому давали слово, не выпустили из Кабула. Российская Федерация, объявив себя правопреемницей Советского Союза, несла ответственность и за все то, что произошло в Афганистане и поэтому было не только не справедливо, но и непорядочно, антигуманно отдавать на жестокую расправу людей, которых наша страна поставила у власти, сотни тысяч людей, которые учились у нас или верили нам. Тем более, что по элементарным понятиям демократии и люди другой стороны, если даже их взгляды представляются нам ошибочными, имеют право на свои убеждения. В 1991 г. Наджибулла прислал личное письмо Э. А. Шеварднадзе, где с болью писал: «Я не хотел быть президентом, Вы меня уговаривали, настойчиво просили, обещали поддержку. Теперь меня и Республику Афганистан бросают на произвол судьбы. Как же все это понять?»

Как пишет Л. В. Шебаршин: «Наджибулла может замкнуть длинный перечень тех, кто верил в мудрость советских лидеров, последовательность политики Советского Союза, отстаивал советские интересы и полностью полагался на то, что великое государство защитит его от всех напастей.»

Советская политика никогда не считалась со своими малыми

союзниками. В тридцатые годы были физически уничтожены руководители Коминтерна. В конце сороковых отданы на растерзание иранской монархии азербайджанские и курдские демократы. При Хрущеве были сброшены все руководители стран «народной демократии», а при очередном зигзаге советской политики — их преемники.[93]

Отказавшись от преемственности в политике, новые руководители России решили обеспечить преемственность в средствах и методах осуществления политики.

Ни советский, ни российский МИД ничего не сделали и для того, чтобы добиться от США и Пакистана выполнения Женевских соглашений. Самое главное попустительство состояло в том, что советские войска ушли, советские базы на территории Афганистана были ликвидированы, а все военные базы и учебные центры моджахедов на территории Пакистана остались. Советская военная помощь Республике Афганистан была прекращена, а поставки оружия и боеприпасов моджахедам продолжались. Поэтому возникает вопрос: зачем вообще нужны были длительные и дорогостоящие переговоры с американцами и пакистанцами и сами Женевские соглашения, если их выполняла лишь одна сторона, а другая ничего и не собиралась делать? Было проще вывести советские войска в одностороннем порядке и решить вопрос без всяких дипломатических игр.

Но даже при этих обстоятельствах России для сохранения роли авторитетного посредника и сохранения влияния на обе стороны было целесообразно держать дистанцию между противоборствующими сторонами и продолжать активно работать и с правительством Наджибуллы и лидерами моджахедов. Кстати, если бы Женевские соглашения другой стороной выполнялись и были ликвидированы военные базы моджахедов на территории Пакистана, они были вынуждены быстрее пойти на переговоры с правительством Наджибуллы о прекращении огня и создании временного коалиционного правительства.

А для этого были реальные возможности. По сообщению радиостанции «Свободный Афганистан» (15.05.90 г.) еще покойный президент Пакистана Зияуль-Хак в ходе встречи с заместителем МИД СССР Ю. М. Воронцовым настаивал на том, чтобы временное переходное правительство в Афганистане было образовано еще до того, как будут выведены советские войска, в ином случае по его мнению это грозит началом нового кровопролития в стране.

21 февраля 1990 г. в Ливии состоялась встреча советских представителей с представителями Исламской партии Афганистана (Карьябом и Бахором). Представители Хекматьяра

предлагали:

Президент Наджибулла уходит с занимаемого поста и власть передается в руки афганской армии (видимо, у Хекматьяра по этому вопросу была договоренность и с генералом Танаем). Создается объединенный совет, включающий полевых командиров вокруг Кабула и офицеров вооруженных сил, не связанных с НДПА. Совет будет управлять страной в течение 6 месяцев; в этот период проводятся выборы и формируется правительство, которому передается вся власть. СССР официально признает новое правительство Афганистана, а последнее гарантирует, что территория Афганистана не будет использоваться для создания баз и враждебных действий против СССР. С таким подходом в принципе с некоторыми оговорками соглашался и Наджибулла.

Были и некоторые другие взаимоприемлемые подходы, позволяющие надеяться на примирение сторон. Но все эти шансы не были использованы.

Так, вскоре после августовских событий 1991 г. Министр иностранных дел Андрей Козырев заявил: «В Афганистане все готово к урегулированию — мешает этому только советская поддержка «экстремистов» во главе с Наджибуллой».[94] Вице-президент А. Руцкой на встрече с лидерами моджахедов в Москве произнес покаянные слова, заверения в дружбе и дал согласие на создание в Афганистане исламского переходного правительства, состоящего из представителей только моджахедов. После этого лидеры афганской оппозиции отбросили всякие мысли о примирении сторон и создании коалиционного правительства.

В Афганистан был назначен новый российский посол Е. Островенко, как говорят, опытный дипломат, хорошо знающий историю, язык, культуру Афганистана. В интервью газете «Правда» (13.04.1993 г.), оценивая режим Наджибуллы, он заявил: «К началу прошлого года (1992 г. — М. Г.) он фактически изжил себя. И мы, россияне, здесь ни при чем. Против Наджибуллы не только не прекращалась борьба моджахедов, он утратил поддержку собственных соратников. Первым грозным сигналом послужил мятеж и бегство Министра обороны Таная. Последним — разрыв с Дустумом. Тогда-то и появились в Кабуле отряды этого генерала, задержавшие Наджибуллу». В этом же интервью посол пространно разъяснял: чтобы судить о стране, надо знать, «надо повариться в том котле» и т. д. Но судя по его заявлению, в последние годы перед заступлением на посольский пост, он, видимо, не имел возможности следить за обстановкой в Афганистане и знал о ней понаслышке. Это относится и к его суждениям о Наджибулле, с которым посол оказывается успел

встретиться лишь один раз, и мятежу Таная и к отрядам генерала Дустума. В частности, подразделения 53-й пехотной дивизии Дустума постоянно находились в Кабуле с 1989 г. и вели боевые действия в районе Пагмана.

Не соответствует также действительности утверждения будто бы сотрудничество с правительством Наджибуллы пришлось начинать свертывать после того, как от центрального правительства начали отходить северные провинции. И якобы это обстоятельство явилось последним толчком к крушению режима Наджибуллы. Реально все происходило по-другому. В предыдущих главах книги уже отмечалось, что как только кабульское правительство лишится поддержки Москвы, от него немедленно начнут отходить провинции и племенные формирования, которые всегда поддерживали центральную власть только на временной основе, пока она сама получает поддержку.

Можно напомнить, например, как весною 1992 г., А. Руцкой стремясь расположить прибывшую в Москву делегацию моджахедов во главе с Раббани, объявил о прекращении поставок афганскому правительству не только оружия, но и всех, видов топлива для военной техники. Это значит, что вся авиация, бронетанковая и артиллерийская техника — главная сила правительственной армии — становилась небоеспособной. Сыграли свою роль обострившиеся внутренние противоречия и неурядицы среди руководящего состава Республики Афганистан. Большую ошибку допустил Наджибулла, согласившись на возвращение в Афганистан Б. Кармаля. Поддавшись давлению кармалистов и, видимо, рассчитывая на расширение своей поддержки в афганском руководстве, Наджибулла пошел на этот шаг. Сторонники Кармаля А. Вакиль, М. Рафи, Н. Азими, А. Делавар активизировали свою деятельность против Наджибуллы в расчете на свое спасение путем сговора с моджахедами, предъявили требование, чтобы президент подал в отставку. На какое-то время они по-существу захватили власть в Кабуле. Но несмотря на все это, если бы хотя бы минимальная поддержка правительства Наджибуллы продолжалась, Республика Афганистан под рукодством Наджибуллы или других лидеров могла еще держаться и сохранялись надежды на сближение сторон. При наличии поддержки со стороны России совсем по-другому вели бы себя и кармалисты.

Но может быть так и надо было поступать, как это сделала российская дипломатия? Итоги любой деятельности определяются их конечными результатами.

А что же в итоге получилось? Крушение правительства

Наджибуллы способствовало еще большему расширению гражданской войны в Афганистане, где враждующие группировки истребляют друг друга, наносят большой урон населению, еще больше опустошают страну. В Кабуле и других районах гибнут в основном мирные жители. Разрушение страны и экономики продолжается. Идут жесточайшие расправы со всеми, кто так или иначе был связан с бывшим Советским Союзом или поддерживал Республику Афганистан. Функционировавшее в Кабуле в самые тяжелые времена советское (российское) посольство разрушено, а дипломаты, избравшие себе в Афганистане новых «друзей» были вынуждены бежать из страны. Отдача на расправу своего долговременного союзника подорвало доверие к России в Среднеазиатских республиках и других государствах.

Официальные деятели миссии ООН по оказанию международной помощи Афганистану приходят к выводу: «Настало время поиска более широкого и обстоятельного решения афганской проблемы. Моджахеды доказали, что они не в состоянии управлять страной».[95] Что ж прозрение наступает. Находясь с визитом в Туркменистане генерал Абдул Рашид Дустум признал, что в Афганистане есть силы, которые любой ценой хотят присоединить Таджикистан к Афганистану. В самом Афганистане появилось понимание, что эти «заинтересованные» силы несут смерть и разрушение не только в соседний Таджикистан, но и угрожают государственности самого Афганистана.

Пришедшие к власти в Афганистане силы и их вооруженные отряды начинают активно проникать в Таджикистан, в другие Среднеазиатские республики и не скрывая своих целей по установлению в них своего влияния, создавая серьезную угрозу на юге для всех стран СНГ. В итоге мы имеем на южных границах еще большую опасность, чем 15 лет назад, когда для устранения ее вводили войска в Афганистан. Не случайно афганскую войну все чаще стали называть «неоконченной войной».

На таджикско-афганской границе непрерывно идут бои, снова гибнут российские солдаты и офицеры. Приходится нести немалые расходы по содержанию там погранвойск усиленного состава, 201-й мотострелковой дивизии российской армии и многие другие политические, экономические и военные издержки. Мы снова получили войну, от которой хотели уйти.

На афганско-таджикской границе чуть ли не каждый день гибнут российские солдаты. Сам посол лишен возможности быть там, где ему положено — в столице Афганистана. Но он доволен. В упомянутом выше интервью он заявляет: «Сейчас же удалось заложить реальные основы на будущее: Афганистан не стал

враждебным России». Получается, что убивают наших солдат и не позволяют послу быть в Кабуле представители «дружественного» нам государства или может (по новой терминологии) — «партнеры».

Конечно, все это не просто. И речь не идет о том, чтобы кого-то обвинять. Посол[96] тоже может быть поставлен в условия, когда трудно что-либо изменить, хотя не так уж сложно было предвидеть, что после падения правительства Наджибуллы, начнется еще большая междоусобица. Но когда вместо совместных раздумий и поиска ответов на сложные вопросы пытаются любой ценой защитить честь мундира и назвать черное белым, то мы никогда не извлечем должных уроков из того, что произошло в Афганистане.

Честный писатель Абдурашид Нурмурадов предлагает нам осудить прошлое и поставить черту под ним. А тут начинается еще одна афганская, а может быть и не только афганская война. Так мы никогда не перестанем каяться… И вновь возникает вопрос: во имя чего все это, почему все это стало возможным?

А все дело в том, что исторически так уже сложилось, что в нашей стране не принято, чтобы кто-то отвечал за внешнеполитические и вообще политические ошибки и проделки. И сейчас не с кого спросить за все, что произошло в результате непродуманной позиции в отношении Афганистана. Всегда очень много шума и эйфории по поводу необходимости решать все вопросы политическим путем. Но никаких серьезных усилий для этого, как правило, не предпринимается, с людей, отвечающих за это, не принято спрашивать за какие-либо результаты их деятельности. Смогли, сделали, не смогли — значит так тому и быть. Поэтому каждый раз все подводится к тому, что политический путь — это для красивых разговоров, а на практике единственно возможный путь — это военный.

Говорят, втягивание нашей страны в афганскую войну было преступлением. Но и такое ее окончание было серьезной ошибкой. В таких случаях принято напоминать слова Талейрана, что в политике ошибка хуже преступления. Вместо прежней войны мы получили новую, которая на южных подступах России только еще начинается.

Важнейшие выводы для военного дела

Из афганского опыта вытекают весьма важные выводы и для военного дела. В связи с посещением Афганистана рядом командующих войсками военных округов генерал Б. Громов

пишет: «Некоторые из наших военачальников основательно подзабыли, что такое боевые действия, а кое-кто и вообще никогда не принимал участия в реальном бою. Из командующих войсками округов на тот период лишь Язов, Беликов и Лушев прошли Великую Отечественную, да и то их боевой опыт весьма устарел». Далее он пишет, что «приезжие командующие больше интересовались внутренним порядком в расположении частей, а не опытом боевых действий. Приобретенным нами опытом по большому счету так никто и не интересовался, его просто игнорировали и не внедрили в изучение».[97]

Борис Всеволодович прав в том отношении, что опыт афганской войны уникален и он самым тщательным образом должен изучаться.

Но в принципе опыт любой войны никогда полностью не устаревает и устареть не может, если конечно, рассматривать его не как объект копирования и слепого подражания, а как сгусток военной мудрости, где интегрируется все поучительное и негативное, что было в прошлой военной практике, и вытекающие из этого закономерности развития и принципы военного дела. Из боевого опыта в таком понимании ни одну войну или сражение, как самых давних, так и самых новых, исключить невозможно. В истории не раз после большой или локальной войны пытались представить дело таким образом, что от прежнего военного искусства ничего не осталось. Но следующая война, порождая новые способы ведения вооруженной борьбы, сохраняла и немало прежних. По крайней мере, до сих пор в истории еще не было такой войны, которая бы перечеркнула все, что было в военном искусстве до этого.

Для использования в будущем нужен не просто состоявшийся опыт, не то, что лежит на поверхности, а те глубинные, подчас скрытые устойчивые процессы и явления, которые имеют тенденции к дальнейшему развитию, проявляют себя порою в новых, совершенно других формах, чем это было в предшествующей войне. Вместе с тем следует учитывать, что каждая последующая война все меньше сохраняет элементы старого и все больше порождает новое. Поэтому требуется критический, творческий подход к опыту любой войны, в том числе и к опыту афганской войны, где в немалой степени использовался и опыт Великой отечественной войны, (особенно в деле предметной боевой подготовки подразделений к каждому бою с учетом предстоящей конкретной боевой задачи) и было выработано много новых приемов ведения боевых действий в локальной войне в специфических условиях горно-пустынной местности.

Если отвлечься от политической стороны дела и брать только ее военную сторону, то акция СССР в Афганистане могла быть более успешной и безболезненной, если бы ввод советских войск был осуществлен более крупными силами.

Трудно спрогнозировать политические последствия более массированного вхождения в Афганистан, но со всей определенностью можно говорить о меньшем количестве человеческих жертв и материальных издержек. Можно было бы значительно раньше начать и вывод войск из Афганистана.

Вообще в области военного искусства возникает необходимость более тщательного изучения опыта локальных войн, военных конфликтов и более основательной, глубокой теоретической разработки и практического освоения войсками способов ведения боевых действий в военных акциях подобного рода.

Это вызывается прежде всего тем, что в современных условиях угроза развязывания широкомасштабной войны действительно уменьшилась. Вместе с тем возникли и возникают военные конфликты на Балканах, на Кавказе, в средней Азии… Рост национализма, острые социально-политические, этнические и религиозные противоречия в ряде регионов создают потенциальные условия для вооруженных столкновений. В связи с этим одной из важнейших задач армий различных государств, в том числе и России, становится участие в предотвращении и ликвидации военных конфликтов, представляющих угрозу государственным интересам тех или иных стран и стабильности в регионе.

Однако, несмотря на 10-летний опыт боевых действий в Афганистане и опыт других стран в локальных военных конфликтах наше военное искусство оставалось до последнего времени полностью ориентированным только на глобальную, широкомасштабную войну. На локальные войны продолжали смотреть, как на что-то временное, случайное, нехарактерное и несвойственное современной вооруженной борьбе и недостойное «серьезного» изучения.

Поэтому возможность участия в локальных войнах и военных конфликтах не учитывалась в полной мере ни в оргструктуре войск, ни в оснащении их вооружением, техникой и снаряжением, ни в боевых уставах и боевой подготовке. Теперь все это надо пересмотреть и наверстать упущенное. Необходимо внимательно приглядеться и к опыту других государств, где значительно раньше начали перестройку армий применительно к задачам, выполняемым в локальных войнах и военных конфликтах.

Разумеется, было бы ошибкой ориентировать строительство и

подготовку вооруженных сил только на участие в военных конфликтах. Ибо нельзя в перспективе исключить полностью и возможности возникновения крупномасштабной агрессии против нашей страны и других республик СНГ, с которыми Россия имеет или может иметь соглашения о совместной обороне. Поэтому Вооруженные Силы РФ должны быть готовы к выполнению задач и в крупномасштабных войнах.

Но военные конфликты происходят уже сегодня и поэтому создание сил, необходимых для успешного решения задач по предотвращению и ликвидации конфликтов, является первоочередной задачей Российской армии. И они должны найти отражение в системе боевого применения вооруженных сил. Желательно, чтобы в уставных документах нашли отражение специфические условия и характер ведения операций и боевых действий в локальных войнах и военных конфликтах, когда может не быть четко очерченной линии фронта и действия войск будут носить очаговый характер. Особенно сложными будут действия против вооруженных формирований, перемешанных с мирным населением. Действия авиации противника возможны с различных, самых неожиданных направлений. Снабжение войск и все виды боевого, материального и технического обеспечения иногда придется осуществлять с нарушенными коммуникациями. Потребуется четкая организация единого управления и взаимодействия войск прикрытия и прибывших из глубины мобильных сил, а также сухопутных группировок с соединениями ВВС, войск ПВО и ВМФ.

Возникает и ряд других особенностей подготовки и ведения боевых действий в локальных конфликтах и применения миротворческих сил, которые должны не только теоретически разрабатываться, но практически осваиваться в войсках.

В армиях НАТО при планировании боевой подготовки на 1994–1995 гг. идет дальнейшая ее переориентировка на решение новых задач, связанных с «управлением кризисами» вместо традиционного обучения командиров и штабов ведению только крупномасштабных боевых действий. Интересы дела требуют, чтобы и в российских Вооруженных Силах периодически проводились учения по отработке управления войсками при решении боевых задач в локальных войнах и конфликтах. Желательно, чтобы и в целом в системе оперативной и боевой подготовки было больше уделено внимания этим вопросам. Надо обучать войска и действиям при введении чрезвычайного положения в определенных районах, а какие-то подразделения — и действиям в составе миротворческих сил. Все это должно найти отражение в соответствующих документах по боевой подготовке,

а также в учебных программах в военно-учебных заведениях и войсках.

Вообще, как показывает исторический опыт, отношение к боевой подготовке всегда было главным показателем, насколько та или иная армия серьезна готовится к защите своего Отечества. Не случайно все выдающиеся полководцы оказывались, как правило, большими мастерами обучения и воинского воспитания войск и на учениях были не менее требовательными, чем в боевой обстановке. Вся система боевой подготовки достигает своей цели лишь в том случае, если она не позволяет никаким подспудным соображениям мирного времени уводить ее в сторону от того единственного верного пути, по которому в лихую годину армия должна идти на войну.

Но всякий раз, когда жизнь выдвигает на вершину власти новое поколение военных руководителей, им начинает казаться, что можно «перехитрить» самих себя и на какое-то время по другому относиться к вопросам боевой выучки. Одним где-то за рубежом внушают мысль, что можно лишь с помощью компьютеров учиться воевать. Другие начинают думать, что это «старые генералы» придумали необходимость проведения учений под руководством старших начальников. Им кажется более удобным проводить учения с самим собой, как это было на Тоцком российско-американском учении в 1994 г., когда командиры заранее знали все эпизоды миротворческих акций, которые им предстояло отрабатывать.

Но если командиры и штабы заблаговременно знают обстановку за свои войска и противника, если нет свойственной боевой действительности неопределенности, неожиданных ее изменений, тогда никакой подлинной боевой учебы не будет и даже невозможно будет узнать состояние боевой готовности подчиненных соединений и частей. Еще во время советско-финской войны, когда наспех отправляли на фронт воинские части из различных концов страны, вдруг обнаруживалось, что та или иная, воинская часть не укомплектована, техника неисправна, солдаты и офицеры давно уже не стреляли. Так было при отправке войск в Афганистан. О нечто подобном приходится узнавать и в наши дни по событиям в Чечне. Но так бывало и будет, если необходимость систематической боевой подготовки не станет непреложным законом, если командиры, штабы и войска не будут ставиться на учениях в условия максимально близкие к боевой действительности.

Трудности известны и главный из них — недостаток материальных средств для боевой подготовки. Но зачем же тогда тратить ограниченные ресурсы на то, чтобы командир сам с собой

проводил учение? В сложившихся условиях тем более важно дорожить каждым учением, до предела возможного спрессовать и скомплексировать отрабатываемые учебные вопросы, максимально приближать обучение к тому, что может потребоваться в бою. При более ответственном, требовательном и рациональном подходе и при том количестве горюче-смазочных материалов, боеприпасов и других материально-технических средств можно организовать более эффективную боевую выучку войск, поддерживать их должную боевую готовность.

Афганистан проверял людей и показал, что и так называемую «кадровую политику» нельзя превращать в самоцель. Как только вместо обычного воспитания и изучения кадров в процессе труда возникает «кадровая политика» серьезное дело начинает подменяться политизированным подходом. При существовавшей в Советской Армии практике (особенно в последние годы), когда одни руководители занимались оперативной и боевой подготовкой, (в процессе которых только и изучается офицер или генерал), а другие, в отрыве от этого расставляли кадры, не желая даже выслушивать их предложения, одни офицеры оказывались обреченными на выдвижение, другие — на прозябание. Это приводило к пассивности офицеров, безразличию к службе, к преобладанию «серых» и посредственных личностей в офицерской среде и особенно в ее высших эшелонах.

Как бы мы не лукавили, надо также признать, что в мирное и военное время от военных кадров (особенно в оперативно-стратегическом масштабе) требуются несколько разнящиеся качества. Вопрос о том, как их совместить, не нанося ущерба для дела в мирное время и вместе с тем воспитать командующих и командиров, которые бы сохранили свою самобытность, самостоятельность, твердость для военного времени, до сих пор остается неразрешенным.

Опыт многих войн, в том числе афганской, свидетельствует и о том, что если уже армия оказалась на театре войны и получила боевые задачи, она должна действовать активно и решительно. Такого рода действия, как правило, сопряжены меньшими потерями, чем вялые и пассивные, дающие возможность противнику восстанавливать и постоянно накапливать новые силы. Если еще учесть, как об этом пишет Б. В. Громов, что некоторые командиры во избежание потерь шли на «святой обман» и просто имитировали выполнение боевых задач, то такая война могла идти бесконечно, в конечном счете нисколько не убавляя потери.

Во время войны в Афганистане кому-то может быть казалось, что, если он оставит в покое и не будет иметь дело с той или

иной группировкой моджахедов, то навсегда с ними и расстанется. Но они не заставили себя ждать: непрошенно пришли в Таджикистан, в Нагорный Карабах, в Чечню и не собираются на этом останавливаться.

Много писалось и говорилось о том, как трудно было воевать в Афганистане. Но вот теперь генерал Л. Рохлин, сопоставляя с тем что было в Чечне, говорит: «Афганская война была прогулкой по сравнению с тем, что происходит здесь».[98]

В мире есть силы, которые хотят, например, Таджикистан превратить во «второй Афганистан». Дестабилизируя обстановку в этой республике, они стремятся оказать давление на другие сопредельные республики, в том числе и на Россию.

Поэтому, если с учетом экономической и стратегической выгоды оценить обстановку, то для стран СНГ наиболее целесообразным является иметь единую общую границу, при этом не ущемляя, а укрепляя суверенитет этих государств и обеспечивая наилучшие условия для защиты русскоязычного населения. Как уже отмечалось в печати, поставив во главу угла интересы российской безопасности, следует отказаться от попыток оценивать Таджикистан с точки зрения теперешних представителей демократии и «правильном» государственном устройстве. Демократия не может быть одинаковой в Париже, Москве, Кабуле или Душанбе. Поэтому разговоры о том, что, защищая афгано-таджикскую границу, российские солдаты помогают «прокоммунистическому режиму» в Душанбе, ничем не отличается от прежнего идеологизированного подхода, но с обратными знаками.

Что касается потерь в Афганистане, то по уточненным данным советские войска вместе с внутренними и пограничными (убитыми, умершими от ран и болезней, погибшими в результате различных происшествий) потеряли 14453 человека: армия — 13833, подразделения КГБ — 572, МВД — 28 человек. В том числе погибло и ранено 664 чел. из числа военных советников, специалистов и переводчиков, работавших в афганских вооруженных силах. Санитарные потери составили 49983, из них возвращено в строй 38614 (77 %). Стали инвалидами 6669, пропало без вести 330 человек.

Потери 40-й армии по годам характеризуются следующими данным

Командующие 40	Общее кол-во	Погибших в боях,

армией	погибших, в т.ч. в т. ч офицеров	офицеров
Ген. Тухаринов Ю. В. 25.12.	1979-23.09.1980 в 1979 г. — 86/10 в 1980 г. 1384/199	70/9 1229/170
Ген. Ткач Б. И. 23.09. 1980-07.05.1982	в 1981 г. — 1298/1891033/155 1623/215 в 1981 г. 1948/238	
Ген. Ермаков В. Ф. 07.05.1982-04.11.1983	в 1983 г. — 1446/2101057/179	
Ген. Генералов Л. Е. 04.11.1983-19.04.1985	в 1984 г. — 2343/3052060/285 в 1985 г. 1868/273	1552/240
Ген. Родионов И. Н. 19.04.1985-30.04.1986	в 1986 г. — 1333/2161068/198	
Ген. Дубинин В. П. 30.04.1986-02.06.1987	в 1987 г. — 1215/2121004/189	
Ген. Громов Б. В. 02.06.1987-15.02.1989	в 1988 г. — 759/117 в 1989 г. 53/10	639/106 46/9

Таким образом наибольшие потери приходятся на 1982–1985 годы, когда велись наиболее интенсивные боевые действия. Снижение потерь в 1988–1989 гг. объясняется не только постепенным свертыванием боевых действий, но и главным образом тем, что в 1988 г. значительная часть советских войск была уже выведена из Афганистана, а в феврале 1989 г. они полностью покинули эту страну. Потери военной техники составили: самолетов — 103, вертолетов — 317, танков — 147, боевых машин пехоты и бронетранспортеров — 1314, орудий и минометов — 433, автомобилей — 11 309, инженерной техники — 11 369, радиостанций и командно-штабных машин — 1138.

С сожалением и прискорбием приходится говорить и сотнях тысяч погибших афганцев, главным образом мирных жителей. В локальных войнах и вооруженных конфликтах последних лет удельный вес потерь среди мирных жителей все больше возрастает. (В первой мировой войне в числе общих потерь гражданское население составляло 5 %, во второй мировой войне 48 %, в Корейской войне 1950–1953 гг. 84 %, во Вьетнаме — 98 %, Афганистане — 85 %. И это объясняется не только возросшей поражающей мощью оружия и нарушением международных правовых норм регулярными войсками, но и во многом тем, что повстанческие силы и сами действуют не менее жестоко, осуществляя массовое вовлечение населения в боевые действия, растворяясь среди местных жителей и используя их как прикрытие. Как можно, например, уничтожить установку реактивных снарядов повстанцев и одновременно обезопасить

мирных жителей, если эта установка размещается во дворе жилого дома?

Александр Котенев пишет, что на войне «Выделить… какая сторона более гуманная, невозможно. Да, видимо, и не нужно. Тот же, кто этим занимается, явно играет в какие-то политические игры. Вы не посылайте людей на войну. А пославши, не распускайте, пусть это звучит грубо, псевдогуманистические сопли, не смущайте и не терзайте души людей, и без того травмированных войной».[99]

Но неизбежна ли тотальная жестокость на войне?

Учитывая особую щепетильность и принципиальность этого вопроса, представляется необходимым остановиться на нем несколько подробнее.

Думаю, что в самой жесткой войне необходимо стремиться к соблюдению международных правовых норм. Например, ничем нельзя оправдать массированные бомбардировки авиацией союзников Дрездена, применение ядерного оружия в 1945 г., когда война уже кончалась, американские бомбардировки во Вьетнаме, Ираке, как и авиационные удары советской и афганской авиации по населенным пунктам в Афганистане и Чечне.

При более разумном подходе можно изыскать способы действий, которые не вызывали бы больших потерь среди населения. Вспомним, как советские войска в 1944 г. предотвратили подготовленные фашистским командованием взрывы в Кракове и тем самым позволили избежать массовых разрушений и потерь среди жителей. В том же году умелые дипломатические и военно-политические акции советского командования и благоразумие правящих кругов позволили избежать интенсивных боевых действий на территории Румынии, Болгарии, а следовательно и потерь. Отказ Советского командования от полного окружения группировки гитлеровских войск и ведения боевых действий по их уничтожению в Силезии спасли от разрушений промышленность и жителей этого района. Минимальными были потери населения в ходе Маньчжурской операции советских войск в 1945 г. При всей политической нецелесообразности ввода войск в Чехословакию в 1968 г. с точки зрения военной, эта акция была подготовлена очень продуманно и тщательно, позволившая избежать больших потерь среди населения. При всех обстоятельствах военное командование обязано принимать все необходимые меры к тому, чтобы по возможности щадить мирных жителей. Но вместе с тем желательно отдавать себе отчет во всей сложности и неоднозначности этого вопроса. Прежде всего международно-

правовые нормы и ответственность за их соблюдение должны распространяться на обе конфликтующие стороны. Однако в средствах массовой информации нередко преобладает односторонний подход к этому вопросу. Кроме того, «гуманность» в той степени, в какой она возможна на войне, не должна оборачиваться жестокостью по отношению к своим войскам. Как уже отмечалось,[100] решение об отмене бомбардировок и обстрелов Грозного — это политический акт, «который никак нельзя путать с его военным аспектом. А он таков, что каждый день продления конфликта — это новые жертвы. Да, надо уберечь от бомбежки мирных граждан в Грозном. Но надо ясно понимать, что тем самым спасаются и дудаевские боевики. А расплачиваются за это своими жизнями российские солдаты. Это тоже горькая правда, о которой надо знать обществу. Где та незримая черта, на которой можно уравновесить все эти неизбежные в войне потери? Увы, у всякого будет своя мера, но расплачиваться за нее будет опять же российский солдат».

Не следует также преувеличивать возможности высокоточного оружия. Мир был уже свидетелем так называемых «точечных ударов», когда в 1991 г. авиация коалиционных сил обрушивала удары в Ираке по больницам, мечетям, городским кварталам, где погибли тысячи мирных жителей.

В локальных войнах и вооруженных конфликтах эта проблема будет постоянно возникать. Готовых рецептов на все случаи жизни нет и не может быть. Но из прошлого опыта совершенно очевидно, что чем больше общественного понимания и поддержки войск, выполняющих боевые задачи, тем меньше ожесточения с их стороны, чем выше политическая и гражданская зрелость и ответственность военного командования, чем выше его военный профессионализм, тем больше шансов того, что военные задачи будут решаться с минимальными потерями среди населения и своих войск.

Возвращаясь к вопросу о потерях в Афганистане, заметим, что в сопоставлении с другими локальными войнами, с учетом характера и результатов боевых действий можно по-разному оценивать уровень потерь в афганской войне. (Например, американцы во Вьетнаме потеряли 360 тыс. человек, из них убитыми более 50 тыс. человек, 9 тыс. самолетов и вертолетов).

Но гибель наших солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, тысячи воинов, вышедших из войны искалеченными, сотни тысяч людей с душевными травмами, особенно прискорбны и огорчительны, когда им говорят, что они воевали не за правое дело и участвовали в преступной акции политического руководства.

Политическое руководство боялось даже хоронить должным образом погибших солдат, свидетельством тому служит один из документов того времени.

Особая папка
Совершенно секретно

Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС

30 июля 1981 года

«…*Суслов.* Хотелось бы посоветоваться. Товарищ Тихонов представил записку в ЦК КПСС относительно увековечивания памяти воинов, погибших в Афганистане. Причем предлагается выделять каждой семье по тысяче рублей для установления надгробий на могилах. Дело, конечно не в деньгах, а в том, что если сейчас мы будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробьях могил, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно.

Андропов. Конечно, хоронить нужно с почестями, но увековечивать их память пока рановато.

Кириленко. Нецелесообразно устанававливать сейчас надгробные плиты.

Тихонов. Вообще, конечно, хоронить нужно, другое дело следует ли делать надписи.

Суслов. Следовало бы подумать и об ответах родителям, дети которых погибли в Афганистане. Здесь не должно быть вольностей. Ответы должны быть лаконичными и более стандартными».[101]

Но подлинная правда в отношении военных людей состоит в том, что они выполняли свой воинский долг, данную правительству и народу присягу, а выполнение конституционного и воинского долга, имеют особые измерения и критерии оценки. Если каждый солдат и офицер станет на свой лад определять легитимность существующих в государстве органов власти и отдаваемых ими приказов, то будем иметь то, что было в Чечне и некоторых других случаях, когда целые группы даже элитных войск, еще не вступив в бой, начали сдаваться в плен, хотя и в Чечне большинство воинов показали себя достойно.

Кстати, о потерях в афганской или Великой отечественной войне больше всего сокрушаются люди, которым они в конечном

счете безразличны. Их больше занимают политические интриги вокруг этого болезненного и щепетильного вопроса. Сколько было шума, когда в Тбилиси во время демонстрации трагически погибло 10 человек, чего можно и нужно было избежать. Сейчас в Грузии гибнут тысячи людей, страдает от лишений весь народ, но шумевших в ту пору политических деятелей почему-то не слышно. Такова же их позиция по конфликтам и человеческим жертвам на Кавказе, Таджикистане, да и в том же Афганистане. Даже такой авторитетный афганский лидер как Раббани вынужден назвать Хекматьяра убийцей, уничтожившим больше афганцев, чем советские войска и войска кабульского режима.[102]

В России в условиях мирной жизни только в 1993 году в результате убийств, самоубийств, отравлений погибло 150 тыс. человек или в 10 раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане. В условиях всеобщего обмана, пренебрежения к жизням людей в результате потребления суррогатов и фальшивых спиртных напитков в 1993 году умерло 29 тыс. человек или в 2 раза больше, чем за 10 лет афганской войны. За последние 5 лет неестественные причины смерти унесли более миллиона жизней. В результате резкого сокращения рождаемости и увеличения смертности темпы косвенных потерь населения начинают превышать потери во время Великой Отечественной войны. Министр обороны Украины Валерий Шмаров говорит, что за десять лет войны в Афганистане было убито 1700 юношей, призванных с территории Украины, то только в 1993 году в украинской армии погибло 1656 солдат и сержантов, а избито, травмировано сослуживцами около 10 тысяч человек.[103]

В том же Таджикистане за период Великой Отечественной войны погибло 60 тыс. человек, а во время гражданской войны последних лет — 100 тыс. человек, около миллиона стали беженцами.

Для нас небезразлична и гибель людей в Афганистане. И по этому поводу было немало стенаний. А сейчас, когда там нет советских войск, гибнет еще больше мирных жителей. И там не один Хекматьяр проливает кровь. Почему нет никакой реакции на все это? Кто и когда покается и ответит за все это перед нашими народами? Можно спорить о смысле афганской войны. Но там солдаты гибли, выполняя приказ своего законного правительства, во имя чего все сказанное выше?

Нет, гибель солдат в Афганистане, другие жертвы военных конфликтов, возросшей преступности и общей неустроенности жизни нашего общества мало беспокоят некоторых лицемерных политиков и правозащитников. Зная, что ни одна война без жертв не обходится, политики должны думать об этом прежде чем

связывать свою политику с применением вооруженного насилия. Во всяком случае наши потери в Афганистане не могут ставить под сомнение выполнение воинского долга солдатами и офицерами.

Кстати, американцы, у которых призывают нас во всем учиться, до сих пор не осудили ни варварские бомбардировки мирного населения, ни саму войну во Вьетнаме. Каждый воевавший там солдат остается в почете. Во время предвыборной кампании рейтинг Клинтона существенно пострадал из-за того, что он в свое время отказался служить в американской армии и воевать во Вьетнаме. Самое опасное, что в наши дни делается в России — это подрыв духовных основ, смысла воинской службы, ее моральных устоев, что всегда было самой сильной стороной русской, а затем и Советской Армии.

В связи с 50-летием Победы вспомним хотя бы трагическое начало Великой Отечественной войны. Большинство участников войны знает, что в самые трудные дни советских людей не оставляла вера в правоту своего дела, вера в победу, что помогало выдерживать самые суровые испытания. Одним из наиболее ярких примеров героизма в этот период был подвиг защитников Брестской крепости. В крепости к моменту нападения гитлеровцев не было какой-либо цельной части или соединения. Остались разрозненные подразделения обеспечения и семьи военнослужащих. Им никто не ставил задачи оборонять крепость. Эти люди не в силу принуждения, а только благодаря своему высокому сознанию объединились и продолжали сражаться даже тогда, когда фашистские войска далеко продвинулись вглубь советской территории и когда сопротивление казалось бесполезным. В том подвиге, как и в тысячах других подобных, с особой силой проявились моральная стойкость людей, их верность присяге и воинскому долгу. И надо бы сегодня глубже задуматься каким путем, при каких обстоятельствах было достигнуто такое воспитание народа и армии.

Немало отваги и героизма было проявлено нашими воинами и во время афганской войны, о чем уже немало написано, но они, к сожалению, еще не нашли достойного отражения в литературе и искусстве. За время войны в Афганистане за совершенные подвиги награждено более 200 тысяч воинов и служащих Советской Армии, 86 военнослужащих стали героями Советского Союза, в том числе 25 звание героя присвоено посмертно. Высокие воинские качества показали многие советники, работавшие в афганской армии.

Среди удостоенных звания героя Советского Союза был ряд генералов и офицеров, ставших в последующем крупными

военачальниками и известными политическими деятелями: генерал-майор Грачев П. С., генерал-лейтенант Громов Б. В., генерал-майор Слюсарь А. Е., полковник Руцкой А. В., подполковник Высоцкий Е. В., полковник Павлов В. Е., полковник Востротин В. А., подполковник Очиров В. Н., капитан Аушев Р. С. Но были и такие герои, как командир полка Рохлин Л. Я., которые официально это звание по разным причинам не получили. Но от этого они не перестали быть подлинными героями этой войны.

Если большевики в русско-японскую и первую мировую войну выступали за поражение царского самодержавия, т. е. своей страны (что у меня всегда вызывало протест и непонимание), теперь необольшевики ставят под сомнение участие советских людей в Великой Отечественной войне, ибо оказывается, всем надо было поступать как власовцы, помогая Гитлеру, а не Сталину, надо было отказываться от участия и в Афганской войне. Словом, никогда ни в чем не надо было участвовать, а выступать лишь за поражение своей страны.

Теперь еще хотят уравнять фронтовиков и тех, кто трудился во время войны в тылу. Можно и должно относиться с уважением к труженикам тыла, которые также совершили великий трудовой подвиг, в конце концов это тоже наши отцы, матери, сестры и братья. И, конечно, они заслуживают быть отмеченными за свои заслуги и достойно обеспеченными пенсиями и соответствующими льготами. Но фронт и тыл — это не одно и тоже. И далеко не все, как это изображается, стремились попасть на фронт, где каждую секунду человек рискует жизнью и постоянно терпит суровые лишения. И после войны это неплохо понимали и номенклатурные работники, предпочитая посылать своих сыновей для прохождения военной службы не в Афганистан, а в какую-либо из групп войск за рубежом.

С самого начала этой идеологической и военно-исторической диверсии, связанной с осуждением участия в той или иной войне, было ясно, что при насаждении и внедрении в сознание общества такой антиконституционной, антипатриотической, антиармейской позиции никто не захочет идти на фронт и защищать свое Отечество. Зачем идти на фронт, рисковать жизнью, терпеть лишения, если участие в войне и работа в тылу котируется в обществе и в конечном счете вознаграждается государством одинаково?

И вот мы при сравнительно небольшом испытании в Чечне уже пожинаем плоды такой внешне казалось бы «гуманной», а по своему существу антигуманной, антигосударственной позиции, в которой не только начисто отрицается патриотизм, но и нет

элементарной гражданственности — даже на уровне ее понимания мопассановской Пышкой, которая хотя и была женщиной легкого поведения, но не хотела иметь дело и в чем-то потворствовать пришедшим в ее страну пруссакам. Разве это видано когда-либо за всю историю российского государства, чтобы невозможно было осуществить призыв молодых людей в армию, чтобы не только солдаты, но и офицеры отказывались выполнять приказы и свой воинский долг?

Конечно, курс в России должен быть взят на максимально возможную профессионализацию армии. Но главное — в отношении граждан к военной службе. Жизнь для человека всегда дороже, чем любые деньги и привилегии и наемный солдат, как правило, предпочтет лучше отказаться от денег, чем от своей жизни, ибо в последнем случае все остальное теряет свой смысл. Жизнью можно рисковать лишь за благородные идеи защиты Отечества. Поэтому главной силой любой армии являются готовность ее граждан выполнять свой воинский долг. Особенно если учесть, что ни одна серьезная война (в т. ч. в районе Персидского залива в 1991 г.) не обходилась без мобилизации и призыва дополнительного количества граждан.

И для того, чтобы выйти из того духовного тупика государственности, в которую нас загнали, и восстановить моральные основы безопасности страны и защиты Отечества, необходимо прежде всего определиться с нашей общенациональной идеей и национальными интересами.

Иногда можно слышать успокоительные слова о том, что не надо особенно мудрить, ибо смысл воинского служения и без того предельно ясен: служить Родине, Отечеству. Но еще Е. Н. Трубецкой — один из продолжателей философского учения Владимира Соловьева — заметил, что идеей родины вообще воодушевиться невозможно. «Чтобы отдаться чувству любви к родине, — писал он, — нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом». [104] Для сегодняшней России уяснение смысла гражданственности и воинской службы особенно важны.

Общепризнано, что по исторической традиции и самобытности россиянин, советский человек — мировоззренчески, идеологически целевой человек. Перед ним должны быть поставлены конкретные и ясные цели как в социально-политической, экономической областях, так и в деле обороны страны. Может быть какой-то мелкий бизнесмен вполне может обойтись без этого, но солдат или офицер не может

исправно служить и рисковать своей жизнью в боевой обстановке, не осознавая толком, чему он служит и что он защищает.

Не знаю, будет ли когда-либо наше государство демократическим, но делом жизни и смерти стала первоочередная задача создания правового государства, основанного на определенных законах. Алексей Арбатов[105] по поводу событий в Чечне писал: «Дело даже не в том, что есть жертвы. Без них, в том числе и среди мирного населения, не обойтись при силовых акциях. Дело в том, что на каких правовых основаниях, в каких целях и каким образом применяется сила. Российские президенты не должны иметь права устраивать войны по своему усмотрению и по любому поводу в любом регионе России, если мы претендуем на созидание правового общества. Да, Чечня — это наше внутреннее дело. Но внутри страны, ничуть не менее, чем вовне, никому не позволено произвольно прибегать к силе».

В подлинном правовом государстве должны быть выработаны элементарно рациональные и легитимные механизмы выработки важнейших государственных решений со всесторонним охватом социально-стратегических соображений, чтобы страну и вооруженные силы не втягивали во всякого рода необдуманные авантюры, чтобы, когда в этом есть необходимость, определялись четкие политические и стратегические цели. Тогда не придется каждый раз искать крайних среди военных и все сваливать на них. Но когда решения приняты, цели и задачи поставлены, обязанность каждого военнослужащего, если он остается на службе, выполнять свой воинский долг и военную присягу.

Должны быть приняты также соответствующие законы, запрещающие призывы к отказу от воинской службы и выполнения своих конституционных обязанностей.

Это самое главное для обеспечения военной безопасности страны, ее обороноспособности и боеспособности вооруженных сил. Если нет готовности каждого гражданина верно служить своему Отечеству и защищать его, ни численность армии и флота, ни их техническое оснащение, никакие организационные усовершенствования ничего не дадут. Готовность к выполнению воинского долга и встать на защиту Отечества — это основа основ обороноспособности вооруженных сил. В обществе могут быть разногласия по самым разным вопросам, но в главных вопросах обеспечения безопасности интересы всех политических партий и общественных сил должны совпадать, если, конечно, они отражают национальные, а не чуждые им интересы. И достижение единства подхода к таким жизненно важным проблемам желательно начинать с восстановления исторической

преемственности. Нормальному человеку трудно воспринимать, например, как можно готовиться отмечать 300-летие русского флота и 3-летие российской армии. Истоки должны быть одни. Воскрешение исторической памяти, рассмотрение нашего прошлого как единого процесса (без искусственных разрывов во времени) даст возможность формировать взаимопонимание по важнейшим сегодняшним и завтрашним общенациональным проблемам.

Заключение

Афганская страда является частью крупных событий, происходивших в мире, и одной из наиболее ярких отражений «холодной войны» и ее сегодняшних последствий. Афганские события оказали также немалое воздействие и на внутреннюю жизнь Советского Союза, оказались одним из факторов, подтолкнувших крушение нашего государства. Поэтому из опыта подхода к решению афганской проблемы в прошлом вытекают изложенные выше весьма важные выводы как для установления мира в Афганистане, так и для решения других конфликтных ситуаций, которые должны учитываться и в будущем.

Опыт Афганистана, Вьетнама, Югославии и других конфликтов показывает бесперспективность вмешательства «сверхдержав» во внутренние дела других государств. В частности, сегодня для всех очевидно, что ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. был не продуманным, политически ошибочным шагом, нанесшим огромный урон Советскому Союзу и афганскому народу.

Но и советское руководство действовало не в вакууме. Многие внешние обстоятельства подталкивали его к этому роковому шагу. Хорошо известны факты как усиленно и активно пытались США проникнуть и закрепиться в Иране, Пакистане, создавали в этих районах свои базы. В свою очередь Иран, Пакистан и некоторые другие государства поддерживали оппозиционные силы, выступавшие против короля Захир шаха, правительства Дауда еще до апрельской революции в Афганистане, что создавало серьезную угрозу СССР на юге. Со всем этим нельзя было не считаться.

В условиях соперничества двух «сверхдержав» в крупных военных конфликтах ни одна из сторон не могла одержать решающую победу, ибо они опирались на материальную и военную поддержку этих держав. В Афганистане Советский Союз оказывал помощь правительственным войскам, а США, Пакистан, Иран и другие государства — моджахедам. Но существовавший в Афганистане режим имел и внутренние стимулы. Это особенно наглядно дало о себе знать после вывода советских войск из Афганистана в январе-феврале 1989 г. С уходом советских войск вооруженная афганская оппозиция поставила перед собой более решительные и крупные политические и стратегические цели, чем это было в прежние годы, а именно — свержение существующего строя и захват власти в Афганистане. При наличии советских войск таких задач она не могла ставить и ограничивалась

партизанскими и диверсионными действиями с целью дестабилизации обстановки в стране, Это предопределило возросшие размах и ожесточенность боевых действий в течение 1989 года. Вместе с тем, с выводом советских войск военные возможности РА и в целом сил, противостоящих мятежникам, существенно уменьшились.

Несмотря на все это, РА смогла устоять благодаря следующим обстоятельствам: с одной стороны, оппозиция лишилась главной идеологической базы — джихада, призванной мобилизовать население для борьбы против «неверных», сказались и серьезные противоречия в лагере оппозиции; с другой стороны, оказалась жизненной политика национального примирения, проводимая руководством РА. Опора мятежников на Пакистан, агрессивные намерения пакистанского руководства по отношению к Афганистану способствовали сплочению патриотических сил в борьбе за сохранение целостности и независимости Афганистана. Большую роль сыграла экономическая и военная помощь Советского Союза.

Республика Афганистан удерживала политические, стратегические позиции и в основном прочно контролировала большинство провинциальных центров и ранее занимаемые уезды. Оппозиция могла предпринять еще ряд активных действий, проводить обстрелы городов, но она уже была не способна военным путем переломить обстановку в свою пользу и со временем была бы вынуждена пойти на переговоры. Поэтому режим Наджибуллы мог бы еще держаться. Он пал только после того, как лишился прежней поддержки СССР, а военная поддержка моджахедов продолжалась. Однако с точки зрения социально-политической и этот режим имел мало шансов распространиться на весь Афганистан. Поэтому в перспективе наиболее жизненным был курс на постепенное примирение сторон, отказ их от ортодоксальных и экстремистских целей и поиск консенсуса, основанного на национальных традициях устройства афганского общества и государственности.

Вместо этого не только США, но и определенными силами в России, был взят курс на поддержку одной стороны — моджахедов и подавление другой. Все это говорит о том, что положение в мире может в корне измениться с переходом от биполярного к однополярному миру. Возникает опасность, что одна из оставшихся «сверхдержав» может теперь течение всех военных конфликтов повернуть лишь в своих интересах и установить свой диктат в международных делах. Но все же мир в будущем будет, видимо, не монополярным, а многополярным, основанным на учете баланса интересов ведущих стран. В такой

обстановке, чтобы призывы к новым подходам в политике не остались декларативными лозунгами, нужно чтобы все государства наряду со своими национальными интересами хоть в какой-то степени учитывали и интересы международной стабильности в взаимной безопасности. В этой связи требуется всемерное повышение роли ООН, ОБСЕ в разрешении конфликтов, под эгидой которых должны осуществляться и все миротворческие акции.

С этой точки зрения военный опыт Афганистана свидетельствует о том, что миролюбивые силы, выступающие под эгидой ООН с целью пресечения агрессии и конфликтов, должны действовать решительно и с концентрацией достаточных, эффективных сил и средств, способных в короткие сроки выполнить эти задачи.

Как показывает опыт, нельзя слишком упрощенно представлять себе и миротворческие операции. События в Афганистане, а теперь вот и в Чечне, свидетельствуют о том, что прежде чем разъединять стороны и разоружать так называемые бандформирования в ряде случаев требуются организованные боевые действия по разгрому довольно крупных группировок, имеющих в своем составе профессионально обученных наемников и располагающих тяжелым современным оружием. Поэтому армии миролюбивых государств должны тщательно готовиться к выполнению различных боевых задач, в том числе к участию в крупномасштабных военных действиях. Напряженная боевая подготовка должна быть законом жизни любой армии. Для того, чтобы требовать от военнослужащих исправного выполнения конституционного долга, нужны основанные на конституции решения и приказы, например, введение чрезвычайного или военного положения, которые определяют условия применения тех или иных видов оружия. Политическое руководство должно четко и определенно ставить задачи войскам.

Исключительно важное значение имеет политическая обоснованность военного вмешательства в различные конфликты, убедительное объяснение общественности и личному составу мотивов предстоящих военных акций. В условиях, когда не только противник осуществляет дезинформацию, проводит психологическую войну с целью морального разоружения солдат и офицеров другой стороны, но и активно участвует в этом деле часть общественности и средств массовой информации своей страны, трудно рассчитывать на воодушевление войск и воинскую доблесть. Вместе с тем я, как старый солдат, убежден в том, что для любого военнослужащего, пока он находится на военной службе, необходимость выполнения воинского долга остается

незыблемой. Лукавить, хитрить, имитировать выполнение боевых задач при любых обстоятельствах не допустимо.

При международном вмешательстве в региональные конфликты и проведении миротворческих акций важно, чтобы не допускалась предвзятая однозначная поддержка лишь одной из конфликтующих сторон. Должны учитываться интересы различных общественных сил и движений, не лишая ни одну из них провозглашенных ООН прав человека.

В частности, для окончательного урегулирования обстановки в Афганистане нужен более взвешенный политический подход, учет интересов различных слоев населения. Надо также не допустить казни Наджибуллы и дать ему возможность уехать. Ведь он отказался от власти не только ввиду внутриафганского кризиса, но и по рекомендации представителей ООН, чтобы облегчить переговоры противоборствующих сторон. И это имеет значение не только для Афганистана. Если будет учинена расправа над Наджибуллой, то другие подобные правители ни при каких обстоятельствах добровольно не уступят власть, а это приведет лишь к новым жертвам.

В свете всего пережитого, на обстановку в Афганистане надо смотреть новыми глазами, учитывающими новые реалии. Афганистан теперь далеко не таков, как 10 лет назад.

Прежде всего не должен забываться пуштунский фактор. Правда, за годы войны пуштуны ослаблены, понесли наибольшие потери, среди них больше всего беженцев. В то время как в северных районах численность населения увеличилась и экономика меньше разрушена. Но таджики, узбеки, туркмены, хазарейцы не так сплочены, как пуштуны.

Поэтому власть таджиков и узбеков в Кабуле (Раббани — Ахмат Шах Дустум) может быть лишь временной. Видимо, ведущая роль пуштунов сохранится, но вместе с тем целесообразно поддержать предоставление автономии национальным меньшинствам. Как уже говорилось в начале книги, излишняя централизация в Афганистане не приживется.

При всех обстоятельствах международному сообществу, США, России и среднеазиатским республикам СНГ важно содействовать в сохранении целостности афганского государства, не допускать его ливанизации и расширения гражданской войны на этнической почве. Россия и другие страны СНГ особенно заинтересованы в стабильности обстановки на Юге, в создании в Афганистане нейтрального дружественного государства. И мир в целом только выиграет, если этому будут способствовать также США, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и другие страны.

Один из зарубежных знатоков Афганистана Г. Янсен еще в

1988 г. писал: «Последствия вывода Советских войск, по всей вероятности окажутся столь ужасающими для противоположной стороны — афганских моджахедов, пакистанцев и американцев, — что перевесят и затемнят крах российской политики в Афганистане…, если в конечном итоге моджахеды возьмут верх — установят в Кабуле режим исламских фундаменталистов. Это окажется настоящим кошмаром для всех, кто поддерживает моджахедов…»[106]. Об этом писал и Н. Дэзингер.

«Действительно ли, — спрашивал он, — Соединенные Штаты готовы допустить, чтобы правительство потерпело поражение, а моджахеды победили? Американцев страшит та же угроза, из-за которой Советы вошли в Афганистан: победа оппозиционных сил будет означать победу сильнейших группировок фундаменталистов, некоторые из которых питают одинаковую ненависть к Советскому Союзу и к Соединенным Штатам»[107]. К сожалению, многое из этого подтверждается.

При всех обстоятельствах основные усилия теперь целесообразно сосредоточить на путях политического урегулирования афганской проблемы во взаимодействии и сотрудничестве со всеми государствами, заинтересованными в этом, и противостоящими группировками внутри Афганистана. Особенно хотелось бы надеяться на активизацию роли ООН в решении афганской проблемы. Главное же состоит в том, чтобы все заинтересованные в афганском урегулировании стороны и силы дали возможность самому афганскому народу путем действительно свободного волеизъявления определить свою судьбу. И не в интересах гордого и мужественного афганского народа дать втянуть себя в авантюры, связанные с экстремистскими действиями против соседних народов Средней Азии. Это принесет новые еще более страшные бедствия для всех народов этого региона и в первую очередь для самого афганского народа.

В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость согласованных позиций России и среднеазиатских республик по отношению к Афганистану. Переход от унитарного союзного государства к Содружеству независимых государств не означает исчезновения общих для стран Содружества интересов и ценностей. В жизни они существуют и неизбежно будут давать о себе знать как выражение объективной потребности наиболее рационального решения общих, взаимосвязанных политических, экономических и оборонных задач. Афганская проблема вобрала в себя именно такие общие интересы и задачи.

В Афганистане, честно выполняя свой долг, воевали воины

многих национальностей, они вместе делили и горе утрат и радости боевых удач. Совместными усилиями надо сделать все для того, чтобы из Афганистана к нам шли мир и спокойствие, чтобы нерешенность афганской проблемы не обернулась для наших народов новой бедой. Надо думать и об оказании помощи в восстановлении экономики Афганистана.

В целом война в Афганистане остается одной из самых трагических страниц истории. Но тем более важно как можно полнее учесть как политический, так и военный опыт этой войны, чтобы он послужил надлежащим уроком для более разумного решения сегодняшних и будущих задач обеспечения безопасности и мирного сосуществования наших народов.

notes

Примечания

1

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, М., 1959, с. 78.

Война в Афганистане. М., Воениздат, 1991, 367 с.

3

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1994, 352 с.

Гай Д., Снегирев В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М., ИКПА, 1991, 380 с.

5

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М. ГПИ ИСКОНА, 1995, 650 с.

Военно-исторический журнал. 1991, № 7.

Там же. М., 1993, № 10, 11, 12; 1994, № 1.

Bonosky Phillip. Washington's Secret war against Afghanistan. N. Y. 1985.

9

Woodward Bob, Veili: The Secret Wars of the CIA, 1981–1987 № 4б 1987.

Urban M. War in Afghanistan. London, 1988, 248 pp.

11

Harrison S. Inside the Afghan talks. Foreign Policy. 1988, Fall. № 72, p. 31–60.

12

Anwar R. The Tragedy of Afghanistan: A first-man account. London-New York, Versa, 1988, 286 pp.

13

La Drole de Crice: De Kabul a Geneve. 1979–1985, Paris, Fayard, 1986, 269 pp.

Chevalerias A. Afghanistan: Hult ans de Guerse. Defense nationale, 1988, № 2, p. 89–107.

Брудерер Г. Афганская война. Посев, 1985, 53 с.

16

На стр. 8 своей книги Брудерер называет его генералом МВД, а на стр. 47 — КГБ.

17

В действительности Папутин застрелился на почве алкоголизма в Москве 27.12.79 г.

18

Там же с. 10.

19

Там же с. 8–9.

20

Там же с. 50.

21

Там же с. 43.

22

Гай Д., Снегирев В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М., ИКПА, 1991, с. 3.

23

Там же с. 105.

Столица, 1991, № 22(28), с. 4.

25

Цит. От стратегии обороны к политике мира. М., Наука, 1993, с. 87.

Война в Афганистане. М., Воениздат, 1991, с. 40.

Социологические исследования. 1988, № 5, с. 109.

28

Джирга — «круг», совет наиболее умудренных и авторитетных людей, собирающихся для решения жизненно важных вопросов.

Из 16 млн. населения 8,2 млн. составляли пуштуны, 3,3 млн. таджики, 2 млн. узбеки, 0,5 млн. туркмены, 0,5 млн. хазарейцы, несколько сот тысяч чарайнаков, нуристанцев, белуджей и др.

Коммунист Вооруженных Сил. 1991, № 12, с. 73.

31

La Drole de Crice: De Kabul a Geneve. 1979–1985, Paris, Fayard, 1986, p. 30.

32

В номере от 19.07.92 г.

33

Woodward Bob, Veili: The Secret Wars of the CIA, 1981–1987, NY, 1987, p. 582.

ИТАР-ТАСС 18.08.92 (Компас № 158), с. 15–26.

New York Times. June 19, 1985

36

Архив Президента РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 19.03.79 г.

37

Архив Президента РФ. Рабочая запись беседы А. Н. Косыгина с Тараки, 20 марта 1979 г.

«Коммунист Вооруженных Сил», 1990, № 19, с. 72.

39

Военно-исторический журнал, 1991, № 7, с. 43.

Военно-исторический журнал. 1993, № 11, с. 35–36.

41

Советская Россия, 15.11.1989 г.

Газета «День», 1993, № 6(86).

Газета «День», 1993, № 6(86).

Независимая газета, 15.09.94 г.

Военно-исторический журнал. 1991, № 7, с. 43–44.

46

Архив Президента РФ. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 13.11.1986 г. «О дальнейших мероприятиях по Афганистану».

Громов Б. В. Ограниченный контингент, М., 1994, с. 218–219.

Военно-исторический журнал. 1994, № 1.

49

Маршал Советского Союза С. Л. Соколов провел в Афганистане очень большую работу. Обладая большим трудолюбием и деятельным характером он активно вникал и участвовал во всех делах по подготовке и ведению боевых действий, побывал практически во всех наиболее горячих и опасных точках Афганистана.

АИФ, № 8, 1994 г.

ИТАР-ТАСС 19.11.1992, серия «СВ» — 13.

ИТАР-ТАСС 12.11.1992, серия «СВ» 11.

Коммунист вооруженных сил. 1991, № 12, с. 72.

The New York Times, 1988, May 6.

Правда, 5.11.1988 г.

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994, с. 262.

Мужество. М., 1992, с. 5.

В этих документах теперь уже ничего секретного нет. К тому же многие из них в 1992 г. были захвачены моджахедами.

59

Архив Ставки Верховного Главнокомандования Республики Афганистан за 1989 г. Дело № 35.

60

Выступление Генерального секретаря ЦК НДПА на торжественном собрании в Кабуле 31.12.1989 г. в честь 25-летия НДПА.

61

Выступление Генерального секретаря на Пленуме ЦК НДПА 25.04.90 г.

Министр обороны РА — М. Г.

Министр обороны РА — М. Г.

Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., Наука, 1987, с. 238

Упомянутая выше книга В. Н. Спольникова, с. 28.

Война в Афганистане. М., Воениздат, 1991, с. 318.

По сообщениям французской печати за 10 лет войны боевую практику в Афганистане прошли 40 тыс. волонтеров из арабских и других мусульманских стран. (Правда. 11.91.85 г.)

Спольников В. Н. Афганистан: Исламская контрреволюция. М., Наука, 1987, с. 154.

69

Что нужно сделать на пути достижения победы революции и лучшей организации джихада. Пешавар. 1981, с. 20–21.

Шебаршин Л. В. Рука Москвы. М. Центр-100, 1992, с. 191.

71

Рамазан — 9-й месяц мусульманского лунного календаря, когда соблюдается пост (ураза).

Шебаршин Л. В. Рука Москвы, М., Центр-100, 1992, с. 192.

Гай Д., Снегирев В. Вторжение. М. СП «ИКПА», 1991, с. 186.

МВЭС — Министерство внешне-экономических связей — М. А.

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994, с. 243.

Выделено мною. — М. Г.

77

Стрелковая карточка — схема участка местности с изображением ориентиров и направлений огня стрелкового оружия

См., например, статью А. Колосова в журнале «Международная жизнь» № 4, 1990 г.

Нурмурадов А. Кровавая пелена. Ташкент, 1993, 295 с.

Там же, с. 3

81

Там же, с. 269.

82

Красная звезда, 10.11.94 г.

Нурмурадов А. Кровавая пелена. Ташкент, 1993, с. 274.

84

Почитайте повесть турецкого писателя Махмуда Макала «Деревня» — М. Г.

Журнал «Кентавр», 1994, № 94, с. 55.

Комсомольская правда, 17.10.1992 г.

Правда, 11.08.1994 г.

Цит. Национальная безопасность: Россия в 1994 году. с. 50.

Журнал «Наука и жизнь» 1987, № 4, с. 54–65.

В Постановлении правительства РФ от 9.12.1994 г. сказано: «Министерству обороны произвести в случае невозможности изъятия уничтожение авиационной, бронетанковой, артиллерийской техники и тяжелого оружия». Опять обходится вопрос: что делать с расчетами, экипажами этого оружия?

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., Изд-во «Прогресс», «Культура», 1994, с. 331.

92

Архив президента Российской Федерации. Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС «О дальнейших мероприятиях по Афганистану», 13.11.1986 г., П. 40/Х.

Шебаршин Л. В. Рука Москвы. Центр-100, М., 1992, с. 206.

Московские новости, 1.03.1992 г.

За рубежом, 1994 г., № 4 (1717).

Е. Островенко теперь назначен послом РФ в Румынии.

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М. 1994, с. 149.

АиФ, № 5 (746), 1995.

Котенев А. А. Неоконченная война. М., 1994, с. 23.

100

Красная Звезда, 2.01.95 г.

101

Какую же затвердевшую на догматическом цементе душу надо иметь, чтобы рассуждать подобным образом. /М. Г./

102

Красная Звезда, 30.04.1992 г.

103

Красная Звезда, 10.11.1994 г.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., Изд. «Республика», 1994, с. 352.

105

См. Независимая газета, 28.12.1994 г.

Jansen G. A. Dire Outlook. Middle East International. 1988, April, p. 12.

107

Цит. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. ГПИ ИСКОНА. М. 1995, с. 399.